

кабинетный ученый
[kʌbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation
Ural Federal University
Ural Institute of Humanities

LINGUISTIC SEMANTICS
IN THE SPATIAL DIMENSION:
Vocabulary. Discourse. Corpus

*Under the general editorship
of Professor L. G. Babenko*

Ekaterinburg — Moscow
Armchair Scientist
2024

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Уральский федеральный университет
Уральский гуманитарный институт

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
В ПРОСТРАНСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ:
Словарь. Дискурс. Корпус

*Под общей редакцией
профессора Л. Г. Бабенко*

Екатеринбург — Москва
Кабинетный ученый
2024

УДК 81
ББК Ш141.12е(2)л0
Л59

Рецензенты

д-р филол. наук, проф. Ю. В. Казарин;
д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Авторы:

Л. М. Алексеева (разд. 5.2), Л. Г. Бабенко (предисловие, разд. 1.1),
Н. В. Богданова (разд. 4.2), А. С. Бутусова (разд. 7.1), И. В. Варуха (разд. 7.3),
В. А. Глазырин (разд. 2.3), Е. В. Дзюба (разд. 8.1), М. В. Дудорова (разд. 1.1),
Е Сянлинь (разд. 6.2), М. Р. Загидуллина (разд. 7.3), В. С. Зарембо (разд. 10.1),
О. Г. Згировская (разд. 5.3), С. С. Калинин (разд. 8.4),
Н. А. Каталкина (разд. 4.2), В. В. Катермина (разд. 5.1),
А. В. Колмогорова (разд. 10.1), П. А. Колмогорова (разд. 9.2),
Н. Н. Кошкарова (разд. 3.2), А. С. Кулева (разд. 2.2), Е. Р. Куликова (разд. 9.1),
Е. В. Купчик (разд. 4.1), М. Д. Левашова (разд. 5.4), Н. Н. Лыкова (разд. 5.4),
С. Л. Мишланова (разд. 5.2), М. Ю. Мухин (разд. 1.2), И. К. Мухина (разд. 1.3),
Г. Р. Насибуллова (разд. 6.1), Л. А. Нефедова (разд. 3.4), А. М. Плотникова (разд. 8.2),
Э. А. Ружицкая (разд. 3.1), И. В. Ружицкий (разд. 3.1), М. В. Слаутина (разд. 3.3),
О. А. Солопова (разд. 3.2), Е. С. Ткачева (разд. 10.1), А. Г. Толмачева (разд. 7.2),
О. А. Турбина (разд. 8.3), О. А. Улыбина (разд. 10.1), И. В. Фуфаева (разд. 5.3),
Л. Л. Шестакова (разд. 2.1, 2.2), А. В. Эльстон-Бирон (разд. 10.2),
Е. С. Юдина (разд. 3.3)

Лингвистическая семантика в пространственном измерении :
Л59 Словарь. Дискурс. Корпус : [монография] / под общ. ред. проф.
Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый,
2024. — 464 с.

ISBN 978-5-6046258-7-3

В монографии представлены статьи лингвистов разных научных школ, объединенных интересом к проблемам лексической, грамматической и текстовой семантики, лексикографии, дискурсивных и корпусных исследований.

Для лингвистов, преподавателей современного русского языка и общего языкознания, а также для аспирантов и студентов-филологов.

УДК 81
ББК Ш141.12е(2)л0

ISBN 978-5-6046258-7-3

© Коллектив авторов, 2024
© Кабинетный ученый, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Л. Г. Бабенко)	8
Часть I. СЛОВАРЬ	
Глава 1. Идеографическая лексикография	27
1.1. Динамика конструирования идеографических словарей Уральской семантической школы: от монопарадигмальности к полипарадигмальности и интегративности парадигм (Л. Г. Бабенко, М. В. Дудорова)	27
1.2. Развитие лексикографических данных Уральской семантической школы в процессе формирования Универсального словаря-тезауруса (М. Ю. Мухин)	80
1.3. Логико-смысловые отношения, формирующие структуру когнитивно-идеографической группы «Физические характеристики предмета» (И. К. Мухина).....	91
Глава 2. Авторская лексикография.....	108
2.1. Идеографическая составляющая русской авторской лексикографии (Л. Л. Шестакова)	108
2.2. Современный авторский словарь как инструмент для адекватного понимания поэтического текста (Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева)	126
2.3. Интерпретация денотативной сферы «Восприятие окружающего мира» в первом издании книги О. Э. Мандельштама «Камень» (В. А. Глазырин).....	138
Глава 3. Новые словарные проекты и материалы.....	159
3.1. О возможности создания словаря грамматических слов Ф. М. Достоевского (И. В. Ружицкий, Э. А. Ружицкая)	159
3.2. Дискурсивная лексикография: от словаря к социокультурному моделированию реальности (О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова)	172
3.3. Лексикографическое представление терминологии балета: проект мультимедийного словаря балетных терминов (М. В. Слаутина, Е. С. Юдина)	189
3.4. Немецко-русский словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов как новый тип идеографического словаря (Л. А. Нефедова).....	197
Глава 4. Словарь как источник лингвистических исследований.....	212
4.1. ЛЕСТЬ в русских поэтических текстах: метафорические модели (на материале словарей образов) (Е. В. Купчик)	212

4.2. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» как лексико-графический источник (Н. А. Каталкина, Н. В. Богданова)	224
Глава 5. Лексико-семантическое пространство: структура и стратегии репрезентации	236
5.1. Ментальное здоровье нации в англоязычной неологической картине мира: когнитивно-прагматический аспект (В. В. Катермина)	236
5.2. Динамика интерпретации термина в конце XX — начале XXI в. (Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова)	245
5.3. Семантическое пространство названий профессий и особенности его языкового отражения (О. Г. Згуровская, И. В. Фуфаева)	259
5.4. Компонентный анализ лексико-семантической группы <i>Politesse</i> во французском языке (М. Д. Левашова, Н. Н. Лыкова)	272
 Часть II. ДИСКУРС И ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ	
Глава 6. Литературно-художественный дискурс	285
6.1. Лингвокогнитивные особенности современной женской прозы (на материале произведений М. Степновой и Дж. Харрис) (Г. Р. Насибуллова)	285
6.2. Концепт ЛЮБОВЬ в рассказе С. Довлатова «Куртка Фернана Леже» (Е. Сянлинь)	294
Глава 7. Медиадискурс	302
7.1. Когнитивно-семиотическое моделирование контекстуального эллипсиса (на материале медиадискурса) (А. С. Бутусова)	302
7.2. Роль человека в формировании бесконфликтной коммуникации (на примере русскоязычных и англоязычных видеороликов) (А. Г. Толмачева)	320
7.3. Нарратив как средство дискурсивного воздействия СМИ на формирование оценки событий (на материале корпуса англоязычных текстов, посвященных делу ЮКОСа) (И. В. Варуха, М. Р. Загидуллина)	329
Глава 8. Полидискурсивные исследования	342
8.1. Ключевые слова политического момента в словаре, корпусе, дискурсе (Е. В. Дзюба)	342
8.2. Лексика идеографической сферы «Цифровое общество» в словаре и дискурсе (А. М. Плотникова)	359
8.3. Использование системного потенциала единиц языка при их актуализации в речи (О. А. Турбина)	370
8.4. Количественные характеристики вокабуляра русско-норвежского пиджина в сопоставительно-типологическом освещении (С. С. Калинин)	382

Часть III. КОРПУС И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Глава 9. Вопросы создания и разметки корпусов.....	399
9.1. Специфика разметки мультимодального корпуса эмоциональной речи (<i>Е. Р. Куликова</i>).....	399
9.2. Распознавание речи в корпусе аудиозаписей торговых представителей: проблемы, решения и исследовательские перспективы (<i>П. А. Колмогорова</i>)	411
Глава 10. Корпусные исследования	423
10.1. Исследовательский потенциал корпуса советских песен: эмоциональная тональность и география песенных текстов через призму компьютерных технологий (<i>А. В. Колмогорова, В. С. Зарембо, Е. С. Ткачева, О. А. Улыбина</i>)	423
10.2. Генеративные чат-боты как речевые двойники исторических личностей (на материале программы <i>Character.ai</i>) (<i>А. В. Эльстон-Бирон</i>).....	445
Об авторах	457
Сокращения	463

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография посвящена рассмотрению лингвистической семантики в пространственном измерении, что соответствует основным тенденциям развития теоретической семантики конца XX — начала XXI в.: использованию пространственных понятий в метаязыке современной лингвистики, формированию терминов «пространства языка». Это прослеживается как в теоретическом аспекте, так и в практическом преломлении, прежде всего при разработке лексикографических параметров пространственного моделирования в идеографических словарях. Высказанное более 50 лет назад в 1967 г. провидческое суждение Е. С. Кубряковой о том, что «понятие пространства играет значительную роль в системах языковых» [3, с. 471] и что в лингвистике наблюдается экспансия терминов и понятий, связанных с пространственным измерением языка, актуально и в настоящее время, так как роль языка пространства в лингвистическом научном дискурсе сегодня только возрастает, как и увеличивается в нем парадигма слов с пространственной семантикой. Особенно интенсивный пик интереса к пространственному измерению разного рода лингвистических объектов изучения наметился в последней трети XX в. в трудах выдающихся российских лингвистов Е. С. Кубряковой, О. Н. Селиверстовой, Ю. С. Степанова, В. Н. Топорова, Е. С. Яковлевой и др., что, возможно, было обусловлено ситуацией в лингвистике середины XX в., периода активного развития системно-структурной научной парадигмы, предметом рассмотрения которой стали объемные и сложно организованные множества языковых единиц, исследование которых в дальнейшем было дополнено концепциями лингвистического функционализма, лингвокогнитологии и когнитивной дискурсологии.

Ситуация полипарадигмальности, развившаяся в лингвистике, способствовала еще большему расширению и усилению динамики формирования пространственной терминологии языков пространств. Сегодня парадигму подобных терминов составляют

понятия пространства, поля, языковой картины мира, когнитивно-языковой карты, которые с уверенностью можно отнести к номинациям когнитивных механизмов пространственного моделирования языка, о необходимости которого Е. С. Кубрякова писала в конце 1960-х гг. Фундаментальные теоретические достижения, полученные в области измерения языкового пространства, его типологии, в настоящее время находят воплощение и в практическом применении при разработке теоретических вопросов на материале словарей, дискурсов разного рода и корпусных данных, что нашло отображение и в содержании предлагаемой монографии, включающей в себя три части, связанные с тремя глобальными лингвистическими объектами изучения в пространственном измерении, к которым относятся словарь, дискурс и корпус.

Первая часть — «Словарь». Она включает пять глав, первая из них — «Идеографическая лексикография», в ней на материале идеографических словарей (далее — ИС), созданных коллективом Уральской семантической школы (далее — УСШ), рассматриваются теоретические и практические вопросы, традиционные и актуальные для конструирования подобных словарей в настоящее время. Она состоит из трех разделов, первый из которых — «Динамика конструирования идеографических словарей Уральской семантической школы: от монопарадигмальности к полипарадигмальности и интегративности парадигм». В нем рассмотрены концепции идеографических словарей УСШ в динамическом развитии в контексте конца XX — начала XXI в. За основу взят хронологический принцип освещения для определения ключевых временных вех их создания с целью выявления их специфики, проявляющейся в модификации лексикографических концепций, обусловленных воздействием лингвистики на рубеже веков, характеризующейся сначала поворотом от монопарадигмальности к полипарадигмальности, а затем и к интеграции парадигм, к межпредметности в лингвистике, в том числе и в области лексикографии.

В результате исследования более 20 ИС УСШ авторы определили три этапа в их создании, связанные с развитием их типологии под воздействием парадигмальных изменений в научных воззрениях: этап монопарадигмальности — Словарь-справочник лексико-семантических групп русских глаголов (ЛСГРГ), этап полипарадигмальности — комплексные словари-тезаурусы демонстрационного списочного типа (СТСРР, СТСРЯ, СТПРЯ) и комплексные толковые ИС дескриптивного совмещенного типа

(БТСРГ, БТИСРС, БТИССАК), этап интегративности — комплексные толковые ИС дескриптивного расширенного типа (РГПЭСС, БТИССРР, КРЯКК).

В разделе также получила освещение ситуация в лексикографической деятельности УСШ, связанная с разработкой новой темы «Свод русской лексики как семантическая карта мира: Универсальный идеографический словарь-тезаурус русского языка», которая предполагает дальнейшее развитие представления русской лексики в пространственном измерении в новом свете — в формате свода, с одной стороны, и, с другой, в формате нового большого словаря-тезауруса. Новые проблемы способствовали развитию модели категоризации мира и представлению ее в виде таксономической классификации, выявленной на основе обобщения трех ранее созданных словарей УСШ — русских глаголов, существительных и Словаря-тезауруса синонимов русской речи (СТСРР), которая была опубликована сначала как их сводная классификация («Категоризация мира по данным идеографических словарей» [1]), позднее внедренная в практику создания новых словарей и именуемая как синопсис [2]. В настоящее время он частично преобразован в связи с необходимостью разработки и репрезентации свода русской лексики как идеографической карты мира.

Раздел 1.2 «Развитие лексикографических данных Уральской семантической школы в процессе формирования Универсального словаря-тезауруса» посвящен рассмотрению использования и модификации лексикографических баз данных УСШ в процессе формирования Универсального идеографического словаря-тезауруса русской лексики (Уральский федеральный университет, руководитель коллектива — профессор Л. Г. Бабенко). Поставленная перед коллективом цель создания нового ресурса предполагает, с одной стороны, выборочное использование уже существующего контента вышедших ранее словарей, с другой, редактирование и пополнение исходных словарных данных. Подобная двунаправленная работа предусматривает различные решения, приводящие как к становлению нового лексикографического ресурса, так и к развитию общего словарного фонда. Приводятся данные, показывающие соотношение исходной базы и нового тезауруса, рассмотрены статистические, логико-семантические и лексико-грамматические причины их несовпадения. Сделаны выводы о перспективах развития и дальнейшего использования лексикографических баз данных УСШ.

В разделе 1.3 «Логико-смысловые отношения, формирующие структуру когнитивно-идеографической группы “Физические характеристики предмета”» рассматривается лексика указанной группы. Обнаружена специфика проявления следующих логико-смысловых отношений: таксономических, меронимических, тождества и противоположности, конъюнкции. Рассмотрена оппозитивная семантика, репрезентированная лексемами, связанными с предметами и явлениями материального мира, описана структура синонимико-антонимического макрокомплекса (САК) «Физические характеристики предмета»: выделены микрогруппы в его составе, частотные оппозиции в микрогруппах, показаны особенности их структурной организации. Определены лексические парадигмы, вступающие в антонимические отношения. Выявлено, что базовыми для САК выступают семантические компоненты «вес», «форма», «структура», «прочность», «устойчивость», «пропорциональность», которые формирует типовую семантику отдельных САК и семантику первой основной антонимической оппозиции в их составе.

Предмет рассмотрения второй главы — авторская лексикография. Она также состоит из трех разделов. Первый из них — «Идеографическая составляющая русской авторской лексикографии». Исследование представляет собой аналитический обзор, цель которого — представить состояние дел в указанной области науки. Объектом анализа являются соответствующие словари, а также научная литература, освещающая круг проблем, связанных с их созданием. Основные задачи сводятся к тому, чтобы типологически квалифицировать имеющиеся идеографические авторские словари, показать принципы их построения, а также обозначить предлагаемые исследователями подходы к реализации проектов таких словарей. В качестве основного в обзоре использован метод лексикографической критики, предполагающий характеристику словарных трудов и их научную оценку. Анализ пока еще небольшого корпуса авторских ИС с учетом дифференциальных типологических признаков выявил их деление на монографические и сводные — представляющие язык одного автора или ряда авторов. Если словари первой группы демонстрируют возможность моделирования фрагментов индивидуально-авторской картины мира с привлечением разных лексических массивов, то словари второй группы предлагают описание образных средств, воссоздающих фрагменты общей художественной картины мира. Из возможных векторов развития идеографической авторской

лексикографии выделен вектор, связанный с использованием метода поэтической идеографии, разработанного учеными УСШ.

Следующий раздел — «Современный авторский словарь как инструмент для адекватного понимания поэтического текста». В нем продемонстрированы возможности сводного авторского словаря в обеспечении адекватного восприятия поэтических текстов. Объектом анализа стали избранные статьи «Словаря языка русской поэзии XX века», который можно определить как сводный (по произведениям ряда поэтов) словарь-тезаурус языка поэзии конкретной эпохи, конкорданс комментирующего типа. Предмет исследования — относительно редкая лексика, приобретающая особую смысловую нагрузку в рамках поэтического языка: авторские неологизмы, устаревшие, областные, стилистически сниженные единицы, иноязычные вкрапления, имена собственные. В работе используются лексикографический, корпусный, лингвопоэтический методы, приемы историко-культурной интерпретации языковых явлений. На примерах конкретных словарных статей показаны способы подачи информации: лингвистической, энциклопедической, а также являющейся результатом составительских исследований. Показано, что словарь, с одной стороны, аккумулирует значительный материал, позволяющий адресату лексикографического труда получить представление о поэтическом языке эпохи, с другой, предлагает результаты многоаспектного лингвистического анализа. Таким образом, словарь является исследовательским инструментом, помогающим решать задачи, необходимые для правильного понимания поэтического текста.

Раздел 2.3 «Интерпретация денотативной сферы “Восприятие окружающего мира” в книге О. Э. Мандельштама “Камень” (первое издание)» посвящен описанию структуры одной денотативной сферы с целью выявления фрагментов индивидуально-авторской поэтической картины мира поэта. Материалом интерпретации стал идеографический словарь языка поэта, над созданием которого работает автор раздела, в нем освещаются принципы поэтической идеографии — нового метода исследования стихотворных текстов, аккумулирующего опыт теоретической и практической идеографии, а также авторской лексикографии. В результате исследования из 23 стихотворений указанной книги О. Э. Мандельштама выявлено 243 лексемы (342 словоупотребления), относящихся к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», дана интерпретация ее структуры, а также прокомментировано

ее положение в индивидуально-авторской картине мира, репрезентированной в первом издании «Камня».

В третьей главе «Новые словарные проекты и материалы» представлены материалы четырех лексикографических проектов. В разделе 3.1 «О возможности создания словаря грамматических слов Ф. М. Достоевского» ставится дискуссионный вопрос конструирования словаря дискурсивных слов, встречающихся в текстах полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского — как в произведениях художественной прозы, так и в публицистике, а также в личных письмах. Под дискурсивными словами обычно понимают не несущие смысловой нагрузки лексические единицы — частицы, междометия, наречия, вводные и модальные слова и словосочетания, союзы и др., обеспечивающие связанность текста, а также регулирование процесса взаимодействия говорящего и слушающего. Кроме того, к их функциям, если говорить о текстах Достоевского, относятся также отражение особенностей внутренней речи персонажа, ритмическая организация текста, контактообразующая функция, функция аргументации, регулятивная функция, показ характерных черт языковой личности персонажа и др. Целями исследования стали разработка структуры словарной статьи и системы лексикографических параметров, позволяющих в словарной форме показать идиостилевые особенности использования Достоевским дискурсивных слов. Главными методологическими принципами выступают идеи концепции словаря языка Достоевского, основанной Ю. Н. Карауловым и Е. Л. Гинзбургом.

В разделе 3.2 «Дискурсивная лексикография: от словаря к социокультурному моделированию реальности» решается вопрос обоснования дискурсивной лексикографии как науки об антропо- и социоцентричном изучении лексических единиц. Представлены результаты анализа когнитивно-дискурсивных особенностей топонима Екатеринбург в британском медиадискурсе XIX и первой половины XX в. С целью проведения анализа использован комплекс методов: дефиниционный (нацеленный на исследование определений топонима в английском языке), когнитивно-матричный (применяется для изучения смыслового наполнения иноязычного топонима в принимающем языке), когнитивно-дискурсивный (используется для выявления экстралингвистических факторов, влияющих на закрепление смыслов, транслируемых уральским топонимом), сравнительно-исторический и проблемно-хронологический (позволяют выявить элементы

того исторического контекста, в рамках которого происходили трансформации смыслового наполнения топонима). В результате проведенного исследования выделены следующие компоненты когнитивной матрицы топонима Екатеринбург при его функционировании в указанный период: политико-экономические особенности, территория, культура, растительный мир, животный мир, история, религия. Делается вывод о том, что в британской прессе подход к освещению событий, связанных с Екатеринбургом, коррелирует с общим восприятием России в странах Запада в разные исторические периоды.

В разделе 3.3 «Лексикографическое представление терминологии балета: проект мультимедийного словаря балетных терминов» обосновывается необходимость создания и представления проекта указанного словаря. В ходе исследования рассмотрены особенности представления лексики балета в терминологических и толковых словарях, выявлены недостатки лексикографического описания балетных терминов, обусловленные их иноязычным происхождением и особенностями семантики — обозначением движений, перемещений в пространстве. В качестве источника материала привлекались также интернет-ресурсы, создаваемые специалистами в сфере искусства классического танца. В результате исследования составлен проект мультимедийного толково-идеографического словаря балетных терминов, включающего визуальный компонент. С опорой на семантику рассматриваемых терминов обосновывается необходимость ее визуализации. Целевой аудиторией словаря могут выступать преподаватели и учащиеся хореографических учебных заведений, представители СМИ, переводчики.

Раздел 3.4 «Немецко-русский словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов как новый тип идеографического словаря» посвящен представлению концепции разрабатываемого на кафедре немецкого языка Института иностранных языков Московского государственного педагогического университета словаря, являющегося словарем идеографического типа. Предмет исследования — лексикографическая репрезентация данных фразеологизмов посредством описания состава отраженных в словарных статьях лексических значений в немецком языке и их перевод на русский язык. Излагаются основные принципы составления словаря, демонстрируется модель организации словарной статьи, описывается ее структура. В связи с этим обосновывается необходимость создания двуязычного гендерного

словаря идеографического типа, включающего элементы лингвокультурологического словаря-справочника, призванного показать взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры в процессе их функционирования. Отмечается, что пользователь словаря получит возможность избежать сбоев в межкультурной коммуникации, возникающих между представителями западной и русской культур.

Четвертая глава «Словарь как источник лингвистических исследований» содержит два раздела. В первом из них — «ЛЕСТЬ в русских поэтических текстах: метафорические модели (на материале словарей образов)» — анализируется метафорический образ лести в словарях поэтического языка Н. В. Павлович и Н. Н. Ивановой. Объектом исследования избраны фрагменты поэтических текстов, содержащие реализации метафорических моделей со сферой цели «лесть», его предмет — метафорическое воплощение образа лести в русской поэзии. Используемые методы анализа: описательный, лексико-семантический, лингвокогнитивный, компонентный, контекстуальный. Выявляются реализации метафорических моделей лести, определяются сферы источника, характеризуются свойственные лести признаки. Она представлена как живое существо, принадлежащее как реальному, так и ирреальному миру, имеющее особенности внешнего облика, речь, способность перемещаться в пространстве. Лесть-напиток обладает отравляющим, усыпляющим, опьяняющим действием. Она уподобляется также разнообразным орудиям, изделиям из ткани, украшениям, предметам церковного обихода, объектам воздушного пространства. В разделе анализируется метафорическая система произведения Н. П. Николева «Лесть», представляющего собой развернутый «портрет» рассматриваемого понятия. На основании сопоставления моделей со сферой цели «лесть» в поэтических словарях и в общенародном языке делается вывод как о сходстве образных сопоставлений, так и о некоторых их различиях.

Раздел 4.2 «Рейтинги “Слово года” и “Антислово года” как лексикографический источник» посвящен характеристике лингвистических рейтингов как предмета исследования лексикографов. Сделаны выводы о том, что указанные рейтинги представляют собой краткие одноязычные лексикографические источники, описывающие современное значение лексических единиц, выбранных из текстов средств массовой информации. Для макроструктуры анализируемых рейтингов характерны особый принцип отбора

слов, учитывающий в первую очередь их релевантность для общественно-политического дискурса, и расположение лексем по степени убывания их социальной значимости. Словарные статьи соответствуют по содержанию таковым в толковых словарях, однако не имеют стандартизированной структуры и составлены в публицистическом стиле. Семантизация лексических единиц производится путем номинации денотата с последующим его описанием, указанием синонимов слова или при помощи экземплификации. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» являются комплексными лексикографическими источниками гибридного типа.

Глава 5 «Лексико-семантическое пространство: структура и стратегии репрезентации» состоит из четырех разделов. Первый из них («Ментальное здоровье нации в англоязычной неологической картине мира: когнитивно-прагматический аспект») посвящен анализу английских неологизмов, относящихся к соответствующей сфере. Методы изучения материала позволяют рассмотреть новую лексику англоязычного дискурса со стороны ее когнитивно-прагматического потенциала; применяются дискурсивный, интерпретативный, семантический и стилистический виды анализа. Материалом исследования послужили примеры, извлеченные методом сплошной выборки из англоязычных неографических электронных источников за период 2017–2023 гг. Выбор словарей был определен тем, что данные ресурсы представляют лексику неформального характера, отражающую особенности коллективного словотворчества. Отмечается, что неологизмы англоязычного дискурса обладают когнитивно-прагматическим потенциалом, который является следствием субъективной оценочной картины мира. Оценка рассматривается как собственно антропологическая категория, сопровождающая деятельность человека и соотносимая с определенной ценностной картиной мира. Новая лексика англоязычного дискурса отражает влияние антропоцентрического поворота, а также является индикатором будущих социально-культурных и технологических трансформаций.

В разделе 5.2 «Динамика интерпретации термина в конце XX — начале XXI в.» осуществляется рассмотрение термина как основной единицы языка для специальных целей, обусловленное развитием знания о нем и факторами современной трансформации терминоведения. Создается целостное интерпретационно-ориентированное описание развития понятия термина. Анализ проводится с учетом типологического, методологического

и когнитивного принципов. Исследуется модификация понятия в рамках трех парадигмальных эпох: вюстерианской (1930–1990), поствюстерианской (1990–2010) и метавюстерианской (настоящее время).

Раздел 5.3 «Семантическое пространство названий профессий и особенности его языкового отражения» посвящен выявлению актуальных тенденций и закономерностей, касающихся лексико-семантической группы (ЛСГ) названий профессий. Для исследования были выбраны такие методы, как опрос носителей русского языка, анализ словарей и корпусов, а также анализ результатов, полученных с использованием инструментов *RusVectores* и *ChatGPT-4*. В ходе исследования выявлено, что к основным процессам, касающимся ЛСГ названий профессий, относятся следующие: изменение характера семантических связей внутри этой лексики; особенно активное размывание семантических связей между названиями профессий в сфере производства, обработки и распространения информации; бурный рост количества неологизмов, в том числе заимствований, в сферах пиара, маркетинга, инфобизнеса; грамматический сдвиг от мужского рода к общему у существительных мужского рода 2-го склонения, называющих профессии; более активное использование гендерно маркированных обозначений профессий, или феминитивов, с семантикой профессий, прежде всего под влиянием идеологических процессов.

В разделе 5.4 «Компонентный анализ лексико-семантической группы *Politesse* во французском языке» исследуется семантическая структура указанной ЛСГ и определяются наиболее близкие синонимы к ее ядерному слову. Материалом исследования послужил синонимический ряд, состоящий из 11 слов, используемых для обозначения вежливости во французском языке, который был выделен путем дефиниционного анализа данных трех синонимических и толковых словарей французского языка. В результате исследования было выявлено, что во французском языке не существует полных взаимозаменяемых синонимов слова *politesse*. Наиболее близкими синонимами к интегральному слову являются слова *bienséance* и *égard*, а самым отдаленным — *aménité*. Слова *courtoisie*, *bienséance*, *civilité*, *savoir-vivre*, *égard*, появившиеся во французском языке раньше слова *politesse*, могли быть предпосылками к формированию нейтрального слова, обозначающего вежливость. Большое количество синонимов к ядерному слову «вежливость» также свидетельствуют о важности данного понятия для франкофонов.

Вторая часть монографии посвящена дискурсивным исследованиям, которые сегодня представляют собой одно из главных магистральных направлений лингвистики: до сих пор идут споры относительно содержания термина «дискурс» и его соотносительности с другими близкородственными терминами, серьезные достижения получены в сфере типологического рассмотрения дискурса и его разновидностей, в исследовании когнитивных стратегий и тактик их функционирования. В трех главах монографии освещаются вопросы специфической организации различных дискурсов.

Глава 6 «Литературно-художественный дискурс» включает два раздела. В первом из них, «Лингвокогнитивные особенности современной женской прозы (на материале произведений М. Степновой и Дж. Харрис)», приведены результаты изучения особенностей проявления женского языкового сознания в лингвокогнитивном аспекте, на материале указанных произведений произведений выявлены и описаны индивидуально-авторские концепты, формирующие концептуальное пространство художественного текста. Выбор материала обусловлен высокой степенью экспрессивности и художественной образности стиля данных авторов, особенностями их нарративов в данном аспекте. Изучены способы репрезентации текстовых когнитивно-перцептивных модулей в художественной картине мира авторов-женщин, которые рассмотрены как компоненты концептосферы художественного произведения. Осуществлен сопоставительный анализ основных текстовых когнитивно-перцептивных модулей. Показано, что основными текстовыми когнитивно-перцептивными модулями дискурса названных авторов являются ЖЕНЩИНА, ЛЮБОВЬ, ЖИЗНЬ, МУЖЧИНА, они отражают особенности языковой личности автора-женщины, ее индивидуальной картины мира.

Раздел 6.2 «Концепт ЛЮБОВЬ в рассказе С. Довлатова “Куртка Фернана Леже”» посвящен выявлению особенностей репрезентации и концептуализации чувства любви в художественном тексте. Объектом изучения является эмотивное пространство избранного художественного текста, предметом исследования — лексические репрезентации концепта ЛЮБОВЬ и его когнитивные признаки. Выявлено, что ключевые слова *любить, полюбить, нравиться, понравиться, относиться хорошо, симпатизировать, предпочитать, восхищаться, тянуть, тянуться, влечь, кумир* и противоположные им по значению лексемы *недолюбливать, ненавидеть, относиться хуже, надоесть, ненавистный* выражают разную степень экспрессивности и интенсивности чувства и в целом

формируют тематическое поле «любовь». Через лексические репрезентации позиций субъекта любви, предиката любви и объекта — источника любви образуется мир персонажей, выясняются их отношения к этому миру и ценностные взгляды. Проведенный анализ выявил индивидуально-авторское представление, воплощенное в системе персонажей рассказа, позволил представить в текстовом пространстве когнитивные признаки, которые значимы для создания концептосферы художественного мира.

Глава 7 «Медиадискурс» посвящена рассмотрению проблем коммуникации в контексте пространства одного типа дискурса. В ней имеется три раздела. Первый из них, «Когнитивно-семиотическое моделирование контекстуального эллипсиса (на материале медиадискурса)», посвящен описанию моделей контекстуального эллипсиса, выявлению когнитивных связей элиминированных субзнаков с различными форматами языковых знаний и способов их установления. Объектом данного исследования являются эллиптические предложения немецкого и русского медиадискурса, предметом — когнитивно-семиотические связи элиминированных субзнаков с ментальными форматами языковых знаний и когнитивные способы восстановления эллипсиса в дискурсе. Выявлены три модели эллипсиса — синтагматическая, парадигматическая и смешанная — и их подтипы. Обнаружены два способа установления когнитивных связей между элиминированными и эксплицированными субзнаками эллиптированного сентенционального знака: ассоциации тождественности для синтагматической модели и ассоциации дополняющего соположения для парадигматической модели. Результаты исследования открывают когнитивно-семиотическую перспективу описания и интерпретации эллипсиса в теоретическом аспекте и дают основания для новой классификации эллипсиса через призму когнитивной семиотики.

Раздел 7.2 «Роль человека в формировании бесконфликтной коммуникации (на примере русскоязычных и англоязычных видеороликов)» посвящен выявлению того, что мешает человеку как инициатору вербальной коммуникации достичь эффективного взаимодействия с другим коммуникантом. Рассматривается бесконфликтное речевое общение в рамках разных типов дискурсов. Предмет исследования — языковые единицы, формирующие нежелательные смыслы и затрудняющие бесконфликтную коммуникацию. В результате исследования осуществлена систематизация языковых и когнитивных механизмов, затрудняющих процесс понимания речи собеседника, а также выявлены факторы,

нарушающие концептуальное взаимодействие между участниками коммуникации. Анализ фактического материала показал, что неосмысленное употребление когнитивных и языковых механизмов провоцирует конфликтное взаимодействие между коммуникантами, что обусловлено рядом причин, включая несовпадение интенций говорящих, недостаток у них определенных знаний, навыков и опыта. Отмечено, что бесконфликтная коммуникация устанавливается в результате преодоления и устранения всех факторов, нарушающих или затрудняющих формирование речевого взаимодействия в норме, к чему должны стремиться все актанты речевой ситуации.

В разделе 7.3 «Нарратив как средство дискурсивного воздействия СМИ на формирование оценки событий (на материале корпуса англоязычных текстов, посвященных делу ЮКОСа)» представлен анализ нарратива как средства воздействия, используемого СМИ в формировании оценки событий. Методологией исследования выступает дискурсивный анализ корпусов текстов англоязычных СМИ с сопутствующим структурным подходом к нарративному анализу. В результате проведенной работы авторы подтвердили тезис о том, что на основе анализа корпуса текстов СМИ с определенной выборкой по интересующему критерию представляется возможным установить общую картину события и интенцию данной категории СМИ в воздействии на аудиторию. Соответственно, нарратив может использоваться как средство дискурсивного воздействия.

В главе 8 «Полидискурсивные исследования» рассматриваются актуальные вопросы современных дискурсивных практик. Так, в разделе 8.1 «Ключевые слова политического момента в слове, корпусе, дискурсе» исследуются изменения семантики слов, трансформируемых из научного дискурса в политический, рассматриваются некоторые узкоспециальные терминологические слова (*релокация, турбулентность, полюс, полярный, биполярный*), принадлежащие к разным научным областям (медицине, гидрометеорологии, физике, математике, географии и др.), но в процессе активного их употребления в политическом дискурсе ставшие «ключевыми словами политического момента». Методами лексикографического, структурно-семантического и контекстуального анализа выявляются основные компоненты терминологического значения, которые становятся основой для развития вторичных значений у рассматриваемых единиц при их трансфере в политический дискурс и, таким образом,

в политический язык. Определяется понятие дискурсивно обусловленного значения. Отмечается, что у ключевых слов политического момента формируются коннотативные (в частности, оценочные) семантические компоненты; подчеркивается, что данные единицы могут участвовать в формировании метафорической картины политического мира, что, как правило, не наблюдается у терминов. Высказывается предположение о возможных лингвистических и нелингвистических факторах, влияющих на процессы расширения сфер употребления узкоспециальной лексики (эвфемизация как способ вуалирования негативного смысла, размытость и общедоступность информационных полей, фиксация новых социально-политических явлений, отсутствие точных номинаций специфичных феноменов современной политической жизни).

В разделе 8.2 «Лексика идеографической сферы “Цифровое общество” в словаре и дискурсе» исследуются новые слова и значения, связанные с представлением цифровой среды, которые охватывают различные области, что обусловлено влиянием процессов цифровизации на многие социальные институты и жизнь отдельного человека. Рассматриваются процессы медиатизации лексики IT-сферы, обращается внимание на диффузность семантики прилагательного «цифровой», обеспечивающую некоторую неопределенность круга слов, включенных в исследуемую сферу. Анализируется лексикографическое представление слов, входящих в идеографическую сферу «Цифровое общество» в терминологических и идеографических словарях, моделируется структура этой сферы.

В разделе 8.3 «Использование системного потенциала единиц языка при их актуализации в речи» представлены результаты когнитивно-семиотического исследования, проведенного на материале мини-текстов комического и рекламного содержания, при анализе которых автор раздела опирается на свои теоретические разработки, направленные на изучение механизмов и принципов языкового и речевого семиозиса. Языковой семиозис включает механизмы генезиса знаков в системе языка, обусловленные результатом познания универсума носителями языка и их использования в речи, и определяется закономерностями употребления знаков языка в речи, подчиненными принципу речевой реализации их системно-языкового потенциала. Системный подход к лингвистическому анализу позволил наглядно показать, что наряду с языком речь (дискурс в широком значении) как подсистема входит в единую систему речевой деятельности, о чем

свидетельствует активное использование системного потенциала единиц языка при их актуализации в речи. В результате исследования выявлено, что дискурсивное значение речевого знака в силу активации его потенциала может достигать значительного объема в случае наполнения десигната контекстными коннотациями, провоцирующими семантические приращения, сдвиги и трансформации (имплицатуры, намеки и т. п.).

Раздел 8.4 «Количественные характеристики вокабуляра русско-норвежского пиджина в сопоставительно-типологическом освещении» посвящен анализу соотношений между компонентами различного происхождения в русско-норвежском пиджине (руссенорске). Руссенорск по происхождению является торговым пиджином, который был распространен в ряде северных областей Норвегии и России в XVIII–XX вв. Показано, что в различных его вариантах данное соотношение составляет от 1,2 до 1,5. Проводятся типологические параллели с прочими контактными идиомами близкого генеза, в частности, с различными баскскими пиджинами (а именно — баскско-скандинавским и баскско-алгонкинским), а также с чинукским жаргоном.

Третья часть книги («Корпус и корпусные исследования») посвящена вопросам корпусной лингвистики, она включает в себя две главы. В главе 9 «Вопросы создания и разметки корпусов» содержатся два раздела. В первом из них, «Специфика разметки мультимодального корпуса эмоциональной речи», обосновываются преимущества применения подхода к разметке видеокорпуса эмоциональной речи, который предполагает присвоение фрагменту не только единой эмоциональной метки, распространяющейся одновременно на вербальное и невербальное поведение, но и отдельных меток для текста, голоса и мимики. Обсуждаются результаты апробации данного подхода на небольшом корпусе видеоинтервью, его перспективы для изучения закономерностей взаимодействия модальностей в проявлении и узнавании эмоций, а также возможности использования результатов разметки для разработки моделей автоматического распознавания эмоций.

Раздел 9.2 «Распознавание речи в корпусе аудиозаписей торговых представителей: проблемы, решения и исследовательские перспективы» посвящен рассмотрению методов автоматического распознавания речи и их реализации при анализе маркетинговой коммуникации (речи торговых представителей дистрибьютерской компании). Объектом изучения стали 1500 записей диалогов между торговыми представителями и их клиентами (12 часов

24 минуты). В результате исследования были выявлены трудности, возникшие при предварительной обработке аудиозаписей, сделанных в полевых условиях, проведен анализ существующих моделей автоматического распознавания речи, выполнено их сравнение, выделены основные паттерны, вызывающие затруднения у моделей, рассмотрены параметры корректности распознавания речи, описаны подходы к кастомизации при помощи пользовательского словаря, а также дальнейшие перспективы исследования. Был осуществлен краткий обзор существующих для русского языка методов автоматического распознавания речи, выполнен анализ коэффициента правильности их распознавания для записи устной речи, выявлено, что на данный момент самой эффективной для распознавания речи, осложненного профессиональным жаргоном и сленгом, является модель *Whisper* от *OpenAI* и что сложнее всего модели справиться с профессиональным сленгом и с наименованиями торговых марок.

Глава 10 «Корпусные исследования» посвящена изложению результатов конкретных исследований и состоит из двух разделов. Раздел 10.1 «Исследовательский потенциал корпуса советских песен: эмоциональная тональность и география песенных текстов через призму компьютерных технологий» посвящен характеристике текста популярной советской песни как лингвоидеологического феномена. В качестве материала использован корпус советской песни, собранный исследовательской группой. В фокусе данной публикации — две характеристики: изменения эмоциональной тональности популярных песен, выпускавшихся на грампластинках фирмой «Мелодия» в разные периоды советской эпохи, и города, упоминавшиеся в песнях с 1950 по 2000 г.

Раздел 10.2 «Генеративные чат-боты как речевые двойники исторических личностей (на материале программы *Character.ai*)» посвящен исследованию возможностей существующих систем искусственного интеллекта для моделирования идиостиля исторической языковой личности. Рассматриваются чат-боты генеративного типа. Предметом исследования избрано качественное наполнение корпуса текстов, на основе которого проводится обучение системы искусственного интеллекта. В исследовании материала используются разные методы: анализ развития генеративных чат-ботов, сопоставительный анализ существующих систем, экспериментальная коммуникация с дальнейшей интерпретацией ответов диалоговых систем по лексико-стилистическим параметрам. В результате исследования выявлены структурные элементы

в общей архитектуре корпуса для обучения искусственного интеллекта, имитирующего идиостиль исторической личности. Отмечено, что в качестве базы знаний корпус должен содержать не только творческое наследие человека, но и блоки вариантов, черновики, эпистолярного наследия, общеизвестных фактов (с учетом хронологии), информационных источников и т. д.

Итак, проведенное монографическое исследование семантики единиц разного статуса и среды бытования — словаря, дискурса и корпуса — в пространственном измерении с опорой на полипарадигмальность фундаментальных лингвистических подходов к рассмотрению материала позволило выявить их роль, специфику и когнитивные стратегии отображения мира действительности с учетом разных аспектов ее отображения.

1. *Бабенко Л. Г.* Категоризация мира по данным идеографических словарей // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 23–52.

2. *Бабенко Л. Г.* Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург, 2015. С. 22–42.

3. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 555 с.

Часть I

СЛОВАРЬ

Глава 1

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

1.1. Динамика конструирования идеографических словарей Уральской семантической школы: от монопарадигмальности к полипарадигмальности и интегративности парадигм*¹

Формирование и развитие Уральской семантической школы приходится на период последнего десятилетия XX в. и первые два десятилетия XXI в., в течение которого ее коллектив сумел разработать и создать 26 ИС разного типа, отразивших магистральные научные приоритеты и тенденции этого тридцатилетия и вобравших их в себя, концептуально освоенных и внедренных в их структуру. Это привело к тому, что ИС, созданные в научной среде УСШ, с одной стороны, имеют черты «семейного сходства», объясняемого единством научных воззрений, на которые опирается школа и которые определяют их концепции. С другой стороны, бурное развитие лингвистики конца XX в., обилие научных подходов, как традиционных, так и целого ряда новых и новейших, влияющих на развитие и лингвистики в целом, и теоретической и практической лексикографии, обеспечивают и объясняют динамическое развитие концепций ИС УСШ в процессе их создания на рубеже веков, а также наличие в ходе их конструирования не только сходства концептуальных основ и лексикографических параметров, но и их различий, их специфику. Этому также способствует отмеченная Е. С. Кубряковой еще в конце XX в. полипарадигмальность

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00352).

¹ В данной главе изложение развития теоретических концепции идеографических словарей УСШ осуществлено Л. Г. Бабенко, подбор иллюстративных примеров и их интерпретация — М. В. Дудоровой.

как генерализующая черта современной лингвистики, основанная на интегральности научных подходов с целью комплексного междисциплинарного исследования взаимодействия различных областей лингвистического знания [14].

Прошло почти 30 лет, и этот провидческий прогноз реализовался и сбывается в полной мере. Нами полипарадигмальность осмысляется двояко: с одной стороны, как сосуществование различных самостоятельных направлений, традиционных и новых, параллельно развивающихся и функционирующих в совокупности как междисциплинарная система научных воззрений, с другой, как целостная методологическая исследовательская платформа, заключающаяся в реальном сопряжении различных научных подходов (семиотических, прагматических, структурно-семантических, функциональных, когнитивно-дискурсивных и др.), применяемых сегодня в конкретных исследованиях с целью многоаспектного изучения языка, текста и дискурса. Это относится и к лексикографии, в первую очередь идеографической, в которой наряду с классическими трудами по идеографии, имеющими огромное значение [см.: 9; 11; 12; 15; 17; 23 и др.], возникают и развиваются новые лексикографические проекты на базе различных методологических подходов конца XX — начала XXI в. Формирование новых научных парадигм отразилось на динамике и корректировке концепций ИС УСШ, на их конструировании в ситуации научной полипарадигмальности. В процессе их последовательной разработки на разных временных этапах актуализировались и активно использовались различные концептуальные положения новых научных подходов. В данном разделе будет осуществлено рассмотрение ключевых точек — вех, связанных с методологическими модификациями базовых концептуальных принципов ИС, на примере словарей разного периода создания с учетом последовательности их реальной временной разработки. Материалом для наблюдений являются основные ИС, созданные учеными-лексикографами УСШ за последние 30 лет, когда были разработаны фундаментальные принципы их структурной и содержательной организации, типология составляющих их лексических множеств, методология их выделения, особенности репрезентации типовой семантики и метаязыка ее описания и другие лексикографические параметры. При этом все основные лексикографические аспекты в различных ИС совпадают лишь частично в своей основе, во многом они разнятся в силу разнообразия семантико-грамматических особенностей описываемых

множеств языковых и речевых единиц и актуализированных научных подходов, используемых при их конструировании. Доминанта лексикографирования созданных словарей — полипарадигмальность, допускающая использование различных научных подходов при описании подобных множеств: структурно-семантического, функционально-семантического, функционально-синтаксического, денотативно-идеографического, когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического и др., что обусловило наличие вариантов их интерпретации в структуре разных типов словарей (см. типологию ИС УСШ: [8]).

Обратимся к последовательному рассмотрению ИС УСШ с учетом времени их создания и публикации с целью выявления динамики принципов их конструирования.

*1988. Словарь-тезаурус списочного
демонстрационного типа «Лексико-семантические
группы русских глаголов» (ЛСГРГ)*

Это сейчас мы так определяем его разновидность, в период создания его квалифицировали как учебный словарь-справочник, подобным образом обозначив его в подзаголовке. Он очень активно использовался в процессе преподавания русского языка как иностранного и был высоко оценен как первый опыт полного идеографического описания одного семантико-грамматического класса — русских глаголов, которое было выполнено под руководством профессора Э. В. Кузнецовой с использованием предложенного ею метода ступенчатой идентификации. Словник словаря небольшой: всего в нем около 2,5 тыс. нейтральных глаголов, взятых в основных значениях, то есть словозначений, или лексико-семантических вариантов слов (далее — ЛСВ). Он создавался в 1980-е гг., в период бурного развития структурно-семантического направления в лингвистике, что отразилось и на его конструировании, главным результатом которого стало систематизированное представление всего множества единиц рассмотрения по лексико-семантическим полям («Действие», «Состояние», «Отношение»), подполям, ЛСГ и подгруппам.

Всего было выделено 108 разных по объему ЛСГ. В основу систематизации множеств глаголов лег структурно-семантический подход, обусловивший использование принципов системности, иерархичности, вариативности. В качестве лексикографических параметров впервые в практике создания ИС было использовано

понятие «базовый идентификатор», с которого начинались в нем словарные статьи конкретных глагольных ЛСГ.

Например, в структуре лексико-семантического поля 3 «Отношение» были выделены четыре подполя: 3.1. Взаимоотношение. 3.2. Владение. 3.3. Межличностные отношения. 3.4. Социальные отношения. Подполе 3.3 «Межличностные отношения» состоит из нескольких ЛСГ, структурированных вокруг базового глагола или глагольного сочетания. Так, в группе 3.3.4 ЛСГ глаголов контакта выделены две подгруппы, каждая из которых начинается с указания после названия ЛСГ базовых глаголов, после которых перечисляются глаголы — члены этих подгрупп, например:

3.3.4.2. Глаголы расположения к контакту. Базовый глагол *расположить* (к себе):

задарить/задаривать, задобрить/задабривать, приворожить/приворазивать, прикормить/прикармливать, приручить/приручать, роднить/породнить, родниться/породниться, согласовать/согласовывать [ЛСГРГ, с. 91–93].

Этот словарь имел большое практическое значение и нашел широкое применение в учебной деятельности, особенно в сфере преподавания русского языка как иностранного (РКИ). После ухода Э. В. Кузнецовой из жизни в 1988 г. лексикографическая работа замерла и активизировалась только в начале 1990-х гг., к которым относится начало формирования УСШ. В 1992 г. возникла идея продолжения создания ИС и, в частности, создания большого комплексного толково-идеографического словаря русских глаголов. В конце XX — начале XXI в. она была реализована: были опубликованы две версии таких словарей.

*1999. Толковый словарь русских глаголов (ТСРГ);
Большой толковый словарь русских глаголов:
идеографическое описание, синонимы, антонимы,
английские эквиваленты (БТСРГ, 2007)*

Эти два издания словарей глаголов совпадают концептуально и частично различаются между собой количеством включенных в их состав единиц, а также некоторыми небольшими особенностями их внешней глобальной структурной организации и внутреннего наполнения ЛСГ. Следует отметить, что в русской идеографической лексикографии именно глаголы в первую очередь стали предметом системного лексикографического изучения [1, т. 2; 10; 15; 16 и др.]. В рассматриваемом словаре описано

около 10 тыс. глаголов, что более чем в четыре раза превышает количество единиц ЛСГРГ. Они представляют собой комплексные толково-идеографические словари дескриптивного типа, концепции которых основаны на синтезе системно-структурной и функционально-семантической научных парадигм, что позволило выявить в них систему иерархически организованных множеств — функционально-семантических полей, классов, групп и подгрупп на основе базовых лексикографических принципов идеографической лексикографии. Они впервые были сформулированы во вступительной статье с изложением концепции в данных словарях: «В основе организации лексического материала лежат следующие основополагающие принципы: принцип иерархии, принцип дополнительности, принцип вариативности и принцип пересекаемости глагольных классов» [ТСРГ, с. 14]. На их основе в дальнейшем конструировались все ИС УСШ: принцип иерархии отразился в организации всего словаря в его глобальной структуре (ранее мы ее обозначали как макроструктуру), принцип вариативности — в характере представительства глаголов внутри группы (как идентификатора — инварианта группы и его типовой семантики и глаголов-членов группы — лексических вариантов, обладающих не только общей категориально-лексической семантикой, но и дифференциально-семантическими различиями). Принципы дополнительности и пересекаемости имеют значение при интерпретации семантики межпарадигматических связей классов глаголов и глагольной комплексной семантики.

Следует отметить, что в этих словарях впервые было осуществлено таксономическое вертикально-горизонтальное иерархическое представление всех имеющихся в них лексических множеств, распределяющихся по трем уровням:

- высший уровень суперпарадигм (мегапарадигм): I. Действие и Деятельность. II. Бытие, состояние, качество. III. Отношение;
- базовый уровень классов и подклассов слов;
- субординатный уровень групп и подгрупп.

Например, на высшем уровне в составе суперпарадигмы «Отношение» имеются четыре семантических поля («Взаимоотношение», «Владение», «Межличностные отношения», «Социальные отношения»), в составе которых 21 группа и восемь подгрупп. В словаре каждое семантическое объединение имеет свое место расположения как по горизонтали — в составе множеств одного порядка, одной значимости, одного уровня (например, указанные четыре суперпарадигмы), так и по вертикали — в составе одного

типа множеств, отображающих отношения зависимости, конкретизации, вариантности. Например, в поле «Социальные отношения» эта цепочка имеет следующий вид: лексико-семантическое поле «Социальные отношения» — ЛСГ «Влияние» — подгруппы «Собственно влияние» и «Убеждение». Каждое отдельно взятое поле имеет свои особенности организации, обусловленные причинами как экстралингвистическими (отображаемым фрагментом действительности), так и собственно внутрилингвистическими, а также намерениями авторов-составителей словарей.

Словарные статьи рассматриваемых изданий содержат глаголы-идентификаторы, которые сопровождают описание типовой семантики групп. В них также впервые были разработаны и использованы принципиально новые лексикографические параметры: указанная выше типовая семантика групп, макро- и микроструктура ИС, правила моделирования дефиниций заглавных слов, в том числе глаголов в переносном значении, отражение в структуре дефиниции соотносительности глаголов с синонимами, антонимами и лексическими эквивалентами английского языка, которые не только включаются в структуру дефиниции, но и используются в преамбуле словарной статьи в качестве перевода типовой семантики и базовых глаголов на английский язык, что также составляет новизну словаря данного типа. Что касается дефиниций, то в этих словарях впервые была внедрена в лексикографическую практику их формализованная модель, основу которой составляет сочетание базового глагола-идентификатора, репрезентирующего семантическую идею группы глаголов, и лексических конкретизаторов, репрезентирующих дифференциальные семантические признаки, существенные для каждого отдельного глагола. Переносные значения глаголов описываются с помощью лексикографических операторов типа «словно», «как будто», «напоминая» и др., способствующих раскрытию ассоциативно-образной семантики.

Обратимся, например, к описанию подгруппы 3.4.3.2, которая входит в группу 3.4.3 «Влияние» подполя «Социальные отношения» поля «Отношение»:

3.4.3.2. Глаголы убеждения

Типовая семантика: убеждать кого-, что-л., доказывая, приводя доводы, аргументы, склоняя к какому-л. решению, мнению.

Базовые глаголы: доказывать (доказать), убеждать (убедить).

3.4.3.2. VERBAL GROUP FOR PERSUADING AND CONVINCING EFFORTS

Semantic pattern: to make someone decide (or willing) to do something by telling reasons, arguments; to make someone believe in something or feel sure about it.

Basic verb(s): to argue [against, for]; to convince [of]; to persuade [into, out of].

ОБОСН'ОВЫВАТЬ, *несов. (сов. обоснов'ать)*, что. Убеждая кого-, что-л., подкреплять (подкрепить) свои действия, предложения, догадки и т. п. убедительными доказательствами, приводить (привести) убедительные доказательства в пользу чего-л.; *син.* агитировать, доказывать; *ант.* опровергать [*Англ.* impf. to confirm, substantiate; to base (on, upon), ground (on, in)]. *В течение часа диссертант обосновывал положения, вынесенные на защиту. Обосновать последний вывод он не успел.*

СКЛОН'ЯТЬ, *несов. (сов. склон'ить)*, кого-что к чему, на что и с инф. *Перен.* Убеждать (убедить) кого-, что-л. в необходимости какого-л. поступка, решения, воздействуя, заставляя согласиться на что-л., словно наклонив и нагнув, прислонить к чему-л.; *син.* побуждать, подговаривать, подстрекать, подталкивать разг. [*Англ.* impf. fig. to incline (to, towards), persuade (into); * to win somebody over (to), win somebody round (to), gain the support of, often by persuading]. *Условия содержания в тюрьме склоняли заключенного к побегу. Следовательно склонил подозреваемого к даче показаний.*

Что касается семантизации лексического значения глагола в дефиниции, то она отличается прежде всего достаточной развернутостью, объемом, обусловленными необходимостью отображения в ее структуре всех основных семантических признаков (категориальных и дифференциальных), что является чрезвычайно важным именно для ИС, ибо в них группируются слова близкой семантики, что требует более тщательной их интерпретации с целью актуализации не только сходства, но и различий.

Базовые идентификаторы группы далее при описании значений глаголов могут быть представлены в дефиниции лексическими репрезентантами разного статуса. Большинство единиц содержат в дефинициях репрезентанты категориального смысла группы 'подчинять'/'подчиняться'/'быть подчиненным', например:

ЗАВИСЕТЬ. Быть подчиненным кому-л. в чем-л., находиться в чьей-л. власти, в состоянии зависимости.

ЗАКЛИНАТЬ. Подчинять (подчинить) кого-л., произнося слова, звуки, по суеверным представлениям обладающие магической силой.

ПОВИНОВАТЬСЯ. Подчиняться кому-, чему-л., чьим-л. приказам.

Ряд единиц представляет базовую семантику группы в качестве дифференциальной семы, что отражает комплексную семантику единицы:

ЗАВОРАЖИВАТЬ. Подчиняя кого-л. себе, действовать (подействовать) на кого-, что-л. чарами, волшебной силой.

Регулярными конкретизаторами рассматриваемой группы являются компоненты с семантикой способа подчинения (например, *оказываясь под властью кого-, чего-л.; силой оружия, завоевывая; колдовскими приемами, произнося слова и выражения, заклинания*) или образа действия (*беспрекословно слушаться кого-л.; передав в чье-л. непосредственное ведение; покорившись чьей-л. силе*).

Все перечисленные и рассмотренные лексикографические параметры, предложенные в словарях глаголов, были новаторскими, впервые введенными в лексикографическую практику и апробированными в структуре данных словарей. Именно они составляют их новизну и специфику, во многом обусловленную интегративным характером применяемых в данных словарях научных подходов, в том числе актуального для конца XX в. синтеза структурно-семантического направления и функционализма.

Рассматриваемая природа словаря отражается и на его словнике за счет сопряжения в его составе слов различных лексических категорий, близкородственных по семантике глаголам — синонимам, антонимам, английским эквивалентам, лексемам с переносными значениями, а также за счет применения функционального подхода к материалу. Это повлияло и на природу составляющих лексических множеств словаря, определяемых как функционально-семантические множества, и, соответственно, на характеристику словаря.

Итак, рассматриваемый идеографический словарь — это комплексный толково-идеографический словарь совмещенного типа, конструирование которого основано на принципе взаимного равноправного дополнения лексикографических параметров, свойственных толковым и идеографическим словарям, а также на сопряжении глаголов с языковыми единицами одного с ними уровня языковой иерархии — лексического уровня, соотносительных с основными заглавными единицами словаря. Вследствие этого комплексность словаря проявляется как на структурном, так и на репрезентативном его уровне. Основной тип лексических множеств этого словаря — функционально-семантические объединения глаголов разного статуса: поля, классы, группы и подгруппы.

*2002. Русские глагольные предложения:
экспериментальный синтаксический словарь
(РГПЭСС, 2002, 2016)*

Этот словарь продолжает идеографическое описание глагольной лексики и семантики, осуществленное в БТСРГ, но принципиально по-новому — с позиций синтаксиса и речи. При этом категоризация процессуально-событийного мира, осуществленная в словарях глаголов, стала фундаментальной основой для нового словаря наряду со структурно-семантическим подходом, опирающимся на другие инновационные подходы: на функционально-синтаксический подход, на рассмотрение русской глагольной лексики как множества предикатов, включенных в определенные семантические группы, потенциально приспособленные формировать семантические модели разного типа и выявлять их регулярные реализации — базовые семантические модели и их частные реализации. В этом словаре впервые в лексикографических параметрах было осуществлено решение сложнейших теоретических вопросов, которые были актуальными и широко обсуждались в последней трети XX в., таких как взаимодействия лексики и синтаксиса, глагола и структуры предложения, ситуации и модели предложения и многие другие, теоретическое рассмотрение которых было подготовлено в трудах виднейших ученых: Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. В. Богданова, Г. А. Золотовой, Т. П. Ломтева, Ю. С. Степанова, Е. Н. Ширяева и многих других.

Исследование семантической структуры предложения осуществлялось при этом с позиций самых разных научных подходов, позиций и оснований: экстралингвистических (денотативное направление), интралингвистических (формально-конструктивное направление, лексемный синтаксис), логических (логико-семантическое направление) и др., в том числе с помощью категории ЛСГ глаголов, которая связала «родственными» узлами два типа словарей — БТСРГ и РГПЭСС — и оказалась тем краеугольным камнем, который скрепил все ранее рассмотренные подходы к описанию семантической структуры предложения (В. В. Богданов, Г. А. Золотова, М. Кубик и др.), семантических типов предикатов, в частности, глагольных предикатов (Н. Н. Арват, В. В. Богданов, Т. В. Булыгина, Г. А. Золотова, Ю. С. Степанов, О. Н. Селиверстова, Г. Г. Сильницкий, Н. Ю. Шведова). Создание экспериментального синтаксического словаря подтвердило, что именно глаголы одной ЛСГ обладают одинаковыми моделиобразующими интенциями,

а сами члены ЛСГ глаголов в них объединяются в качественно новые группировки с учетом их семантико-синтаксических функций, когнитивных стратегий и установок.

«Родство» этого словаря со словарем глаголов обнаруживается прежде всего в представленных в нем лексикографических параметрах, так как то, что было разработано в них, было сохранено, но получило дальнейшее развитие и предстало в преобразованном виде в свете новых синтаксических задач. Так, в синтаксическом словаре, как и в ТСРГ, семантические модели объединяются в семантические блоки разного объема, к которым относятся денотативные сферы «Действие и деятельность» (1), «Бытие», «Состояние, качество» (2), «Отношение» (3), а также семантические поля, семантические группы внутри семантических полей и семантические подгруппы внутри семантических групп. Таким образом, наряду с принципом системности в этом словаре последовательно был выдержан принцип иерархической организации единиц анализа. Всего выделено три денотативных сферы, 16 полей, 68 групп, 53 подгруппы, которые пересекаются с категоризацией в БТСРГ, но полностью с ней не совпадают. В словаре была описана типовая семантика семантических моделей определенных групп, а глаголы-предикаты в них были распределены по микрогруппам, соответствующим функциональной семантике глаголов-предикатов и структуре семантической модели. В результате в этом словаре его основными единицами стали функционально-синтаксические множества глаголов-предикатов (далее — ФСКП), входящих в определенные денотативно-идеографические сферы, классы и группы. Его главное отличие — статус единиц анализа, глаголов, в качестве которых избираются не глаголы в словаре, а глаголы-предикаты в речи, в структуре определенных логико-семантических и денотативно-ситуативных типов высказываний. Всего в состав его словника включено более 8,2 тыс. глаголов-предикатов.

В основе лексикологических изысканий семантической модели предложения лежит идея соотнесенности семной структуры глагола с семантической структурой предложения и структурой экстралингвистической ситуации. Актуальной для научных описаний оказалась и категориально-лексическая семантика глаголов, так как именно в ней заключена информация об отражаемой денотативной ситуации и в свернутом виде содержится представление об участниках события, а также о сложных комплексных ситуациях [см.: 18; 19]. В качестве инварианта русских глагольных

предложений была избрана базовая семантическая модель, представленная в виде глубинной предикатно-актантной структуры, отображающей структуру типовой ситуации. Лексические вхождения в основные позиции модели явились основой выделения лексических вариантов модели.

Как и в словаре глаголов, процесс категоризации единиц анализа выявил два типа формируемых ими функционально-синтаксических парадигм, рассматриваемых по горизонтали (1) и по вертикали (2). Парадигмы классифицирующего типа содержат инвариантные структуры, в том числе такие, как классы пропозиций, семантические классы предикатов, логико-семантические типы предложений и все множество базовых семантических моделей, линейно расположенных в словаре, выявленных в процессе исследования и концептуально соотнесенных в нем с формулировкой свойственной им типовой семантики и указанием идентифицирующих глаголов-предикатов. Именно эта информация оказывается существенной для формирования представлений о категоризации процессуально-событийного мира и для конструирования парадигмы классифицирующего типа, которая подается в преамбуле словарной статьи, содержащей описание глубинной базовой модели, ее типовой семантики и основных предикатов. Всего представлено 16 суперпарадигм классифицирующего типа. В словаре эти лексико-синтаксические парадигмы соположены, располагаясь последовательно и отображая картину процессуально-событийного мира.

Во втором случае имеются в виду парадигмы вариантного типа — макропарадигмы, отображаемые в структуре словарных статей различных ФСКГП, которые имеют в своей семантико-синтаксической основе тождественную семантическую модель и все возможные варианты ее лексико-синтаксической реализации. Второй тип парадигм обычно связан с разного рода регулярными видоизменениями, речевыми, контекстуальными вариантами семантико-инвариантных структур, представленными в макроструктурах ФСКГП. Внутренняя структура подобных парадигм обуславливает логику их описания в макроструктуре словарной статьи каждой отдельной группы, в контексте которой она рассматривается в виде парадигматического ряда вариантного изменительного типа, включающего исходную форму парадигмы — базовую семантическую модель и ее лексико-синтаксические варианты, выявляемые в результате компонентного анализа семной структуры глаголов-предикатов, дополняемого

контекстуальным анализом их смысловой структуры. Основную часть словарной статьи составляет систематизированный список ЛСВ репрезентации базовой семантической модели в контексте одного ФСКГП: основных лексических, совмещенных и образных семантических моделей с характеристикой когнитивных стратегий лексического наполнения позиции предиката и грамматических особенностей структурного оформления в виде указаний типичных для них минимальных (МСС) и расширенных структурных схем (ОРИ). Фактически словарная статья этого издания отображает парадигмы вариантного типа в формате семантико-синтаксического поля, в котором разного рода информация концептуализируется по значимости и организуется по словарным зонам ядра, приядерной зоны, ближайшей и дальнейшей периферии.

Рассмотрим преамбулу — вводную часть структуры словарной статьи на примере группы 1.8.5.2 «Предложения, отображающие ситуацию изображения объекта».

Типовая семантика группы: *человек, группа лиц, творческий коллектив изображает кого-, что-л., с возможной точностью копируя имеющийся образец, чей-л. образ, манеры и т.п., воспроизводя их в конкретной вещественной форме.*

Базовая модель: СУБЪЕКТ — ПРЕДИКАТ ИЗОБРАЖЕНИЯ — ОБЪЕКТ — СПОСОБ — СРЕДСТВО.

Основные предикаты: *воспроизводить, изображать.*

Данный фрагмент словарной статьи аккумулирует информацию, которая имеет концептуальное значение, характеризующееся определенной инвариантностью, которая конкретизируется в реализациях модели. Приводимая в качестве примера базовая модель реализована в виде пяти основных лексических вариантов, в которых употребляются 40 предикатов, одной совмещенной модели с 12 глаголами-предикатами и четырех ассоциативно-образных, включающих восемь предикатов. Таким образом, в статье описан 21 вариант лексических репрезентаций одной базовой модели, включающий 60 глаголов-предикатов.

Базовая модель определяется на основе типовой семантики класса глаголов одной ЛСГ и структуры отображаемой ситуации. Все возможные ЛСВ производятся из базовых структур в результате регулярного замещения основных позиций модели определенными классами слов. Именно тождество предиката, категориально-лексической семантики множества глаголов-предикатов, типовой семантики и базовой семантической модели

позволило рассматривать лексические репрезентации модели как одну парадигматическую группировку денотативно тождественных высказываний, и именно эти качества обуславливают общность парадигм ряда лексических вариантов одной базовой семантической модели.

При этом парадигма вариантов базовой модели может быть и максимально полной, и неполной: есть парадигмы, не имеющие в своем составе каких-либо вариантов — основных лексических, совмещенных или образных. Словарная статья построена таким образом, что позволяет единообразно описывать регулярные варианты видоизменений базовой семантической модели, так как при этом используются те же лексикографические параметры, что и в преамбуле словарной статьи: «Типовая семантика», «Модель», «Предикаты». Дополнительно к ним вводится схема управления для каждого глагола в виде падежных вопросов, дающих краткие сведения об их грамматической сочетаемости. В разделе «Типовая семантика» прописными буквами выделены субъекты и основные предикаты. Каждое новое парадигматическое видоизменение исходной семантической модели обозначается своим номером согласно рубрикации регулярного ЛСВ в структуре словарной статьи. Внутри рубрик каждый новый вариант семантической модели интерпретируется однотипно: формулируется типовая семантика, приводится перечень глаголов-предикатов с указанием сочетаемости, даются иллюстрации. Кроме того, для каждой модели приводятся типовые минимальные структурные схемы предложений (МСС) и основные наиболее частотные расширители предиката (ОРП).

Приведем по одному варианту репрезентаций в каждой из трех групп регулярного варьирования базовой модели: основной лексической, совмещенный и ассоциативно-образный.

Первый тип лексико-семантического варьирования представляет собой основной ЛСВ, в процессе реализации которого используются основные изосемические предикаты. С точки зрения концепции поля, этот тип лексических реализаций модели занимает приядерную позицию в структуре словарной статьи. В группе «Предложения, отображающие ситуацию речевого сообщения» выявлено шесть лексических вариантов модели, в которых употребляется 45 глагольных предикатов, например, варианты № 1 и 2:

1) ЧЕЛОВЕК СООБЩАЕТ кому-л. какие-л. фактические сведения о ком-, чем-л.

МСС: N₁V_f; Inf; V_{pl3} ОРП: N_{2...}

Пред.: *говорить что и без доп., комментировать что, назваться, называть что, объявлять что, о чем или с прид. доп., объяснять что или с прид. доп., отвечать что, с прид. доп. или без доп., отчитываться о чем, передавать что, пересказывать что, повествовать о чем и без доп., посвящать кого во что, признаваться в чем, рассказывать что, о ком-чем или с прид. доп., разг. рассуждать о ком-чем или без доп., сказать что, разг. сказать, сообщать что, о ком-чем, с прид. доп. или без доп., толковать что, о чем и без доп., указывать что, цитировать кого-что.*

2) ЧЕЛОВЕК СООБЩАЕТ кому-л. о ком-, чем-л. ложные сведения.

МСС: N₁V_f; Inf; V_{pl3} ОРП: N₂

Пред.: *болтать что и без доп., врать что и без доп., дезинформировать кого-что, лгать, привирать что и без доп.*

МСС: N₁V_f; Inf; V_{pl3} ОРП: N_{2...}

Пред.: *доносить на кого и без доп., клеветать на кого и без доп., разг. наушничать, нащептывать что, чего и без доп., сплетничать, разг. судачить, ябедничать на кого и без доп.*

Второй тип лексико-семантического варьирования представляют собой ЛСВ реализации модели, основанные на отображении ментальной интеграции регулярно пересекающихся ситуаций, взаимодействие которых отображается в лексическом значении глаголов сложного действия — глаголов с включенной и совмещенной пропозицией, при этом в каждом ФСКГП обнаруживаются свои закономерности их слияния, склеивания [см.: 19, с. 30–40]. Подобные репрезентации соответствуют ближайшей периферии в аспекте поля. В словаре лексикографирование этого типа вариантов наряду с типовой семантикой содержит моделирование их частных структур с целью описания регулярных вариантов совмещения предикатов разных ментальных пространств. В группе, рассматриваемой в качестве примера, выделено всего 11 подобных вариантов, в которых отображена ее интеграция с ментальными пространствами сверхъестественного, интеллекта (воображение), социальных отношений (трудовая деятельность, помощь, социальное взаимодействие), эмоций (доверие), например:

1) Модель: СУБЪЕКТ — ПРЕДИКАТ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ И ВООБРАЖЕНИЯ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ — СОДЕРЖАНИЕ СООБЩЕНИЯ — АДРЕСАТ

ЧЕЛОВЕК СООБЩАЕТ кому-л. что-л., предвидя какие-л. события в будущем, высказывая свои предположения, предварительные сообщения о ком-, чем-л.

МСС: N₁V_f; Inf; V_{pl3}; V_{s3/n} ОРП: N_{2...}

Пред.: *предполагать что или с прид. доп., предполагаться, предсказывать что или с прид. доп., пророчить кому что.*

11) Модель: СУБЪЕКТ — ПРЕДИКАТ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ И ПОМОЩИ — СОДЕРЖАНИЕ СООБЩЕНИЯ — АДРЕСАТ

ЧЕЛОВЕК СООБЩАЕТ информацию, которая может в чем-л. помочь собеседнику.

МСС: $N_1 V_f$; Inf; V_{pl3} ; $V_{s3/n}$ **ОРП:** $N_{2...}$; Inf

Пред.: *остерегать кого-что, подсказывать кому что, растолковать что или с прид. доп., советовать кому что или с инф., толковать что и без доп., указывать что, указываться, учить кого-что чему.*

Третий тип лексико-семантического варьирования связан с отображением ассоциативно-образных связей ситуаций в процессуально-событийном пространстве, вследствие чего подобные варианты модели называются образными семантическими и обычно включаются в зону дальнейшей периферии полевой структуры. В словарной статье они сопровождаются описанием типовой семантики, в которой раскрываются метафорические связи глаголов-предикатов одной ФСГП. Так, образные модели для ситуации речевого сообщения представляют ряд из четырех вариантов, в которых используется шесть предикатов, образно ситуация сообщения переосмысливается в соотношении с физическими действиями с неодушевленными предметами, с передачей информации неречевым способом, с действиями религиозного характера и с разнонаправленным перемещением живых существ:

1) ЧЕЛОВЕК СООБЩАЕТ информацию, будто производя конкретные физические действия с неодушевленными предметами.

МСС: $N_1 V_f$; Inf; V_{pl3} ; $V_{s3/n}$ **ОРП:** N_4

Пред.: *ввертывать что, выкладывать что, разг. разносить что, сеять что.*

3) ЧЕЛОВЕК СООБЩАЕТ кому-л. что-л. о себе предельно искренне, правдиво, словно находясь на исповеди.

МСС: $N_1 V_f$; Inf; V_{pl3} **ОРП:** $N_{2...}$

Пред.: *исповедоваться.*

Как видим, словарная статья фактически сконструирована в формате лингвистического поля, в котором есть центр, ядро, содержащее инвариантную информацию, приядерная зона — основные лексические репрезентации, ближайшая периферия — совмещенные репрезентации и дальнейшая периферия — зона ассоциативно-образных репрезентаций. В структуре ИС подобное расположение членов вариантных парадигм было использовано впервые, позже формат поля будет использован при написании концептов для соответствующей организации ментальной структуры концепта и его репрезентаций.

Завершая обзор специфики РГПЭСС, можно с уверенностью отметить, что данный словарь — уникальный комплексный толковый словарь дескриптивного типа с расширением состава включенных в него языковых и речевых единиц, созданный на основе интеграции традиционных и новых научных подходов, а также на основе первого в УСШ комплексного ИС русских глаголов, развивающий его концепцию в новом освещении. Это многопараметровый многомерный словарь, что объясняется как многоаспектностью и неоднородностью лексикографируемого материала (это и лексическая семантика, и семантика лексических множеств, и глубинная синтаксическая семантика, и ситуационная семантика, и контекстуальная семантика регулярных вариантов лексических репрезентаций исходной семантической модели, и др.), так и аспектами его рассмотрения, достаточно объемным набором лексикографических параметров освещения единиц словаря. Таким образом, анализируемый словарь несомненно относится к разряду комплексных интегративных словарей расширенного типа и с точки зрения набора единиц анализа, и с точки зрения их рассмотрения.

Подобный словарь в типологическом и содержательном аспектах отличается оригинальностью, не имея аналогов в русской и зарубежной лексикографии. Его концепция одновременно связана с развитием теоретических основ лексикографической идеографии, с разработкой семантико-синтаксических словарей и с практической лексикографией — моделированием и внедрением в формате экспериментального словаря русских глагольных предложений. Разработка данного словаря была основана на междисциплинарной интеграции научных лингвистических подходов последней трети XX в.: на достижениях системно-структурного изучения языка, лингвистического функционализма, лингвокогнитологии, семантического, логического, денотативного, лексического синтаксиса и др. Его главная особенность и доминанта — интегративность, обусловившая представление системы семантических моделей русских глагольных предложений в лексикографических параметрах с указанием когнитивных стратегий их поверхностных регулярных репрезентаций и во взаимодействии с функционально-синтаксическими классами глаголов-предикатов.

2005. Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы (БТСРС)

Этот словарь естественным образом продолжает разработку концепции ранее созданных ИС в среде УСШ. В словаре описаны 15 тыс. ЛСВ, 41 денотативная сфера и 419 ДИГ и подгрупп слов. В процессе их категоризации возникли определенные трудности: существовало мнение о невозможности системного описания всего класса существительных на лингвистическом основании, считалось, что их можно классифицировать только на логическом основании с учетом общей темы номинации, вследствие чего такие группы и называли тематическими [см.: 21]. Это объяснялось тем, что у существительных, в отличие от глагола, внутрисловная семная структура организована специфически и с трудом подвергается процедуре идентификации [см.: 19, с. 3], ибо в их значении не всегда в явном виде репрезентирована категориальная семантика, поэтому семантические группы в их составе формировались с учетом их тематического сходства на логическом, а не на структурно-семантическом основании. При создании этого словаря мы решили опираться на свой лексикографический опыт, приобретенный в процессе создания первых ИС (БТСРГ и РГПЭСС).

Словарь существительных «вырос» одновременно из ранее созданных в УСШ уже двух типов словарей: БТИСРГ и экспериментального словаря русских глагольных предложений. От них он унаследовал базовые концептуальные принципы и лексикографические параметры: от глагола (БТСРГ) — использование системно-структурного и функционально-семантического подходов в процессе категоризации и лексикографической интерпретации, основные концептуальные принципы и лексикографические параметры; от экспериментального синтаксического словаря (РГПЭСС) — использование денотативно-идеографического подхода к описанию лексики с опорой на представление в языке ситуаций разного объема, типа и разной структуры. Работая над идеографическим словарем этого семантико-грамматического класса слов, мы пришли к решению при их категоризации учитывать не только семантический фактор — структуру их лексического значения, но и денотативный фактор — их семиологическую роль в отображении типовых ситуаций и их обязательных участников, а также определенные существенные компоненты и аспекты этих ситуаций. Это обусловлено тем, что существительные наряду

с глаголами отображают ситуации реального мира, хотя их когнитивные стратегии при этом разнятся: глаголы отображают ядро ситуации, формируя предикативный центр высказываний, а существительные — участников, время, место и другие параметры протекания ситуации. Подобный подход к рассмотрению существительных сказался на самой интерпретации природы их лексических множеств, в формировании которых участвовали два фактора — семантический и ситуативно-денотативный, вследствие чего их множества были определены как денотативно-идеографические. В зависимости от их значимости и ранга в общей иерархии выделенных категорий они делились на денотативно-идеографические сферы, поля, классы, группы и подгруппы. Количество уровней иерархии и различных лексических множеств в составе сфер индивидуально. Например, в денотативной сфере «Живое существо» — пять уровней иерархии и 40 ДИГ, а в сфере «Населенный пункт» — два уровня иерархии и четыре ДИГ. Применение денотативно-идеографического подхода позволило лексический состав существительных рассматривать под углом зрения отображения ситуаций: 1) глобальной, организующей целостную структуру словаря; 2) объемных денотативных сфер, формирующих классы существительных, отображающих их; 3) макроситуаций, связанных с отдельными ДИГ слов, и микроситуаций в структуре денотативно-идеографических подгрупп. Единицами словаря стали денотативно-идеографические множества существительных, особенность состава и типологии которых была обусловлена необходимостью их рассмотрения как компонентов отображаемых ситуаций.

Денотативный фактор, фактор ситуации, дополнительно используемый при классификации существительных, позволил выявить принципиально новый тип лексических множеств — денотативно-идеографические множества, которые различаются не только по значимости и месту их в иерархии внешней глобальной структуре словаря, но и по семиологической функции: совокупность ДИГ одной сферы отображает макроструктуру типовой ситуации, а совокупность лексем одной ДИГ — интерпретацию ее отдельных компонентов и аспектов, их внутреннюю конкретизацию.

Например, денотативная сфера «Образование» включает девять ДИГ, отображающих типичные компоненты ее структуры, расположение которых указывает на последовательность передачи/получения знаний в образовательном процессе от учителя/

ученика к результату обучения. Ниже приводится развернутый план макроструктуры этой денотативной сферы с указанием основных компонентов, этапов в их последовательности, представленных отдельными ДИГ с кратким указанием лексикографических параметров в их лексическом наполнении:

— ДИГ «**Человек по роли в учебном процессе**»: обучающий и обучаемый. Типовая семантика: человек, имеющий отношение к сфере образования, а также группа таких людей. Базовое имя (имена): человек, группа людей, ученик, студент. Регулярные конкретизаторы группы: место работы/учебы (*доцент, семинарист, ученик*), год обучения/окончания обучения (*второгодник, новичок*), характер обучения (*заочник*), характер преподавательской работы (*гувернер*), успешность обучения (*двоечник, отличник*).

— ДИГ «**Учебный предмет**»: изучаемое. Типовая семантика: совокупность знаний, навыков, отобранных из определенной отрасли науки, техники, искусства и т. п. для изучения в учебном заведении. Базовое имя (имена): учебный предмет. Регулярные конкретизаторы группы: характер знаний (*дисциплина, курс, предмет*).

— ДИГ «**Учебное заведение**»: место обучения. Типовая семантика: учреждение, организация образовательного, воспитательного профиля, здание такого учреждения, подразделение такого учреждения, а также помещение в таком учреждении, специально предназначенное для занятий, учебных нужд. Базовое имя (имена): учебное заведение, подразделение, учреждение, помещение. Регулярные конкретизаторы группы: уровень образования (*университет, училище, ясли*), специализация (*консерватория, семинария, техникум*), особенности обучения (*лицей, интернат*), предназначение помещения (*класс, студия*).

— ДИГ «**Форма обучения**»: форма передачи знаний. Типовая семантика: форма, способ организации учебного процесса, специфический для различных образовательных учреждений и образовательных целей: передачи, получения, демонстрации, проверки знаний. Базовое имя (имена): форма (обучения, демонстрации, проверки, передачи). Регулярные конкретизаторы группы: методические особенности (*аудирование, изложение*), уровень получения знаний (*докторантура, переподготовка*), форма проверки знаний с точки зрения объема материала (*контрольная, экзамен*).

— ДИГ «**Средство обучения**»: предметы и под., используемое в процессе обучения. Типовая семантика: текст, предмет и др. средства обучения, используемые в образовательных целях, помогающие получить, усвоить, закрепить какие-л. знания, навыки. Базовое имя (имена): средство обучения. Регулярные конкретизаторы группы: уровень обучения, возраст обучающихся (*азбука, методичка, энциклопедия*), научная дисциплина, для преподавания которой используется средство обучения (*задачник, карта, пропись, разговорник*).

— ДИГ «**Отметка**»: оценивание. Типовая семантика: отметка, выражающая оценку уровня, полноты, качества знаний учащихся, принятая

в какой-л. учебной системе. Базовое имя (имена): отметка, оценка. Регулярные конкретизаторы группы: значение оценки по шкале «очень плохо — отлично» (*единица, двойка, тройка, четверка, пятёрка*).

— ДИГ «Документ»: официальный документ. Типовая семантика: документ, фиксирующий какие-л. моменты, результаты учебного процесса, служащий доказательством чего-л., содержащий сведения, касающиеся учебного процесса. Базовое имя (имена): документ. Регулярные конкретизаторы группы: тип заведения, которое выдает документ (аттестат, диплом), использование документа в процессе обучения на определенном уровне образования (*дневник, табель, зачетка*), субъект, использующий документ (*программа, журнал, дневник*).

— ДИГ «Время обучения»: время обучения. Типовая семантика: промежуток времени, отводимый на определенный вид деятельности в учебном процессе. Базовое имя (имена): промежуток времени, период времени. Регулярные конкретизаторы группы: уровень образования (*семестр, четверть*), числовое измерение промежутка времени (*переме́на, урок*).

— ДИГ «Результат обучения»: совокупность знаний по результатам обучения. Типовая семантика: знания, умения и т.п., приобретенные человеком в результате обучения, образования. Базовое имя (имена): совокупность, результат. Регулярные конкретизаторы группы: характер полученных знаний (*навык, воспитание, школа*), оценка успешности получения знаний (*успеваемость, неуспеваемость*).

Представленные материалы показывают, что в БТССРЯ используются те же лексикографические параметры, что и ранее в БТСРГ, но с актуализацией функциональной направленности существительных, указанием их роли в отображении определенного аспекта денотативной сферы в виде ДИГ. Подобный подход к идеографическому описанию существительных, опирающийся на интеграцию методологии разных научных подходов, позволил в качестве единиц описания предложить новый тип лексических множеств — ДИГ, решить трудные вопросы идеографии существительных и создать тип словаря, новизна которого состоит в том, что эти ДИГ рассматриваются в составе тематических блоков, отображающих участников и характеризующих аспекты определенных макроситуаций. Кроме того, новый лексикографический взгляд на семантику существительных обнаруживается при денотативно-идеографической систематизации существительных с учетом их соотносительности в связи с осмыслением и репрезентацией категорий существительных, отображаемых в формате наивной картины мира. В словаре предложен вариант решения одной из самых сложных и важных проблем — системного представления взятых в целостной совокупности всех денотативных сфер с учетом их взаиморасположения как способа репрезентации

лексики по ее роли в формировании ЯКМ. В частности, осуществлена попытка формирования его внешней глобальной структуры на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности.

Всего в словаре выявлена и описана 41 денотативная сфера. Модель описания ЯКМ, репрезентируемая всей совокупностью ДИГ, сконструирована таким образом, что все ее группы располагаются относительно воображаемого центра, который занимает сфера 1 «Живое существо». Остальные 40 ДИГ располагаются поочередно в разной степени удаленности от центра, формируя пять пространственных зон:

2. Сферы, которые изначально тесно связаны с ней: «Растения», «Неживая природа», «Родственные и семейные отношения», «Нации».

3. Сферы, связанные с осознанием человеком себя как высоко развитой личности: «Интеллект», «Эмоции», «Оценка».

4. Сферы, соотносимые с осмыслением и познанием универсальных категорий устройства внешнего окружающего мира: «Время», «Пространство», «Предмет», «Вещество», «Форма», «Количество», «Явление и событие», «Религия», «Сверхъестественное».

5. Сферы, отображающие обыденные потребности человека: «Быт», «Питание», «Одежда».

6. Сферы, отражающие различные виды социальной деятельности человека: «Охота и рыболовство», «Сельское хозяйство», «Производство», «Техника», «Военная служба», «Медицина», «Строительство», «Сфера обслуживания», «Транспорт», «Наука», «Образование», «Спорт», «Искусство», «Средства массовой информации», «Экономика», «Социальные отношения», «Управление», «Политика», «Дипломатия», «Право».

Идея подобного расположения денотативных сфер была позднее взята за основу при создании модели категоризации мира и представлении ее в виде иерархизированной таксономической классификации, выявленной на основе обобщения трех ранее созданных словарей УСШ — русских глаголов, существительных и СТСПР. Этот опыт категоризации был опубликован сначала как сводная классификация этих словарей и обозначен следующим образом: «Категоризация мира по данным идеографических словарей» [3, с. 25–51]. Позднее он был опубликован в проспекте Универсального идеографического словаря русского языка и внедрен в практику создания других новых идеографических словарей

УСШ уже с новым названием «Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря)» [5, с. 22–42], которое закрепилось за ним и используется до сих пор. В настоящее время он частично преобразован в связи с необходимостью разработки нового лексикографического проекта УСШ — разработки и создания «Свода русской лексики как денотативно-идеографической карты мира».

2007, 2008, 2011, 2016. Серия идеографических словарей синонимов русского языка и речи

Коллективом ученых-лексикографов УСШ подготовлено и издано пять версий ИС синонимов русского языка, два из которых — словари-тезаурусы демонстрационного списочного типа, один — фундаментальный Большой комплексный толково-идеографический словарь синонимов русской речи дескриптивного расширенного типа и два малых толковых идеографических словаря синонимов дескриптивного типа. По структуре идеографического описания и по составу словника они частично совпадают, но концептуально (по принципам лексикографической интерпретации синонимов) во многом расходятся. Рассмотрим кратко их особенности, типологические сходства и различия, обусловленные применением разных методологических установок и концептуальных принципов.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи (СТСРР) и Словарь-тезаурус синонимов русского языка (СТСРЯ). Эти два словаря представляют собой словари-тезаурусы списочного демонстрационного типа, различающиеся между собой объемом включенного в них множества синонимов и степенью представленности в них функционально-стилистической и эмоционально-оценочной лексики. Первый словарь представляет собой максимально полный свод синонимических рядов (далее — СР) русской речи различной частеречной принадлежности (8 тыс. СР), функционально-стилистической и эмоционально-оценочной окраски, содержащих около 47 тыс. синонимов, сгруппированных в 16 сфер, 86 классов, 267 ДИГ и 187 подгрупп, организованных согласно принципу иерархичности. Авторы-лексикографы этого словаря стремились максимально полно представить синонимию, расширяя ее состав за счет лексики разных пластов, в том числе разговорной, разговорно-сниженной, жаргонной и пр.

Это обусловлено природой самой синонимии, широко представленной маркированной лексикой, а также современным состоянием русского языка, активно пополняемого, в том числе в среде синонимии, подобной лексикой. Расширение словника в данном словаре осуществлялось в том числе за счет включения в состав единиц описания СР, которые были обозначены нами как близкородственные СР, деривационно производные от основных СР, грамматически варьирующие их семантическую идею. В этом словаре впервые в русской лексикографии была осуществлена глобальная систематизация СР с их распределением по категориям разного ранга и значимости — денотативно-идеографическим сферам, полям, классам, группам и подгруппам. В основе методологии идеографического описания синонимов лежал структурно-семантический подход, использовались метод ступенчатой идентификации и компонентный анализ, дополняемый денотативно-идеографическим описанием, обусловленным поличастеречным характером рассматриваемых СР.

Второй словарь также относится к разряду словарей-тезаурусов демонстрационного типа, но малого формата. Фактически он представляет собой редуцированный вариант первого полного Словаря-тезауруса синонимов русской речи (СТСРР, 2007). Его отличие — в количестве рассмотренных СР и слов-синонимов в их составе, которое сокращено по сравнению с указанным первым изданием идеографического описания СР, основывающемся на установке максимально полного их освещения. Словник второго словаря сокращен за счет частичного удаления функционально-стилистической, эмоционально-оценочной и хронологически маркированной лексики, за счет ограниченной в употреблении лексики (разговорно-сниженной, грубой, бранной, архаичной и др.), что привело к уточнению его названия с актуализацией установки на язык, а не на речь, как в первом случае. В его состав включен основной фонд синонимических средств русского языка, в связи с чем в названии словаря отражена его нормативная направленность: в нем указаны в качестве материала синонимы русского языка, а не русской речи, как в СТСРР, в котором широко представлена лексика различных функционально и социально ограниченных групп. В то же время в словарь-тезаурус авторы включили разговорную лексику, лексику, различающуюся стилистическими, эмоционально-оценочными компонентами, экспрессивностью разного рода. В малом СТСРЯ описано 7 258 СР, включающих около 40 тыс. синонимов, что лишь на 10 % меньше

общего количества СР и на 15 % меньше лексем-синонимов. Количество денотативных сфер, групп и подгрупп (15 сфер и 436 подгрупп) примерно совпадает в обоих словарях.

В обоих словарях упрощены лексикографические параметры описания СР, которые фактически ограничены главной целью этих словарей — распределением и представлением их в систематизированном виде в составе различных ДИГ. Это первые ИС УСШ, лексический состав которых отличается семантико-грамматической неоднородностью — включением в него синонимов разных частей речи, что привело к формированию групп синонимов общей когнитивно-дискурсивной природы, выявляемых на основе полипарадигмальности — структурно-семантического подхода, дополненного денотативно-идеографическим и когнитивно-дискурсивным рассмотрением всех выявленных СР.

Основной единицей анализа в этих словарях являются СР, систематизируемые на основе организующих их синонимов-доминант, в самом общем виде передающих их семантическую идею, например, в группе «Погодные явления и их признаки» представлено синонимическое гнездо, единицы которого называют различные аспекты низкой температуры атмосферы. Доминантный ряд **ХОЛОД** (мороз, стужа, *устар.* хлад, *разг.* морозильник, *разг.* морозьяка, *разг., шутл.* холодильник, *разг.* холодина, *разг.-сниж.* дубарь, *разг.-сниж.* колотун, *разг.-сниж.* стынь, *разг.-сниж.* трясун, *разг.-сниж.* трясучка, *разг.-сниж.* холодрыга, *жарг., шутл.* дубак) профилирует в единицах различную степень проявления низких температур: легкая (*холод, хлад*), средняя (*мороз, морозьяка*), сильная (*стужа, холодина, колотун* и т. д.). Ряд прилагательных с доминантой **ХОЛОДНЫЙ** (*жгучий, ледящий, ледяной, морозный, обжигающий, остывший, прохладный, суровый, устар.* остылый, *устар.* хладный, *разг.* мерзлый, *разг.* студеный, *разг.* стылый) содержит единицы с семантикой постепенной утраты высокой температуры (*остывший*), а также легкой (*прохладный*), средней (*морозный*), высокой (*студеный*), очень высокой степени проявления базового признака (*обжигающий, жгучий*); различия между членами ряда формируются также и различием объектов, которые могут быть носителями данных признаков, например, *ледящий* (о ветре), *стылый* (о воздухе), *жгучий* (о морозе). Глагольные ряды представляют семантику изменения состояния атмосферы, вызванного понижением температуры: **ХОЛОДЕТЬ/ПОХОЛОДЕТЬ**, замерзать/замерзнуть, леденеть/заледенеть, стынуть/остынуть, стыть/застыть, *устар.* хладеть, *разг.* холодать/

похолодать, *разг.* холоднеть и ХОЛОДИТЬ, леденить, охлаждать/охладить, *разг.* студить/остудить. Семантика состояния представлена наречным рядом ХОЛОДНО, *разг.-сниж.* знобко.

Анализ категоризации синонимов на понятийной основе, предпринятый первоначально на материале словаря-тезауруса, позволил поставить вопрос о синонимической картине мира, которая, будучи схематически воплощенной в синопсисе словаря, демонстрирует когнитивные приоритеты в отображении реального мира. Выяснилось, что она структурно не совпадает с общеязыковой категоризацией и имеет специфическую организацию. Максимально представленными и разработанными в СКМ стали сферы, включающие СР с семантикой эмоций, интеллекта, речи, строения человека, его физиологии. Минимально представленными оказались СР, формирующие сферы «Нации», «Быт», «Населенный пункт». Совсем отсутствуют СР с семантикой веществ. Следует отметить, что подобная синонимическая картина обусловлена прежде всего ролью человеческого фактора в языке, особой когнитивной функцией синонимов, призванных выделять и интерпретировать наиболее важные для русского национального сознания фрагменты мира, как оказалось, связанные с образом самого человека — его внутреннего мира и внешнего облика, строения его организма. Кроме того, для СКМ имеют значение степень разработанности, конкретизации и глубина разработанности отдельных сфер, обнаруживающих их особую значимость. Например, в сфере «Живое существо» высокую степень разработанности демонстрируют подгруппы «Строение живого существа», например, СР с доминантами ГЛАЗА (25 семантических и стилистических варианта), ГОЛОВА (32 семантических и стилистических варианта) и «Физиологические действия, состояния и процессы, их признаки», например, СР с доминантами ЗЯБНУТЬ (52 грамматических, семантических и стилистических варианта), СЛАБЕТЬ (34 грамматических, семантических и стилистических варианта), УСТАВАТЬ (73 грамматических, семантических и стилистических варианта).

Следует отметить еще одну особенность синонимической картины мира: именно в ней впервые оказались представленными новые важнейшие категории, которые не были выявлены и описаны в словарях глаголов и существительных, но которые имеют важнейшее значение в организации ЯКМ — «Восприятие окружающего мира» и «Универсальные представления, смыслы и отношения», что имеет огромное значение для полноты отображения

мира в языке. Подобные категории относятся к разряду интерпретационных и дополняют естественную категоризацию. Все другие словари синонимов в дальнейшем опирались на синопсис, выявленный и на основе материалов словаря-тезауруса.

2008. Большой толковый идеографический словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, синонимы, антонимы (БТССР). Этот словарь создан на основе дальнейшего развития концепций ранее созданных ИС — словарей глаголов и существительных, экспериментального глагольного словаря и СТССР (2007), представляя собой при этом принципиально новый по содержанию концепции вариант идеографического словаря синонимов — Большой комплексный толково-идеографический словарь синонимов дескриптивного расширенного типа. С одной стороны, он унаследовал внешнюю глобальную иерархически организованную структуру словаря-тезауруса, которая в целом реализуется в БТССР, отличаясь от тезауруса в количественном отношении: в нем представлены синонимы 13 денотативных сфер (отсутствуют сферы «Сверхъестественное», «Населенный пункт» и «Нации», синонимия в которых представлена незначительно), 2 тыс. СР, составляющих 25 % от общего их числа, зафиксированных в словаре-тезаурусе. К настоящему времени дополнительно к этому первому тому словаря подготовлены еще пять томов БТССР. Словники этих словарей совпадают с СТССР лишь частично, так как при создании версии толкового идеографического словаря синонимов состав идеографических множеств синонимов уточняется как в сторону его увеличения, так и в сторону уменьшения в результате привлечения иллюстративного материала и его контекстологического анализа. Вместе со структурой в БТССР сохраняются традиционные для всех идеографических словарей концептуальные принципы описания, обусловленные полипарадигмальностью используемых научных подходов.

С другой стороны, концепция данного словаря уникальна: в ней в полной мере проявляется реализация тенденции к интегративности, которая обнаруживается как в расширении и ментальном слиянии единиц анализа данного словаря, так и в модели их описания, отображаемой в структурах словаря: глобальной, макро- и микроструктуре.

В словаре концептуально разработан и реализован целый комплекс оригинальных лексикографических параметров, обуславливающих его принципиальную новизну и уникальность,

получивших развитие благодаря привлечению новых научных подходов, в том числе междисциплинарных, прежде всего лингвокогнитивного, лингводискурсивного и лингвокультурологического. Наряду с принципом категоризации и распределения единиц анализа словаря (СР, синонимов — членов СР, соотносимых с ними близкородственных СР, антонимов и фразеологизмов) по денотативно-идеографическим полям, классам и группам вводятся новые лексикографические параметры. Особо продуктивными и значимыми стали понятия и термины в статусе лексикографических параметров, основанные на идеях, свойственных когнитивно-дискурсивному подходу, такие как *прототип СР*, который понимается как устойчивый мысленный образ, *семантическая идея СР*, *семантические сходства и различия синонимов одного СР*, *близкородственный СР*. Эти новации используются в структуре словарной статьи СР. Кроме того, расширяется объем единиц рассмотрения: дополнительно к основному СР предметом рассмотрения в одной словарной статье становятся соотносительные с ними антонимы и фразеологизмы, что сказывается на изменении статуса и природы совокупности репрезентаций единиц анализа в структуре словарной статьи. Структурными компонентами данного ИС становятся специфические множества его единиц — когнитивно-дискурсивные множества, комплексные по природе и включающие разнородные единицы языка: синонимы разной семантико-грамматической природы, части речи и соотносительные с ними антонимы, фразеологизмы общей когнитивно-дискурсивной направленности.

Жанр комплексного словаря обуславливается сопряжением принципов традиционного толкового словаря и идеографического словаря. Его разновидность как расширенного словаря мотивируется рядом частично отмеченных выше факторов, к которым относятся максимальное расширение словника словаря, его единиц анализа (1) и аспектов рассмотрения синонимов, угла зрения (2).

В первом случае словник расширяется, во-первых, за счет максимального включения в его состав разностилевой и эмоционально-оценочной лексики без ограничений. Во-вторых, это происходит за счет рассмотрения соотносительных с синонимами антонимов. В-третьих, принципиально новым является привлечение к рассмотрению всех СР, близкородственных основному СР, то есть деривационно-семантических грамматических вариантов одного общего СР. В-четвертых, используется подключение к рассмотрению синонимии и фразеологизмов, что способствует

значительному расширению представлений об определенных фрагментах мира. Все эти новации, связанные с расширением единиц описания, находят отображение в словарных статьях БТССР.

Например, в словарной статье с доминантой «Хороший» СР имеет следующий вид:

ХОРОШИЙ, недурной, неплохой, положительный, *устар.*, *разг.* добрый, *устар.*, *разг.* изрядный, *разг.* ладный, *разг.*, *шутл.* недурственный, *разг.* славный, *разг.* стоящий, *жарг.* путевый.

В состав СР входит лексика без ограничений, включая устаревшие, просторечные и жаргонные единицы. В зоне антонимов приводится список лексем в их соотношении с различными членами СР, таким образом, антонимия устанавливается не между СР, а между их отдельными компонентами: плохой (к *Хороший*, *Неплохой*); дурной (к *Недурной*); отрицательный (к *Положительный*); плохо (к *Хорошо*, *Неплохо*); дурно (к *Недурно*); отрицательно (к *Положительно*).

Словарная зона близкородственных СР содержит такие ряды, в которых семантика базового ряда представлена в формате других частей речи, каждый близкородственный СР сопровождается описанием семантической идеи ряда, например:

ХОРОШО, положительно, недурно, неплохо, *разг.* здорово, *разг.* ладно, *разг.*, *шутл.* недурственно, *разг.* славно. Достойно, так, что может быть высоко оценено.

Завершается словарная статья зоной близкородственных фразеологизмов, в которых представлена семантика не только базового СР, но и близкородственных СР: *хоть куда; что надо; на большой палец; на ять; чем плох; чего лучше; слава богу; дай боже; со знаком плюс; не пальцем делан; не из последних; не обсевов в поле; грех жаловаться; дай бог каждому; топ-топ; живи не тужи; как следует; в лучшем виде; о'кей.*

Во втором случае расширение обнаруживается в разработке новых параметров лексикографического описания синонимов, которые также находят отражение в структуре словарной статьи этого словаря. Наряду с указанными выше параметрами, связанными с введением всех единиц анализа, выделяются параметры, обусловленные их научной квалификацией, к которым относятся все лексикографические параметры, связанные с интерпретацией

семантики каждого отдельного СР, семантики слов-синонимов в составе СР и семантики близкородственных СР, для которых выделены специальные словарные зоны в структуре словарных статей этого словаря. Можно отметить наличие в словарной статье уровней семантизации в иерархии типов семантики: 1) уровень общей семантики СР в двух вариантах репрезентации: семантическая идея и прототип; 2) уровень индивидуальной семантики каждого отдельного синонима — члена СР; 3) уровень семантики соотносительных с основным рядом близкородственных СР.

Например, в описании СР с доминантой «Разговаривать» на верхнем уровне семантизации семантическая идея представлена следующим образом: *в словесной форме обмениваться мнениями, сведениями, информацией по какому-л. поводу.* Семантическая идея содержит базовую семантику ряда и в обобщенном виде представляет компоненты, объединяющие все члены СР. Зона прототипа содержит частные значения, которые так или иначе отражаются в семантизации членов СР и являются основанием для конкретизации их семантических различий: *общаясь в словесной форме — непосредственно или с помощью каких-л. технических средств связи (по телефону, на виртуальном форуме, в чате и т. п.); в течение определенного времени обмениваться с одним или несколькими собеседниками (однако их число не может быть слишком большим) мнениями, сведениями, информацией по какому-л. поводу, обычно в неофициальной обстановке; такое общение характеризуется какой-л. эмоциональной тональностью. При этом могут быть важны как тема разговора, его содержание, так и сам факт общения. Вообще факт участия в разговоре, беседе с кем-л. обычно означает расположение, хорошее отношение общающихся друг к другу.*

На уровне индивидуальной семантики в описании семантических сходств и различий семантическая идея ряда уточняется, например:

БЕСЕДОВАТЬ. Разговаривать, заинтересованно, доброжелательно, обстоятельно и неторопливо обсуждая что-л. (обычно о не более чем двоих участниках разговора).

В данной дефиниции, помимо семантики доминанты ряда, в семантике единицы содержатся компоненты характера обмена информацией, скорости процесса, данные о количестве участников обмена информацией.

ПЕРЕГОВАРИВАТЬСЯ. Разговаривать, обмениваясь короткими фразами, репликами, обычно приглушенными голосами и быстро, находясь близко друг от друга (обычно не более чем о двоих участниках разговора).

Здесь, помимо семантики доминанты ряда, в семантике единицы содержатся компоненты объема информации, уровня громкости, расстояния между участниками.

БОЛТАТЬ. Легко, непринужденно разговаривать на незначительную, несерьезную тему, обычно находясь в хорошем настроении и ничего не делая (о двух и более участниках разговора; собеседники являются людьми близкими или хорошо знакомыми).

В данной дефиниции, помимо семантики доминанты ряда, в семантике единицы содержатся компоненты характера темы беседы, эмоционального состояния участников, количества участников, коммуникативной соотнесенности участников беседы.

На уровне семантики близкородственных СР базовая семантическая идея ряда варьируется в отображении различных аспектов ситуации говорения: процесс (разговор, беседа, диалог, речь, собеседование, *разг.* болтовня, *разг.*, *шутл.* болтология, *разг.* треп, *разг.* трепотня, *разг.* трещание, *разг.*, *неодобр.* трепня, *разг.-сниж.* базар), субъекты говорения, любящие много разговаривать (*разг.* болтун, *разг.* говорун; *разг.* болтуня, *разг.* болтушка, *разг.* говорунья, *разг.* трещотка, *разг.* сорока), достижение отрицательного эффекта в результате осуществления действия (*сов.* договориться, *разг.*, *сов.* доболтаться, *разг.-сниж.*, *сов.* добазариться), начало процесса (*сов.* заговорить, *сов.* разговориться), увлечение процессом (*сов.* заговориться, *сов.* разговориться, *разг.*, *сов.* заболтаться, *сов.* забеседоваться), действие в аспекте продолжительности (*разг.*, *сов.* поразговаривать, *сов.* побеседовать, *сов.* поговорить, *сов.* пообщаться, *разг.*, *сов.* потолковать, *разг.*, *сов.* поболтать, *разг.*, *сов.* покалякать, *разг.*, *сов.* полялякать, *разг.*, *сов.* потрещать, *разг.-сниж.*, *сов.* побазарить, *разг.-сниж.*, *сов.* побалакать, *разг.-сниж.*, *сов.* потреться, *разг.-сниж.*, *сов.* потрындеть).

Как видим, при подобной репрезентации семантики синонимов в словарной статье БТСРРР она интерпретируется многоаспектно: как основной генерализующий смысл СР в словарной зоне «Семантическая идея», как его типовая семантика; как целостное представление, ментальный образ, формируемый квантами информации, связанными с денотативным, концептуальным, оценочным, модальным, ассоциативно-образным и пр.

типами информации, формирующими словарную зону «Прототип»; как индивидуальный смысл каждого отдельного синонима с указанием на его соотносительность с другими синонимами одного СР в словарной зоне «Семантические сходства и различия». Подобное многоаспектное представление семантики синонимов в составе одного СР осуществлено впервые, оно способствует их глубокому освещению и познанию их роли в формировании синонимического варианта ЯКМ.

Еще одна особенность данного словаря — репрезентация всех разновидностей вариантных отношений, отображенных в структуре словарных статей, инвариантом которых является доминанта основного СР, с которой соотносятся все члены СР, в том числе как абсолютные, так и идеографические синонимы, как нейтральные, так и стилистически маркированные, а также сам СР, соотносимый с близкородственными СР — ЛСВ основного СР.

Итак, концепция комплексного толкового ИС синонимов дескриптивного расширенного типа, в котором разработаны и внедрены инновационные лексикографические параметры, является результатом гармоничной интеграции в словаре на разных этапах его создания современных научных подходов и методологий, избранных для многопараметрового освещения в нем русских синонимов. В словаре продемонстрировано, что панорамное представление о синонимии как явлении сложной семантической и когнитивно-дискурсивной структуры тесно связано с другими языковыми и речевыми явлениями, отображающими фрагменты мира, важнейшие для русского национального сознания.

2011. Словарь синонимов русского языка (ССРЯ); Современный словарь русского языка. Синонимы (СССРЯ). Эти словари относятся к группе ИС малого формата, функционально ориентированных на широкого пользователя, прежде всего на школьников, студентов, вследствие чего их словники сокращены по параметрам, которые были отмечены ранее при обзоре словаря-тезауруса списочного типа такого же формата (см.: СТСРЯ, 2016, 2017). Количество единиц анализа в нем следующее: СР и синонимов — членов СР составляет 5 тыс. СР, включающих около 30 тыс. слов-синонимов, что значительно меньше общего количества СР — на 37 %, слов-синонимов — на 36,4 %. Это соответствует установке словаря на широкого пользователя, нормативности его словарного состава, повлекшей значительное сокращение словника.

Конструирование внешней глобальной структуры в этом словаре также совпадает с иерархической таксономией единиц анализа, представленных в ранее созданных большом и малом словарях-тезаурусах синонимов (см.: СТССР, СТСРЯ). Схема категоризации СР в этом словаре помещается в начале его идеографической части и открывает его под названием «Синонимы русского языка, систематизированные по смысловым группам» (см.: ССРЯ, 2011, с. 20–32). Она представляет собой перечень иерархически организованных множеств синонимов, распределенных по 15 сферам, внутри которых последовательно выявлены 84 класса, 255 групп и 185 подгрупп.

В то же время этот словарь концептуально и структурно принципиально отличается от словарей-тезаурусов, так как он представляет собой толковый ИС совмещенного дескриптивного типа малого формата. Это роднит его уже с БТССР, прежде всего направленностью на совмещение его идеографической природы с традиционной необходимостью описания семантики единиц анализа, свойственной природе толковых словарей. В этом плане данный словарь также отличается новизной репрезентации СР в словарных статьях и раскрытия их семантики. Моделирование дефиниций синонимов по определенной формуле присутствует в этих толковых словарях, но конструируется оно иначе, что обуславливается их нацеленностью на широкого пользователя, прежде всего на обучающихся русскому языку. Вследствие этого в структуре словарной статьи есть специфические лексикографические параметры и зоны, несколько упрощающие репрезентацию в их структуре СР, в отличие, например, от БТССР. Результатом становится то, что глобальная структура словаря в целом, его мегаструктура совпадает с таксономией других ИС, а структура словарной статьи значительно отличается от структуры словарных статей других толково-идеографических словарей.

В словарях этого типа словарные статьи построены таким образом, что в структуре групп после их названия приводятся семантико-грамматические группировки СР, при этом дается общее толкование для каждого СР, а синонимы — члены СР отдельно не толкуются. Внутри словарной статьи СР располагаются с учетом их семантико-грамматической природы по частям речи: сначала приводятся имена существительные, затем прилагательные, глаголы и наречия, а внутри частеречных группировок они располагаются по алфавиту слов-доминант СР, в качестве которых избираются главным образом наиболее употребительные,

стилистически нейтральные слова. Например, в СР с семантикой 'Автор поэтических произведений, строящихся по законам ритма и рифмы' доминантой избирается наиболее частотная, нейтральная по стилистике и эмоциональной окраске единица:

ПОЭТ, бард, баян, боян, лирик, певец, стихотворец, *неодобр.* графоман, *пренебр.* стихоплет, *высок.*, *трад.-поэт.* кифаред, *книжн.* версификатор, *устар.* пиит, *разг.* рифмач, *разг.* рифмоплет.

В различных ДИГ синонимов имеются свои особенности состава СР с учетом их частеречной природы:

1) максимально полные семантико-грамматические парадигмы, включающие все части речи; например, группа «Удивление» представлена СР с доминантами-существительными (*Недоумение, Странность, Удивление, Чудак, Чудотворец, Эксцентричность*), прилагательными (*Изумительный, Недоуменный, Станный, Удивительный, Чудесный, Чудотворный, Эксцентрический*), глаголами (*Изумлять, Изумляться, Удивлять, Удивляться, Чудачествовать*) и наречиями (*Изумительно, Эксцентрично*);

2) неполные семантико-грамматические парадигмы: представлены не все части речи; например, группа «Характеристика болезни и инфекции» содержит СР с базовым словом-существительным (*Инфекция*) и два СР с доминантами-прилагательными (*Заразный, Неизлечимый*);

3) минимальные однородные семантико-грамматические парадигмы, состоящие из синонимов одной семантико-грамматической природы, что часто обусловлено характером самой группы, например, группа «Человек, имеющий какие-либо увлечения» представлена СР только с доминантами-существительными (*Книголюб*).

В некоторых (очень редких) случаях СР могут состоять только из служебных слов, например, в сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения» ряд групп организован союзными СР, например, группа 15.3.5 «Условные отношения»:

• **Союзы**

ЕСЛИ, в сл'учае 'если, в том сл'учае 'если, 'если бы и... то, 'если т'олько, 'если... то, на сл'учай 'если, на т'от сл'учай 'если, при т'ом усл'овии 'если, при т'ом усл'овии что, при усл'овии 'если, при усл'овии что, р'азве что, *устар.* 'ежели, *разг.* б'уде, *разг.* 'если бы да каб'ы, *разг.* добр'о бы, *разг.* к'абы и каб'ы, *разг.* к'ак бы, *разг.* когд'а бы, *разг.* к'оли, *разг.* к'оли бы, *разг.* коль, *разг.* коль ск'оро. Выражает условие совершения, существования чего-л.

В данной сфере, помимо традиционного частеречного деления, представлены СР, являющиеся речевыми формулами, например, в группе *Согласие*:

Д'ЕЙСТВИТЕЛЬНО, в с'амоm д'еле, по'истине, согл'асен, так он'о и есть, *устар.* п'одлинно, *высок.* во'истину, *разг.* в'аша пр'авда, *разг.* впр'авду, *разг.* впрямь, *разг.* и то сказ'ать, *разг.* н'ечего сказ'ать, *разг.* ничег'о не ск'ажешь, *разг.* пр'авда, *разг.* т'очно, *разг.* что в'ерно, то в'ерно, *разг.* что и говор'ить, *разг.* что пр'авда, то пр'авда. Выражает истинность происходящего; в действительности, в самом деле.

Этот словарь синонимов русского языка с учетом всех выше-рассмотренных параметров можно квалифицировать как словарь нового активного типа, совмещающий данные о системной организации синонимов русского языка с данными справочного характера разного рода (семантической, грамматической и нормативно-стилистической информацией).

*2010. Концептосфера русского языка:
ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи
(на материале лексики, фразеологии и паремииологии)
(КРЯКК (проспект словаря), 2010; КРЯКК (словарь), 2017)*

Этот словарь — яркий пример полиаспектной междисциплинарной интеграции в сфере лексикографии, лексикологии, текста, теоретической семантики и других разделов языкознания, что соответствует бурному развитию лингвистики периода конца XX в., особенно когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, способствующих развитию тенденций лексикографической параметризации полученных теоретических результатов и развитию нового направления — концептографии [20; 22]. Анализируемый словарь отличается оригинальным научным подходом к лексикографической интерпретации русских ключевых концептов, рассматриваемых в контексте концептосферы русского языка. Он организован на основе фундаментальных принципов системного подхода, значительно дополненного методологическими положениями функционально-семантического, денотативно-идеографического направлений, но особенно важным для него стало применение лингвокультурологического, лингвокогнитивного и когнитивно-дискурсивного методологических положений. Результатом применения интеграции научных подходов стало создание уникального лексикографического труда, который

представляет собой тип комплексного ИС расширенного типа, основанного на принципах различных подходов. Это сопровождалось введением в научный оборот новых понятий, в том числе такого, как «когнитивно-дискурсивное множество», которое призвано обозначать совокупность единиц языка и речи, в частности лексики, фразеологии и паремиологии, также участвующих в репрезентации концептов. Установка на полипарадигмальность и интегративность сказалась и на конструировании глобальной структуры словаря, и на принципах отбора и лексикографического описания его единиц — ключевых концептов русской культуры. При этом в нем нет ставших традиционными для ИС УСШ понятий «типовая семантика» и «базовые идентификаторы», хотя сами лексикографические параметры, отображающие эти явления, в структуре концепта есть, но их объем и содержание рассматриваются и обозначаются в словарных статьях иначе.

Принципиальными отличиями этого словаря от предыдущих словарных произведений, созданных коллективом УСШ, обусловленными его междисциплинарной природой, стали, во-первых, четкое разграничение в макроструктуре словарных статей концептов двух частей (основных словарных зон) — ментально-репрезентативной и вербально-репрезентативной, во-вторых, рассмотрение характера репрезентативности этих зон. Так, первая часть словарной статьи, посвященная освещению ментального содержания концептов в лексикографических параметрах, представляет собой описание совокупности когнитивных признаков концептов с учетом их значимости и интерпретационной специфики: отнесенности к ядру (базовые признаки), приядерной зоне (конкретизирующие регулярные признаки), ближайшей (совмещенные признаки) и дальнейшей периферии (национально-культурные, ассоциативные, оценочные и модальные признаки). Вторая часть словарной статьи содержит совокупность лексических, фразеологических и паремиологических репрезентаций концепта, систематизированных с учетом их соотношенности с его ментальной структурой и распределенных также по трем словарным зонам на основные лексические, совмещенные и ассоциативно-образные репрезентации. Таким образом, наблюдается определенная зеркальность рассмотрения ментального содержания концепта и соответствующего ему словесно-репрезентативного пространства.

Результатом подобного рассмотрения стало открытие нового типа парадигматических единиц, который был нами обозначен

как когнитивно-дискурсивное концептуальное множество (далее — КДМ), представляющее собой совокупность единиц лексики, фразеологии и паремиологии, а также текста, участвующих в репрезентации концептов. Учитывая эти особенности словаря (неоднородность его материала, новизну вводимых понятий и лексикографических параметров), мы определяем его как комплексный идеографический словарь дескриптивного типа с расширением параметров и единиц описания. Большую роль в разработке концепции этого словаря сыграли теория концепта и практика концептуального анализа, основные положения которых легли в основу конструирования общей глобальной структуры словаря и макроструктуры словарных статей отдельных концептов. В нем описано 200 ключевых концептов, относящихся к 13 концептуальным сферам («Неживая природа», «Живая природа», «Человек как живое существо» и др.), которые формируют представление о концептосфере русского языка.

Главная структурная особенность концепта — его двойная максимально развернутая репрезентативность (ментальная, закрепленная в сознании в виде развернутого мысленного представления, и вербальная, преимущественно лексическая, закрепленная в языке и дискурсе в наборе соответствующих концепту единиц языка и речи — в КДМ). Эта разнонаправленность концептуальной репрезентации (о ней см.: [4, с. 35–40]) отображается в моделировании словарных статей, в которых структура концепта одновременно предстает как ментальная сущность и как множественная репрезентация в корпусе языковых и дискурсивных средств его объективации, организованная определенным образом. Отмеченная зеркальность соотносительности когнитивно-содержательной и конструктивно-формальной стратегий репрезентации концепта в единстве их идеального содержания и материального воплощения нашла отображение в двухчастной структуре словарной статьи и в сходстве компонентов ее внутренних частей: внутренней когнитивно-ментальной структуры и составляющих ее когнитивных блоков и признаков и внешней структуры, конструируемой совокупностью языковых и речевых единиц, формирующих аналогичные зоны словарных статей. Данная двучастность, в свою очередь, отображается в выделении двух противоположных по сути словарных зон: 1) зоне, предназначенной для описания ментальной структуры концепта и 2) зоне лексических репрезентаций концепта, дополненной дискурсивными репрезентациями. Ментальную структуру

концепта формируют четыре типа когнитивных признаков: 1) категориальные ядерные; 2) конкретизирующие приядерные; 3) интегративные склеенные, относящиеся к ближайшей периферии; 4) прагматические интерпретационные, формирующие дальнейшую периферию, такие как оценочность, модальность, образность, ассоциативность. Все эти признаки формируют когнитивный комплекс отдельного концепта или группы родственных концептов, устойчивый и регулярный, характеризующийся полипризнаковостью. Например, в словарной статье ТОСКА указаны следующие КП:

Ядерный КП: *‘тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога, уныние, томление души, мучительная скука, сопряженная со скорбью, которым трудно противостоять’.*

Приядерные КП: тяжелые, гнетущие мысли (*удрученный, подавленный*), субъект чувства обычно с неустойчивой, неуравновешенной психической системой (*сам не свой*), объекты тоски связаны с теплым воспоминанием, с любовью прежнего времени, своей юности, а также их идеализация, тоска по родине — *ностальгия (На чужбине и собака тоскует)*, степень интенсивности чувства (*тоска, тощица, истосковаться*), которое неподконтрольно субъекту (*ему трудно противостоять*).

Комплексные склеенные КП: тоска связана с другими эмоциями (с душевной тревогой, беспокойством, боязнью, иногда сочетается с горем, печалью); она способна переродиться в обиду, озлобленность или даже в ненависть; тоска сопрягается с физическим страданием, болью (*помереть (подохнуть, пропасть) можно со скуки (тоски)*); тоска приводит к мыслям о смерти (*убитый, мертвенный, гробовой; жизни не рад; жизнь не мила кому; (белый) свет не мил кому; с тоски удавиться (пропадать/пропасть, умирать/умереть)*); различные физические проявления тоски (внутреннее оцепенение человека (*падать/упасть (пасть) духом; повесить голову; повесить нос [на квинту]*), его замкнутость, желание отгородиться от всех, стремление к уединению и молчанию (*как [будто, словно, точно] в воду опушенный; как потерянный (пришибленный)*)), физическая неподвижность и нежелание вести себя активно и двигаться, бездеятельность (*опускать/опустить (складывать/сложить) руки; опускать/опустить крылья (крылышки)*), особое выражение лица (*угрюмиться, насупливаться, хмуриться*)).

Образные ассоциации: тоска представляется как 1) что-то тяжелое (*свинцовый, тяжелый; с тяжелым сердцем, что-то лежит камнем на сердце; камень на сердце, теснит грудь; давить кого-что; подавлять/подавить кого-что; тяготить*); 2) животное и его образ действия (*грызущая тоска; животная, волчья, дикая, звериная тоска; кого-л. точит (какой-то) червь; на душе (на сердце) кошки скребут у кого*); 3) как вещество с различными физическими характеристиками (*тошнотворная, тошная тоска; густая, мутная; горькая, сладкая*); 4) как объект определенного цвета (*серая, зеленая, черная*) и размера (*безбрежная, безграничная, громадная*); 5) как преодолимая сила (*невыносимая,*

неодолимая, непереносимая, нестерпимая, неукротимая), не дающая человеку никакой возможности избавления от нее (*безвыходная, безысходная, беспросветная, непреходящая, неотвязная*) и оказывающая на него пагубное воздействие (*адская, гнетущая, ноющая, острая, пронзительная, саднящая, смертельная, тягостная, цепенящая, ядовитая*).

Субъективно-интерпретационные КП представлены следующими словарными зонами:

— национально-культурные компоненты и представления: тоска как черта национального характера; причины тоски разнообразны, но самые распространенные — это тоска по родине (*ностальгия*) и неразделенная любовь; тоска персонифицируется в литературных героях (Евгений Онегин Пушкина, Вертер Гёте, Чайльд-Гарольд Байрона).

— субъективно-модальные и оценочные смыслы: типичная внешняя реакция на тоску — желание отвлечь тоскующего человека, разговаривать его, развлечь, включить в какую-либо деятельность; вред тоски для души и здоровья.

Словарная зона объективации концепта вербальными средствами содержит перечень единиц языка и речи, рассматриваемых с учетом их роли в формировании концепта на основе определенных когнитивных стратегий.

Охарактеризуем в общем виде репрезентации концепта *ТОСКА*: основные лексические репрезентации концепта (20 ЛСВ) обозначают это чувство (*тоска*), интерпретируют его как состояние (*тоскливость*), как качество характера (*угрюмость*), характеризуют наполненность им (*тоскливый романс*), способность выражаться внешне (*тоскливый взгляд*) и др. Комплексные лексические репрезентации концепта (6 ЛСВ) отражают совмещение концепта со сферой медицины (*депрессия*), с другими эмотивными состояниями (*омрачать; гнетущий*), с внешними выражениями эмоций (*понурить голову; сопли на кулак мотать*) и др. Устойчивые ассоциативно-образные репрезентации (11 значений) показывают различные аспекты состояния, каждая репрезентация подчеркивает какой-либо аспект состояния тоски (*давить; хмурый; мрачный; заунывный; тоска зеленая; опускать крылья*). Всего рассмотренный концепт *ТОСКА* репрезентируют 188 единиц, в том числе 145 лексем, 36 фразеологизмов, семь пословиц и поговорок, которые вместе формируют общее КДМ, состоящее из частных групп и подгрупп, представляющих собой потенциальный арсенал средств репрезентации концепта. При этом во всем множестве когнитивно-дискурсивных репрезентаций выделяются три основных

их типа с учетом реализации определенных когнитивных стратегий: категориальная лексическая репрезентация — именование концепта (1), множественная парадигматическая репрезентация (2), комплексная интегративная репрезентация (3).

Анализ концептов на материале их множественной парадигматической репрезентации и с привлечением пограничной интегративной репрезентации позволил нам в анализируемом словаре с максимальной полнотой и объемно выявить когнитивные комплексы, формирующие ментальные структуры ключевых концептов, а также обнаружить и описать регулярные когнитивно-дискурсивные варианты репрезентации концептов, обусловленные их семантико-грамматическими, стилистическими, модальными, оценочными, национально-культурными и пр. особенностями когнитивно-дискурсивной интерпретации их общего ментального представления.

Итак, рассмотренный словарь создан на основе междисциплинарной научной интеграции в сфере лексикографии, основанной на базовых принципах системной организации единиц описания, дополненных лингвокультурологическими и лингвокогнитивными представлениями, что отразилось и на формировании глобальной структуры словаря, и на принципах отбора и лексикографического описания его единиц — ключевых концептов русской культуры. В словаре разработана и внедрена уникальная модель анализа и репрезентации двусторонней сущности концепта, рассматриваемой в единстве его ментального содержания и когнитивных стратегий категориальной и множественной репрезентации, которая может быть использована в дальнейших исследованиях подобного рода. Результатом подобного рассмотрения стал новый тип парадигматических единиц — КДМ, представляющих собой совокупность единиц лексики, фразеологии и паремиологии, участвующих в репрезентации отдельных и родственных концептов.

2012, 2016. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка (СТПРЯ); Словарь-тезаурус русских прилагательных (СТРП, 2016)

Указанные словари представляют собой два варианта издания ИС прилагательных, созданного впервые. В русской лексикологии и лексикографии до начала XXI в. не было семантической классификации прилагательных, выполненной в полном объеме на материале этого семантико-грамматического класса слов. В основном

имелись опыты категоризации качественных прилагательных, относительные не были предметом подобного рассмотрения, что можно объяснить сложностью семантики этого множества слов, наличием большого числа производных прилагательных, широко развитой многозначностью.

Вследствие этого самым трудным при их идеографическом описании стало выявление идентификаторов, способных формировать на основе своей более обобщенной семантики группы прилагательных, конкретизирующих ее. Решая эту проблему, в качестве идентификаторов прилагательных мы предложили использовать «аналитические сочетания, включающие обычно два компонента. Идентификатор первой степени — слово с более обобщенным значением, обычно репрезентант суперклассификаторов: *имеющийся, обладающий, относящийся, выражающий* и под. Идентификатор второй степени — слово с более конкретным значением, репрезентант референциальной и дискурсивной составляющих семантики прилагательных. Например, суперклассификатор *дающий* уточняется следующим образом: *дающий, приносящий результат; дающий / не дающий много чего-л. (хлеба, урожая и под.); дающий возможность что-л. экономить; дающий жизнь; дающий какие-л. знания, образования; дающий какую-л. производительность* [7, с. 14]. В результате идентификаторы первой степени формируют лексические множества прилагательных высшей ступени иерархии — *денотативные сферы, поля, классы*, а идентификаторы второй степени преимущественно формируют множества базового уровня, основные в процессе категоризации мира, — ДИГ. Можно сказать, что категоризация прилагательных в рассматриваемых словарях осуществлена на основе традиционного комплекса структурно-семантического, функционального и денотативно-идеографического научных подходов.

Идеографический словарь-тезаурус русских прилагательных, созданный в УСШ, — первое лексикографическое произведение, выполненное в этом направлении. Объем его словника — 15 тыс. ЛСВ, распределенных на основе синопсиса по лексическим множествам, включающим 15 сфер, 103 класса, 278 групп, 358 подгрупп. Глобальная структура словаря прилагательных сконструирована прежде всего на основе общих базовых принципов идеографической лексикографии — системности, иерархичности, инвариантности и вариативности, пересекаемости.

Основная идеографическая часть словаря прилагательных как словаря-тезауруса списочного демонстрационного типа, как

обычно, представляет собой списки слов одного семантико-грамматического типа, объединенные по разного рода лексическим множествам разного уровня иерархии, внутри которых они располагаются по алфавиту. Так, в сфере «Экономика» группа «Виды товаров» состоит из следующих ЛСВ: *Бакалейный, Гастрономический, Доставочный, Канцелярский, Продовольственный, Промышленный*.

Особенностью, отличающей идеографический словарь прилагательных от других словарей-тезаурусов, является его вторая часть — словник, в которой содержится полный список его лексем, расположенных по алфавиту, как и в других подобных словарях, но в который при этом внесено принципиально новое дополнение: каждое прилагательное содержит указания на его разные значения — индексы (номера) групп для каждого ЛСВ, последовательно сопровождаемые предложениями — примерами типичного употребления в контексте словосочетания, что особенно важно для переносных значений прилагательных. Так, прилагательное БОЛЬШОЙ, по данным словаря, имеет 10 ЛСВ, которые входят в различные идеографические группы, например: 4.2.2. Человек определенного возраста (*Б. мальчик. Б. ребенок*); 8.1.2. Степень проявления эмоций (*Б. добряк. Б. плакса*); 13.5.3. Человек по положению в обществе, сословному положению, социальному статусу и его титулы, звания (*Б. начальник. Б. пост*); 14.8.2. Промежуток времени и единицы измерения времени (*Б. срок. Б. перемена*); 14.9.4. Много/мало (*Б. расходу. Б. группа спортсменов*); 15.2.7.1. Интенсивность (*Б. интерес. Б. удовольствие. Б. труд*).

Подобные интерпретации прилагательных составляют специфику и новизну словаря, они имеют большую теоретическую и практическую ценность, так как фактически разграничивают в словнике однозначные и многозначные прилагательные и отображают направления развития их регулярной многозначности. Семантическая информация при этом дается непрямо, а косвенно: она шифруется в номере группы, указывающем на отнесенность значения к определенному денотативно-идеографическому множеству, и семантически разграничивается благодаря диагностическим примерам-иллюстрациям употребления прилагательных. Все это способствует некоторому уточнению разновидности данного словаря, который по праву можно квалифицировать как словарь-тезаурус списочного типа с элементами толкового словаря, дополнительно содержащего в словарной зоне алфавитной

части семантическую информацию, касающуюся разграничения значений многозначных прилагательных.

*2021. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус
эмотивной лексики (АЭ СТЭЛ)*

Специфика и новизна этого словаря, отличающая его от других ранее созданных в УСШ идеографических словарей-тезаурусов, заключается прежде всего в его материале; он представляет собой принципиально новый по концепции и структуре авторский словарь-тезаурус списочного типа, отображающий в лексикографических параметрах одну денотативную сферу — фрагмент внутреннего мира человека, мир его эмоций. Это первый словарь, целиком посвященный лексикографическому описанию эмотивной лексики в полном объеме. Следствием этого являются особенности организации глобальной структуры словаря. При ее конструировании не используется в качестве главного таксономико-иерархический принцип, в ее основе лежат отношения конъюнкции: группы лексики эмоций соположены последовательно по алфавиту наименований базовых эмоций, дополняющих друг друга и отображающих в совокупности целостный мир эмоций человека, его эмоциональную сферу. Принцип последовательного изложения материала сохраняется в дальнейшем на уровне внутренней макроструктуры словарной статьи, в перечне подгрупп в составе одной группы. Это отражается и в синопсисе словаря, в его оглавлении.

Словник словаря представляет собой поличастеречное объединение лексики — объемное когнитивно-идеографическое множество лексических репрезентаций эмоций, которое сформировано на основе интеграции денотативно-идеографического и лингвокогнитивного подходов, учитывающих знания об их природе и типах, зашифрованных в их лексической семантике. Вследствие этого лексические множества этого словаря мы относим к разряду когнитивно-идеографических групп (далее — КИГ), так как они представляют собой поличастеречные объединения слов, сопряженных когнитивной функцией — выражением знаний о конкретных типах эмоций с помощью лексических репрезентаций разной семантико-грамматической природы. Всего выявлено 11 210 ЛСВ с эмотивной семантикой, распределенных по 39 КИГ и 292 подгруппам. В качестве базовых эмоций, формирующих основные их группы, освещаемые в словарных статьях, выделены

следующие эмоции: 1. Беспокойство; 2. Бесстрашие; 3. Бесстыдство; 4. Вдохновение; 5. Вера; 6. Влечение; 7. Вражда; 8. Высокомерие; 9. Горе; 10. Грусть; 11. Доброта; 12. Дружба; 13. Жалость; 14. Желание; 15. Жестокость; 16. Злость; 17. Искренность; 18. Неискренность; 19. Любовь; 20. Любопытство; 21. Надежда; 22. Настойчивость; 23. Неверие; 24. Недовольство; 25. Неприязнь; 26. Обида; 27. Одиночество; 28. Одобрение; 29. Равнодушные; 30. Радость; 31. Смирение; 32. Сомнение; 33. Спокойствие; 34. Страх, трусость; 35. Стыд; 36. Счастье; 37. Уважение; 38. Удивление; 39. Чувство. Можно предположить, что именно эти эмоции относятся к разряду универсальных и составляют их когнитивно-идеографическую основу, базу.

В макроструктуре словарной статьи каждой ДИГ последовательно отображаются регулярные интерпретации базовых эмоций, основанные на их варьировании в действительности и формирующие подгруппы, к которым относятся следующие восемь вариантов: 1. Эмоциональное состояние; 2. Эмоциональное отношение; 3. Становление эмоционального состояния и отношения; 4. Эмоциональное воздействие; 5. Внешнее выражение эмоций; 6. Эмоциональная характеристика; 7. Эмоциональное качество; 8. Человек как средоточие и носитель эмоций.

Словарь отображает восемь потенциально возможных моделей варьирования интерпретации эмоций, но в реальности каждая эмоция характеризуется свойственным именно ей специфическим набором вариантов, допуская их количество, как показал материал, от пяти до восьми вариантов, составляющих перечень интерпретационных парадигм, полных и неполных. В некоторых группах наблюдается лакунарность отдельных подгрупп, что обусловлено природой и характером самих эмоций, например, замкнутостью эмоции в субъекте (в этом случае отсутствует подгруппа *Эмоциональное отношение*), невозможностью внешнего проявления той или иной эмоции (отсутствует лексическое выражение подгруппы с этой семантикой) или эмоцией, связанной с определенными эмоциональными качествами человека, которые являются константными (в этом случае отсутствует лексика подгруппы *Становление эмоционального состояния и отношения*). Так, например, в группе БЕССТРАШИЕ лексически не выражены подгруппы «Эмоциональное отношение» и «Эмоциональное воздействие», в группе ВЛЕЧЕНИЕ — подгруппа «Внешнее выражение эмоций», в группах БЕССТЫДСТВО, ГОРЕ, ГРУСТЬ, ЗЛОСТЬ, РАДОСТЬ и др. — подгруппа «Эмоциональное отношение»,

в группе ИСКРЕННОСТЬ — подгруппы «Эмоциональное отношение», «Становление эмоционального состояния и отношения», «Эмоциональное воздействие», в группе НАСТОЙЧИВОСТЬ — подгруппы «Эмоциональное состояние» и «Эмоциональное воздействие», в группе НЕИСКРЕННОСТЬ — подгруппа «Эмоциональное состояние», в группе УВАЖЕНИЕ — подгруппа «Эмоциональное воздействие».

Отличие этого словаря от других словарей-тезаурусов демонстрационного типа заключается в наличии семантических включений типовой семантики в формате прототипа с описанием устойчивых представлений о каждой эмоции, которые размещаются в специально выделенной для этого словарной зоне. Приведем, к примеру, прототип из словарной статьи ВДОХНОВЕНИЕ:

Типовая семантика: эмоциональное состояние своеобразного напряжения и наивысшего подъема душевных сил, максимального творческого взлета, которое приводит к реализации идеи, замысла произведений науки и искусства. Оно бывает редким и кратким, его преимущественно испытывают натуры талантливые, гениальные, реализующие свои идеи и замыслы с необычайной полнотой благодаря силе воображения и мысли, напряженной интеллектуальной и литературно-художественной деятельности. Этого состояния ждут, оно как бы непредсказуемо нисходит свыше, захватывает человека, владеет им, его воображением, и человек погружается в него и переживает его индивидуально. Состояние душевного подъема, творческого волнения может быть связано также с увлеченностью чем-л., в этом случае оно может охватывать как одного человека, так и группу лиц, объединенных какой-л. деятельностью: исполнительской, общественно-политической, трудовой и пр.

Далее за словарной зоной прототипа отдельной строкой приводятся ключевые лексемы для каждой группы эмотивной лексики. Так, в группе ВДОХНОВЕНИЕ это следующий ряд слов: ВДОХНОВЕНИЕ, ВООДУШЕВЛЕНИЕ, ВОСТОРГ, ПАФОС, УПОЕНИЕ, ЭКСТАЗ.

Внутренняя структура каждой КИГ построена с учетом знаний о регулярном варьировании типовой эмотивной семантики по восьми различным моделям их протекания, что отображается в структуре словарных статей (в наличии определенных подгрупп) и что также составляет принципиальную новизну этого словаря, в котором она интерпретируется с учетом когнитивных стратегий, воплощенных в эмотивной семантике как 1) эмоциональное состояние (*вдохновение, одухотворенный, подъем, перен.*), 2) эмоциональное отношение (*упиваться/упиться, перен.*), 3) становление эмоционального состояния (*воодушевляться/воодушевиться,*

окрывается/окрылиться), 4) эмоциональное воздействие (*воодушевлять/воодушевить, озарять/озарить, перен.*), 5) внешнее выражение эмоций (*одухотворенный, патетичность*), 6) эмоциональная характеристика (*окрыленный, перен., пафосный*), 7) качество (*одухотворенность, патетичность, пыл, перен.*), 8) обозначение человека как средоточия и носителя эмоций (*вдохновитель, муза, перен.*). Как видим, в данной КИГ представлены все восемь вариантов интерпретации вдохновения, формирующие, соответственно, восемь подгрупп, количественная представленность которых различна: доминируют три когнитивно-идеографические подгруппы — эмоционального состояния (83 лексемы), внешнего выражения эмоций (26 лексем), становления эмоционального состояния (25 лексем), которые вместе составляют около 66 % от всей лексики этой небольшой группы, состоящей из 188 слов.

Заключая обзор этого словаря, хотелось бы подчеркнуть, что он относится к разряду словарей-тезаурусов демонстрационного списочного типа с частичными элементами семантической информации в формате типовой семантики, включенной в преамбулу всех его словарных статей, основу концепции которого составляет полипарадигмальный подход, основанный на принципе дополнительности и совмещения структурно-семантического, семантико-функционального, денотативно-идеографического, лингвокогнитивного, лингвопсихологического научных подходов.

*2021. Большой толковый идеографический словарь
синонимико-антонимических комплексов:
материалы словаря (БТИССАК)*

В самом названии этого словаря содержится указание на его интегративность и специфику единиц описания — синонимико-антонимических комплексов (далее — САК), которые объединяют в единое уникальное множество лексические единицы, выражающие тождество, — синонимы, и единицы, выражающие противоположность, — антонимы, которые обычно рассматриваются как компоненты полярно организованных оппозиций [см.: 2]. Это первый словарь, в котором синонимы и антонимы рассмотрены на едином интегративном основании, позволяющем формировать в нем особый тип биполярных САК, сходство противоположных компонентов которых обусловлено их когнитивной стратегией — общей денотативной направленностью на отображение однотипных фактов, предметов и в целом

фрагментов действительности, таких как «Особенности строения живого существа», «Интеллект», «Эмоции», «Язык и речь» и др., что позволяет специфически отображать мир, акцентируя в нем единство противоположностей.

В этом словаре при соблюдении традиций идеографического описания лексических единиц используются также новые аспекты и подходы к их рассмотрению, так что его новизна как комплексного словаря проявляется не только в самом составе его единиц — описании синонимов и антонимов в едином САК, но и в полиаспектности их рассмотрения и лексикографической многопараметровости. В нем впервые дополнительно к традиционным фундаментальным принципам идеографического описания, принятым в УСШ, использован деривационно-гнездовой принцип распределения материала, позволивший значительно расширить материал идеографических групп за счет всех возможных семантико-грамматических вариантов базовых синонимико-антонимических оппозиций. Таким образом, есть все основания квалифицировать этот словарь как комплексный интегративный словарь совмещенного типа, в котором имеется развернутая объяснительная дескриптивная часть, обязательная для толковых словарей, и классификационно систематизирующая часть, свойственная ИС, в соответствии с которой в словаре на момент его издания выявлены основные денотативные сферы (10), группы и подгруппы (53), в которых описаны базовые (210) и частные антонимические оппозиции (747), включающие 5 770 лексем — синонимов и антонимов.

В соответствии со структурой словаря все рассматриваемые САК типологизируются в зависимости от уровня их репрезентации на главные, базовые, основные и частные. Модель их описания в макроструктуре словарной статьи каждой ДИГ включает группы, подгруппы и микрокомплексы. При этом базовые антонимические оппозиции выступают в качестве заголовков словарных статей, описывающих САК определенных групп, и формируют САК одной группы; основные антонимические оппозиции формируют подгруппы в составе САК, микрокомплексы формируют частные оппозиции в составе подгрупп. Например, группа «Особенности телосложения живого существа» организована пятью подгруппами оппозиций (*Высокий* ↔ *Невысокий*, *Крепкий* ↔ *Тщедушный*, *Крупный* ↔ *Мелкий*, *Сильный* ↔ *Слабый*, *Толстый* ↔ *Худой*), подгруппа САК «Высокий ↔ Невысокий» имеет в составе микрокомплекса частные оппозиции *Высокий* ↔ *Невысокий* (о человеке),

Высокий ↔ *Невысокий* (о росте), *Верзила* ↔ *Коротышка* (о мужчине определенного роста), *Верзила* ↔ *Коротышка* (о женщине определенного роста).

В словаре впервые разработаны и использованы определенные модели дефиниций для компонентов САК, которые предполагают обязательность демонстрации их оппозитивности, отображаемой в их типовой семантике. В ней большое значение уделено семантизации СР в составе антонимических оппозиций разного типа, их моделирование предполагает такую структуру дефиниций, которая конструируется из двух компонентов, акцентирующих оппозитивность САК и одновременно отображающих и общий смысл тождества, и модальный интерпретативный смысл противоположности рассматриваемых оппозиций.

Рассмотрим дефиниции базового микрокомплекса САК «Внятный — невнятный»:

Внятный, отчетливый, чеканный, четкий, членораздельный, явственный, ясный. Хорошо слышимый, различаемый во всех подробностях, легко понимаемый, воспринимаемый на слух; такой, в котором звуки речи хорошо выделяются, различаются (о речи, манере говорить или о произносимых словах, фразах).

Невнятный, косноязычный, неотчетливый, неразборчивый, нечеткий, нечленораздельный, неясственный, неясный. Плохо слышимый, с трудом воспринимаемый на слух; такой, в котором звуки речи плохо выделяются, различаются (о речи, манере говорить или о произносимых словах, фразах).

Противопоставление в указанных дефинициях строится на следующих когнитивных признаках: слышимость (хорошо/плохо слышимый), качество восприятия на слух (легко / с трудом воспринимаемый на слух), качество различения звуков в речевом потоке (хорошо/плохо выделяются, различаются).

Особое значение в БТИССАК имеет также осмысление типовой семантики САК в соотнесенности с ее синонимико-антонимическими лексическими репрезентациями, которые освещаются на двух уровнях: высшем внешнем уровне глобальной структуры САК — уровне денотативных сфер и внутреннем уровне базовых структур — макроструктур каждой отдельной САК. В том и другом случае модель описания типовой семантики двуаспектна и двукомпонентна, она предполагает, во-первых, ее формулировку в формате развернутого словосочетания и, во-вторых, указание в скобках ее основных лексических репрезентантов, представляющих собой антонимические оппозиции, состоящие из доминант

соотносительных СР. Типовая семантика при этом моделируется таким образом, чтобы подчеркнуть тождество, смысловую близость интерпретационной конкретизирующей семантики компонентов антонимически соотносительных оппозиций и одновременно противоположность их оценочных квалификаций. Еще одна особенность словарной зоны типовой семантики обусловлена тем, что она призвана отображать типовую семантику всех множеств САК разного уровня: типовую семантику ДИГ в составе денотативных сфер и типовую семантику подгрупп в составе ДИГ.

Например, типовая оппозитивная семантика ДИГ «Особенности кожного покрова живого существа» демонстрирует набор противоположных признаков кожи живого существа в аспектах формы, цвета, качества. Группа организована тремя базовыми противопоставлениями, представленными лексемами различных частей речи: *Румяный* ↔ *Бледный* (пять микрокомплексов); *Смуглый* ↔ *Белый* (четыре микрокомплекса); *Упругий* ↔ *Дряблый* (два микрокомплекса); помимо базовых противопоставлений, представлены оппозиции *Гладкий* — *Морщинистый*, *Гладкий* ↔ *Прыщавый* и *Гладкий* ↔ *Рябой*, характеризующие рельеф кожи.

В составе этой группы типовая оппозитивная семантика подгруппы с базовым противопоставлением *Румяный* ↔ *Бледный* профилирует различные категориальные значения: признак носителя (человек), признак носителя (часть лица), становление признака (имеющий бледно-красный или алый цвет кожи ↔ имеющий нездоровый, тусклый цвет кожи (*Румяный* ↔ *Бледный*)); наличие розового или алого цвета щек ↔ отсутствие розового или алого цвета щек (*Румянец* ↔ *Бледность*); становиться/стать румяным ↔ становиться/стать бледным (*Разрумяниваться/разрумяниться* ↔ *Бледнеть/побледнеть*)).

Большое значение для максимального охвата материала при рассмотрении антонимии в контексте синонимии имеет применение при его выявлении и описании семантико-деривационных преобразований базовых синонимико-антонимических оппозиций, регулярных для определенных ДИГ, с учетом которых фактически осуществляется моделирование структуры синонимико-антонимических макрокомплексов, воплощаемых в построении словарных статей САК определенных ДИГ. Например, в ДИГ «Период жизни человека и человек определенного возраста» одной из базовых оппозиций является *Молодость* ↔ *Старость*, данная оппозиция представлена деривационными вариантами, отражающими в частных САК различные аспекты ее оппозитивной семантики.

Деривационные варианты представляют полную парадигму поли-
 частеречного множества:

— существительные, обозначающие возраст или человека
 определенного возраста: возраст человека между юностью и зре-
 лостью ↔ возраст человека, наступающий после зрелости (*моло-
 дость* ↔ *старость*); молодые люди ↔ старые люди (*молодежь* ↔
старики); компания молодых людей ↔ компания старых людей
(молодежь ↔ *старичье*); мужчина, находящийся в юношеском
 возрасте ↔ мужчина, достигший старости (*юноша* ↔ *старик*);
 тот, кто находится в молодом возрасте ↔ тот, кто находится
 в старом возрасте (*молодой* ↔ *старый*); тот, кто находится в воз-
 расте от отрочества до зрелых лет ↔ тот, кто достиг старости
(молодой ↔ *старик*); та, кто находится в возрасте от отрочества
 до зрелых лет ↔ та, кто достигла старости (*молодая* ↔ *старуха*);

— прилагательные, называющие различные аспекты при-
 знака, названного базовой оппозицией: являющийся возрастом
 человека между юностью и зрелостью ↔ являющийся возрастом
 человека, наступающим после зрелости (*юношеский* ↔ *старче-
 ский*); свойственный юноше, молодым людям; принадлежащий
 ему, им ↔ свойственный старику, старым людям; принадлежащий
 ему, им (*юношеский* ↔ *старческий*); не достигший зрелости ↔
 достигший старости (*молодой* ↔ *старый*); свойственный молодо-
 му человеку ↔ свойственный старику (*молодой* ↔ *старческий*);

— глаголы, называющие становление признака: становиться/
 стать молодым ↔ становиться/стать старым (*молодеть/помоло-
 деть* ↔ *стареть/постареть*); делать/сделать кого-л. молодым ↔
 делать/сделать кого-л. старым (*молодить* ↔ *старить*);

— наречия: так, как характерно для возраста человека между
 юностью и зрелостью ↔ так, как характерно для возраста чело-
 века, наступающего после зрелости (*юношески* ↔ *старчески*);
 моложе своих лет ↔ старше своих лет (*молодо* ↔ *старо*); так, как
 характерно для молодых людей ↔ так, как характерно для старых
 людей (*молодо* ↔ *старчески*).

Итак, можно сказать, что в БТИССАК важную структурообра-
 зующую роль играют принципы интегративности и дополнитель-
 ности, которые применяются на разных этапах моделирования
 САК разного типа в одном словаре. Этот словарь, несомненно,
 относится к комплексным ИС совмещенного типа, так как когни-
 тивный механизм совмещения проявляется в нем многообразно,
 во-первых, на уровне материала — в однородности языковых
 единиц одного лексического уровня (синонимов и антонимов),

объединяемых в одно целостное множество — САК, имеющее специфическую структурную организацию, репрезентирующую ментальную интеграцию отношений тождества и противоположности. Во-вторых, совмещение проявляется также в типологической природе словаря, комплексный характер которого обуславливается совмещением лексикографических параметров толкового и идеографического словаря, словарей синонимов и антонимов.

2022–2024

В указанный период началась разработка новой научной темы в рамках гранта РФ «Свод русской лексики как семантическая карта мира: универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики», которая предполагает, с одной стороны, исследование теоретических вопросов и проблем, связанных с дальнейшим изучением лексики в пространственном измерении в формате свода, отображающем его структуру в денотативно-идеографической карте мира, с дальнейшей реализацией полученных данных в конструировании Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка. Поставленная цель создания нового ИС, охватывающего сверхобъемное поличлассификационное множество — русскую лексику разной семантико-грамматической природы, и представления его в формате свода и денотативно-идеографической карты, потребовала уточнения и модификации ранее созданного синопсиса идеографической классификации лексики (2010, 2015), на который мы ориентировались при создании всех словарей после 2010 г. В настоящее время новая вариант синопсиса нами создан (2023), основные модификации в нем коснулись прежде всего вершинной главной части его глобальной структуры, повлекшей его переструктуризацию и изменение отображения таксономической иерархии категорий с учетом их типологии в общей структуре. Принципиальные изменения связаны как с формальным сокращением суперкатегорий, их укрупнением, так и с отображением их в общей структуре с учетом их базовых когнитивных стратегий осуществления либо естественной, либо интерпретационной категоризации мира. Таким образом, в настоящем синопсисе (третья версия) всего выявлено в его вершинной главной части два лингвокогнитивных центра, которые включают в себя 11 категорий нижележащих уровней категоризации. При этом на данном этапе реализации проекта и конструирования синопсиса при представлении в нем мегакатегорий учитывается

их деление на два типа: естественные и интерпретационные категории. В самом общем виде в настоящее время это выглядит следующим образом:

А. Категоризация мира действительности. Естественные категории.

I. Природа.

II. Человек как часть природы.

III. Действие и деятельность.

IV. Внутренний мир человека: эмоции и речемыслительная деятельность.

V. Общество и государство.

VI. Социальная деятельность и социальные отношения.

VII. Восприятие внешнего и внутреннего мира.

Б. Интерпретация мира. Интерпретационные категории.

VIII. Универсальные представления.

IX. Логико-семантические универсальные отношения.

X. Модальность и модальные интерпретации.

XI. Оценочная интерпретация.

* * *

Итак, заключая обзор ИС УСШ, подчеркнем, что формирование новых научных парадигм конца XX — начала XXI в. отразилось на динамике и корректировке концепций ИС УСШ. В процессе их последовательной разработки актуализировались и активно использовались достижения, полученные в сфере новых развивающихся научных подходов. Рассмотрение ключевых точек методологических преобразований концепций на примере нескольких словарей разного периода создания показало динамику их развития в направлении от монопарадигмальности (ЛСГРГ) к полипарадигмальности и интеграции парадигм (все остальные словари). Первоначально принцип полипарадигмальности при создании ИС осуществлялся на основе совмещения научных парадигм общей лингвистической направленности — структурно-семантической, функционально-семантической, денотативно-идеографической, следствием чего стало издание словарей-тезаурусов демонстрационного списочного типа и комплексных толковых ИС дескриптивного совмещенного типа (БТСРГ, БТСРС, БТИССАК, СТСРР, СТСРЯ, СТПРЯ). Далее на основе интеграции собственно лингвистических и родственных им научных парадигм межпредметной гуманитарной направленности (лингвокультурологии, лингвокогнитологии, концептографии, когнитивно-дискурсивного направления

и др.) в УСШ получила развитие разработка ИС на интегративной основе. Можно утверждать, что к настоящему времени в русле идеографической лексикографии УСШ сформировалась и получила развитие когнитивно-дискурсивная идеографическая лексикография, основанная на интеграции научных подходов при различных вариантах их комбинации и актуализации. При этом, с одной стороны, во всех словарях сохраняются базовые, основополагающие для идеографической лексикографии принципы, такие как системность, иерархичность, вариативность, пересекаемость рассматриваемых множеств единиц, с другой стороны, разрабатываются и используются новые научные аспекты и методологии с доминированием лингвокогнитивного и когнитивно-дискурсивного подходов с поворотом в сторону комплексного рассмотрения единиц языка и речи, их интеграции при усилении человеческого фактора в лексикографии, с актуализацией разработки проблемы языковой картины мира, отображения знаний о мире средствами языка, роли человека в формировании и хранении знаний о мире, в создании словарей концептов, способствующих развитию отдельной ветви идеографической лексикографии — концептографии (РГПЭСС, БТИССРР, КРЯКК). Динамика развития идеографических словарей, проявившаяся в лингвистике конца XX — начала XXI в., в свою очередь, послужила основанием развития теории множеств, выявления новых комплексных объединений единиц [см.: 6], таких как САК, функционально-синтаксические группы (ФСГ), когнитивно-дискурсивные множества (КДМ) и др.

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. М., 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. 769 с.

2. *Бабенко Л. Г.* Антонимия в контексте синонимии: принципы лексикографического описания в идеографическом словаре // Филологический класс. 2020а. № 1. С. 8–16.

3. *Бабенко Л. Г.* Категоризация мира по данным идеографических словарей // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 23–52.

4. *Бабенко Л. Г.* Репрезентация как ключевое понятие когнитивной лингвистики: динамика осмысления термина в современном научном дискурсе (на материале лексикографических данных) // Когнитивные исследования языка. Вып. 4 (55). Когнитивная лингвистика в контексте современной науки:

материалы междунар. науч. конф., 19–21 сент. 2023 г. / отв. ред. вып. О. А. Турбина. Челябинск, 2023. С. 35–40.

5. *Бабенко Л. Г.* Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург, 2015. С. 22–42.

6. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Науч. диалог. 2020б. № 9. С. 9–47.

7. *Бабенко Л. Г.* Уральская идеографическая лексикография: этапы формирования, результаты и перспективы // SLAVIA časopis pro slovanskou filologii ročník 86. 2017. Sešit 4. P. 1–12.

8. *Бабенко Л. Г., Дудорова М. В.* Концептуальные основы формирования Уральской идеографической лексикографии: основные научные подходы, теоретические принципы и лексикографические параметры // Изв. УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. № 2 (в печати).

9. *Баранов О. С.* Идеографический словарь русского языка. М., 1992. 1248 с.

10. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола : Глаголы речи, звучания и поведения : учеб. пособие. Уфа, 1981. 71 с.

11. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. 366 с.

12. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976. 354 с.

13. *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 338 с.

14. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 239–320.

15. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система. Свердловск, 1980. 89 с.

16. *Кузнецова Э. В.* Части речи и лексико-семантические группы глаголов // Вопр. языкознания. 1975. № 5. С. 78–86.

17. *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970. 69 с.

18. *Русская глагольная лексика: денотативное пространство / под ред. Л. Г. Бабенко.* Екатеринбург, 1999. 458 с.

19. *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм : памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л. Г. Бабенко.* Екатеринбург, 1997. 517 с.

20. *Русский идеографический словарь : Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова.* М., 2011. 1015 с.

21. *Сяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В.* Тематический словарь русского языка. М., 2000.

22. *Степанов Ю. С.* Константы : Словарь русской культуры / 3-е изд., испр. и доп. М. : Акад. проект, 2004. 992 с.

23. *Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.] ; отв. ред. Ю. Д. Апресян.* М. : Языки славян. культур, 2006. 910 с.

1.2. Развитие лексикографических данных Уральской семантической школы в процессе формирования Универсального словаря-тезауруса*

Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики является новым проектом Уральского федерального университета, продолжающим лексикографические традиции Уральской семантической школы (далее — УСШ). По замыслу коллектива, возглавляемого профессором Л. Г. Бабенко, этот ресурс будет представлять собой объемный межчастеречный лексический свод, упорядоченный по денотативно-идеографическому принципу. Наследование традиций заключается не только в генеральной концепции нового словаря [17; 23], но и в использовании в качестве отправного источника объединенной лексикографической базы данных, содержащей результаты многолетней работы по составлению идеографических словарей.

Актуальность идеографических словарей (или, если не вдаваться в некоторое различие между терминами, словарей тезаурусного типа) определяется теоретическими и прикладными возможностями их использования — от системного изучения и преподавания языка, лингводидактики до компьютерной лингвистики, нейросетей, машинного обучения. Современные задачи обработки текстовой информации решаются с использованием классификационных структур, отражающих стандартные семантические отношения между значениями слов (в первую очередь это синонимия, антонимия, гипогиперонимия, а также когипонимия, объединяющая слова одной семантической группы).

Универсальный словарь-тезаурус русской лексики будет сочетать черты электронной базы данных с необходимым пользовательским интерфейсом и классического словаря. Любой лексикографический продукт так или иначе опирается на более ранние лексикографические результаты, и особую зависимость в этом плане проявляют словари тезаурусного типа, основанные на семантических классификациях. Денотативно-идеографический синописис УСШ имеет свою историю развития [см.: 4; 5] и неоднократно апробирован в различных проектах. Однако, во-первых, никакой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00352).

синописис не является абсолютно идеальным и универсальным: любая семантическая классификация со временем уточняется и дополняется. Во-вторых, любой словарь требует определенной структурной модификации синописиса в зависимости от объекта описания (слова определенной части речи, только синонимы, синонимико-антонимические комплексы и т. д.).

Иными словами, для словарного коллектива являются актуальными вопросы соотношения Универсального словаря-тезауруса и большой исходной лексикографической базы данных УСШ — в первую очередь проблемы преемственности и развития данных.

*Денотативно-идеографический синописис
Уральской семантической школы
и другие подходы к семантическим классификациям*

Кафедре фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения УрФУ (ранее — кафедра современного русского языка) в 2024 г. исполняется 50 лет, и все эти годы интересы ее преподавателей и сотрудников были связаны с изучением семантики и лексикографической деятельностью. На кафедре и вокруг нее сформировалась УСШ, много лет возглавляемая профессором Л. Г. Бабенко [3; 24]. Коллектив создал десятки словарей идеографического типа — глаголов, существительных, прилагательных, синонимов, концептов [9–9; 18–22 и др.], — получивших широкую известность. Менялись за эти годы и представления о семантических основаниях лексикографической работы.

Толково-идеографический словарь русских глаголов стал первым проектом коллектива. Основы его семантической классификации, которую теперь называют традиционной (а в 1970–1980-е гг. она воспринималась как совершенно новаторская), были заложены в 1980-е гг. профессором Э. В. Кузнецовой [10]. Главные принципы глагольной категоризации и интерпретации лексических значений определила Л. Г. Бабенко [6; 21; 22]. После создания глагольного словаря от «традиционного» семантического основания организации синописиса словарный коллектив перешел к денотативно-идеографическому принципу, согласно которому «сам перечень категорий составлен... нами на основе синописиса (свода) идеографической классификации лексики знаменательных частей речи русского языка. Один из основных принципов его организации — иерархичность категорий, формирующих лексические множества разного ранга: идеографические сферы,

классы, группы, подгруппы» [2, с. 12]. Отчасти смена классификационного принципа объяснялась работой над идеографическими словарями существительных и прилагательных [7; 18] — именной лексики, которой стало «тесно» внутри глагольной классификации. Но время показало, что дело здесь не только в частных различиях грамматических классов. Чисто семантический принцип имеет свои ограничения, не позволяющие построить действительно универсальный межчастеречный синопсис, который может иметь и важное прикладное значение.

Денотативный принцип расположения материала (в отличие от собственно семантического, на основании которого построены многие словари [15; 22 и др.], электронные тезаурусы [16; 25–27] и осуществляется семантическое аннотирование корпусов [1; 12–14]) предполагает вхождение слов разных частей речи в одну идеографическую группу. Это решение снимает ряд проблем семантических классификаций, приводящих, например, в ворднет-подобных тезаурусах к выделению так называемых cross-POS (POS — part of speech, часть речи) отношений, связывающих слова разных частей речи. Образно выражаясь, в ворднетах между частеречными «холмами» слов натягивают cross-POS «канаты», объединяющие лексемы типа *двигаться* и *движение*. Денотативно-идеографические группы (ДИГ) позволяют преодолеть грамматико-семантическую асимметрию, и в этом смысле такой синопсис является даже более «семантикоцентричным», чем структуры словарей классического семантического типа! Заметим, что этот классификационный подход проявляет свою эффективность и в теоретическом (изучение языковой категоризации мира), и в прикладном (преподавание языка как родного и как иностранного) аспектах.

Особенности лексикографических и корпусных ресурсов являются причиной значимых различий между разрабатываемыми синопсисами и классификационными сетками. В словарях классического «бумажного» типа невозможно реализовать классификации с большим количеством уровней, которые просто не будут восприниматься человеком-читателем. И, наоборот, в электронных тезаурусах интерфейс позволяет воспроизводить достаточно длинные вертикальные последовательности. Например, в «прародителе» ворднет-подобных тезаурусов Принстонском ворднете к слову *window* в первом значении (“a framework of wood or metal that contains a glass windowpane and is built into a wall or roof to admit light or air”) простраивается в направлении абстрактность/

конкретность ряд синсетов, содержащий девять уровней: *window* ← *framework*, *frame* ← *supporting structure* ← *structure*, *construction* ← *artifact*, *artefact* ← *whole*, *unit* ← *object*, *physical object* ← *physical entity* ← *entity*. А дальше к слову *window* приписано порядка 25 гипонимических рядов, образующих два дополнительных уровня с более конкретной семантикой — например, *bay window*, *bow window* (“a window that sticks out from the outside wall of a house”) и — далее — *oriel*, *oriel window* (“a projecting bay window corbeled or cantilevered out from a wall”) [27]. В отличие от электронных тезаурусов, в словарях, изданных классическим способом, обычно выделяется от трех до семи классификационных уровней. Сказать, что правильнее, невозможно, так как у разных ресурсов свои лексикографические задачи.

В объемных текстовых корпусах дробные многоуровневые классификации вообще труднопредставимы. Глагольный синопсис Национального корпуса русского языка (НКРЯ) исторически связан с классификацией УСШ. Однако при том, что в глагольном словаре отдельно представлены категории «Движение» и «Перемещение» и каждая имеет разветвленную подструктуру [22], в НКРЯ все слова с такой семантикой образуют один большой семантический класс «Движение» [12].

*Денотативный принцип макроструктуры
Универсального идеографического словаря-тезауруса
и общая архитектура данных*

Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики — это новый проект коллектива, основанный на денотативно-идеографическом синопсисе и со своей стороны модифицирующий этот синопсис. Как пишет Л. Г. Бабенко, это по сути «свод русской лексики, систематизированной по группам и расположенной в словаре в определенном порядке, в схематическом отвлеченном виде представляемом в виде идеографической карты, построенной на основе структуры денотативно-идеографической сети. Она обусловлена также обращенностью к изучению нового типа глобального лексического множества — поличлестеречного свода русской лексики» [17]. На основании этой концепции синопсиса, пусть и с определенными различиями, построено основное количество проектов УСШ.

Приведем структурный пример. В денотативной сфере «V. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО» выделяется 20 подструктур:

1. Государство; власть и общественный порядок. 2. Политика. 3. Экономика. 4. Право. 5. Наука. 6. Образование. 7. Религия. 8. Искусство. 9. Средства массовой информации. 10. Производство. 11. Военная служба. 12. Сельское хозяйство. 13. Строительство. 14. Медицина. 15. Транспорт. 16. Техника. 17. Охота и рыболовство. 18. Развлечения и отдых. 19. Спорт. 20. Сфера обслуживания.

В дальнейшем каждая субсфера делится на более частные классы. Например, в структуре «16. Техника» выделяются:

16.1. Общие технические понятия.

16.2. Технический процесс.

16.3. Приспособление, устройство, инструмент, технический комплекс.

16.3.1. Инструмент, орудие по названию.

16.3.2. Инструмент, орудие по принципу действия.

16.3.3. Инструмент, орудие по функции, работоспособности.

16.3.4. Измерительный инструмент, прибор.

16.3.5. Техническое приспособление.

16.3.6. Техническое устройство.

16.3.7. Часть технического устройства.

16.3.8. Технический комплекс, совокупность устройств, система обработки информации.

16.4. Человек, связанный с техникой.

Приведенный выше ряд составляют рубрики нижнего уровня, денотативно-идеографические группы слов, за исключением подкласса «16.3. Приспособление, устройство, инструмент, технический комплекс», которая далее распадается на восемь ДИГ, содержащих реальные слова. Из 973 номинаций денотативных классов в классификационной структуре 781 являются ДИГ, а 192 — названиями денотативных сфер и субсфер, как, например, «V. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО» или — внутри нее — «16. Техника».

Начиная со словаря глаголов [6; 22] каждый проект коллектива получал необходимое техническое сопровождение (базу данных и пользовательский интерфейс). И содержательно (различия в структуре и контенте словарей), и технически (с 1992 г. программное обеспечение для работы с данными претерпело существенные изменения) эти проекты сильно отличались друг от друга. Впоследствии базы данных разных словарей были объединены и дополнены [11], что определило полноту охвата лексики в сводной («материнской» для Универсального тезауруса)

базе, содержащей в сегодняшней версии 106 тыс. записей. Однако различия в предыдущих словарных проектах стали причиной некоторой эклектики полученного свода данных, который сразу предполагал будущую работу по систематизации материала, включению новых слов и значений и удалению повторов. Для осуществления этой работы был создан пользовательский интерфейс, представляющий макроструктуру исходного синописа и состав ДИГ (см. рис. 1).

Поиск по индексу: V_16.3.4.		Измерительный инструмент, прибор		Поиск по слову:				
Лемма	Вокабула	Сл.:	ЛСВ	Найти в:	Стар	Нов.№		
☐ ареометр	АРЕ'ОМЕТР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ арифмометр	АРИФМ'ОМЕТР	сущ	2	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ астролбия	АСТРОЛ'ЯБИЯ	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ барограф	БАР'ОГРАФ	сущ	1	статья	11.16.8.	V_16.3.4.		
☐ барографный	БАР'ОГРАФНЫЙ	при	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ барометр	БАР'ОМЕТР	сущ	1	статья	11.16.8.	V_16.3.4.		
☐ биноклевый	БИН'ОКЛЕВЫЙ	при	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ бинокль	БИН'ОКЛЬ	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ будильник	БУД'ИЛЬНИК	сущ	1	статья	11.16.8.	V_16.3.4.		
☐ ватерпасный	ВАТЕРП'АСНЫЙ	при	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ весы	ВЕС'Ы	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ водомер	ВОДОМ'ЕР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ вольтметр	ВОЛЬТМ'ЕТР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ высотомер	ВЫСОТОМ'ЕР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ газометр	ГАЗОМ'ЕР	сущ	1	статья	11.16.8.	V_16.3.4.		
☐ газомерный	ГАЗОМ'ЕРНЫЙ	при	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ глубиномер	ГЛУБИНОМ'ЕР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ градусник	ГРАДУСНИК	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ дальномер	ДАЛЬНОМ'ЕР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ детектор	ДЕТЕКТОР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		
☐ динамометр	ДИНАМОМ'ЕТР	сущ	1	статья	25.7.	V_16.3.4.		

Рис. 1. Пользовательская форма для работы со сводной базой данных

Развитие словарной микроструктуры в процессе создания Универсального идеографического словаря-тезауруса

Микроструктура Универсального словаря-тезауруса русской лексики определила включение в его таблицу необходимых чисто лексикографических и технических полей: лемма (без ударения для алфавитной сортировки); вокабула (словарное представление леммы); часть речи; порядковый номер значения в группе (может быть изменен автором исходя из логики следования значений друг за другом); индекс группы в текущем тезаурусе; словарные пометы (стилистические, эмоциональные, семантические, хронологические и др.); вариант леммы (например, *изо* к предлогу *из*, *пиалá* к *пиáла*, *дыханье* к *дыхание* и т. п.); словарная помета для варианта леммы; пример употребления слова (речения); участник коллектива, добавивший запись; резервные поля для дополнительной информации.

Макроструктурные решения являются общими для сводной «материнской» базы и «дочерней» базы Универсального словаря, поэтому интерфейс для работы с последним в первую очередь ориентирован на микроструктуру (рис. 2):

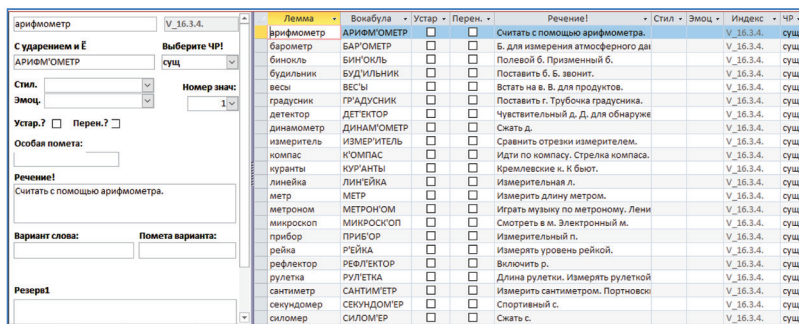

Рис. 2. Пользовательская форма для работы с Универсальным словарем-тезаурусом

Созданная форма позволяет эффективно работать с одной ДИГ (в данном случае — «16.3.4. Измерительный инструмент, прибор»). Еще раз подчеркнем, что Универсальный словарь-тезаурус наследует уже существующий идеографический синопсис и, как любой новый словарь, вносит в него определенные изменения в силу особенностей словника и отражаемых семантических отношений.

Соотношение Универсального словаря-тезауруса и исходной лексикографической базы данных

В новой таблице Универсального словаря-тезауруса на конец 2023 г. содержалось около 50 тыс. записей, что примерно в два раза меньше, чем в сводной («материнской») базе данных. Однако между этими объединениями существуют непростые отношения целого и части. Безусловно, все лексико-семантические варианты (ЛСВ), попавшие в Универсальный словарь-тезаурус, есть и в исходной таблице, но они могли быть внесены в обе базы одним из авторов-составителей одновременно. Какие соотношения источников и лексикографические решения здесь возможны?

1. Слово (точнее, ЛСВ) есть в исходной базе и просто наследуется Универсальным тезаурусом.

2. ЛСВ есть в исходной базе, но по некоторым причинам (об этом позже) не входит в Универсальный тезаурус.

3. У ЛСВ в исходной базе выявлен дубль из-за наложения контента и асимметрии двух разных словарей-предшественников; такой ЛСВ отправляется в «корзину» или попросту удаляется из исходной базы.

4. В процессе работы над Универсальным словарем выявлено отсутствие в исходной базе нужного ЛСВ; этот новый ЛСВ добавляется и в исходную базу, и в базу данных Универсального словаря.

Исходя из этого легко понять, что таблица Универсального словаря быстро прирастает новыми значениями, а исходная база, с одной стороны, уменьшается из-за выявленных повторов, а с другой стороны, увеличивается за счет новых ЛСВ. Следствием этих разнонаправленных процессов является все же постепенное увеличение «материнской» базы, так как появление новых слов и значений количественно перевешивает удаление дублей.

Вообще опыт многолетней работы со словарями тезаурусного типа показывает, что в тезаурусах, в отличие от алфавитных словарей, гораздо проще пропустить, потерять единицу описания (то есть ЛСВ), которая теоретически может войти в разные семантические классы. Поэтому участники коллектива параллельно проводят сверку набора значений, входящих в основную базу, с другими лексикографическими источниками, и это тоже отдельная непростая работа. Ее сложность обусловлена известным несовпадением лексических значений, выделяемых в разных толковых словарях.

Таким образом, Универсальный тезаурус, являясь преемником сводной лексикографической базы данных, оказывает на нее значительное количественное и качественное влияние. В процессе создания нового словаря постепенно преодолевается проблема асимметричности данных после слияния в одну базу контента различных словарей-предшественников. В тезаурус включаются слова и значения, отсутствовавшие в словарях с частеречными ограничениями (содержащих только глаголы, существительные, прилагательные), неологизмы и ЛСВ, по каким-то причинам не отраженные в базе. Кроме того, в тезаурусе будет полностью, а не фрагментарно (как в некоторых более ранних проспектах словарей) реализован дено-тативно-идеографический синопсис УСШ.

Теперь о причинах отказа некоторым ЛСВ в праве войти в новый словарь, а также добавления новых значений в обе базы

(см. решения 2 и 4 выше). Есть по крайней мере три группы обоснований: статистические, логико-семантические и лексикограмматические. Проще объяснить последние. Во-первых, денотативная (а не чисто семантическая) концепция предполагает объединение в одной ДИГ слов разных частей речи. Например, в группу слов, обозначающих технические процессы, входят *транслировать*, *трансляция*, *трансляционный*. Такое решение, как было уже отмечено ранее, принципиально отличается от базовых установок различных лексикографических и корпусных ресурсов: и толкового словаря глаголов, с которого начиналась работа нашего коллектива [6; 21; 22], и семантического словаря под ред. Н. Ю. Шведовой [16], Wordnet и wordnet-подобных тезаурусов [15; 25–27], семантической разметки НКРЯ [12; 14]. Во-вторых, Универсальный тезаурус не имеет частеречных ограничений. Кроме глаголов, существительных и прилагательных, а также слов других частей речи, вошедших в словники словарей синонимов [8; 19; 20], в нем будут представлены наречия, числительные, местоимения, слова служебных частей речи. В третьих, объем словника увеличивается за счет выделения в отдельные записи базы данных (и, следовательно, в отдельные словарные статьи) глаголов совершенного вида в составе видовых пар, которые в словарях [6; 22] были описаны в единой статье варианта несовершенного вида (*найти* — в *НАХОДИТЬ*). Подобное решение касается и некоторых лексем, считавшихся до этого вариантами основных вокабул, в первую очередь феминитивов (*учительница* ← *учитель*, *школьница* ← *школьник*).

Статистические и логико-семантические факторы дополняют друг друга. Можно сказать, что первые более консервативные, а вторые чаще «либеральные» в плане отбора слов и значений.

При формировании словника Универсального словаря составители применяют условный частотный фильтр: в тезаурус входят лексемы с показателем частоты *ipm* (instances per million words), согласно Новому частотному словарю русской лексики, 3.0 и более [13]. Условность частотного фильтра заключается в том, что величина *ipm* — это здесь не более чем справочный показатель, так как он характеризует употребительность лексемы, а не каждого из ее ЛСВ. Автор-составитель с учетом фактора многозначности и здравого смысла (здесь включаются логико-семантические факторы) вправе утвердить вхождение в тезаурус менее частотного слова или, возможно, отказ от слова с большей частотой.

Приведем пример. Существительное *хозяин* имеет высокую частоту употребления — 170,6. В то же время это слово многозначное. Резонно предположить, что в основном количестве контекстов реализованы три первых значения: 1. Тот, кому принадлежит что-л., кто владеет чем-л.; владелец, собственник. 2. Лицо, пользующееся наемным трудом, частный наниматель. 3. Тот, кто ведет хозяйство, занимается хозяйственными делами. А вот разговорное значение «Глава семьи, дома (обычно о муже)», попадающее в рубрику «Родственные и семейные отношения», употребляется достаточно редко. В таком случае «хозяин» этой рубрики решает исходя из идеи логико-смысловой цельности группы, должно ли это слово попасть в Универсальный словарь-тезаурус. Так при формировании нового словника сочетаются статистический и логико-семантический критерии.

* * *

Частные параметры и лингвистические характеристики Универсального словаря-тезауруса русского языка — нового и по форме, и по содержанию лексикографического проекта — корректируются на каждом этапе работы. При этом возникает особое взаимодействие исходных словарных данных, содержащихся в объединенной базе словарей УСШ, и словника тезауруса. Формирование любого словника — это универсальная лексикографическая проблема, поскольку невозможно объять необъятное и описать весь словарный состав языка. Информация о частоте слова важна, но имеет относительный характер, так как ничего не говорит об употребительности конкретных значений в случае полисемии.

Расположение лексического материала в идеографическом словаре, в отличие от традиционного алфавитного, явным образом может демонстрировать пользователю изъяны в группах слов, когда слово с меньшей частотой отсутствует в словаре. Такие досадные лакуны, которые в чисто алфавитном ряду могли бы и не проявиться, здесь очень заметны. Поэтому при работе с новым тезаурусом столь важны гармоничность распределения слов в ДИГ и пропорциональное представление лексики с точки зрения семантических и грамматических признаков.

Таким образом, в процессе формирования Универсального словаря-тезауруса русского языка не просто создается новый лексикографический ресурс — модифицируются идеографический синопсис и исходный словник, а значит, лексикографические

данные УСП получают серьезный импульс для дальнейшего развития.

1. *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. и др.* Семантическая разметка в глубоко аннотированном корпусе русского языка // *Корпусная лингвистика* — 2004 : тр. междунар. конф. 11–14 окт. 2004 г., Санкт-Петербург. СПб., 2004. С. 41–54.
2. *Бабенко Л. Г.* Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // *Концептосфера русского языка : ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2017. С. 11–21.*
3. *Бабенко Л. Г.* От полипарадигмальности — к интеграции парадигм : Уральская семантическая школа в контексте лингвистики конца XX — начала XXI в. // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы VII конгр. РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, 6–9 окт. 2021 г.). СПб., 2022. Вып. 7. С. 23–28.*
4. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций // *Науч. диалог. 2020. № 9. С. 9–47.*
5. *Бабенко Л. Г.* Универсальные интерпретационные категории: когнитивные стратегии и репрезентации в структуре идеографического словаря // *Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 58–65.*
6. *Большой толковый словарь русских глаголов : свыше 10 000 глаголов : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / [авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 573 с.*
7. *Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.*
8. *Большой толковый словарь синонимов русской речи : идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 784 с.*
9. *Концептосфера русского языка : ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 1020 с.*
10. *Лексико-семантические группы русских глаголов : учеб. словарь-справ. / авт.-сост. Э. В. Кузнецова и др. Свердловск, 1988. 151 с.*
11. *Мухин М. Ю.* Базы данных лексикографической группы «Русский глагол» : статистические параметры и возможности их лингвистической интерпретации // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 256–262.*
12. НКРЯ.
13. *Новый частотный словарь русской лексики / под ред. О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова : [электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 24.09.2023).*
14. *Рахилина Е. В. и др.* Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ // *Национальный корпус русского языка : 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 215–239.*

15. Русский Wordnet : [сайт]. URL: <https://wordnet.ru/> (дата обращения: 24.09.2023).
16. Русский семантический словарь : Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; [авт.-сост.: Н. Ю. Шведова и др.] ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998.
17. Свод лексики как идеографическая карта мира : Универсальный словарь-тезаурус русского языка : Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом : [электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (дата обращения: 24.09.2023).
18. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2011. 232 с.
19. Словарь-тезаурус синонимов русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 448 с.
20. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 512 с.
21. Толковый идеографический словарь русских глаголов : с указанием англ. эквивалентов : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. 72 с.
22. Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 704 с.
23. Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург, 2015. 208 с.
24. Уральская семантическая школа: история, люди, события. Екатеринбург, 2011. 345 с.
25. *Braslavsky P., Mukhin M., Ustalov D.* A Spinning Wheel for YARN : User Interface for a Crowdsourced Thesaurus // Proceedings of the Demonstrations at the 14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. Gothenburg, Sweden, 2014. P. 101–104.
26. RussNet : тезаурус русского языка : [сайт]. URL: http://project.phil.spbu.ru/RussNet/index_ru.shtml (дата обращения: 26.09.2023).
27. WordNet : A Lexical Database for English : [website]. URL: <https://wordnet.princeton.edu/> (accessed: 25.09.2023).

1.3. Логико-смысловые отношения, формирующие структуру когнитивно-идеографической группы «Физические характеристики предмета»*

Проблематика теоретического описания лексических множеств, их типологизации, выявления их роли в системной организации лексики достаточно хорошо разработана в лексической

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00352).

семантике благодаря работам Л. Г. Бабенко, Э. В. Кузнецовой, А. И. Новикова, А. Д. Шмелева и многих других ученых. Появление когнитивного подхода к семантике позволило взглянуть на проблему лексических объединений с новой стороны — с точки зрения роли языка как одного из когнитивных механизмов основных мыслительных процессов концептуализации и категоризации мира.

По мнению А. И. Новикова, «о структуре содержимого памяти можно судить по некоторым косвенным данным, находящим выражение в эксплицитно представленных результатах интеллектуальной деятельности» [15, с. 5], таким источником, в частности, может являться специфика системных отношений в лексико-семантическом пространстве языка.

Проблематика данного исследования связана с изучением семантической области «Физические характеристики объекта» и рассмотрением способов реализации мыслительных процессов в языке. Интерпретация основана на идеографическом подходе. Также она связана с необходимостью отражения результатов исследований специфики логико-семантических отношений в лексикографических параметрах толковых идеографических словарей разного типа, в частности, в БТИССАК и комплексном идеографическом словаре-тезаурусе русского языка.

Актуальность исследования видится в выделении в отдельное множество лексических единиц с семантикой физических характеристик объекта в контекстах, отображающих логико-семантические отношения разного типа. В ходе исследования применялся структурно-семантический подход на основе методик дефиниционного, компонентного, идеографического, семантико-смыслового анализа, использовались методы статистического анализа и интерпретации.

Рассмотрим, какие типы логико-смысловых отношений могут репрезентироваться семантикой лексем когнитивно-идеографической группы (далее — КИГ) «Физические характеристики предмета».

Таксономические отношения (отношения общего — частного, родовидовые, гиперо-гипонимические) формируются на суперординатном уровне категоризации (по терминологии Э. Рош), то есть уровне высшего порядка, отражающем результаты процесса категоризации мира в сознании носителей языка. Эти отношения наглядно репрезентируются в макроструктуре идеографического словаря, лексика в котором располагается по смысловым группам [см.: 3, с. 8] по логическому принципу.

Важность определения таксономических связей для изучения языковой картины мира детерминирована, по мнению М. А. Кронгауза, тем, что «гипонимическая иерархия лексем... представляет собой категоризацию фрагмента мира», а «гиперо-гипонимия в языке отражает иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной картины мира» [12, с. 178].

Согласно теоретической концепции Л. Г. Бабенко, раскрытой в проспекте Универсального идеографического словаря русского языка, представляющей иерархическую организацию уровней категоризации мира в вертикально-горизонтальном измерении, когнитивно-идеографическая группа «Физические характеристики предмета» входит в когнитивно-идеографический блок «Восприятие окружающего мира» наряду с другими блоками, такими как «Социальная сфера жизни человека», «Универсальные представления», «Конкретная физическая деятельность» и др., наполняя, по утверждению автора, семантико-идеографическую карту языковой картины мира носителей русского языка [17].

Лексика когнитивно-идеографического блока «Восприятие окружающего мира» объединяется в суперпарадигмы — когнитивно-идеографические сферы «Зрительное восприятие», «Акустическое восприятие», «Обонятельное восприятие», «Осязательное восприятие», «Вкусовое восприятие», «Восприятие предмета», «Пространство», «Время», «Количество, мера». Данные сферы отражают основные способности человека ощущать органами чувств и в дальнейшем распознавать явления окружающего мира на основе психических процессов отображения действительности в сознании, а также предшествующего опыта, осмысливая их. В состав когнитивно-идеографического блока «Восприятие окружающего мира» входят также лексические единицы, связанные с измеримостью и величиной в одном или в нескольких измерениях (когнитивно-идеографические сферы «Пространство», «Время», «Количество, мера») и отображающие основные логические категории, характеризующие сторону действительности, которая определяет предметы как конкретные материальные явления, обслуживающие определенные потребности человека.

КИГ «Физические характеристики предмета», объединяя 154 лексико-семантических варианта (далее — ЛСВ) и являясь составной частью когнитивно-идеографической сферы «Восприятие предмета», «соседствует» в ней с КИГ «Предмет» (16 ЛСВ), включающей наиболее общие обозначения предметов восприятия и познания (вещь, объект и т. п.), «Форма и внешний вид

предмета» (378 ЛСВ), «Тип формы и положение в пространстве» (249 ЛСВ), «Изменение формы» (150 ЛСВ), «Величина, размер, вес» (124 ЛСВ), «Часть предмета» (186 ЛСВ), «Предмет по особенностям его составных частей» (162 ЛСВ). КИГ «Физические характеристики предмета» не получает дальнейшего вертикального таксономического членения, в отличие от КИГ «Тип формы и положение в пространстве», которая подразделяется на три частные когнитивно-идеографические подгруппы «Предметная форма», «Непредметная форма», «Геометрические тела и фигуры».

Эти данные позволяют сделать определенные выводы о когнитивном процессе категоризации, базирующемся на объединении «сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» [13, с. 93]. Как наглядно демонстрируют результаты количественного анализа, в процессе восприятия физических свойств предметов важными являются такие их характеристики, как внешние очертания, пространственная ориентация и составные элементы, что проявляется в количественном доминировании в когнитивно-идеографической сфере «Восприятие предмета» лексем КИГ «Форма и внешний вид предмета» (378 ЛСВ), «Тип формы и положение в пространстве» (249 ЛСВ), «Часть предмета» (186 ЛСВ), «Предмет по особенностям его составных частей» (162 ЛСВ).

На базовом (центральном) уровне категории аци и отношения общего — частного в КИГ «Физические характеристики предмета» проявляются в том, что все входящие в нее слова объединены типовой семантикой «основные физические характеристики предмета, его состояний и свойств».

Сформулированная в обобщенном виде типовая семантика как характерная для всех слов — членов КИГ совокупность семантических признаков [4, с. 18] является результатом мыслительной операции обобщения и отражает, кроме классификационных, логико-смысловые отношения генерализации. «Суть событий генерализации формируется как понятие» [1, с. 28], то есть логически обобщенное представление о существенных свойствах, связях и отношениях предметов или явлений объективной действительности.

На субординатном уровне (уровне нижнего порядка) в толковании лексического значения идентификаторы таксономических отношений реализуются в наличии базового признака «свойство, характеристика предмета», который включается в словарную дефиницию всех слов и уточняется разнообразными лексическими репрезентантами основных дифференциальных

семантических признаков, например, жесткость, неэластичность: «Свойство предмета [базовый идентификатор], не способного тянуться и возвращаться в прежнее положение; не обладающего упругостью, гибкостью» [лексические репрезентанты дифференциальных семантических признаков].

Специфика КИГ «Физические характеристики предмета» состоит в том, что родовидовые отношения, отражающие иерархию общего — частного на уровне своего лексического состава (например, гимнастика: художественная, спортивная, женская, оздоровительная), не получают в ней экспликации.

По поводу меронимических отношений М. В. Никитин пишет: «отношения часть — целое пронизывают весь мир сверху донизу» [14, с. 442], в связи с чем они являются важнейшим фактором смыслового упорядочивания словаря, формирования его целостной иерархической структуры.

Меронимические отношения проявляются на уровне словарных дефиниций лексем КИГ «Физические характеристики предмета» и репрезентируются различными способами.

Во-первых, по принципу «часть — целое» может строиться толкование слова в том случае, когда понятие о целом как совокупности частей входит в зону словарного идентификатора, а понятие части находит отражение в дифференциальных признаках лексемы, например: зернистый — «*состоящий из зерновидных частиц, отдельных крупинок какого-либо вещества*».

В таком случае в словарной дефиниции присутствуют следующие типы базовых идентификаторов для имен прилагательных — физических характеристик предмета:

а) «состоящий из...», например, *непроницаемый, перен. густой, непроглядный, плотный, сплошной, частый* — «*состоящий из непрерывно одна за другой падающих капель или мельчайших частиц чего-либо (о тумане, дыме) (... в непрозрачном тумане Крылов не видел никого, не было ни земли, ни неба... Д. Гранин)*;

б) «имеющий какие-либо части»: *неплотный, «имеющий просветы, отверстия, дыры, сквозь которые проходит свет, такой, сквозь который легко увидеть что-либо (о чем-либо газообразном)» (В то время как я вздремнул, взошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный и яркий свет. Л. Толстой)*;

в) «распадающийся / не распадающийся на части»: *крупчатый* — «*легко распадающийся на отдельные частицы, крупинки, похожий на крупу; рыхлый, легко крошащийся*» (*Открытая*

форточка дрожала и дергалась на крючке. Из нее сыпало черной крупчатой пылью. В. Катаев).

Представление о целом как совокупности частей в целях физической характеристики выражается не только именами прилагательными. Данный вид категориально-лексической семантики «наследуют» и производные от имен прилагательных слова — имена существительные и наречия, к примеру: прочность — «свойство предмета, не распадающегося на части, на куски, с трудом поддающегося разрушению под воздействием какой-л. силы» (*Есть чему удивляться: прочность берестяного туеска поразительна — он не боится ничего, кроме огня (газ.); густо, непроницаемо, плотно, сплошь, часто, разг. вплотную, разг.-сниж. сплошняком* — «состоя из множества близко расположенных друг к другу однородных предметов или частей» (*Между дорогой и берегом чернели густо переплетенные заросли потерявшего листву кустарника.* Д. Корецкий).

Во-вторых, в зоне ограничения лексической семантики, представленной в словарной дефиниции в скобках, метонимические отношения могут связывать объекты, характеризующиеся описываемым физическим качеством, и их части, например: *неустойчивый, валкий, ненадежный, шаткий, разг. жидкий, разг. хлипкий, разг. хлябкий, разг. шатающийся, разг.-сниж. шатучий* — «недостаточно устойчивый, не имеющий прочной опоры; не способный стоять твердо, не падая, не колеблясь; легко опрокидывающийся, падающий набок (*о предметах, сооружениях, обычно из дерева, их частях*)».

В-третьих, наблюдается комплексное отражение меронимии и в идентификаторе, и в зоне ограничения лексической семантики: например, непроницаемость, плотность — «признак чего-либо (*леса, множества растений, их листьев*), состоящего из многих, близко друг к другу расположенных однородных предметов, частей».

Представлены следующие идеографические разновидности типа логико-смысловых отношений «целое — его части»: природная реалья — ее компонент; артефакт — его компонент.

На уровне словарных дефиниций проявляются **градуальные отношения**, связывающие компоненты лексического значения. Под градуированием при этом понимается количественная оценка меры или степени качества по отношению к чему-либо.

Семантика градуальности может составлять ядро лексического значения, определяющее физические свойства предмета, например: влажность — «характеристика степени насыщенности

жидкостью предмета, наличие влаги» (В школу к нему приходили односельчане, просили пощупать хлопок для оценки качества, влажности, пора ли уже собирать. А. Иличевский).

Градуальные отношения в словарных дефинициях, обозначающих физические качества, эксплицитно представлены также с помощью лексических репрезентантов — качественно-количественных имен прилагательных и наречий, которые выражают разную степень: высокую/среднюю/низкую степень проявления перцептивного физического признака, фиксирующую при этом параметрические характеристики природных или созданных человеком объектов.

Градуальность репрезентируется в различных языковых формах. Во-первых, эксплицитно:

а) качественно-количественным наречием *очень*: *гладкий* — «*очень ровный на ощупь, без шероховатостей, без впадин и выступов, со скользящей поверхностью» (Было тут много плодовых и простых деревьев да кустов: невысокие раскидистые яблони, круглолистые груши, липы, вишни с гладкими блестящими листьями, слива, жимолость. Ф. Сологуб);*

б) именем прилагательным *высокий* с семантикой «значительный по количеству, силе, степени»: *основательный* — «прочный, отличающийся *высоким* качеством» (*Свежо очень, на болотах основательный лед сплошным покровом, на соседних горах, в падах, снег. П. Козлов);*

в) комплексно — через соединение этих двух способов вербализации степени градуальности: *добротный* — «очень прочный, отличающийся *высоким* качеством» (*Отец девочек, помимо добротного дома с верандой, мечтал построить и гараж с настоящей русской баней. В. Быков).*

Во-вторых, она имплицитно присутствует в зоне иллюстраций, в которых выражены представления о том, что данное свойство предмета оценивается положительно как желательное с высокой вероятностью встречаемости в одном контексте с лексемой, репрезентирующей физическое качество: *долговечный* — «прочный, рассчитанный на долгое время» (*Линолеум отличается не только современным дизайном, но и высокими прочностными характеристиками, дает меньшую усадку, более долговечен (газ.); может оцениваться отрицательно, как нежелательное: мутность, непрозрачность — «свойство чего-л. (воды и др. жидкости) с трудом пропускать или не пропускать сквозь себя свет, что не позволяет отчетливо видеть находящиеся за ним отдельные предметы» (Вода*

некоторых рек отличается очень высокой мутностью: в литре воды, например, Амударьи могут содержаться десятки тысячи миллиграммов взвешенных веществ (газ.)).

Лексическим репрезентантом высокой степени проявления какого-л. признака выступает в примерах качественно-количественное наречие *очень* с семантикой «в сильной, в высокой, в значительной степени», к примеру: *ломкий* — «не способный легко гнуться, сгибаться, изгибаться; легко поддающийся разрушению, распадающийся на части, на куски под воздействием какой-либо силы» (*Вот одна из проблем, мучающих создателей «умной одежды». Свойства обычных тканей и электронных элементов сильно разнятся. Ткань мягка, гибка и крепка, в то время как любой прибор состоит из небольших твердых элементов; они очень чувствительны и ломки (газ.)).*

В том случае, если лексические репрезентанты градуальности физического качества в примерах отражают низкую степень его проявления, используется качественно-количественное наречие *почти* в значении «так, что немного недостает до чего-л.», например: *сплошь* — «следуя подряд, ничем не перемежаясь; отличаясь плотностью составляющих частей; так, что нет никаких отверстий, промежутков (об облаках, дыме, тьме)» (*Небо было почти сплошь затянуто тучами, луна появлялась редко, только в просветах. Б. Васильев).*

Как видим, в словарных дефинициях лексем при указании на градуальные отношения фиксируется не норма восприятия (в качестве которой обычно выступает средняя степень проявления качества, считающаяся общепринятой, так как представляется большинству говорящих как наиболее вероятная в данной конкретной ситуации [2, с. 74]), а признаки, характеризующие отклонение от нее.

Отношения тождества неоднократно становились объектом внимания исследователей. Л. А. Новиков пишет о том, что «более сильная связь существует между теми словами, обозначения которых в чем-то подобны, сходны между собой» [16, с. 6]. Значимость изучения логико-семантических связей для определения семантики единиц лексических множеств зависит от необходимости исследования «внутренней организации семантического пространства, то есть от связей и отношений, существующих между единицами языка на семантическом уровне» [Там же].

Отношения тождества проявляются как синонимическая связь двух лексем, указывающих на один и тот же денотат. В свою

очередь, отношения противоположности реализуются в явлении лексической антонимии — типа «семантических отношений, устанавливаемых прежде всего в парадигматическом плане между лексическими единицами одной части речи, имеющими противоположные значения» [16, с. 35].

Теоретико-методологические основы комплексного исследования отношений тождества и противоположности в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и идеографическом аспектах разработаны Л. Г. Бабенко. В работах этого ученого дано определение понятия «лексическое множество» [8, с. 10], определены основные когнитивные стратегии представления отношений противоположности [7], введено понятие и сформулировано определение синонимико-антонимического комплекса (далее — САК) [8, с. 33], описаны возможные варианты структурной организации САК, в частности, уровни иерархии их единиц [Там же, с. 32], предложена модель лексикографической интерпретации САК в лексике русского языка [6; 3].

Л. Г. Бабенко постулирует новый подход к изучению антонимии в контексте синонимии [9]: «синонимы и антонимы рассматриваются как целостная структура, а отношения тождества и противоположности, связующие их, выступают в единстве как компоненты, дополняющие друг друга» [8, с. 9], что позволяет ученому определить САК как единую иерархически организованную систему, состоящую из рассматриваемой в рамках идеографического словаря совокупности связанных между собой синонимов и антонимов (которые участвуют в отображении интеграции отношений тождества и противоположности лексическими средствами и объединены в семантически соотносимые группировки слов, связанные парадигматическими отношениями), имеющую специфически организованную интегративную семантику и особую структурную организацию, что обуславливает принципы выделения базовых антонимических оппозиций и их регулярных частных вариантов [3; 4; 6].

Со структурной точки зрения синонимико-антонимический макрокомплекс «Физические характеристики предмета» включает в себя 15 синонимико-антонимических микрокомплексов и подразделяется на следующие когнитивно-идеографические подгруппы: «Вес» (один САК: *легкий* ↔ *тяжелый*), «Форма» (два САК: *выпуклый* ↔ *вогнутый*, *равномерный* ↔ *неравномерный*), «Структура» (семь САК: *мягкий* ↔ *твердый*, *непрозрачный* ↔ *редкий*, *плотный* ↔ *неплотный*, *прозрачный* ↔ *непрозрачный*, *прозрачный* ↔

мутный, редкий ↔ густой, эластичный ↔ жесткий), «Прочность и устойчивость» (четыре САК: *зыбкий ↔ устойчивый, прочный ↔ непрочный, устойчивый ↔ неустойчивый, устойчивый ↔ неустойчивый, хрупкий ↔ прочный*), «Пропорциональность» (один САК: *соразмерный ↔ несоответственный*).

Разнообразие физических характеристик объектов окружающего мира, отраженное в синонимической и антонимической картине мира русского языка, а также отсутствие базовой антонимической оппозиции для всего синонимико-антонимического макрокомплекса «Физические характеристики предмета» (такой как противопоставление *большой ↔ маленький* в САК «Величина, размер») обусловлено, на наш взгляд, большим количеством реально существующих в природе характеристик, связанных с предметами и явлениями материального мира, со строением материи и ее форм. Часть этих материально выраженных признаков, а именно вес, форма, структура, прочность, устойчивость, пропорциональность, является основанием для объединения синонимико-антонимических микрокомплексов в составе синонимико-антонимического макрокомплекса «Физические характеристики предмета».

Для каждого микромножества в структуре САК «Физические характеристики» была сформулирована типовая семантика в виде «развернутой дефиниции, интерпретирующей предельно кратко семантику всего комплекса и аккумулирующей как тождественные, так и противоположные существенные семантические признаки, а также их лексические репрезентации в виде частных оппозиций» [6, с. 49].

Рассмотрим для примера типовую оппозитивную семантику синонимико-антонимического микромножества «Прочность и устойчивость». В типовой семантике объединенных этими семантическими компонентами лексем противопоставляются семантические признаки «способный легко приходить в движение ↔ способный стоять твердо» (*зыбкий ↔ устойчивый*), «способный выдерживать большие нагрузки ↔ не способный выдерживать большие нагрузки» (*прочный ↔ непрочный*), «легко поддающийся разрушению ↔ с трудом поддающийся разрушению» (*хрупкий ↔ прочный*), «имеющий прочную опору ↔ не имеющий прочной опоры» (*устойчивый ↔ неустойчивый*).

Интерпретация основной идеи САК осуществляется лексемами с различными категориально-грамматическими характеристиками: базовыми антонимами выступают имена прилагательные,

способы повторяющегося варьирования типовой оппозитивной семантики в составе подгрупп САК связаны с регулярным появлением в составе оппозиций синтаксических дериватов — отадеквативных имен существительных, например, «свойство чего-л., легко приходящего в состояние движения, колебания или находящегося в состоянии движения, колебания, недостаточно устойчивого ↔ свойство чего-л., способного стоять твердо, не падая, не колеблясь, не опрокидываясь набок» (*зыбкость* ↔ *устойчивость*), а также производных глаголов и наречий, к примеру, «не имея прочной основы; легко приходя в состояние движения, колебания ↔ имея прочную основу; не падая и не колеблясь, несмотря на воздействие различных сил» (*зыбко* ↔ *устойчиво*), что подтверждает мысль Л. Г. Бабенко о том, что «основные антонимические оппозиции формируют подгруппы, состоящие из частных антонимических оппозиций, связанных с основными деривационными отношениями» [6, с. 51].

На уровне таких дериватов находят отражение не только отношения тождества и противоположности, но и отношения инкорпорации как отношения включения, поскольку, как пишет Н. Ю. Шведова, «оппозиция включения, являясь определенной семантической структурой, способна образовать ряд, последовательно дробящийся на более мелкие совокупности, целиком включаемые в обозначение более высокого уровня. Такие ряды создают структурно-иерархическое дерево, характеризующееся ступенчатой инкорпорированностью своих нисходящих ветвей и безостаточностью единиц, образующих ветви разной степени обобщения и наполнения. Ступени исходят от общего к частному, от производящего к производному по пути семантической дифференциации» [18, с. 3].

На основе семантического анализа типовой семантики САК «Зыбкий ↔ устойчивый» можно выделить как общий семантический компонент «отношение к состоянию движения, колебания», так и оппозитивные семантические признаки лексем данного САК: «способный легко приходить в состояние движения, колебания / стоять твердо, не падая, не колеблясь», «свойство чего-л., легко приходящего в состояние движения, колебания / способного стоять твердо, не падая, не колеблясь», «имея / не имея прочной основы».

В составе макромножества «Физические характеристики» в отношении антонимии могут вступать следующие противопоставления.

Во-первых, оппозитивные синонимические ряды. В количественном отношении самые распространенные такие ряды представлены в САК «Легкий ↔ тяжелый». Со структурно-семантической точки зрения данный САК включает в себя семь противопоставленных синонимических рядов, в том числе и основной САК «Легкий, легковесный, маловесный, невесомый, нетяжелый — «имеющий небольшой, незначительный или недостаточный вес» (*Среди вещей было немало удобных предметов: чемоданы, книги, внушительные по габаритам, но легкие тюки с бельем...* С. Довлатов) ↔ тяжелый, грузный, массивный, нелегкий, пудовый, свинцовый, тяжеловесный, чугунный, разг. веский, разг. многопудовый, разг. неподъемный, разг. полновесный, разг. стопудовый, разг. тяжеленный, разг. увесистый, trad.-поэт., разг.-сниж. тяжкий — «имеющий большой вес» (*Низкое солнце еще грело нам плечи и тяжелые длинные арбузы, которые лежали возле нас, вдавившись боками в сухую землю...* И. Бунин). Приведем контекст совместного употребления антонимов, подтверждающий их оппозитивность: *Он вспомнил, как веяли хлеб и тяжелые зерна падали на землю, а легкая пыль уносилась ветром.* К. Паустовский.

Во-вторых, в отношении противоположности вступают синонимические ряды и отдельные лексемы, как в САК «Зыбкий ↔ устойчивый», например, синонимический ряд с доминантой *зыбкий* (*зыбкий, нетвердый, шаткий, разг., шутол. животрепещущий, разг. зыбучий, разг. шатающийся, разг.-сниж. качкий, разг.-сниж. шатучий* — «способный легко приходиться в состояние движения, колебания из стороны в сторону или находящийся в состоянии движения, колебания из стороны в сторону или сверху вниз») (*Все головное войско... двинулось к острову Кампергольм и начало переправу по зыбким мостам через мутную и быструю реку.* А. Толстой) и лексема *устойчивый* — «способный стоять твердо, не падая, не колеблясь, не опрокидываясь набок» (*Вот у Вас есть небольшой столик, за которым мы пьем чай. На него я бы не рискнул поставить что-нибудь тяжелое, а на тот, что в музее, можно хоть садиться, столь прочен он и устойчив.* В. Писигин).

В-третьих, отношения антонимии связывают отдельные лексемы, например, в САК «Мягкий ↔ твердый» большинство оппозиций представляют собой противопоставления отдельных антонимов, связанных с разными значениями прилагательных *мягкий* и *твердый*, например, *мягкий* — «такой, который легко изменяет форму под воздействием давления, сжатия, не возвращаясь

при этом к прежней форме (о каком-л. веществе)» (*После службы, после колхоза все копались на своих огородах до темноты; заборов не было — только межа; подходили, здоровались, разговаривали, опершись на вилы — четырехрожки (мягкую землю картофельных делянок лопатой не копали)*). А. Чудаков) ↔ *твердый* — «такой, который с трудом изменяет форму под воздействием давления, сжатия, не возвращаясь при этом к прежней форме (о каком-либо веществе)» (...*слаба почва только на мхах, а у старого города, к реке, грунт тверд*). Б. Шергин).

Итак, анализ показал, что в составе синонимико-антонимического макромножества «Физические характеристики предмета» каждый САК имеет свои содержательно-структурные особенности, что проявляется в наличии специфической оппозитивной структуры САК, количестве основных базовых антонимических оппозиций, составе отдельных частных оппозиций, способах регулярного варьирования типовой оппозитивной семантики в составе подгрупп САК, особенностях когнитивных процессов интерпретации и профилирования типовой семантики отдельных синонимико-антонимических микрокомплексов.

Отношения логического разделения, или дизъюнкции, связывают два равноправных дифференциальных признака в структуре лексического значения, к примеру: *неплотный* — «сделанный, изготовленный из нетолстого или нечасто сотканного или сплетенного материала, поэтому пропускающий сквозь себя свет, воду, звуки, позволяющий видеть насквозь, различать что-либо сквозь себя» (*А то шторы у меня неплотные, темноты ранним вечером нельзя сделать*). А. Слаповский); *редеть/поредеть* — «становиться/стать редким или более редким» (*После комариных чащоб заросли поредели, в вырубках и перелесках идти стало легче*). В. Быков).

Отношения логического соединения связаны с понятием конъюнкции, которое характеризует различные равноправные мыслительные понятия. Согласно типологии внутритекстовых связей, предложенной О. Л. Каменской, конъюнкция устанавливается с помощью коннекторов, выражающих аддитивные отношения как разновидность логико-семантических отношений, включающую отношения дополнительности, при которых последующее высказывание дополняет или развивает содержание предыдущего, а также отношения подтверждения предшествующей мысли, отношения сходства, когда в предложениях сообщается равнозначная информация [11].

В словарных дефинициях лексем КИГ «Физические характеристики предмета» широко представлены отношения дополнительности в форме двух равноправных понятий как названий КИГ и подгрупп (например, «Форма и структура») или двух равноправных толкований в структуре значения лексемы, например: *крепкий* — «такой, который трудно разбить, сломать, порвать; способный выдерживать большие нагрузки» (*На кладбище, над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжёлый, гладкий.* И. Бунин).

Лексемами, в словарных дефинициях которых находят отражение отношения конъюнкции, являются глаголы: *пружинить, пружиниться* — «изменять свое положение под действием какой-либо силы и возвращаться в прежнее положение после прекращения такого действия; оказывать сопротивление давлению» (*Большой поваленный недавним ураганом тополь лежал поперек дорожки, и я шла по нему, перешагивая через обломанные сучки, соскальзывая с влажного ствола, и вдыхала сильный запах увядающей листвы. Все слегка пружинило: и ствол под моим малым весом, и пласти подсыхающей листвы.* Л. Улицкая); отглагольные имена существительные — синтаксические дериваты, одновременно обозначающие процесс и его результат: *выпрямление, разравнивание* — «процесс, при котором что-либо делается ровным, гладким; результат этого процесса»; наречия: *редко, неплотно* — «следя один за другим через какие-л. промежутки; непостоянно, время от времени выпадая каплями или мельчайшими частицами чего-л. (о чем-л. газообразном — тумане, дыме, облаках; об атмосферных осадках)» (*Крупные капли дождя редко и неровно забарабанили по деревьям.* А. Эртель).

* * *

Анализ репрезентации логико-семантических отношений как языковой экспликации логических категорий позволил сделать следующие выводы:

— Изучение логико-семантических отношений и их лексических репрезентаций имеет особое значение для создания идеографических словарей, в которых находят отражение семантические связи между словами, репрезентированные на языковом уровне отдельных лексем и синонимических рядов.

— Логико-семантические отношения являются фундаментальным основанием, определяющим иерархическую структуру когнитивно-идеографических блоков в идеографических

словарях, в частности, состав и структуру когнитивно-идеографической группы лексики «Физические характеристики предмета».

— Выявленные логико-семантические отношения — таксономические и меронимические отношения, отношения тождества и противоположности, конъюнкции и дизъюнкции — могут быть выражены эксплицитно (в словарной дефиниции) и имплицитно (например, в примерах употребления лексем).

— Классификационный тип соотнесенности лексем, которые относятся друг к другу как гиперо-гипонимические, репрезентируется на всех уровнях категоризации: на суперординатном уровне таксономические отношения реализуются в макроструктуре идеографического словаря; на базовом уровне — в наличии типовой семантики КИГ, общей для всех ее членов; на субординатном уровне — в виде базового идентификатора для всех словарных дефиниций.

— Градуальные отношения, репрезентированные семантикой лексем КИГ «Физические характеристики предмета», представлены в определении их лексических значений и контекстах употребления лексемы. Объектом градуальной оценки выступает степень проявления физического качества.

— Антонимические оппозиции в составе САК, входящих в КИГ «Физические характеристики предмета», объединяются на основе оппозитивных семантических признаков компонентов типовой семантики, вступая в отношения противоположности, лексемы в противопоставленных синонимических рядах имеют тождественные признаки, отражая отношения тождества.

— Логико-семантические отношения на лексическом уровне КИГ «Физические свойства предмета» часто имеют комплексный характер: тесная связь существует между логико-семантическими отношениями тождества и противоположности; синонимические и антонимические связи как проявления отношений тождества и противоположности в связи с тем, что синонимы и антонимы объединяются в САК, в которых лексемы связываются не непосредственно, а через вертикальные родовидовые связи, по сути, репрезентируют одновременно и разновидность отношений общего и частного, то есть вид таксономических отношений.

Отдельные производные от обозначений физических качеств (существительные, наречия, глаголы), образованные по регулярным словообразовательным моделям и объединяющиеся в противопоставленные синонимические ряды, репрезентируют варьирование основных словообразовательных вариантов

базовой оппозитивной семантики и вступают, с одной стороны, в комплексные отношения тождества и противоположности, с другой — в отношения инкорпорации (включения), имея в качестве составной части значения семантику производящих лексем. Типовая семантика САК или КИГ отражает, кроме классификационных, логико-семантические отношения генерализации.

— С когнитивной точки зрения логико-семантические отношения, связывающие отдельные лексемы и целые лексические множества в составе КИГ «Физические характеристики предмета», представляют собой сложный синкретичный тип гносеологических отношений. Изучение данных отношений позволяет выявить закономерности их конкретных проявлений в лексико-семантическом пространстве КИГ и свидетельствует о сложности концептуальных связей, существующих в сознании человека.

1. Аббасова Г. О. Учет особенностей проявления генерализации в процессе обучения // East Europ. Scientific J. 2018. № 6 (34). С. 28–30.

2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. 367 с.

3. Бабенко Л. Г. Антонимия в контексте синонимии: принципы лексикографического описания в новом идеографическом словаре // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 7–17.

4. Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы. М., 2008. С. 13–26.

5. Бабенко Л. Г. Перспективы развития идеографической лексикографии в контексте уральской семантической школы: о концепции словаря синонимико-антонимических комплексов русского языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2020. № 1. С. 132–149.

6. Бабенко Л. Г. Проект словаря синонимико-антонимических комплексов: проблемы лексикографической интерпретации типовой семантики и пути их решения // Науч. диалог. 2019. № 10. С. 42–60.

7. Бабенко Л. Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации // Когнитивные исследования языка. 2016. Т. 26. С. 37–41.

8. Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Науч. диалог. 2020. № 9. С. 9–47.

9. БТИССАК.

10. БТССРР.

11. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990. 152 с.

12. Кронгауз М. А. Семантика : учебник для вузов. М., 2001. 399 с.

13. Кубрякова Е. С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

14. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. 760 с.

15. Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Семантические расстояния в языке и тексте / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. М., 1990. 136 с.

16. Новиков Л. А. Антонимия // Большой энциклопедический словарь : Языкознание. М., 1998. С. 35.

17. Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург, 2015. 208 с.

18. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопр. языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.

Глава 2

АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

2.1. Идеографическая составляющая русской авторской лексикографии

В последние десятилетия активно развиваются разные словарные направления. К их числу, несомненно, относится авторская лексикография (АЛ). Свидетельство этому — рост числа и самих авторских словарей (в первую очередь писательских), и научных публикаций разной проблематики и разных жанров (см., к примеру, некоторые публикации последних пяти лет [8; 24; 26; 27; 30; 31]). Темпы развития различных разделов АЛ неодинаковы, тем не менее, можно выделить внутри этого словарного направления некие составляющие, иными словами — частные направления, позволяющие получить его детализированную картину. Выделение идеографической авторской (писательской) лексикографии весьма разумно в этом случае, поскольку связано с прямым соответствием идеографических словарей важной задаче АЛ, а именно — воссозданию, моделированию индивидуально-авторских картин мира или их отдельных фрагментов.

В общей типологии авторских словарей и справочников специфика идеографических словарей отражена: они имеют свою ячейку, отделяясь по общему дифференциальному признаку «расположение заголовочных единиц» от авторских алфавитных словарей (регистрирующих и объяснительных) и конкретизируясь в словарях монографических («одноавторских») / сводных («многоавторских»), полных/дифференциальных, построенных на материале прозы и поэзии и т. д. [29, с. 53]. Однако при очевидной важности изданий именно идеографического типа для пользователей авторских словарей (специалистов в области изучения художественной речи, творческой языковой личности,

реализующей себя в авторском образе мира) соответствующее частное направление АЛ развивается медленно и представлено сейчас ограниченным числом словарных трудов. В этом просматривается определенная инерция, общая приверженность традиционным для АЛ формам описания языка художников слова. Хотя, если обратиться к истории отечественной АЛ, можно увидеть, что идеографическое начало присутствовало и ранее в некоторых проектах писательских словарей. Так, в концепции словарей языка М. Горького, разработанной в середине прошлого столетия Б. А. Лариным [16], было предусмотрено создание после полного алфавитного словаря писателя-классика его идеологического словаря (напомним, что в типологии Л. В. Щербы словари, единицей описания в которых выступают слова, выражающие в языке определенные «идеи», названы идеологическими [32]). В этом словаре, основанном на «тематическом подборе» материала, предполагалось представить «циклы» слов, определяющих социальные характеры; лексику труда и профессий; религиозную лексику; философскую лексику и т. д. Стиль писателя должен был предстать в словаре «в свете художественной идеологии автора — его социальных, этических и эстетических устремлений» [22, с. 11].

Данный опыт можно рассматривать как одну из предпосылок возникновения идеографической ветви в АЛ, однако важно подчеркнуть, что интерес к собственно идеографической форме интерпретации языка писателя средствами лексикографии проявился на рубеже XX–XXI вв. Это связано и с интенсивностью в тот момент процессов в пространстве АЛ, и, несомненно, с развитием общей идеографии. В течение трех последних десятилетий этот интерес реализуется в словарных опытах, а также в научных публикациях теоретической и практической направленности, что требует определенного осмысления и обобщения. Проведенное нами исследование носит поэтому обзорный характер. Цель этого аналитического обзора — представить состояние дел в идеографической авторской (писательской) лексикографии как одной из составляющих общей АЛ. Объектом анализа являются словари соответствующей разновидности, а также научная литература, освещающая круг проблем, связанных с их созданием. Основные задачи сводятся к тому, чтобы типологически охарактеризовать имеющиеся идеографические авторские словари, показать принципы их построения, а также обозначить предлагаемые исследователями подходы в реализации проектов таких словарей.

Обзор подготовлен с опорой на методологию лексикографической критики как описания, анализа и научной оценки словарей, в том числе в сопоставительном аспекте (ср.: dictionary criticism is “the description and evaluation of a dictionary or other reference work, usually in comparison with others” [34, p. 172]). Эта методология распространяется в статье как на изданные, так и на проектируемые словари.

Переходя к обзорной части работы, обратимся вначале к опубликованным монографическим авторским идеографическим словарям. К числу первых изданий такого рода относится «Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф. И. Тютчева» [18]. Концепция словаря, его не вполне обычный объект описания — лексика французских стихотворений выдающегося русского поэта, принципы и цели — отражены в предисловии к нему, а также в публикациях составителя [19; 20]. Отталкиваясь от представления об особом статусе в корпусе лирики Тютчева франкоязычных стихов, Б. В. Орехов выделяет их в отдельную группу текстов и намеренно выбирает идеографическую форму описания французского поэтического языка Тютчева. По мнению составителя, именно идеографический словарь, в отличие от частотного, как словарь системный, наиболее адекватно репрезентирующий системность лексики, которая формирует идеостиль (у автора так. — *Авт.*) поэта, способен наглядно отразить наиболее значимые для Тютчева фрагменты его французской картины мира. Словарь, выполненный в русле классической идеографии с опорой на работы Р. Халлига и В. фон Вартбурга [33], Ю. Н. Караулова [10], состоит из трех частей. В первой части, алфавитной, приведен полный список слов, фиксируемых во французских стихотворениях Тютчева, с указанием на источник (номер стихотворения и номер стиха), например:

CHANTER — chante XII, 3;
 CHARME — IX, 1; IX, 2;
 CHEMIN — I, 2;
 CHER — III, 6; III, 23; f pl XVIa, 4;
 CHERCHER — cherchez III, 13;
 CHÉTIF — chetive XII, 1;
 CHIENNE — XVIa 3;
 CHOSE — II, 2.

Во второй части, идеографической, по сути, центральной в словаре, осуществлена категоризация слов по модели, предложенной

Р. Халлигом и В. фон Вартбургом [33]. При этом структура словаря двух лексикографов приводится полностью. В тех случаях, когда ее компоненты не актуализированы (то есть отсутствуют слова, относящиеся к данному семантическому полю), наименование категории печатается обычным шрифтом. Если данная смысловая ячейка у Тютчева заполнена, то соответствующие единицы даны прописными буквами полужирным шрифтом. Например:

- V. L'HOMME
 I. L'homme, être physique
HOMME — I, 7; II, 1; VII, 5
 a) Le sexe
 b) La race
RACE — VII, 5
 c) Le corps et les membres
CHÉTIF — XII, 1
FRONT — I, 3
MAIN — III, 5; III, 15; III, 32; XVII, 2
ŒIL — VII, 7
PIED — XIV, 2
 d) Les organes et leurs fonctions...

В третьей части наглядное представление французской языковой поэтической картины мира Тютчева дано с помощью моделей, созданных в форме деревьев.

Этот словарь, использующий существующую классификационную модель применительно к конкретному автору, в то же время оригинален по объекту описания и по типу корпуса авторских текстов: взят небольшой, но полный корпус однородных текстов. Ср. замечание Б. В. Орехова: «в словаре наглядно отражаются значимые и нерелевантные для поэтической картины мира Тютчева мотивы, функционирующие в рамках одного замкнутого корпуса текстов» [20, с. 51]. Это подтверждают и первые наблюдения, сделанные составителем на материале словаря. Например, среди французских лексем, вошедших в семантическое поле «Язык», отсутствуют слова, обозначающие 'молчание'. «Вероятно, русский язык был для Тютчева в большей степени “языком молчания”, чем французский» [Там же, с. 51–52].

При традиционном предпочтении алфавитной словарной формы, которое сохранялось в это время в АЛ, предложенный Б. В. Ореховым опыт идеографического описания авторского языка получил лишь некоторое продолжение. Например, он был взят Е. А. Слободян в качестве ориентира для подготовки электронного

«Идеографического словаря языка поэмы А. Мицкевича “Пан Тадеуш”» [25].

Рассмотрим далее словарь, содержащий идеографическое описание группы окказиональных слов М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он подготовлен исследователями из Тверского государственного университета в рамках отдельного проекта и представлен в виде информационно-поисковой системы «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина» (ИПС) [9]; основные результаты работы над проектом опубликованы в статьях [3; 4]. ИПС включает разделы «Поиск», «Алгоритм работы со словарем», «Исходные теоретические положения». С помощью системы поиска пользователь может выбрать страницы «Алфавитный указатель» и «Идеографическое описание», выводящее на рубрики «Синописис» и «Окказиональная лексика в идеографических группах».

Надо отметить, что неологизмы/окказионализмы/новообразования как яркие идиостилевые элементы нередко выбираются для описания составителями авторских словарей. При этом традиционно используется алфавитный способ упорядочения лексического материала: см. известные словари неологизмов В. Хлебникова (автор Н. Н. Перцова, 1995), В. Маяковского (В. Н. Валавин, 2010), И. Северянина (В. В. Никульцева, 2008) и др. Выбор идеографической формы составители нового словаря объясняют тем, что окказионализмы — это, по их мнению, «такой тип индивидуально-авторских образований, в котором ближайшим образом отображаются эстетические принципы и художественная философия (“идеология”) как отдельных произведений, так и творчества писателя в целом. Поскольку в окказионализмах опредмечиваются наиболее значимые компоненты концептосферы писателя, можно утверждать, что идеографическая систематизация авторских окказионализмов позволяет получить словарное отображение ядерной части концептосферы писателя в целом» [9]. Хотя это утверждение применимо к разным авторам в разной степени (имеем в виду и различия по линии «поэт — прозаик»), с ним можно согласиться, как и в целом с таким рассуждением: «Окказионализмы... в системе лексико-семантических средств художественного произведения репрезентируют не только “идеологию”, художественную философию, но и выражают интенции автора, обуславливающие выбор тем, персонажей, другого языкового материала и т. д.» [Там же]. Подтверждением этому служат отобранные для описания окказионализмы (их, по нашим подсчетам, 111), например, такие: *административно-привлекательный*,

бесстыжество, благопоспешительнейший, везде-первоприсутствие, ворон-челобитчик, воры-сердцеведы, градоначальничествование, единонаграждение, зубосокрушитель, измалодушничаться, кукла-подъячий, легкодумный, многомысленный, наипоспешнейший, начальственно-язвительный, начальстволюбие, не-ревизский, обличительница-совесть, орел-меценат, павлин-губернатор, самовосхищение, самонаслаждающийся, самонаушничество, самоотвергаться, самоподслушивание, самошпионство, торжественно-агонизирующий (заметим, что окказиональность некоторых слов можно оспорить, однако это вопрос, требующий специального рассмотрения).

В «конструировании» идеографического словаря авторы отталкиваются от семантически доминантного макроконцепта творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина «Раздвоенная реальность», связанного с восприятием мира человеком. Макродескриптор «Человек» идеографически эксплицируется в двух смысловых зонах, выделяемых в составе названного концепта: «Скрытая действительность» и «Обыденная действительность». Приведем фрагменты раздела «Окказиональная лексика в идеографических группах» (окказионализмы выделены разрядкой нами. — *Авт.*):

ЧЕЛОВЕК

I. СКРЫТАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Человек как живое существо

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1. Фазы человеческой жизни

С м е р т ь - и з б а в и т е л ь н и ц а

Человек как разумное существо

ДУШЕВНЫЙ СКЛАД ЧЕЛОВЕКА

Характер

2. Черты характера, отражающие отношение человека к себе

Н е - р е в и з с к и й

3. Черты характера, отражающие нравственную сущность человека

Н е д о л ж н ы й

Н е п о д л е ж а щ е е

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И СОСТОЯНИЯ

4. Интеллектуальное состояние. Образ мыслей. Мнение. Точка зрения

М н о г о м ы с л и е

5. Эмоциональное состояние

С т р а д а л и ц а - м а т ь ...

II. ОБЫДЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Человек как живое существо

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

9. Внешний облик

Человеко-медведь

ФИЗИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

10. Характеристика состояния

Сонно-фантастический

ПИТАНИЕ

11. Пища

Постненькое

Скромненькое...

Словарная статья, включенная в ту или иную идеографическую группу, содержит само окказиональное слово, пример его употребления и комментариев — иногда краткий, иногда развернутый, содержащий обычно и литературоведческий, и лингвистический компоненты. Структуру и наполнение словарной статьи иллюстрирует статья окказионализма *обличительница-совесть*:

[Отношения в обществе **Моральные отношения]**

8. Моральные категории и состояния

Обличительница-совесть

Исчезли досадные призраки, а вместе с ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой обличительница-совесть [16 (1), 14].

Комментарии. Человек, осознавший себя как свободную личность, живет по совести. Поэтому в качестве скриптора группы «Моральные категории и состояния» выступает окказионализм «обличительница-совесть».

Само понятие совести связано с концепцией раздвоенности действительности в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. В обывательской жизни совесть не входит в систему нравственных ценностей общества: «Всякий швырял ее (совесть. — *Авт.*), как негодную ветошь, подальше от себя: всякий удивлялся, каким образом в благоустроенном городе и на самом бойком месте может валяться такое вопиющее безобразие» [16 (1), 14].

Однако, по мысли автора, совесть — это то, что позволяет человеку не потерять себя, ее отсутствие низводит его до уровня деградации: «Совесть пропала вдруг. Люди остервенились, пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение» [16 (1), 14].

В связи с этим неслучайно появление элемента «обличительница» в рассматриваемом оппозитивном сочетании. Именно совесть пробуждает в человеке самосознание, разоблачает ложность окружающей действительности и раскрывает настоящее, истинное положение человека. <...>

Этот словарь можно определить как дифференциальный авторский идеографический словарь комментирующего типа. Сравнение его с аналогичными по объекту описания алфавитными справочниками демонстрирует возможность и самого применения к авторским окказионализмам идеографического инструментария, и выявления семантических доминант произведений автора в целях реконструкции фрагмента его индивидуальной картины мира.

В общем корпусе монографических авторских словарей выделяется особая группа словарей образных средств, или словарей образов. Они отражают разные подходы к лексикографированию семантических преобразований художественного слова, см., например, словари тропов Бродского (авторы В. Полухина, Ю. Пярли, 1995), метафор Маяковского (Н. А. Туралина, 1997), сравнений Сергеева-Ценского (авторы Р. П. Козлова, Н. В. Чеснокова, 2008) и др. Опыт словарной идеографической систематизации образных средств, использованных одним поэтом, представлен в «Словаре поэтических образов Александра Городницкого» [15]. По мнению Е. В. Купчик, подобные словари «дают возможность наглядно представить мир поэтических образов того или иного поэта; анализ же словарного материала позволяет исследователю судить о принципах видения мира художником слова, выявлять особенности поэтической картины его мира, тенденции развития образной системы, а также проследивать проявление языкового сознания автора — подобно тому, как рассмотрение данных ассоциативных словарей (например, РАС) дает ученым возможность делать выводы о русском языковом сознании в целом» [14, с. 31].

Анализируемый словарь включает более 3300 словесных поэтических образов, встречающихся в поэзии А. Городницкого (начиная с первых газетных публикаций и кончая сборником, последним на момент издания словаря). В основе построения этого лексикографического труда лежит тематический принцип. Словесные поэтические образы «группируются по разделам, каждому из которых соответствует определенный фрагмент внеязыковой действительности. <...> Внутри каждого раздела выделяются подразделы» [Там же, с. 32].

См., например, как организован подраздел «Информация — еда, напитки» (раздел «Информация»). В перечне субъектов сопоставления каждый из них сопровождается микроконтекстом, в котором реализуется образная парадигма, и ссылкой на источник (здесь даются сокращенное название сборника и номер страницы):

ИНФОРМАЦИЯ

<...>

Информация — еда, напитки

Песня. Чем песня их пьянящая манит? (ПС, 17).

Разговоры. Опасайся данайцев, дары приносящих, / Разговоров лубезных, что сахара слаще (ПА, 175).

Речи. Нету слаще на свете медовых речей Веденецкого гостя (ИВ, 32).

Сказки. Сказок дошкольных молочные воды (ВГ, 81).

Слова. Но слов вскипает зелье... (ВГ, 49).

Стихи. Стал наш блин стихотворный золы неоформленным комом / В год венгерских событий (СР, 39).

Строки. Не спастись от новой жажды / Алкоголем старых строк (ЛС, 63); Будет для потомков как шербет / Сладость строк, приправленная ложью (ПА, 161).

Язык. Неповоротливый и вязкий, как в сотах затвердевший мед (о церковнославянском языке. — *Авт.*) (ПА, 220).

Рассмотренные монографические словари, имея общую идеографическую основу, отличаются друг от друга разными чертами. Важно обратить внимание на объект описания в этих словарях: вся лексика, входящая в небольшой, но однородный корпус поэтических текстов автора; лексика определенного класса, выделяемая в прозе писателя; образные номинации, иначе — образные средства, используемые поэтом. Во всех случаях так или иначе решается задача воссоздания картины мира художника слова, основная для авторских идеографических словарей. При этом уже обозначившаяся вариативность объекта описания позволяет прогнозировать расширение состава лексикографируемых единиц в «одноавторских» идеографических словарях.

Анализируя словари языка отдельных авторов, которые можно отнести к идеографическим, мы намеренно оставили в стороне некоторые опыты. Это, например, «Коммуникативно-тематический словарь по роману А. С. Пушкина “Евгений Онегин”», составленный Г. А. Мартиновичем (2017). Предваряемый ономаσιологически ориентированным предисловием, названный словарь создан на стыке разных лексикографических направлений с использованием дистрибутивно-статистического анализа

и реализует выдвинутую автором концепцию коммуникативно-тематического поля как основной структурной единицы лексикона человека. Опыт такого рода требует, на наш взгляд, специального многоаспектного рассмотрения.

В то же время следует отметить, что идеографическое описание может выступать в качестве одного из принципов построения неидеографических авторских словарей — их можно назвать словарями с идеографическим компонентом. Подобные словари важно учитывать при оценке степени выраженности идеографического начала в АЛ. Так, современная практика подготовки частотных словарей языка писателей показывает, что компонентом используемой при этом методики становится количественная характеристика идеографически структурированной лексики, создание частотных тематических словников (мы не имеем в виду сейчас частотные словари, в которых лексика разделена по понятийным сферам с приведением общего количества слов, частоты употребления и некоторых других данных; см., например, «Частотный словарь “Стихотворений Юрия Живаго” Б. Л. Пастернака», составленный И. В. Романовой (1997)).

Приведем в качестве примера первый выпуск «Частотные словоуказатели» издания «Поэтический словарь Николая Клюева» [23]. Он включает не только алфавитный частотный указатель слов, частотный указатель слов, алфавитный частотный словарь имен собственных, но и большой раздел «Тематическая структура словаря» [Там же, с. 180–256]. В этом разделе представлены основные «тематические парадигмы» слов в поэзии Н. А. Клюева («Мир человека», «Бытие», «Мир природы», «Духовный мир, вера, церковь», «Мир культуры»), каждая из которых снабжена частотными характеристиками и статистическими таблицами. Вот как выглядит начало парадигмы «Мир природы»:

III. МИР ПРИРОДЫ

СВЕТ

Свет: светлый 91, свет 65, светы 3, светло 7; светить 4, засветить 2, посветить 1; просвет 1, светлость 1; Δ утро-свет 1, свет-детина 1; светлыйрный 1, световидный 1, светорунный 1, светлоокий 1; тихосветный 1.

Луч: луч 55, лучик 2; лучистый 11; лучезарный 5, лучезарье 2, лучезарно 1; излучить 1, лучась 1, лучиться 1; Δ зайчонок-луч 1, щегленок-лучик 1.

Отраженный свет: блеск 7, отблеск 4, проблеск 1; блестять 4, блестя 2; блестящий 2, блестя 1, блик 2; искрица 2, искриться 1, сверкая 1.
<...>

Введение в «простой» частотный словарь таких сведений (с фиксацией авторских новообразований: *свет-детина*, *светлоярный*, *зайчонок-луч* и др.), несомненно, повышает его информационный потенциал. Интересен в связи с этим и проект «Цифрового частотного словаря языка Бориса Рыжего», в который также предполагается включить тематические словники [2].

Перейдем от монографических авторских идеографических словарей к с в о д н ы м. Надо сказать, что идеографическая форма оказалась востребованной для описания образных средств, встречающихся в произведениях не только одного автора, но и большого числа авторов, в первую очередь поэтов (о возможности включения с некоторой долей условности в авторскую лексикографию сводных словарей, содержащих примеры из значительного числа авторов, см. [29, с. 30–31]). К словарям этой разновидности относятся «Словарь поэтических образов» Н. В. Павлович [21] и «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» Н. А. Кожевниковой, З. Ю. Петровой, представленные рядом выпусков, например, [12; 13]. Анализ названных словарей, упоминания рецензий, написанных на них, можно найти в обзорах, например, [29]. Поэтому, не останавливаясь подробно на этих изданиях, отметим несколько важных моментов. Идеографический подход к представлению художественного языка четко обозначен и последовательно реализован в «Материалах» Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой — авторов, которые привержены именно такому подходу к лексикографическому описанию языка художественной литературы. Идеографический принцип в организации материала сочетается в этом словаре с диахроническим, и такое сочетание позволяет наглядно показать состав компаративных тропов — метафор и сравнений русской литературы в связи с общехудожественной картиной мира и эволюцию их как системы.

Добавим также, что в словаре используется идеографическая классификационная сетка, описанная в различных вариантах зарубежными и отечественными исследователями. При этом авторы при необходимости видоизменяют ее, приводя в соответствие с самим отобраным тропеическим материалом. В результате схема расположения словарных статей, совпадая в целом с иерархическим логико-понятийным порядком лексического тезауруса, приобретает определенные отличия от него. Это видно уже в первом выпуске словаря, состоящем из трех частей: «Птицы»

как образ сравнения, «Птицы» как предмет сравнения, «Крылья», «Перья» как образы сравнения.

К двум названным выше словарям примыкает «Словарь языка поэзии. Образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX века», составленный Н. Н. и О. Е. Ивановыми (2004). В нем описание поэтических единиц осуществляется по темам (о счастье, о молодости, о поэте и т. д.), которые являются заголовками словарных статей, расположенных в алфавитном порядке.

Рассмотрим далее некоторые публикации, в которых обсуждаются, обычно в связи с творчеством конкретных писателей, вопросы методологии создания авторских идеографических словарей, особенности проектов таких словарей. И обратимся вначале к одной из работ Н. А. Кожевниковой — сторонницы, как уже говорилось, именно идеографического подхода к лексикографированию языка русской художественной литературы.

Делясь своими наблюдениями над текстами Чехова в связи с их возможным словарным представлением, Н. А. Кожевникова, как и Б. В. Орехов, сравнивает два принципа составления словаря писателя: алфавитно-частотный и идеографический. По ее мнению, идеографический принцип расположения материала «дает более близкую картину мира писателя и более явно отражает структуру текста, чем алфавитно-частотный» [11, с. 104]. Это показано на примере множества чеховских заглавий как единиц, стоящих в сильной текстовой позиции. Весь корпус заглавий, убеждена Кожевникова, должен войти в такой словарь, поскольку заглавие «соотнесено не только с определенным текстом — это указание на семантическое поле, которое продолжается за рамками заглавия и характерно не только для конкретного текста, но и для серии текстов» [Там же].

Упомянем здесь и статью В. В. Леденёвой [17], посвященную отражению «вещного мира» Лескова в идеографическом словаре. Автор размышляет над самим предметом описания в таком словаре, разбирает возможность представления в одном словаре во всей полноте разных фрагментов картины мира писателя или мира отдельного произведения («Реальнее составить словарь по одному произведению, интереснее и важнее для науки — по сверхтексту автора» [Там же, с. 220]), обсуждает вопрос репрезентативности подлежащего описанию понятия, зависящей от полноты выборки материала, и т. д. Частный опыт работы по описанию в идеографическом словаре языка конкретного автора не может не приводить к определенным выводам общего характера, которые даже при

своей дискуссионности должны приниматься во внимание специалистами из той же сферы деятельности. В связи с этим интересно рассуждение В. В. Леденёвой о том, что авторский идеографический словарь должен опираться на иллюстрирующий конкорданс, расписанный по ЛСВ, и аффилированный толковый словарь. В этом случае идеографический словарь автора будет «наиболее убедителен как вершина словарного комплекса» [17, с. 222]. Приведенным высказыванием эксплицируется, по сути, одна из возможных методик составления авторского идеографического словаря.

В статьях А. В. Хизниченко, Л. Б. Крюковой представлена концепция словаря образов определенного типа, а именно перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака [см., например: 28]. Этот словарь, «отражающий индивидуально-авторские особенности поэтики, может быть квалифицирован как систематизированный по типам восприятия идеографический словарь, лингвопоэтический потенциал которого вскрывается, в частности, при сопоставлении его с материалами авторских словарей других типов» [Там же, с. 49]. По наблюдениям авторов, ключевые перцептивные образы Пастернака «могут представлять одно чувственное ощущение (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) или быть комплексными (полимодальными), воплощающими впечатления от двух и более органов чувств. Этот факт становится тематическим основанием для систематизации образов в словаре» [Там же, с. 49–50].

В словарной статье выделяются четыре зоны: зона заголовка, в качестве которого выступает название перцептивного образа; зона способов языковой репрезентации (она делится на группы и подгруппы: существительное, глагол, словосочетания с глаголом и т. п. с указанием количества употреблений); зона контекстов (она носит исчерпывающий характер) и зона комментариев, в которой приводятся лингвопоэтические наблюдения составителей. Понятная структура словарной статьи делает ее наглядной и легко воспринимаемой (см. приводимую авторами статью перцептивного образа *Тишина* из раздела «Слуховое восприятие»), хотя очевидно, что структура каждого пастернаковского образа сложна, представляет собой, по выражению авторов, «взаимотражение предметов и явлений друг в друге» [Там же, с. 53].

Специального внимания требуют, полагаем, работы лексикографов УСШ, выполненные с использованием метода поэтической идеографии. Принципиально важно, что этот метод «опирается

прежде всего на общую теорию идеографической лексикографии... а также на концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и реализованную авторским коллективом ученых-лексикографов Уральской семантической школы... в серии созданных идеографических словарей» [1, с. 12]. Подчеркнем, что данный подход «учитывает и достижения в области традиционной авторской лексикографии» [Там же].

Знакомство с основами названного метода, которые изложены и проиллюстрированы в ряде работ — кроме только что указанной, это, к примеру, и статьи [5; 6; 7], позволяет говорить о его оригинальности и продуктивности в создании целостной концепции авторского идеографического словаря.

Заострим внимание на объекте, к которому применяется метод поэтической идеографии, на специфике анализа этого объекта и словарно оформленном результате.

Объектом поэтической идеографии является отдельное стихотворение — законченный, цельный автономный поэтический текст, входящий в поэтический сборник (поэтическую книгу). Этот текст анализируется с конкретной целью — выявить в нем отображение фрагмента индивидуально-авторской картины мира поэта. В соответствии с этой целью проводится комплексный поэтико-идеографический анализ, иными словами — многоаспектная интерпретация стихотворения, а результаты проведенного анализа оформляются в лексикографических параметрах. Параметризованные таким образом результаты являют собой словарную статью отдельного стихотворения, отображающего фрагмент картины мира в авторском видении. В то же время такая словарная статья — это макроструктура, включаемая в глобальную структуру идеографического словаря поэтической книги.

В приведенных выше работах представлена (в более или менее развернутом виде) структура словарной статьи отдельного стихотворения. Практически каждая зона словарной статьи содержит в себе элемент новизны — от заголовка (зона 1), который представляет собой анализируемый поэтический текст вместе с названием, до зоны интерпретации особенностей фрагмента авторской картины мира, воплощенного в анализируемом тексте (зона 4). Центр словарной статьи составляет собственно поэтико-идеографический анализ лексики отдельного стихотворения (зона 3), выраженный в ряде лексикографических параметров (подзоны 3.1–3.4):

3.1. Семантический анализ лексического значения слова и его контекстуальных реализаций с целью выявления основных текстовых смыслов и способов их репрезентации.

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант.

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа.

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте [1, с. 15].

Как понятие макроструктуры, так и понятие микроструктуры авторского идеографического словаря приобретает в рассматриваемой концепции новый смысл. **Микроструктура** — это словарная статья текстовой единицы, отдельно взятой лексемы стихотворения. Содержательное наполнение микростатьи соответствует приведенным выше лексикографическим параметрам.

Для интересующихся вопросами теории и практики АЛ, для составителей авторских словарей важно, что метод поэтической идеографии воплощен в конкретных опытах его применения. Имеем в виду уже подготовленные и представленные в научных публикациях словарные статьи таких стихотворений из книги О. Мандельштама «Камень», как «Дано мне тело — что мне делать с ним...», «Нет, не луна, а светлый циферблат...», «Notre Dame», «Silentium». Хотя в публикациях словарные статьи вариативны в плане заполнения зон, они дают возможность увидеть, как выглядят конкретная статья и ее фрагменты. Вот, например, начало фрагмента, соответствующего подзоне 3.3 «Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа» в словарной статье стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат...»:

Проведенный парадигматический анализ позволил выявить основные денотативные сферы, а в их составе — денотативно-идеографические группировки слов, отображающие авторскую локальную картину мира, ее основные параметры и ориентиры, зафиксированные в этом стихотворении. К ним относятся следующие денотативные сферы и денотативно-идеографические группы:

Восприятие окружающего мира: «Время»; «Счет времени»; «Время относительно момента речи»; «Проявление цветового признака»; «Восприятие предмета»; «Внешние качества предмета»; «Восприятие зрением»; «Пространство» (*луна, светлый, циферблат, слабый, осязать, млечность, час, здесь*).

Универсальные представления, смыслы и отношения: «Отрицание», «Сопоставление»; «Противопоставление»; «Соединение»; «Уступка», «Вопрос», «Ответ», «Причинно-следственные отношения» (*нет, не, а, и, и, а, вечность*).

Неживая природа: «Небесное пространство и тела», «Оптические явления и признаки» (*луна, светлый, сиять, слабый, звезда, млечность*) [1, с. 24–25].

Создаваемый с применением рассмотренного метода комплексный поэтико-идеографический словарь книги стихов О. Мандельштама можно рассматривать как авторский словарь нового поколения, модель которого применима к поэтическому творчеству других авторов.

* * *

Опираясь на сделанные нами промежуточные выводы, отметим в заключение следующее.

Авторской идеографической лексикографии принадлежит особое место в пространстве общей АЛ. Ее потенциал в изучении творческой языковой личности, в исследовании мировидения, миропонимания писателя весьма значителен. И хотя результаты работы в этой области пока скромные, можно говорить о постепенном накоплении и теоретических знаний, и практического опыта, и методических находок, связанных с подготовкой таких словарей. Особенно перспективным сегодня представляется метод поэтической идеографии, разработанный лексикографами УСШ и уже реализованный в ряде научных публикаций. Распространение этого новаторского метода усилит интерес научного сообщества к проблематике авторской идеографической лексикографии.

1. *Бабенко Л. Г., Глазырин В. А.* «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (О. Э. Мандельштам): опыт поэтико-идеографического анализа // Науч. диалог. 2022. Т. 11. № 10. С. 9–31.

2. *Барановский П. С., Бабенко Н. Г.* Цифровой частотный словарь языка Бориса Рыжего в контексте современной авторской лексикографии // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 3. С. 7–18.

3. *Гладилина И. В., Усовик Е. Г.* Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина). Статья первая // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2016. № 1. С. 122–129.

4. *Гладиллина И. В., Усовик Е. Г.* Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина). Статья вторая // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2016. № 3. С. 122–132.

5. *Глазырин В. А.* Опыт поэтико-идеографического анализа стихотворения О. Э. Мандельштама “Notre Dame” // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием, 20–21 апр. 2023 г. : [в 2 ч.] / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов, 2023. Ч. 2. С. 636–641.

6. *Глазырин В. А., Казарин Ю. В.* Авторский идеографический словарь: теория и практика (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень») // Лексикография и коммуникация — 2017 : сб. материалов III междунар. науч. конф. (г. Белгород, 27–28 апреля 2017 г.) / отв. ред. А. П. Седых. Белгород, 2017. С. 25–31.

7. *Глазырин В. А., Казарин Ю. В.* Интерпретационная сфера авторского словаря (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень») // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 123–133.

8. *Зыкова И. В.* Общая концепция, методология и актуальные проблемы словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» в контексте современных тенденций авторской лексикографии // Вопр. лексикографии. 2020. № 17. С. 131–160.

9. ИПС — Информационно-поисковая система «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина» : [электронный ресурс]. URL: <https://lexrus.ru/default.aspx?р=3223> (дата обращения: 25.10.2023).

10. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976. 354 с.

11. *Кожевникова Н. А.* О принципах составления словаря писателя // Русский язык сегодня. Вып. 3 : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 104–112.

12. *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М., 2000. Вып. 1. Птицы. 480 с.

13. *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М., 2010. Вып. 2. Звери, насекомые, рыбы, змеи. 512 с.

14. *Купчик Е. В.* Поэтический мир А. Городницкого: образная репрезентация концептосферы : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2006. 530 с.

15. *Купчик Е. В.* Словарь поэтических образов Александра Городницкого. Тюмень, 2006. 140 с.

16. *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького / отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1962. С. 3–11.

17. *Леденёва В. В.* «Вещный мир» в зеркале идеографического словаря автора // Авторская лексикография и история слов : к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / отв. ред. Л. Л. Шестакова. М., 2013. С. 217–222.

18. *Орехов Б. В.* Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф. И. Тютчева. Уфа, 2004. 44 с.

19. Орехов Б. В. Проект идеографического словаря языка французских стихотворений Ф. И. Тютчева // Языки Евразии: этнокультурологический контекст : материалы всерос. науч.-практ. конф., 19–20 нояб. 2003 г. / редкол.: Миннибаев Е. К. и др. Уфа, 2003. С. 140–141.

20. Орехов Б. В. Французские стихотворения Ф. И. Тютчева в свете авторской лексикографии // Проблемы авторской и общей лексикографии : материалы междунар. науч. конф. / под ред. А. Л. Голованевского, Л. Л. Шестаковой. Брянск, 2007. С. 49–53.

21. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов : в 2 т. М., 1999.

22. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб., 1997. 264 с.

23. Поэтический словарь Николая Клюева / ред. С. Х. Головкина, С. Н. Смольников. Вологда, 2007. Вып. 1. Частотные словоуказатели. 256 с.

24. Ребецкая Н. А., Шайкевич А. Я. Словарь языка Чехова : Словарь языка Чехова и проблемы авторской лексикографии. М., 2022. 480 с.

25. Слободян Е. А. Идеографический словарь языка поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» в авторской и электронной лексикографии // Семинар «Теория и практика авторской лексикографии» : [электронный ресурс]. 03.04.2012. URL: https://ruslang.ru/seminar_aut_lexicogr030412 (дата обращения: 30.09.2023).

26. Современные проблемы авторской лексикографии : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. Л. Шестаковой. М., 2018. 320 с.

27. Тарумова Н. Т. Проект словаря цветообозначений поэзии А. Белого // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2022. № 1 (31). С. 408–415.

28. Хизниченко А. В., Крюкова Л. Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака // Вопр. лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57.

29. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография : Теория, история, современность. М., 2011. 464 с.

30. Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопр. языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

31. Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Авторская лексикография в электронно-цифровую эпоху // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 3. С. 94–113.

32. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.

33. Hallig R., Wartburg von W. Begriffssystem als Grundlage für Lexikographie. Вrl., 1963. 315 p.

34. Hartmann R. R. K. Teaching and Researching Lexicography. London, 2001. XII + 211 p.

2.2. Современный авторский словарь как инструмент для адекватного понимания поэтического текста

Проблема понимания относится к числу особенно важных в современной лингвистике. Применительно к художественному, в том числе поэтическому тексту она решается с опорой на разные источники. Среди них значимое место занимают авторские (писательские) словари, одна из задач которых — быть ключом к правильному пониманию литературного текста [9]. Этой задаче отвечают словари языка писателей, содержащие объяснительный компонент, то есть толковые словари, авторские глоссарии, словари-комментарии. Поскольку толковых писательских словарей (в силу трудоемкости их составления) немного, на первый план здесь выдвигаются словари, включающие в том или ином объеме комментарии разных видов. К числу таких трудов относится «Словарь языка русской поэзии XX века» (здесь и далее — СЯРП) — сводный (по произведениям ряда поэтов) словарь-тезаурус языка поэзии конкретной эпохи, определяемый как «конкорданс комментирующего типа», или «объяснительный конкорданс» [8].

Словарь описывает поэтический язык Серебряного века на материале текстов десяти авторов — И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Этот лексикографический проект стал продолжением и воплощением идей В. П. Григорьева [2; 3; 5], внесшего значительный вклад в развитие лингвистической поэтики. Работа над словарем началась в Институте русского языка им. В. В. Виноградова в 1990-е гг. Под руководством Григорьева были подготовлены первые тома, в настоящее время созданный им коллектив трудится над последними томами и планирует создание на основе словаря его электронной версии.

Следует подчеркнуть, что поэзию Серебряного века от современного читателя отделяет почти столетие: хотя мы продолжаем воспринимать эту эпоху как недавнее прошлое, изменения, накопившиеся в языке, оказываются весьма значительными, что нередко вызывает трудности в понимании текста, мешает читателю понять авторский замысел. Поэтому важно введение в словарь поэтического языка информации, позволяющей снимать подобного рода трудности.

Добавим к сказанному, что творчество выбранных десяти авторов выходит за рамки Серебряного века в традиционном понимании (то есть первой четверти XX в.): самые ранние тексты относятся к 1874 и 1890 гг. (Анненский), самый поздний текст — к 1965 г. (Ахматова). Таким образом, словарь отражает язык большого хронологического периода, отмеченного существенными языковыми изменениями, которые связаны с беспрецедентными историко-культурными сдвигами.

СЯРП ориентирован на исчерпывающую полноту представления поэтического языка (без исключения каких-либо единиц, в том числе имен собственных и служебных слов). В качестве заголовочных единиц принципиально даются, кроме традиционных, и отдельные грамматические формы — краткие прилагательные, прилагательные в простой сравнительной и превосходной степени, полные и краткие причастия, деепричастия и др. Такой подход позволяет представить язык эпохи максимально полно и многоаспектно, акцентируя внимание пользователя словаря на особенностях поэтического словоупотребления. В структуре словарной статьи СЯРП выделяются обязательные зоны (заголовочного слова, контекстов, шифров) и факультативные зоны: значения (эта зона может включать в себя разные виды информации о слове) и комментарии к контекстам.

В данной главе изложены результаты проведенного на материале СЯРП исследования, цель которого — показать возможности сводного авторского словаря в обеспечении адекватного восприятия поэтических текстов. Объектом анализа выступают избранные словарные статьи, предметом исследования — редкая и относительно редкая лексика, приобретающая особую смысловую нагрузку в рамках поэтического языка: авторские неологизмы, устаревшие, областные, стилистически сниженные единицы, иноязычные вкрапления, а также имена собственные. Представляют интерес пограничные случаи — лексемы, которые объективно существуют в языке (по данным толковых словарей и НКРЯ [1; 4; 7]), но в поэтическом тексте употребляются в иных значениях. Зачастую читатель склонен воспринимать такие слова как своего рода поэтическую условность, что приводит к поверхностному или даже искаженному пониманию текста.

В процессе анализа словарных статей к лексемам указанного типа применяются преимущественно лексикографический, корпусный, лингвопоэтический методы, приемы историко-культурной интерпретации языковых явлений. Уточняя сказанное, отметим,

что неоценимую помощь составителям словаря оказывают корпусные инструменты. Так, обращение к поэтическому корпусу (ПК) НКРЯ [4] позволяет не только судить о функционировании лексемы в стихотворных текстах, но и проследживать литературные связи и влияния. Поиск в основном корпусе дает возможность взглянуть на конкретную лексему в динамике, уточнить ее стилистическую окраску, проследить за развитием семантики, а в ряде случаев — решить вопрос об отнесении лексемы к авторским неологизмам. В целом же лексикографирование поэтического языка во многих случаях требует, кроме обращения к словарям, справочникам, корпусам текстов, и специальной исследовательской работы для адекватного представления лексемы в словарной статье. Рассмотрим далее показательные примеры из т. 9 СЯРП; объемные статьи приведены в сокращении¹.

ТРУБ [нов.; только в сочет.: иерихонский т.; *вар.* к ТРУБА] Стой! Не Федры ли под небом Плащ? Не Федрин ли взвился В эти марафонским бегом Мчащиеся небеса? // Стой! Иродиады с чубом — Блуд... Не бубен ли взвился В эти иерихонским **трубом** Рвущиеся небеса! Цв923 (II, 193.1)

Полагаем, что в приведенном примере грамматическая трансформация слова дает возможность поэту актуализировать стершуюся идиому, внести в текст дополнительные смысловые обертоны, усилить его ритмическую структуру и звуковой облик (ср. рифму: *чубом* — *трубом*). Окказиональное употребление вынесено в отдельную словарную статью, снабженную ссылкой к стандартной форме *труба*, также зона значения включает помету *нов.* («новое») и указание на устойчивое сочетание.

Жанр словаря позволяет читателю самостоятельно анализировать лексему в составе словообразовательного гнезда. Так, есенинское словоупотребление *тужиль* (ср. *печаль*) семантизируется соположением с глаголом *тужить*:

ТУЖИЛЬ [нов.] Только мне, как псаломщику, петь Над родимой страной аллилуйя. <...> Оттого-то вросла т. В переборы тальянки звонкой. И соломой пропахший мужик Захлебнулся лихой самогонкой. Ес920 (II, 95.2)

¹ В словарных статьях используются условные обозначения словаря — шифры, указывающие на автора и год создания произведения: *Анн* — Анненский, *Ахм* — Ахматова, *АБ* — Блок, *Ес* — Есенин, *Куз* — Кузмин, *ОМ* — Мандельштам, *М* — Маяковский, *П* — Пастернак, *Хл* — Хлебников, *Цв* — Цветаева.

ТУЖИТЬ [*нар.-поэт. и разг.*] ... Теперь любовь моя не та. Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь О том, что лунная метла Стихов не расплескала лужи. *Ес918 (II,76)*; ...

Особый интерес представляют сложные случаи, когда даже обращение к специальной литературе и корпусным данным не дает возможности однозначно охарактеризовать конкретную лексему. Так, употребленное Хлебниковым слово *тянули* (ср. *тянучка*) сам поэт сопровождал комментарием, который был использован составителями словаря в качестве толкования слова:

ТЯНУЛИ [*«т.»*]; лакомство, распространенное в Средней России (примеч. *Хл*); см. *тж* ТЯНУЧКА «Если мое скромное допущение справедливо, Что золото, которое вы **тянули**, Когда, смеясь, рассказывали о любви, Есть обычное украшение вашей семьи, То не верю, чтоб вы мне не сообщили, Любите ли вы **«тянули»**, Птичку **«сплю»**, А также в предмете **«русский язык»** Прошли ли Спряжение глагола **«люблю»**? И сливы?» *Хл908 (45.2)*

Трудно установить, существовал ли в действительности такой вариант названия сладости, было ли это элементом «семейного» языка, или же в данном случае можно предположить сознательную языковую игру, основанную на омонимии этого названия и глагольной формы. Данная омонимия затрудняет поиск по корпусу (в ПК НКРЯ содержится 56 употреблений точной формы *тянули*, из которых словоупотребление Хлебникова остается единичным, в основном корпусе — 1597 примеров; поиск по формам парадигмы существительного — *тянулю, тянулей, тянуль* — не дает результатов). Таким образом, способ толкования, избранный составителями, позволяет зафиксировать и «авторство» Хлебникова, и факт его свидетельства о (возможном) существовании такой лексики.

Также у Хлебникова можно обнаружить сходный случай:

ТРОЯК [здесь: фонарный столб с тремя светильниками] Льет красным струя, Лишь зажжется т. на усталых мостах. Трубы ветра грубы, А решетка садов стоит стражей судьбы. Тайной вечера глаз знает много Нева У чугунных коней, у широких камней Дворца Строганова. *Хл921 (132.3)*

НКРЯ не подтверждает наличия такого значения лексики: поиск в основном корпусе дает 160 результатов, среди которых преобладают значения 'три рубля' и 'оценка три балла'; употребленный Хлебниковым вариант отсутствует, но обнаруживаются

другие примеры индивидуально-авторского осмысления лексемы, ср.: *Отец посмеивается: «теперь уж варвариться придется!» С неделю похороводится: три дни подряд празднует **трояк-праздник: Варвару, Савву и Николу** (И. С. Шмелев. Лето Господне (1927–1944)).*

Напротив, многие редкие или единичные употребления, которые читатель мог бы интерпретировать как авторское словотворчество, находят подтверждение в словарях и корпусном материале:

УДОЛЬЕ [устар.; ср. удол (устар. и обл. дол, долина)] От луча отлынивая смолю, Не алтыном огруженных кос, В яровых пруженые удоля Молдаван сбивается обоз. П914 (I,506)

Ср. в [1]: **Удóл**, -а, м. Устар. и обл. Дол, долина; низкое место между горами. **Удóлие**, -ье, -я, ср. Устар. То же, что удол.

В НКРЯ **удол** — 1 употребление, **удолие** — 5, **удолье** — 14, ср.: *Село лежало в **удолье** вдоль быстрого ручья, вливавшегося в русло Оки под прямым углом, а барская усадьба была в стороне, над самыми берегами реки, по которой ползли струга с своими разноцветными значками* (Н. С. Лесков. Детские годы (1874)).

В рассмотренном случае не вполне понятное современному читателю слово оказывается устаревшим, в других случаях могут выступать, например, областные единицы. Ср.:

УГЛАН [обл.; непослушный подросток, озорник] От замкнутых я, что ли, пьян дверей? — И хочется мычать от всех замков и скрепок. И переулков лающих чулки, И улиц перекошенных чуланы — И прячутся поспешно в уголки, И выбегают из углов **угланы**... ОМ937 (236.2)

В единичном контексте из стихотворения Мандельштама внимание читателя привлекает паронимическая аттракция, сближающая ряд слов *углы, уголки, угланы* с лексемами *чулки, чуланы, переулки* (а также *замки, скрепки и замкнутый*), подчеркивающая идею несвободы, скованности. *Угланы* в этом контексте воспринимаются как некие пугающие фантастические фигуры, однако слово *углан* зафиксировано общезыковыми толковыми и диалектными словарями.

Ср. в [1]: **Углан**, -а, м. Обл. Бранно. Болван. В [6] десять значений, среди которых ‘мальчик, подросток’, ‘непослушный подросток, озорник’, ‘капризный ребенок’, ‘юноша, парень’, ‘застенчивый, необщительный человек’ и др. Приведем и несколько примеров из НКРЯ (всего их там 11): *Саша сделал обиженное лицо и покраснел. — Углан какой! — задорно сказала Людмила*

и принялась толкать Сашу. — А вы побеседуйте с гостьей. — Он еще маленький, — сказала Коковкина, — он у меня скромный (Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902)); — Не слушай ты его, Гришка, углана! — ехидно закосил в мою сторону (В. Г. Соколовский. Облако, золотая полянка (1980) // «Уральская новь», 2004); — Шестак сам отсюда родом, — сообщил Саня Омский. — Я его ещё угланом помню. Мать евоная тут жила (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. (2011)).

Иногда отсутствие лексической единицы в словарях и корпусном материале не дает веских оснований однозначно характеризовать лексему как авторский неологизм: остается вероятность существования не зафиксированной в свое время лексической единицы или значения. В таком случае составители словаря предпочитают более осторожные формулировки. Ср.:

УСУДА [*нов.*; стилиз.; суд (возм., контаминация со словом *беседа*)]
Соходилися боярове, Суд рядили, споры ладили, Как смутить им силу вражью, Соблюсти им Русь кондовую. // Снаряжали побегушника, Уручали светлой грамотой: «Ты беги, зови детинушку На усуду свет Евпатия». *РП Ес912 (I,305.2)*

В диалектологических источниках данная единица отсутствует, как и многие другие похожие слова из произведений Есенина этого же периода, и в особенности из поэмы «Евпатий Коловрат», в которой встретилось слово *усуда*. Вместе с тем не вызывает сомнений, что источником поэтических поисков была хорошо известная Есенину диалектная среда и созданные им стилизованные словоупотребления выглядят вполне органично.

Однако и наличие в источниках других примеров употребления лексемы не говорит однозначно об отсутствии авторского словотворчества. Вполне возможно, что в ряде случаев имело место влияние прецедентных текстов, своего рода внутрилитературная перекличка. Можно предположить и параллельное развитие индивидуально-авторских новаций, авторское осмысление потенциальных или окказиональных слов. В таких случаях составители словаря избегают однозначной постановки пометы «новое», иногда указывая существующие параллели или возможные источники. Ср.:

УПРЯМКА [*нов.?*; ср.: обл. упрямство; ср. у М. В. Ломоносова: *Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок, Катон старался ввести в республику порядок, Ты век в забавах жил и взял свое с собой, Его угрюмством в Рим не возвращен покой. <...> Беззлобна роскошь в том была тебе причина,*

Упряжка славная была ему судьбина (Разговор с Анакреоном: «От зеркала сюда взгляни, Анакреон...», 1756–1761); *Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упряжку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже* (Письмо Г. Н. Теплову, 1761) и др.] Много благородства и **упрямки** В Сапеге старом замке. В озерах нежатся станицы / Белокрылых лебедей. Хл[912–913] (237)

Определенные сложности возникают в тех случаях, когда нестандартная лексическая единица теряется среди омонимов или омоформ. Так, в т. 9 (кн. 2) СЯРП содержатся словарные статьи **УЖ** [сущ.], **УЖ** [нареч. и част.; см. тж УЖЕ, УЖЬ], **УЖЕ** [нареч. и част.; см. тж УЖ, УЖЬ] и **УЖЕ** [сравн. ст. прил. УЗКИЙ] Ахм913 (59.2). Помимо многочисленных контекстов с этими единицами, в материалах словаря обнаруживается редкий малоизвестный омоним:

УЖИ [обл.; канаты, снасти, рыболовная сеть] В холопий город парус тянет. Чайкой вольницу обманет. Куда гнется — это тайна, Золотая судна райна. Всюду копыя и ножи, Хлещут мокрые **ужи**. По корме смоленой стукать Не устанет медный укоть, На носу темнеет пушка, На затылках хлопцев смушки. Хл[915] (98); Все вы течете из тройки, А дело, добро — из озера два. Дева и дух, крылами шумите оттуда же. Два — движет, трется — три. «Трави **ужи**», — кричат на Волге, Задерживая кошку. РП Хл922 (179.1)

Вопреки репутации Хлебникова как поэта-экспериментатора, футуриста, известного своими смелыми лингвистическими исканиями, в приведенных контекстах нет примеров словотворчества, все слова, неизвестные современному читателю, являются реальными лексическими единицами. Ср.: *гнется райна* — устар. 'рея', *медный укоть* — устар. 'якорь', *трави ужи* (задерживая кошку) — 'здесь: тяни канаты' (кошка в данном случае тоже 'якорь').

Помимо явной (или неявной) омонимии, заслуживают внимания случаи, когда наряду с примерами употребления хорошо известных и очевидных значений многозначного слова встречаются и более редкие, не всегда понятные современному читателю. В словаре многозначным словам отводится одна словарная статья, но наличие нескольких значений, и в особенности более редких и неочевидных, фиксируется в зоне значения словарной статьи. Показательно, что в языке поэзии Серебряного века нередка такая ситуация, когда значительное число контекстов или их

подавляющее большинство относится именно к неактуальным в настоящее время значениям. Так, для слова *укладка* (ср. актуальные сейчас значения ‘укладывание’, ‘прическа’ и др.) характерно употребление исключительно в устаревшем сейчас значении:

УКЛАДКА [*устар.*; небольшой сундук] От роз струится запах сладкий, Трещит лампадка, чуть горя. Пестро расписаны **укладки** Рукой любовной кустаря. // И у окна белеют пальцы... Твой профиль тонок и жесток. Ты зацелованные пальцы Брезгливо прячешь под платок. *Ахм912 (74.1)*; Глянь-ка: под семью замками, / Чтобы вора позабавить, С семью смертными грехами Целых семь **укладок** бабьих. // (Подари нитку бус, — Без отмычки обойдусь!) *Цв920 (III, 216)*; Вдыхая дали ладожскую гладь, Спешит к воде, смиряя сил упадок. С таких гулянок ничего не взять. Каналы пахнут затхлостью **укладок**. *П929 (I, 227)*; Бес попутал в **укладке** рыться... Ну, а как же могло случиться, Что во всем виновата я? Я — тишайшая, я — простая, «Подорожник», «Белая стая»... Оправдаться... но как, друзья? *Ахм940–60 (293.4)*; И в памяти, словно в узорной **укладке**: Седая улыбка всезнающих уст, Могильной чалмы благородные складки И царственный карлик — гранатовый куст. *Ахм942-44 (204.2)*

В более объемной словарной статье на слово *ущерб* практически все контексты относятся к менее актуальным сейчас значениям, что находит соответствие в Словаре Ушакова [7], отражающем состояние языка близкого поэтам Серебряного века хронологического среза. Ср. в СУ:

УЩЁРБ, а, мн. нет, м. (книжн.). 1. Убыток, урон, потеря. *Причинить у. Нанести у. Не почувствовал ни малейшего ущерба. Без ущерба для дела. В ущерб здоровью.* 2. Вид, положение, при к-ром светило (луна) начинает казаться уменьшающимся. *У. луны. Луна на ущербе.* ◊ **На ущербе** (книжн.) — перен. в умалении, в упадке. *Силы его на ущербе. Писатель на ущербе своей славы.*

В СЯРП:

УЩЕРБ [преимущ. положение луны, при к-ром виден ее уменьшающийся серп] Уж не ты ль и колдуешь, жемчужный, Ты, кому остальные ненужны, Их не твой ли развел и у., На горелом пятне желтосерп, // Ты, скиталец небес праздносумый, С иронической думой?.. *Анн900-е (148.2)*; За желто-красную листву Уходит месяца отрезок. // Он будет ночью — светлый серп, Сверкающий на жатве ночи. Его закат, его у. В последний раз ласкает очи. *АБ902 (I, 228)*; Стал высоко белый месяц на **ущербе**, И за всех, чья жизнь невозвратима, Пльи жаркие слезы по вербе На румяные щеки херувима. *Анн907 (91.1)*; ...Я слышу иволги всегда печальный голос И лета пышного приветствую у., А к колосу прижатый тесно колос С змеиным свистом срезывает серп. *Ахм917 (129.1)*; Ревностью жизнь жива! Кровь вожделеет течь В землю. Отдаст вдова Право — на меч? //

Ревностью жизнь жива! Благословен у. Сердцу! Отдаст трава Право свое — на серп? *Цв923 (II, 202.2); ...*

Очевидно, что для современного языка актуально первое значение ('убыток'), тогда как луну после полнолуния обычно называют *убывающей*, а устойчивое выражение [*быть*] *на ущербе* сейчас можно характеризовать как устаревшее. Отметим также, что в единственном контексте из Цветаевой, где можно предположить реализацию основного значения 'урон, потеря', *ущерб сердца* соотносится с *серпом*, что вызывает к жизни другое значение лексемы.

Интересны случаи, когда одно из значений многозначного слова, которое занимает небольшое место (или отсутствует) в материале словарной статьи, выступает на первый план в статьях на другие единицы словообразовательного гнезда. Так, в большой по объему статье УБРАТЬ встречается лишь один контекст на значение 'украсить', соотносимое с лексемой УБРАНСТВО, ср. статью УБРАННЫЙ:

УБРАТЬ [... *тж* украсить] ... Дом пестрей комедьянтской фуры, Облупившиеся амурь Охраняют Венерин алтарь. Певчих птиц не сажала в клетку, Спальню ты убрала, как беседку, Деревенскую девку-соседку Не узнает веселый скобарь [обрац. к О. А. Глебовой-Судейкиной] *Ахм940–60 (283)*

УБРАНСТВО [*тж* *мн.* убрáнства] Приветствую золото дней, Осенним дыханьем овитых. // В молчаньи вечерних небес, Над далью просторов усталых Чернеет никнувший лес В убранстве из листьев увялых. *АБ898 (I, 395.2); ...*

УБРАННЫЙ [*устар.* и *прост.*; одетый, наряженный надлежащим образом] Лежит девица, Как в церкву убранная. Ровно деревце В цветенье — срубленное. // В три полотнища Простерлась, в строгостях. Да нейдет еще Душа из ребрышек. *Цв922 (III, 295).*

Среди редких лексем, нуждающихся в дополнительном анализе и сопровождении в словаре лингвистической и энциклопедической информацией, особое место занимают иноязычные вкрапления. С очевидностью не требуют пояснений устоявшиеся в языке заимствования, но в поэзии Серебряного века нередки примеры, характеризующие язык эпохи, но не вполне понятные современному читателю. Кроме того, использование алиенизмов, иногда явно ситуативное, а также образование производных слов на основе не освоенных русским языком иноязычных единиц во многом сближают этот пласт лексики с поэтической неологией.

Так, для современного читателя могут быть малоизвестны танцы, знаковые для начала XX в.: *ки-ка-пу* / *кикапу*, *кэк-уок* (вариант к *кек-уок*), *тустеп*, *уанстеп*, *шимми*. Ср.:

ТУСТЕП [англ. *two-step* (*two* — два, *step* — шаг)] — американский парный бальный танец с двухдольным ритмом, популярный в Европе в 20-е гг. XX в.; см. *тж* УАНСТЕП] И снова / хлопанье двери и карканье, / и снова танцы, полами исшарканные. / И снова / стен раскаленные степи / под ухом звенят и вздыхают в тустепе. *М923 (436)*; Стены в тустепе ломались / на три, / на четверть тона ломались, / на сто... / Я, стариком, / на каком-то Монмартре / лезу — / стотысячный случай — / на стол. *М923 (440)*

УАНСТЕП [англ. *one-step* (*one* — один, *step* — шаг)] — американский парный танец, популярный в Европе в 20-е гг. XX в.; см. *тж* ТУСТЕП] Сглушило слова уанстепным темпом, / и снова слова сквозь темп уанстепа: / «Что это вы так развеселились? / Разве?!» / Слілись... *М923 (436)*

УАНСТЕПНЫЙ [*прил.* к УАНСТЕП] ... *М923 (436)*

Интересен случай, когда Велимир Хлебников во время своей поездки в Персию, включая в поэтический текст лингвистическую рефлексию (ср. «*Тиран без Тэ*» — *Иран*), находит соответствие для созданного им титула *Председатель земного шара*:

ТУМАМ [*перс.* — все, весь; только в сочет.: Реис тумам донья (*Рэис-е тэмам-е донья*) — Председатель всего мира (земного шара)] *Тиран без Тэ*. «Рэис тумам донья», — Али В Председатели шара земного Посвящается за стаканом джи-джи. *РП Хл921, 22 (353.3)*

Показательно также, что самые смелые индивидуально-авторские эксперименты могут находить параллели в языке эпохи. Так, несущий заряд иронической окраски глагол Маяковского *убиганиться* отсылает к характерной для своего времени реалии:

УБИГАНИТЬСЯ [*нов.*; от назв. франц. парфюмерной фирмы «Убиган» («*Нoubigant*»)] Смотрю / в антракте — / красавка на красавице. / Размяк характер — / все мне / нравится. / Талии — / кубки. / Ноги — / в глянце. / Крашенные губки / розой убиганятся. *М929 (369)*

Ср. в НКРЯ: *Хлеб пахнет конюшней, плесенью Петропавловских подземелий и, от соседства с кружевным шелковым платком, — убигановским Quelques Fleurs'ом* (А. Мариенгоф. Циники (1928)); *От кого-то пахло Убиганом, кто-то что-то сказал по-французски, кому-то предлагают бокал шампанского — не спрашивайте, откуда оно: может быть, из елисейского погребка*

(завалилась бутылка в дальний угол), может быть, из Зиновьевского распределителя, может быть, из бабушкиной кладовой (Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966)).

Принципиальной позицией составителей словаря является включение в общий словник имен собственных. Это решение представляется вполне обоснованным, поскольку в поэтическом языке имена собственные несут особую смысловую нагрузку, вступают в сложные словообразовательные, паронимические и ассоциативные отношения, и более того, граница между ними и нарицательной лексикой оказывается более размытой. Способность имен собственных аккумулировать дополнительные смыслы, нередко придающие им отвлеченное символическое значение, а также богатое словообразование, включение в авторское словотворчество привлекают к ним внимание (можно отметить, что в этом отношении они близки другим группам лексики, рассмотренным выше — например, иноязычным вкраплениям).

Так, в строках Цветаевой выражение *бриллианты Тэта* практически ничего не говорит современному читателю и может восприниматься исключительно в прямом значении ‘витрина ювелирного магазина’ (с добавлением смысловых обертонов, вносимых контекстом: ‘глазами ребенка — о чем-л. чудесном, восхищающем’), тогда как ее современникам эта реалья была хорошо известна и сопровождалась в том числе другими ассоциациями. Ср.:

ТЭТ [«Американский дом бриллиантов ТЭТ» — магазин **искусственных бриллиантов**] Взрослым — улица, нам же Тверская — Полувзрослых сердец колыбель. // Колыбель золотого рассвета, Удивления миру, что утром дано... Вот окно с **бриллиантами Тэта**, Вот с огнями другое окно... Цв911 (I, 143.2)

В НКРЯ: *При современном искусстве подделки алмазы Тэта изумительны: их трудно отличить от природных, но цена им все-таки полтора рубля* (М. О. Меньшиков. Памяти святого пастыря (1909)); *И горят бриллиантовым светом стены многих домов: ярко искрятся из алмазов сложенные слова: «Кофейня», «Фарс», «Бриллианты Тэта», «Часы Омега»* (Андрей Белый. Петербург (1913–1914)); *В Петербурге был на Невском магазин Кепта и Тэта, где в эффектных витринах с вертящимися электрическими лампочками слепили глаза прохожих искусственные бриллианты и другие цветные камни в оправках из фальшивого серебра и золота* (Д. А. Засосов, В. И. Пызин. Из жизни Петербурга

1890–1910-х годов (записки очевидцев) (1976)); ...подделка, грубая или искусная, наполняла столицу, придавая ей бесстыдный блеск **тэтовских бриллиантов**, которым петербургские дамы средней руки ослепляли провинциалов (Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)).

* * *

Таким образом, рассмотренный словарь, описывая язык десяти видных поэтов Серебряного века, предлагает и анализ этого языка в широкой лингвистической и историко-культурной перспективе, что не только дает обширный проработанный материал для дальнейших исследований, но и помогает читателю лучше понять поэтический текст. Предполагается, что преобразование «Словаря языка русской поэзии XX века» в цифровой формат сделает возможным его количественное и качественное расширение [10], что позволит представить поэтический язык XX в. в более полном виде. На базе словаря, отражающего функционирование общенационального языка через призму его поэтического осмысления, могут разрабатываться специальные лексикографические проекты, в том числе идеографические словари.

-
1. БАС — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1950–1965.
 2. Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии : проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М., 1965. 223 с.
 3. Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. 343 с.
 4. НКРЯ.
 5. Поэт и слово. Опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. М., 1973. 455 с.
 6. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
 7. СУ — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
 8. СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–9– / сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001–2022–.
 9. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография : Теория, история, современность. М., 2011. 464 с.
 10. Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Авторская лексикография в электронно-цифровую эпоху // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 3. С. 94–113.

2.3. Интерпретация денотативной сферы «Восприятие окружающего мира» в первом издании книги О. Э. Мандельштама «Камень»*

Жизнь и литературное наследство О. Э. Мандельштама исследовались такими известными учеными, как Г. Анри (H. Henri), Н. А. Струве, Г. П. Струве, С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, А. Г. Мец, В. Ю. Успенский, М. Е. Пинский, Н. И. Харджиев, Л. Я. Гинзбург, Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, В. М. Жирмунский, А. К. Жолковский, Ю. И. Левин, Е. Эткинд, М. Эпштейн, Б. Янгфельдт и др. Кроме того, о поэзии О. Э. Мандельштама писали такие поэты и писатели, как А. Ахматова, Г. Адамович, В. Нарбут, Б. Пастернак, Г. Шенгели, А. Кушнер, О. Седакова, М. Амелин и многие другие. Также существует достаточно широкий круг публикаций мемуарного характера, среди которых выделяется трехкнижие вдовы поэта Н. Я. Мандельштам. Однако следует отметить, что среди исследований, посвященных поэзии О. Э. Мандельштама, доминируют преимущественно общелингуистические, литературоведческие, философские исследования, а лингвистический аспект рассмотрения и анализа произведений поэта представлен незначительно.

Данная глава восполняет этот пробел, так как в ней представлены результаты исследования, выполненного в лингвистическом аспекте, она является частью большого исследования, посвященного, во-первых, выявлению и описанию индивидуально-авторской картины мира (далее — ИАКМ) О. Э. Мандельштама, воплощенной в цикле стихотворений, опубликованном в первом издании книги «Камень», во-вторых, оформлению полученных результатов в лексикографических параметрах в виде *авторского идеографического словаря* О. Э. Мандельштама.

Лексика стихотворений О. Э. Мандельштама уже являлась материалом для лексикографических трудов, например, для «Словаря языка поэзии XX века». Источником материала для этого словаря послужили поэтические тексты десяти стихотворцев: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00352).

и М. Цветаевой. В. П. Григорьев, идейный вдохновитель словаря, главной задачей видел представление «лексикографического “очерка”, словарной модели поэтического мира XX в.», фиксацию «системы поэтического языка этой эпохи в развитии» [26, с. 70]. Отметим, что перед составителями не стояла задача моделирования ИАКМ отдельных поэтов. Для решения этой задачи мы предлагаем модель авторского идеографического словаря.

В начале XXI в. в отечественной лингвистике значительно возрос интерес к авторской лексикографии. Под этим термином понимают теорию и практику «составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов, а также изучение таких словарей и выявление возможностей их использования» [24, с. 16]. Однако первые подобные лексикографические труды в отечественной науке появились еще в XIX в.: это словари языка Г. Р. Державина Я. К. Грота, Д. И. Фонвизина К. П. Петрова, А. Н. Грибоедова В. Н. Куницкого и А. С. Пушкина В. А. Водарского. По мнению О. И. Фoniaковой, издание этих четырех словарей представляет собой первый этап в истории отечественной авторской лексикографии, в котором были представлены два типа словаря: *неполный конкорданс* (Я. К. Грот, К. П. Петров, В. А. Водарский) и *полный алфавитно-частотный словарь-индекс* (В. Н. Куницкий) [21, с. 40].

Второй этап развития отечественной авторской лексикографии «выделяется не строго хронологически за первым, а по его этапной значимости в общей разработке и создании новых типов словарей, среди которых главное место занимает реализация идеи толкового словаря» [Там же, с. 41]. «Словарь личных имен у Достоевского» А. Л. Бема, «Щедринский словарь» М. С. Ольминского, «Словарь комедии “Горе от ума”» В. Ф. Чистякова, «Проект словаря языка Пушкина» Г. О. Винокура, «Словарь М. Горького» Б. А. Ларина, «Инструкция по составлению словаря к “Мертвым душам” Н. В. Гоголя» Ю. С. Сорокина появились именно в этот период развития авторской лексикографии. Второй этап развития авторской лексикографии дал отечественной науке еще четыре типа словарей: *словарь-индекс по собственным именам* (А. Л. Бем), *конкорданс по всему творчеству одного автора* (М. С. Ольминский), *общий толковый словарь ко всему творчеству писателя полного типа* (Г. О. Винокур), *словарь к отдельному произведению* (В. Ф. Чистяков, Б. А. Ларин, Ю. С. Сорокин) [Там же, с. 45].

Третий этап в истории русской авторской лексикографии, отмечает О. И. Фoniaкова, характеризуется развитием словарного

описания языка писателя «вширь и вглубь», разработкой новых типов и видов словарей. В отечественной авторской лексикографии были реализованы все типы писательских справочников, которые известны в мировой лексикографии [21, с. 45]. Следует отметить в этом отношении большие достижения в области создания классических авторских словарей русских писателей и поэтов: И. Бунина (2015), В. Высоцкого (2012), А. Грибоедова (2017), В. Хлебникова (1995), М. Цветаевой (1996), М. Шолохова (2005), В. Шукшина (2001) и многих других.

По замечанию Л. Л. Шестаковой, за последние 15 лет было опубликовано более 40 словарей, посвященных описанию языка писателей и поэтов [25, с. 127]. Исследователь отмечает, что «одной из насущных является проблема отслеживания и анализа тех изменений», которые происходят в отечественной авторской лексикографии [23, с. 36]. Л. Л. Шестакова выделяет следующую тенденцию: многие из авторских словарей, изданных в последние годы, «создаются на стыке разных словарных направлений [25, с. 134].

Авторский идеографический словарь языка О. Э. Мандельштама, создаваемый на материале первого издания книги «Камень» (1913 г.), опирается на достижения отечественной лингвистики как в сфере создания словарей языка писателей и поэтов, так и в сфере теоретической и практической идеографии. Именно достижения отечественной науки в сфере идеографической лексикографии позволяют нам предложить новый тип авторского словаря языка поэта — *идеографический*.

Как отмечает Л. Г. Бабенко, глава УСШ, идеографическая лексикография в отечественной науке прошла следующие этапы: «от постановки самой проблемы идеографических словарей — до создания первых словарей в виде списков слов, объединенных общим понятием (1970–1980-е гг., 1-й этап), позднее — до создания толково-идеографических словарей (конец XX — начало XXI в., 2-й этап)» [1, с. 8].

Основополагающими теоретическими работами, в которых впервые в отечественной науке была освящена проблема составления идеографических словарей, были труды В. В. Морковкина и Ю. Н. Караулова. В 1970 г. был издан труд В. В. Морковкина «Идеографические словари», в котором ученый воссоздает историю мировой практики составления таких словарей, предлагает теорию и методологию идеографической лексикографии. По его мнению, идеографический словарь должен представлять собой

макет лексической системы языка. Исследователь обращается к рассмотрению системных отношений, существующих в языке (как парадигматических, так и синтагматических), и отмечает, что «характер естественной группировки слов в мозгу человека» [14, с. 46] находит отражение именно в них. Это утверждение обуславливает принципы, которые должны учитываться при создании идеографического словаря: в нем должна быть представлена не только парадигматическая группировка слов, но и достаточно полная информация об их сочетаемости [Там же]. В. В. Морковкин видел воплощение данных принципов в словаре синтетического типа, совмещающего в себе *идеографический тезаурус и словарь словоупотреблений*.

Идеи, обозначенные В. В. Морковкиным, были развиты им в работе «Опыт идеографического описания лексики», изданной в 1977 г. Ученый продолжает разрабатывать положения, высказанные в предыдущей работе, предлагает новое определение синтетического словаря, под которым понимает такой идеографический словарь, который «синтезирует лексическую систему, устанавливая между словами парадигматические и синтагматические отношения, и обеспечивает комплексное (синтетическое) описание содержательной стороны слова» [15, с. 116].

Изданный в 1976 г. научный труд Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография» внес значительный вклад в разработку теории и методологии отечественной идеографической лексикографии. Исследователь связывает теорию идеографии с понятием семантического поля и ономазиологическими принципами в изучении лексики [9, с. 3]. Потребность обращения к теории поля ученый мотивирует тем, что поле обуславливает системность лексики на основе групп подобного рода; идеографический словарь также оперирует группами слов, однако данное сходство либо критикуется, либо игнорируется составителями идеографических словарей [Там же, с. 22].

Ю. Н. Караулов последовательно связывает структуру идеографических словарей с понятием языковой картины мира. Однако данное понятие остается, по мнению ученого, лишь метафорой, и «не существует эксплицитных процедур ее [картины мира] построения» [Там же, с. 246]. Ученый отмечает, что структура идеографического словаря, безусловно, составляет один из компонентов картины мира, «а именно статический ее компонент, который включает принципы членения лексического состава данного языка и отражает наиболее общие, доминантные

грамматические категории, определяющие его структурный тип» [Там же, с. 267].

Второй этап развития отечественной лексикографии «связан с созданием толковых идеографических словарей на понятийной основе, т. е. толково-идеографических словарей» [1, с. 8]. Над составлением подобных словарей с конца 1980-х гг. трудились два научных коллектива: коллектив лексикографов под руководством Н. Ю. Шведовой и коллектив ученых УСШ. Результатом труда этих коллективов стало издание двух толково-идеографических словарей: в 1998 г. был издан «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под ред. Н. Ю. Шведовой, и в 1999 г. — «Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание» под редакцией Л. Г. Бабенко.

В основе разрабатываемого нами авторского идеографического словаря О. Э. Мандельштама лежит сводная идеографическая классификация, выполненная на основе идеографических словарей УСШ — БТСРГ (1999, 2007), БТСРС (2005), СТПРЯ (2011, 2012, 2016), СТСРЯ (2007, 2008, 2011, 2017), БТИССАК (2021), «Экспериментального синтаксического словаря» (2004, 2016), КРЯКК (2010, 2017). Впервые эта идеографическая сетка была представлена в КРЯКК (2010), а затем в доработанном виде — в проспекте «Универсального идеографического словаря русского языка» (далее — синопсис) в 2015 г.

Аккумулируя различные подходы идеографического описания лексики, представленные в словарях УСШ, Л. Г. Бабенко удалось создать идеографическую классификацию, «включающую 15 сфер на высшем уровне иерархии категорий и около 900 частных категорий на нижнем уровне иерархии, отображающих в совокупности русскую языковую картину мира» [20, с. 5]. Именно эта классификация служит для нас образцом, на основании которого мы категоризируем и систематизируем лексику первого издания книги О. Э. Мандельштама «Камень». В синопсисе лексика русского языка распределена по «денотативным сферам, классам, группам и подгруппам слов» [Там же, с. 8], нами было принято решение сохранить эту логику при составлении словаря языка О. Э. Мандельштама.

В синопсисе на высшем уровне иерархии выявлено 15 денотативных сфер: «Неживая природа»; «Вещества и материалы»; «Живая природа»; «Человек как живое существо»; «Населенный пункт»; «Нации»; «Родственные и семейные отношения»; «Человек

и его внутренний мир»; «Язык и речь»; «Сверхъестественное»; «Общественно-государственная сфера»; «Конкретная физическая деятельность»; «Социальная сфера жизни человека»; «Восприятие окружающего мира»; «Универсальные представления, смыслы и отношения».

Отметим, что порядок представления сфер не случаен, еще в предисловии к БТСРС Л. Г. Бабенко отмечала, что в нем «самой сложной и важной является проблема системного представления общих денотативных сфер, их взаиморасположения. <...> В данном словаре осуществлена попытка формирования его структуры на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающей действительности» [4, с. 17].

Целью данного раздела является описание структуры денотативной сферы «Восприятие окружающего мира» в словаре языка О. Э. Мандельштама (на материале первого издания книги «Камень») в сопоставлении с ее структурой в языке, отраженной в идеографических словарях УСШ. Материалом исследования послужила лексика стихотворений поэта, относящаяся к сфере «Восприятие окружающего мира»: 242 лексемы (342 словоупотребления). Источником материала — 23 стихотворения, составляющие первое издание книги О. Э. Мандельштама «Камень».

В основе этой работы лежит метод поэтической идеографии, опирающийся на общую теорию идеографической лексикографии, которая представлена в работах крупнейших отечественных лингвистов (Л. М. Васильева, Ю. Н. Караулова, В. В. Морковкина, Э. В. Кузнецовой, Н. Ю. Шведовой и др.), а также на концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и реализованную коллективом авторов УСШ в серии подобных словарей.

В основе метода поэтической идеографии, по замечанию Ю. В. Казарина, «лежат исследование и описание смысловой парадигматики лексики на глубинном уровне лексической смысловой структуры стихотворения» [8, с. 360]. Поэтическая идеография, по нашему мнению, может осмысляться и как метод исследования, включающий различные частные методики выявления денотативно-идеографических и когнитивно-дискурсивных лексических множеств, и как итог исследования, который представляет собой выявленную и системно организованную лексику исследуемых текстов. Метод поэтической идеографии позволяет выявлять и интерпретировать ИАКМ поэта.

Для идеографического исследования лексики в поэтическом тексте и последующего выявления и интерпретации ИАКМ мира О. Э. Мандельштама нами был разработан следующий алгоритм:

1. Выявление методом сплошной выборки лексем, функционирующих в поэтическом тексте.
2. Определение словарного значения лексемы.
3. Определение контекстуального значения лексемы.
4. Отнесение лексемы к идеографической сфере, группе и подгруппе с опорой на синопсис [20], а также на ряд идеографических словарей УСШ: БТРС [11], БТСРГ [3] и СТРП [17].

Представим для иллюстрации метода поэтической идеографии анализ лексемы *луна* из стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат...». Это существительное в исследуемом поэтическом тексте (далее — ПТ) реализует основное словарное значение: «1. Небесное тело, являющееся естественным спутником Земли, светящееся отраженным светом Солнца» [4, с. 120]. При этом значение слова в поэтической фразе расширяется, обогащается за счет наведенных контекстом сем, актуализирующих признаки постоянности как самого источника света, так и самого процесса его излучения, а также неизменности временной длительности, вечности (в этом стихотворении О. Э. Мандельштам противопоставляет «вечную луну» символизма «светлому циферблату» акмеизма). В результате существительное *луна* в данном контексте, сохраняя основное, развивает ассоциативно-образное значение ночного светила как символа вечности. Вследствие контекстуальной двуденотативности лексема *луна* относится к двум денотативным сферам: она входит и в сферу «Неживая природа», группу «Небесное пространство и небесные тела», а также в сферу «Восприятие окружающего мира», подгруппу «Время» (подробнее см. статью [2]).

Появление концепции авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама стало возможным благодаря не только развитию отечественной авторской идеографической лексикографии, но и достижениям отечественного и мирового мандельштамоведения. Поэтико-идеографический анализ первого издания книги «Камень» проводится с учетом существующих на данный момент подходов к анализу и интерпретации ПТ, составляющих первое издание «Камня».

Дебютная книга О. Э. Мандельштама «Камень» претерпела три издания. В конце марта 1913 г. было опубликовано первое [11, с. 58]. Как вспоминал брат поэта: «Это была тоненькая

книжечка с двадцатью тремя стихотворениями, написанными с 1909 по 1913 год. <...> Тираж — всего 600 экземпляров» [11, с. 58]. Как отмечает Д. В. Фролов, порядок расположения стихотворений в этой книге определялся хронологией их написания и публикации в журналах «Аполлон» и «Гиперборей», а также смысловыми связями между ними [22, с. 151].

Мы полностью разделяем точку зрения Д. В. Фролова на то, что первая книга О. Э. Мандельштама — «это не свод всех опубликованных (и неопубликованных) стихов, а выборка, причем с очень строгими критериями отбора» [Там же, с. 155]. Изданию дебютного сборника предшествовала публикация 25 стихотворений в разных журналах, из этих текстов автор выбрал для книги только 15. Всего к моменту публикации поэт написал 127 стихотворений [Там же], то есть в дебютном сборнике было опубликовано менее 20 % от всего написанного им к моменту публикации книги.

Многие исследователи отмечают, что в первом «Камне» проявился переход поэзии О. Э. Мандельштама от символизма к акмеизму. Например, Л. Я. Гинзбург определяет стихотворения 1908–1911 гг., включенные поэтом в свою первую книгу, как «стихи ученика символистов», но ученый убеждена в том, что Мандельштам преодолевает их «потусторонность» и философию; исследователь определяет эти стихотворения как произведения «о мире туманном и ненастоящем» [12, с. 261]. Если для представителей символизма предмет был лишь иносказанием, за которым стояло нечто отвлеченное, то «у Мандельштама... вещь остается вещью». Поэт разрабатывает «безмерное ассоциативное расширение» слова [Там же, с. 268]. Преодоление эстетики и философии символизма поэт видел в отказе от «зыбкого субъективизма» [Там же, с. 273].

Т. Н. Бреева также рассуждает о сложном взаимоотношении двух поэтик в ранних стихотворениях О. Э. Мандельштама: «Медитативность, намеренная недосказанность, фрагментарность (подчеркнутые иногда синтаксически — многоточием в конце)... являются несомненно символическими особенностями» [5, с. 11]. Эти стихотворения выделяются на фоне остальных «ослабленным сюжетом и нарочитой смысловой неясностью» [Там же]. Однако исследователь находит в «Камне» и другую тенденцию: «в сборнике достаточно примеров противоположной тенденции: синтаксической простоты, единообразия» [Там же]. Таким образом, «Камень» представляется ученому сложной книгой с точки зрения этико-эстетических установок. С одной стороны, в сборнике присутствует «присущий символизму мотив зыбкости границ между

искусством и жизнью, установка на теургию», с другой — «акмеистический принцип признания существования и существующего превыше всего» [5, с. 11]. Одну из главных оппозиций книги ученый видит в противопоставлении «безликой вечности и хрупкости сиюминутного бытия» [Там же, с. 28]. В своих рассуждениях о книге «Камень» Т. Н. Бреева приходит к следующему заключению: «в картине мира “Камня” материальное оказывается глубоко родственно духовному. И то, и другое составляют рукотворную реальность, культурное пространство, преодолевающее пустоту небытия» [Там же, с. 50].

О. Н. Скларов, обобщая мнения многих ученых о «борьбе» символизма и акмеизма в поэзии О. Э. Мандельштама, пишет следующее: «В некоторых новейших исследованиях (Н. Дзусева, В. Мусатов, Й. Ужаревич, С. Бройтман и другие) Мандельштам значится в ряду зачинателей и основных идеологов *постсимволизма*» [16, с. 38]. По мнению исследователя, рассматривать поэзию Мандельштама в рамках акмеизма является методологически устаревшим приемом. С. Голдберг, американский славист, рассуждая о борьбе в поэтике Мандельштама двух литературных направлений — символизма и акмеизма, пишет: «Поэзия Мандельштама 1912 года... представляет собой процесс длительного и неуловимого “преодоления”». Это важное, на наш взгляд, уточнение классического определения — «преодолевшие символизм» — В. М. Жирмунского [6, с. 77].

Для адекватной интерпретации ПТ, составляющих первое издание «Камня», необходимо учитывать их связь с творчеством Ф. И. Тютчева, который был, по замечанию Н. А. Струве, «одновременно и притягательным, и отталкивающим полюсом» [18, с. 186]. Т. Н. Бреева подтверждает эту мысль: «Тютчевский пласт играет одну из ведущих ролей в раскрытии мандельштамовской картины мира в сборнике “Камень”» [5, с. 17]. С одной стороны, в некоторых стихотворениях поэта мы можем увидеть даже прямые цитаты из поэта-предшественника, с другой стороны, видна попытка преодоления суровости мира, в котором человек значит так мало. Мандельштам видит в «пассивном выжидании» Верлена ту позицию, которая позволит преодолеть «космическое чувство» Тютчева [Там же, с. 188]. «Метафизическая онтология Тютчева деградирует до чистого ощущения», — замечает исследователь. Именно благодаря восприятию творчества Верлена в поэзии Мандельштама появляется чувство неуверенности («Неужели я настоящий, / И действительно смерть придет?») [Там же]. Однако

пассивная позиция Верлена преодолевается поэтом обращением к архитектуре, к «духу строительства». Для стихотворца слово служит таким же материалом, как и камень для архитектора [5, с. 195]. Из убежденности в этом и появилось название первого сборника «Камень», которое заменило изначальный вариант «Раковина».

Рассуждая о поэтической семантике О. Э. Мандельштама, Л. Г. Кихней формулирует следующую особенность его ПТ: «Мандельштам, отталкиваясь от символистской туманной много-смысленности, обновляет поэтическую речь за счет преодоления “тяжести недоброй” будничного слова» [10, с. 52]. По мнению ученого, преобразование «бытового слова в поэтическое происходит за счет изменения роли контекста, который, по сути дела, становится организующим фактором в стихотворении» [Там же]. Ученый развивает эту мысль следующим образом: «Именно за счет особого рода структурирования материала происходит контекстное наращивание смысловой энергии слова в стихе, строфе и стихотворении. По сути дела, речь идет не о преодолении сопротивления материала, а об умении использовать новые принципы сочетаемости слов» [Там же, с. 54]. Поэт высвобождает имплицитные смыслы слова «с помощью новых (нетривиальных) контекстуальных сочетаний» [Там же]. Именно поэтому в нашем исследовании мы обращаем особое внимание на изменение семантики слова за счет его контекстных партнеров.

Обратимся к результатам поэтико-идеографического анализа первого издания книги О. Э. Мандельштама «Камень»: идеографический анализ лексики, функционирующей в 23 ее стихотворениях, а также статистический анализ указанных единиц позволили выявить определенные сферы лексики доминирующего и сопутствующего характера в ИАКМ поэта. Если представить ИАКМ поэта в виде поля, то в ядре этого поля будет представлена идеографическая сфера «Восприятие окружающего мира», она значительно опережает остальные по количеству словоупотреблений, всего в ней представлено 242 лексемы (342 словоупотребления). В *приядерной зоне* представлены лексемы, относящиеся к идеографическим сферам «Человек и его внутренний мир» (203/230), «Универсальные представления, смыслы и отношения» (165/389) и «Общественно-государственная сфера» (164/199). В *ближайшей периферии* представлены следующие идеографические сферы: «Неживая природа» (84/118), «Человек как живое существо» (79/148) и «Конкретная физическая деятельность»

(65/72). В *дальнейшей периферии* представлены идеографические сферы «Живая природа» (33/42), «Язык и речь» (26/35), «Вещества и материалы» (17/19), «Социальная сфера жизни человека» (16/17), «Нации» (6/9), «Населенный пункт» (6/8), «Сверхъестественное» (5) и «Родственные и семейные отношения» (1).

В рамках данной главы рассмотрим сферу «Восприятие окружающего мира». В *ядре* этой сферы представлены следующие классы: «Время» (58/74), «Акустическое восприятие» (48/56), «Пространство» (40/102), «Восприятие предмета» (37/42), «Зрительное восприятие» (36/40). К *периферии* анализируемой сферы относятся классы «Количество, мера» (11/13), «Осязательное восприятие» (7/8), «Обонятельное восприятие» (3). Обратим внимание, что только один класс — «Вкусовое восприятие» — не представлен ни одной лексемой в первом издании книги «Камень».

К классу «Время» относятся 58 лексем (74), самой наполненной является ДИГ «Время относительно момента речи» — 17 лексем (21: *век, выцвести, перен., давний, еще, когда* (4), *когда-нибудь, мгновение, накануне, недавний, некогда, пора, с, сегодня, уже, старинный* (2), *теперь, уже*). Далее представлена ДИГ «Периодизация» (15/22: *вечереть, воскресенье, день* (4), *зима, зимовать, лето, ночь* (2), *осенний* (3), *май, полдень, полуночный, праздничный, субботний, сумерки, утро* (2). Остальные ДИГ перечислим в порядке убывания количества лексем: «Оценка факта, события, явления относительно времени» (12/13: *быстроживущий, век, внезапно, долго, ленивый, лететь, перен., медленно, мелькать, перен.* (2), *нередко, опять, подчас, часто*), «Время по отношению к какому-л. процессу, действию» (9: *года Юстиниана, догорать, перен., наступать, очевидец, пора, приходиться, глухой, перен., срок, черед*), «Промежуток времени и единицы измерения времени» (4/8: *вечность* (2), *миг* (2), *мгновенный, час* (3)), «Счет времени» (1: *циферблат*).

Если представить лексику класса «Время» в виде поля, то в его ядре окажутся ДИГ «Время относительно момента речи» (17/21) и «Периодизация» (15/22). К *приядерной* зоне будут относиться ДИГ «Оценка факта, события, явления относительно времени» (12/13) и «Время по отношению к какому-л. процессу, действию» (9), а к *периферии* — ДИГ «Промежуток времени и единицы измерения времени» (4/8) и «Счет времени» (1).

Частотными для класса «Время» оказались лексемы *день* (4), *когда* (4), *осенний* (3), *вечность* (2), *мелькать, перен.* (2), *миг* (2), *ночь* (2), *старинный* (2), *утро* (2), *час* (2).

В лексическом составе класса «Время» представлены существительные (31), наречия (21), прилагательные (14), глаголы (8), предлог (1). С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу темпоральной картины О. Э. Мандельштама мира составляют имена существительные.

Темпоральная картина мира в ПТ первого издания книги «Камень» О. Э. Мандельштама характеризуется однообразием описываемых времен года, лирические сюжеты в сборнике в основном развиваются осенью и зимой (*осенний* (3), *зима* и *зимовать*). Стихотворение «Змей» начинается со стиха «*Осенний сумрак — ржавое железо...*», а ПТ «Золотой» — «*Целый день сырой осенний воздух...*». И если в первом ПТ «осенний сумрак» является маркером символистского хронотопа, то во втором поэт скорее иронически переосмысляет символистский хронотоп: лирический герой стихотворения «Золотой» просит «разменять золотой» (ср. устойчивое выражение «зарыть талант в землю», в котором изначально «талант» обозначал древнеримскую монету; в рецензии «Андрей Белый. Записки чудака» О. Э. Мандельштам писал: «Русский символизм так много и громко кричал о “несказанном”, что это “несказанное” пошло по рукам, как бумажные деньги» [13, с. 293]).

Лето названо лишь в рамках развернутой метафоры «Она испытывает *лето*, / Как бы не тронута зимой...»; лексема весна в ПТ первого издания книги «Камень» не встречается, однако в ПТ «Невыразимая печаль» представлено единственное во всей книге название месяца: «Немного красного вина, немного солнечного *мая...*» В некоторых ПТ определить время года, когда разворачивается лирический сюжет, затруднительно (например, в стихотворениях «Дыхание», «*Silentium*», «Раковина» и ряде других), в основном это ПТ, которые относятся к философской лирике, в них действие происходит *вне времени*.

Лирические сюжеты в первом издании книги «Камень» разворачиваются как при свете солнца (*день* (4), *утро* (2), *полдень*), так и после его захода (*вечереть*, *полуночный*, *сумерки*).

Значимой оппозицией для темпоральной картины мира О. Э. Мандельштама, репрезентированной в его дебютном сборнике, является противопоставление текущего момента (*миг* (2), *мгновенный* (2), *мгновение*) и *вечности* (2). Эта оппозиция ярко проявлена в концептуально важном ПТ «Нет, не луна, а светлый циферблат...»: «Который час, его спросили здесь — / а он ответил любопытным: “вечность”!» В этом ПТ поэт Батюшков, уже

пораженный душевным недугом, отрицает существование времени. По мысли Мандельштама, символистской вечности нужно противопоставить «точное время» акмеизма («Который час, его спросили здесь»), то есть оппозиция *вечность* — *миг* репрезентирует противопоставление символизма и акмеизма в «Камне». Пытаясь найти свое место в истории, в культуре, лирический герой ранних стихов поэта сталкивает текущий момент времени с вечностью. Неслучайно в стихотворении «Дыхание», которое открывает первую книгу поэта, по *стеклам вечности* стекает *мусть мгновения*, пытаясь уничтожить узор, который поэт оставил своим дыханием. Можно констатировать, что Мандельштам хотел, чтобы его ПТ воспевали как вечность, так и то время, когда они были написаны.

Время в ПТ, входящих в первое издание «Камня», разом данное (в терминологии Ю. С. Степанова), исключение составляет стихотворение «Золотой», в котором представлено линейное время.

К классу «Акустическое восприятие» относятся 48 лексем (56), самой наполненной в этом классе является ДИГ «Звуки, их разновидности и источник» (25/29: *визг, выстрел, грянуть, донести, перен., звон, звонить, колокол, крик* (2), *музыка* (2), *нота, пенье, перезвон, петь* (4), *раскаты, рыдание, свист, сигнал, сирена, скрипеть, смутно-дышащий, перен., стон, стучать, хор, шелестеть, шепот*). Далее по количеству лексем идут ДИГ «Характеристика звука» (13: *бить, перен., бормотать, визг, глухо, грянуть, перен., гулкий, зашуметь, кристаллический, перен., медь, перен., стон, темный, перен., чистый, яростный, перен.*), ДИГ «Отсутствие звуков» (5/7: *немой, спать, перен., тишина* (3), *умереть, перен., умолкать*), ДИГ «Процесс акустического восприятия» (4/5: *слышать* (2), *слышать, достигать, слух*).

Если представить лексику класса «Акустическое восприятие» в виде поля, то в его ядре окажется ДИГ «Звуки, их разновидности и источник» (25/29). К приядерной зоне будет относиться ДИГ «Характеристика звука» (13), а к периферии — ДИГ «Отсутствие звуков» (5/7) и ДИГ «Процесс акустического восприятия» (4/5).

Частотными лексемами для класса «Акустическое восприятие» стали *петь* (4), *тишина* (3), *крик* (2), *музыка* (2) и *слышать* (2).

В лексическом составе класса «Акустическое восприятие» представлены существительные (27), глаголы (22), прилагательные (6), наречие (1) и причастие (1). С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу звуковой картины мира О. Э. Мандельштама составляют имена существительные и глаголы.

Попадание идеографического класса «Акустическое восприятие» в ядро ИАКМ О. Э. Мандельштама подтверждает тот факт, что для поэта чрезвычайно важно было звучание стиха: «У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России *работает с голоса* (выделено нами. — *Авт.*), а кругом густопсовая сволочь пишет» [25, с. 92], — так О. Э. Мандельштам писал в «Четвертой прозе», отстаивая необходимость не только интеллектуального, но и акустического (музыкального) восприятия стихов, то есть восприятия стихотворения как музыкально-словесного произведения. Для того, чтобы подчеркнуть важность звуковой картины мира для собственной поэзии, О. Э. Мандельштам во втором и третьем изданиях книги «Камень» в начало поместил стихотворение «Звук осторожный и глухой...», первым словом в котором является существительное *звук*.

Обратим внимание на ДИГ «Отсутствие звуков», которая была добавлена нами к классификации синопсиса. О. Э. Мандельштам развивает мотив *молчания*, который начал в русской поэзии В. А. Жуковский в стихотворении «Невыразимое» («Все необъятное в единый вздох теснится, / И лишь молчание понятно говорит» [7, с. 287]) и продолжил Ф. И. Тютчев в стихотворении «*Silentium*» («Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои...» [19, с. 46]). С этим мотивом в первом издании «Камня» связаны лексемы *тишина* («Отчего так мало музыки / И такая *тишина?*»), *немой* («И стоит осиротелая / и *немая* вышина...»), *умолкнуть* («Твердь *умолкла*, умерла...») и др.

Значимой оппозицией для звуковой картины мира О. Э. Мандельштама, репрезентированной в первом издании книги «Камень», является *говорить* — *молчать*. Традиционно в русской поэзии образ поэта сближается с образом певца, то есть поэт не просто говорит, но *поет*. Петь — творить прекрасное, противопоставлять свой голос, свое слово *молчанию*, «первоначальной немоте», о которой О. Э. Мандельштам пишет в стихотворении «*Silentium*»: «Да обретут мои уста / первоначальную немоту — / как кристаллическую ноту, / что от рождения чиста». Однако в рамках звуковой картины мира поэта *молчание* и *пение* не только противопоставлены друг другу, но и образуют сочетания, основанные на оксюмороне (ср. стихотворение, которое поэт поместил в начало второго и третьего издания «Камня»: «Звук осторожный и глухой / плода, сорвавшегося с дерева, / среди немолчного напева / глубокой тишины лесной...» — *немолчный*

напев тишины — это развернутая метафора, демонстрирующая сложное единство тишины и пения поэта).

Следом за классом «Акустическое восприятие» по количеству лексем идет «Пространство», в нем представлено 40 лексем (103), самой наполненной в классе «Пространство» является ДИГ «Расположение в пространстве» (19/78: *близ, в (28), во, впереди, всюду, где, за, здесь (5), из (2), на (17), над (6), нигде, под (2), позади, пред, рядом (3), с (3), снаружи, там (2)*), далее представлены ДИГ «Часть пространства» (10/11: *клетка, клеть, лес, мир, полмира, припек, стена, темница, Царское Село (2), край*). Остальные ДИГ представим в порядке убывания количества лексем: «Пространственные характеристики» (4/6: *нежилой, осиротелый, перен., пустой (3), широкий*), «Стороны света и географические ориентиры» (4: *восток, северный, запад, западный*), «Тип пространства» (2: *вид, высота*), «Направление в пространстве и пространственные ориентиры» (1: *вдаль*).

Если представить лексику класса «Пространство» в виде поля, то в его ядре окажется ДИГ «Расположение в пространстве» (19/78). К приядерной зоне будут относиться ДИГ «Часть пространства» (10/11), ДИГ «Пространственные характеристики» (4/6) и ДИГ «Стороны света и географические ориентиры» (4), а к периферии — ДИГ «Тип пространства» (2), ДИГ «Направление в пространстве и пространственные ориентиры» (1).

Для класса «Пространство» частотными лексемами стали *в (28), на (17), над (6), здесь (5), рядом (3)*.

В лексическом составе класса «Пространство» представлены предлоги (63), наречия (18), существительные (14), прилагательные (8). С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу пространственной картины мира О. Э. Мандельштама составляют дейктические слова.

Пространство в ПТ, составляющих первое издание «Камня», неоднобразно: это и *морской берег* («*Silentium*», «*Раковина*»), и *комната* («*Невыразимая печаль*», «*Медлительнее снежный улей...*»), и *лес* («*Смутно-дышащими листьями...*», «*Скудный луч, холодной мерою...*»), и *казино* («*Казино*»), и *Царское Село* («*Царское Село*»), и *подвал* («*Золотой*»), и *городская улица* («*Старик*», «*Петербургские строфы*»), и *бар* («*В душном баре иностранец...*»), и *пространство внутри храма и вокруг него* («*Лютеранин*», «*Айя-София*», «*Notre Dame*»). Отметим, что чаще это открытое пространство (берег, лес, улица и т. д.), реже — закрытое (комната, казино, бар и т. д.). При этом есть стихотворения, в которых представлено

не реальное географическое, а психологическое пространство (например, «Дыхание», «Отчего душа — так певуча...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...» и др.).

Класс «Восприятие предмета» включает в себя 38 лексем (44), самая наполненная ДИГ «Величина, размер, вес», в ней представлено 18 лексем (23: *большой, грузный, дуб, перен., легкий, маленький* (2), *масса, перен., неглубок, огромный* (3), *полёт, расти, рост, таран, перен., толстый, тоненький, тонкий* (2), *тростинка, перен., тяжелый, чудовищный* (2). Остальные ДИГ представим в порядке убывания количества лексем: «Форма и внешний вид предмета» (10: *вал, извилистый, измятый, клубок, крестовый, кружево, паутина, прямой, стрельчатый, сферический*), «Предмет» (3: *лист, маятник, цепь*), «Физические характеристики предмета» (3: *выцвести, сила, хрупкий*), «Часть предмета» (2: *клок, лезвие*), «Тип формы и положение в пространстве» (1: *косматый, перен.*). Отметим, что в ДИГ «Изменение формы» и «Предмет по особенностям его составных частей» не представлено ни одной лексемы.

Если представить лексику класса «Восприятие предмета» в виде поля, то в его ядре окажется ДИГ «Величина, размер, вес» (18/23). К приядерной зоне будет относиться ДИГ «Форма и внешний вид предмета» (10), а к периферии — ДИГ «Предмет» (3), ДИГ «Часть предмета» (2) и ДИГ «Тип формы и положение в пространстве» (1).

Частотными лексемами для этого класса стали *огромный* (3), *тонкий* (3), *маленький* (2) и *чудовищный* (2).

В лексическом составе этого класса представлены прилагательные (24), существительные (16), глаголы (2). С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу фрагмента ИАКМ О. Э. Мандельштама, номинируемого лексикой анализируемой сферы, составляют имена прилагательные.

Значимой для ИАКМ О. Э. Мандельштама является оппозиция «большой (*огромный, толстый, тяжелый* и др.) — малый (*легкий, маленький, тонкий* и др.)», соизмеря масштабы окружающих предметов, лирический герой пытается найти свое место в мире. Например, в знаковом для сборника стихотворении «Раковина» противопоставляются «огромный колокол зыбей» и «хрупкой раковины стены», а в стихотворении «Невыразимая печаль» лирический герой подчеркивает, насколько «много поглотило сна» «такое маленькое царство» (курсив наш. — Авт.).

К классу «Зрительное восприятие» относятся 36 лексем (39), доминирующими в данном классе являются ДИГ «Цвет» (16/20:

белизна, белый, бирюзовый, желтизна, желтый, зеленый (2), золотой, красный, лазоревый (2), медный, радуга, ржавый, роза, серый (2), синеглазый, темный (2), черный) и «Характер зрительного восприятия, доступность/недоступность зрительному восприятию» (8: *затуманить, перен., мутный, прозрачный, слабый, перен., темный, туманный, черный, широкий, перен.*). Остальные ДИГ в представим порядке убывания количества лексем: «Процесс зрительного восприятия» (5: *видеть, встретить, глядеть, заметить, следить*), «Проявление цветового признака (оттенки, качество цвета)» (4: *бледный, зеленоватый, светлый, темный*), «Внешние качества предмета, воспринимаемого зрением» (1: *образ*), «Расцветка» (1: *узорчатый*). Стоит отметить, что к ДИГ «Изменение цветового признака» не относится ни одна лексема.

Если представить лексику класса «Зрительное восприятие» в виде поля, то в его ядре окажется ДИГ «Цвет» (16/20). К ядерной зоне будут относиться ДИГ «Процесс зрительного восприятия» (5), ДИГ «Проявление цветового признака (оттенки, качество цвета)» (4), а к периферии — ДИГ «Внешние качества предмета, воспринимаемого зрением» (1) и ДИГ «Расцветка» (1).

Частотными лексемами класса «Зрительное восприятие» являются *зеленый (2), лазоревый (2), серый (2) и темный (2)*.

В лексическом составе класса «Зрительное восприятие» представлены прилагательные (27), глаголы (6), существительные (5). С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу зрительной картины мира О. Э. Мандельштама составляют имена прилагательные.

В первом издании «Камня» встречается немало лексики, номинирующей цвета. Встречаются как светлые (*белый, бирюзовый, желтый, зеленый, золотой*), так и темные (*медный, ржавый, серый, темный, черный*) оттенки. Слова, которые относятся к ДИГ «Характер зрительного восприятия», определяют символистский пафос первого издания «Камня»: *затуманить, мутный, туманный* и др. Например, в стихотворении «Скудный луч, холодной мерою» *отуманенная колокольня* — это строение, связывающее в мире О. Э. Мандельштама земное и небесное, дальнее и горнее. Топос этого стихотворения — символистская локация, однако тот факт, что с колокольни «кто-то снял колокола», подчеркивает ее большую связь с земным миром.

К классу «Количество, мера» относятся 11 лексем (13), больше всего их представлено в ДИГ «Много/мало» (6/8: *вереница,*

мало (2), *много*, *немного* (2), *скудный*, *торжество*, *перен.*), следом идут ДИГ «Обозначение количества» (4: *два*, *сорок*, *сто семь*, *четыре*) и «Единицы измерения количества» (1: *мера*). В ДИГ «Единицы измерения количества» не представлено ни одной лексемы.

Если представить лексику класса «Количество, мера» в виде поля, то в его ядре окажется ДИГ «Много/мало» (6/8). К ядерной зоне будут относиться ДИГ «Обозначение количества» (4), а к периферии — ДИГ «Единицы измерения количества» (1).

В классе «Количество, мера» повторились только две лексемы — *мало* и *немного*.

В лексическом составе класса «Количество, мера» представлены наречия (5), числительные (4) и существительные (4).

В стихотворениях первого издания книги «Камень» точное количество чего-либо указывается лишь в четырех контекстах: «*два огромных глаза*», «*и сорок окон — света торжество*», «*сто семь зеленых мраморных столбов*» и «*на парусах, под куполом, четыре / архангела прекраснее всего*» (курсив наш. — Авт.). Чаще лирический герой использует лексику ДИГ «Много/мало». Из шести лексем (8) три обозначают большое количество чего-либо — *вереница*, *много*, *торжество*, *перен.*, и три лексемы обозначают малое количество — *мало* (2), *немного* (2) и *скудный*.

В классе «Осязательное восприятие» представлено семь лексем, среди них преобладают имена прилагательные (3: *грубый*, *жесткий* и *сырой*) и глаголы (3: *замечать*, *осязать* и *щупать*), следом представлено существительное (1: *холодок*).

Класс «Обонятельное восприятие» включает три лексемы: *бензин*, *душный* и *купаться*, *перен.*

Следует отметить, что в ИАКМ О. Э. Мандельштама, представленной в первом издании книги «Камень», классы «Обонятельное восприятие» и «Осязательное восприятие» на порядок уступают по количеству лексем классам «Акустическое восприятие» и «Зрительное восприятие». С одной стороны, это вполне закономерно: в синопсисе, отражающем русскую языковую картину мира, классы «Зрительное восприятие» и «Акустическое восприятие» имеют более сложную разветвленную структуру (эти классы включают в себя ряд ДИГ и подгрупп), чем «Обонятельное восприятие» и «Осязательное восприятие». С другой стороны, это характеризует ИАКМ О. Э. Мандельштама, для которого акустическое и зрительное восприятие действительности доминировали над осязательным и обонятельным восприятием.

* * *

Итак, лексика денотативной сферы «Восприятие окружающего мира» количественно преобладает в первом издании книги О. Э. Мандельштама «Камень». Доминирующее положение в этой сфере занимает лексика, относящаяся к денотативному классу «Время», больше всего в нем представлено лексем в ДИГ «Время относительно момента речи», важной оппозицией для темпоральной картины мира О. Э. Мандельштама является *миг* — *вечность*, а основу темпоральной ИАКМ поэта составляют имена существительные.

Далее представлен класс «Акустическое восприятие», в нем доминирует лексика ДИГ «Звуки, их разновидности и источник», знаковой оппозицией для звуковой картины мира О. Э. Мандельштама в первом издании книги «Камень» является *говорить* — *молчать*, а основу звуковой картины мира составляют имена существительные и глаголы.

Следом представлен класс «Пространство», самой наполненной в нем является ДИГ «Расположение в пространстве». Пространственная картина мира, представленная в дебютном сборнике поэта, разнообразна, в ПТ описано как реальное географическое, так и психологическое пространство; основу пространственной ИАКМ составляют дейктические слова. Лексика классов «Время» и «Пространство» формирует хронотоп стихотворений дебютного сборника.

В классе «Восприятие предмета» доминирует лексика ДИГ «Величина, размер, вес», знаковой оппозицией является *большой* — *малый*, основу фрагмента ИАКМ О. Э. Мандельштама, номинируемого лексикой анализируемой сферы, составляют имена прилагательные.

Далее представлен класс «Зрительное восприятие», в нем доминирует лексика ДИГ «Цвет», цветовая картина мира анализируемых ПТ разнообразна (представлены как светлые, так и темные тона), ее основу составляют имена прилагательные. Лексика классов «Восприятие предмета» и «Зрительное восприятие» формирует визуальную ИАКМ О. Э. Мандельштама.

К периферии ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированной в первом издании книги «Камень», относится лексика классов «Количество, мера», «Осязательное восприятие», «Обонятельное восприятие».

Последовательное описание всех денотативных сфер, включенных в авторский идеографический словарь языка

О. Э. Мандельштама, позволит нам в полном объеме структурировать и интерпретировать ИАКМ поэта, репрезентированную в дебютном сборнике крупнейшего стихотворца XX века.

1. *Бабенко Л. Г.* Большой словарь-тезаурус русского языка в контексте развития идеографической лексикографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 8–10.

2. *Бабенко Л. Г., Глазырин В. А.* «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (О. Э. Мандельштам): опыт поэтико-идеографического анализа // Науч. диалог. 2022. № 10. С. 9–31.

3. БТСРГ.

4. БТСРС.

5. *Бреева Т. Н.* Художественный мир Осипа Мандельштама : учеб. пособие. 3-е изд., стер. М., 2018. 136 с.

6. *Голдберг С.* Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма / авториз. пер. с англ. В. Третьякова. М., 2020. 344 с.

7. *Жуковский В. А.* Сочинения : в 3 т. М., 1980. / сост., вступ. ст и коммент. И. М. Семенко. Т. 1. Стихотворения. 438 с.

8. *Казарин Ю. В.* Филологический анализ поэтического текста : учебник для вузов / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург, 2004. 431 с.

9. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976. 354 с.

10. *Кихней Л. Г., Меркель Е. В.* Осип Мандельштам : философия слова и поэтическая семантика : монография. 2-е изд., стер. М., 2016. 200 с.

11. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа и др. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 2022. 521 с.

12. *Мандельштам О. Э.* Камень / изд. подг. Л. Я. Гинзбург и др. Л., 1990. 398 с.

13. *Мандельштам О. Э.* Сочинения : в 2 т. / сост. и подг. текста С. Аверинцева и П. Нерлера ; коммент. П. Нерлера. М., 1990. Т. 2. Проза. 464 с.

14. *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970. 69 с.

15. *Морковкин В. В.* Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / под ред. Л. А. Новикова. М., 1977. 166 с.

16. *Скляров О. Н.* К вопросу о специфике и предпосылках онтологизма в ранней поэзии О. Мандельштама // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2005. № 4. С. 37–54.

17. СТПРЯ.

18. *Струве Н. А.* Осип Мандельштам. Л., 1988. 336 с.

19. *Тютчев Ф. И.* Лирика / изд. подг. К. В. Пигарев. М., 1965. 447 с.

20. Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2015. 208 с.

21. *Фонякова О. И.* Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании // Русская авторская лексикография XIX–XX веков :

антология / сост. Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, Л. Л. Шестакова ; отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2003. 512 с.

22. Фролов Д. В. О ранних стихах Осипа Мандельштама. М., 2009. 312 с.

23. Шестакова Л. Л. Новое в русской авторской лексикографии: по материалам словарей последних лет // Verba : Сев.-Зап. лингвистич. журн. 2021. № 1. С. 35–49.

24. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография : Теория, история, современность. М., 2011. 464 с.

25. Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопр. языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

26. Шестакова Л. Л. Способы подачи стилистической информации в «Словаре языка русской поэзии XX века» // Вестн. НовГУ. 2010. № 56. С. 70–74.

Глава 3

НОВЫЕ СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И МАТЕРИАЛЫ

3.1. О возможности создания словаря грамматических слов Ф. М. Достоевского

Концепция словаря языка Ф. М. Достоевского, основы которой были заложены Ю. Н. Карауловым и Е. Л. Гинзбургом [см.: 5], возникла в начале 1990-х гг. (об истории возникновения этой идеи подробнее см.: [10]). Первоначально концепция словаря предполагала создание дифференциально-распределительной серии лексикографических изданий, в качестве базового словаря данной серии предполагался идиоглоссарий [см.: 13], описывающий характеризующие стиль Достоевского полнозначные лексемы — идиоглоссы. Пошаговая процедура выявления такого рода лексем детально представлена нами в [9]. Помимо идиоглоссария, в серию должен был входить также словарь грамматических, или дискурсивных, слов, под которыми обычно понимают не несущие смысловой нагрузки лексические единицы — частицы, междометия, наречия, вводные и модальные слова и словосочетания, союзы и др., обеспечивающие связанность текста, а также регулирование процесса взаимодействия говорящего и слушающего. О проекте такого рода словаря и пойдет речь в настоящей главе.

Перечень выполняемых дискурсивными словами функций чрезвычайно широк, к ним, кроме названных выше, относятся также, если говорить о текстах Достоевского, отражение особенностей внутренней речи персонажа, включая пограничные ситуации или измененное состояние, в котором человек может находиться; создание необходимого эмоционального фона, настроения, того, что М. М. Бахтин считал одной из составляющих «физического контекста» [см.: 1]; ритмическая организация

текста; контактообразующая функция, своеобразное приглашение к диалогу («Давайте говорить на одном простом языке, к чему нам какие-то формальности»); функция аргументации (основная, например, для модальных частиц *ведь* и *же*); регулятивная функция; раскрытие художественного образа, отражение характерных черт языковой личности персонажа и др. Значение дискурсивного слова — категория более субъективная, чем значение слова полнозначного, как следствие — сложности словарного описания лексических единиц данного типа, особенно если речь идет о писательском словаре. «Эти мелкие, малозаметные слова, надо сказать, страшно трудно описывать. Чтобы внятно объяснить значение такого слова, бывает, нужен целый текст. Иногда хорошее научное описание одной такой единицы занимает несколько страниц. Причем для ее описания необходимо использовать очень сложные понятия: межличностное взаимодействие, коммуникация, иерархия, вежливость, память, внимание и тому подобное — огромный арсенал лингвистических, психологических и других терминов» [8]. Другие трудности лексикографического представления дискурсивных слов — тесная связь с лексемами, с которыми они «контактируют», внося определенные оттенки смысла, связь с интонацией, долготой гласных звуков, с паузами в речи, с ударностью/безударностью, с порядком слов и т. д. Грамматические слова могут также объединяться в различные комбинации, одновременно выполняя несколько функций.

Сложность интерпретации грамматических слов, прежде всего модальных частиц русской речи, частным образом отражается и в трудностях, а иногда и в невозможности их транслитирования на другие языки. Ср., к примеру, варианты перевода словоерса на английский язык:

[Генерал Епанчин] <...> Стало быть, грамоту знаете и писать без ошибок можете? | [Князь Мышкин] О, очень могу. | — **Прекрасно-с**; а почерк? | — А почерк превосходный («Идиот»). — Just wonderful / Wonderful, sir / Splendid, sir / That's good / Excellent.

Довольно странно смотрелся бы приведенный выше отрывок из повести «Село Степанчиково и его обитатели», если словоерс перевести как *sir*, или роман «Преступление и наказание», где около 600 употреблений словоерса.

Вариантов перевода словоерса на английский язык, как мы видим, довольно много (выше предлагаются способы передачи словоерса на английский язык как из опубликованных переводов

романа «Идиот», так и полученные нами в ходе опроса англоязычных филологов), но ни один из них не передает его функцию в диалоге генерала Епанчина с князем Мышкиным. Между тем, читая переводной текст Достоевского, в котором нет адекватного транслирования дискурсивных слов, вряд ли можно обсуждать какие-либо коммуникативные стратегии, что западными литературоведами делается довольно часто. Или ср. перевод словоера на немецкий язык:

[Липутин — С. Т. Верховенскому] Тут случай **вышел-с**, сообразите-ка <...> — Da ist eine merkwürdige Geschichte passiert, denken Sie nur; [Агафья — Ставрогину] Уж не знаю, каким это манером **узнали-с** <...> — Das weiß ich nicht, woher er das wußte <...>; [Липутин — Ставрогину] <...> это со всемирно-человеческого языка будет **перевод-с**, а не с одного только французского! С языка всемирно-человеческой социальной республики и гармонии, **вот что-с!** — Das ist eine Übersetzung aus der universellen Sprache der Menschheit und nicht nur aus dem Französischen! Aus der Sprache der universellen sozialen Republik und Harmonie; so ist es! («Бесы»).

То есть словоерс на немецкий язык вообще никак не переводится.

Целесообразность создания словаря дискурсивных слов, встречающихся в текстах Достоевского, обусловлена, в частности, тем, что, безусловно, особенности их употребления — характерная черта авторского идиостиля. На использование Достоевским модальных частиц, междометий и т. п. критики писателя и исследователи его языка неоднократно обращали внимание и относились к такой манере письма категорически отрицательно, хотя, например у того же Н. В. Гоголя, оказавшего на Достоевского огромное влияние, насыщенность текста грамматическими словами, в том числе их повторами, ничуть не меньше, ср.:

[Акакий Акакиевич] А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да еще вот на плече одном немного попротерлось, да вот на этом плече немножко — видишь, вот и все. И работы немного... (Н. В. Гоголь, «Шинель»).

Полагаем, что в большинстве случаев употребление Достоевским дискурсивных слов строго мотивировано и отнюдь не укладывается в простое подражание стилю Гоголя или Пушкина, то же относится и к использованию слов с суффиксами субъективной

оценки, простонародной лексики, других элементов чиновничьего стиля и т. д.

При выборе лексикографических параметров, которые легли бы в основу словаря дискурсивных слов, мы в значительной мере отталкиваемся от принципов, заложенных в идиоглоссарии. Назовем их.

1. *Выборочность словника.* Теоретические обоснования для установления состава словника словаря дискурсивных слов Достоевского еще предстоит разработать, однако уже сейчас очевидно, что, как и в идиоглоссарии, нет никакого смысла описывать все дискурсивные единицы, встречающиеся в текстах Достоевского. Важными критериями идиоглоссной значимости грамматических слов могут послужить относительная частота их употребления; повторяемость, в том числе и семантическая, в одном узком контексте; вхождение в центр ключевых для тезауруса Достоевского текстовых семантических полей и др. Актуальным следует также считать, например, функционирование дискурсивных слов в составе афоризма, встречаются и случаи, правда, единичные, автонимного употребления модальных частиц, то есть авторской рефлексии над их значением (персонаж сам раскрывает мотив использования частицы в своей речи), что, вне всякого сомнения, является критерием идиоглоссной значимости слова:

— Николай Ильич Снегирев-с, русской пехоты бывший штабс-капитан-с, хоть и посрамленный своими пороками, но все же штабс-капитан. Скорее бы надо сказать: штабс-капитан Словоерсов, а не Снегирев, ибо лишь со второй половины жизни стал говорить словоерсами. Слово-ер-с приобретается в унижении. | — Это так точно, — усмехнулся Алеша, — только неволью приобретается или нарочно? — Видит Бог, неволью. Все не говорил, целую жизнь не говорил словоерсами, вдруг упал и встал с словоерсами («Братья Карамазовы»).

2. *Вход словарной статьи с указанием распределения частоты описываемой единицы по жанрам* (произведения художественной прозы, публицистика, личные письма, деловые письма)

3. *Обязательное наличие дефиниции, отражающей выполняемую дискурсивным словом функцию.* При составлении дефиниций дискурсивных слов, встречающихся в произведениях Достоевского, вряд ли можно полностью опираться на данные толковых словарей, далеко не всегда в этом случае помогают и существующие словари служебных слов, модальных частиц и т. д. Так, в толковых словарях русского языка функции словоерса интерпретируются следующим

образом: «частица (сократившееся слово сударь) (*разг.*), употр. как вторая часть любого знаменательного слова и придает речи оттенок вежливости или подобострастия (*устар.*), а также (*редк.*) оттенок шутки, раздражения и т. п. (*срн.* словоер, словоерик, словоерс)» [14]; «Присоединяется к слову для придания речи оттенка подобострастия, вежливости, а также иногда для придания иронического оттенка» [7, с. 601]; «Употребляется после любого слова в речи для придания ей оттенка вежливости, почтительности, подобострастия или (реже) для выражения шутки, иронии» [12, с. 11]; «употребляется при придании оттенка вежливости, почтительности» [4].

Если в приведенных выше дефинициях в одном ряду стоят шутка и раздражение, вежливость и ирония, подобострастие и вежливость и т. д., то в писательском словаре данные функции должны быть строго разграничены. Кроме того, словоерс у Достоевского может присоединяться не только к знаменательным словам, как это указывается в Словаре Д. Н. Ушакова, но также к предложениям и к другим модальным частицам. Интересно, что когда исследователи пишут о ситуациях употребления и мотивах использования словоерса, то в качестве примеров часто приводят как раз иллюстрации из произведений Достоевского (словоерса у Достоевского действительно очень много). Пишут, например, о том, что в XIX в. «словоерс использовался в знак почтения к собеседнику, то есть как адрессивное окончание; в конце XIX века к адрессивному значению прибавилось демонстративное самоуничижение [гоноративное, депрециативное значение]; с XX века словоерс используется для выделения особо значимых высказываний...» [6]. Использование словоерса в функции демонстративного самоуничижения, так же как и с целью подчеркивания смысла, или как маркера иронии и др. очевидно, проблема тем не менее заключается в том, что употребление словоерса часто не бывает однозначным, зависит от характера персонажа, от конкретной ситуации общения и других факторов, кроме того, говоря о словоерсе, часто довольно произвольно делят XIX в. на периоды, в которые употреблялась данная частица, тем более это сложно сделать по отношению к творчеству Достоевского. Несомненно то, что в текстах писателя основные функции словоерса — создание иронии и раскрытие художественного образа:

[Алена Ивановна, старуха процентщица] Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два пернжих рубля с вас еще

причитается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек. Вот получите-с. | [Раскольников] Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек! | — Точно так-с («Преступление и наказание»).

Никакого уважения Алена Ивановна к Раскольникову, конечно же, не испытывает, словоерс в ее речи звучит не просто глубоко иронично, но и как издевка.

[Перепелицына — Ростаневу] Это оттого, что вы непочтительны-с. Это оттого, что вы эгоисты-с, оттого вы и оскорбляете маменьку-с; они к этому не привыкли-с. Они генеральши-с, а вы еще только полковники-с («Село Степанчиково и его обитатели»).

Ни одна фраза Перепелицыной (наперсницы генеральши Крахоткиной) в повести не обходится без словоерса, несомненно раскрывающего образ данного персонажа, что должно найти отражение в словарной статье, посвященной описанию словоерса.

Говоря о функции словоерса, заключающейся в раскрытии художественного образа, нельзя не отметить и тот факт, что использование данной частицы — один из способов стилизации речи чиновников и слуг (а у Достоевского большинство персонажей — это в той или иной степени чиновники). Кстати сказать, в речи Макара Деушкина, а это первый персонаж-чиновник Достоевского, нет ни одного словоерса. Самоуничижение мы наблюдаем довольно часто, а вот словоерс отсутствует. Словоерсом в его вторичных функциях Достоевский увлекся не в самом начале своего творчества, во втором произведении писателя, в «Двойнике», мы встречаем эту частицу в ее исходной функции — для выражения почтительного отношения:

[Петрушка, слуга Голядкина] И сапоги принесли. | — Болван! не можешь сказать «принесли-с». Давай их сюда («Двойник»).

Словоерс — маркер персонажей-шутов и лакеев (Ежевикина, Видоплясова, Смердякова и др.), но и здесь надо различать иронию и не-иронию: у шутов (и не только у «шутов» Достоевского) самоуничижение и привычка быть униженным чаще всего ведут к желанию унижить других, посмотреть на них свысока:

[Ежевикин — Ростаневу] Я даже, признаться, и не ожидал-с. Наидобрейший вы человек, Егор Ильич, именно наидобрейший-с, и чести нам

много изволили оказать-с! много чести, много чести-с!.. А все-таки мы вам не пара, Егор Ильич. Вам нужна такую невесту, Егор Ильич, чтоб была и богатая, и знатная-с, и красавица-с, и с голосом тоже была бы-с, и чтоб вся в бриллиантах да в страусовых перьях по комнатам вашим ходила-с... Тогда и Фома Фомич, может, уступочку сделают-с... и благословят-с! А Фому-то Фомича вы воротите-с. Напрасно, напрасно изволили его так изобидеть-с! он ведь из добродетели, от излишнего жару-с так наговорил-с... Сами будете потом говорить-с, что из добродетели, — увидите-с! Наидостойнейший человек-с. А вот теперь перемокнет-с... Уж лучше бы теперь воротить-с... потому что ведь придется же воротить-с... («Село Степанчиково и его обитатели»).

Очевидно, что никакая дефиниция не сможет отразить всех нюансов употребления дискурсивных слов (особенно это касается модальных частиц русской речи, причем не только словоерса, но и большинства других), что ведет к необходимости включения в словарную статью многопараметрового лингвистического комментария, расширяющего возможности дефиниции.

4. *Требования к используемым иллюстрациям.* При отборе иллюстраций в словаре дискурсивных слов сохраняются такие критерии идиоглоссария, как распределение контекстов по жанрам и периодам творчества Достоевского (в данном случае такие периоды выделяются достаточно четко), а также обязательное указание имени персонажа, которому принадлежит приведенное в качестве примера высказывание, или указание на то, что данное высказывание относится к авторской речи. Кроме того, считаем необходимым введение в качестве обязательного параметра, касающегося связи употребления дискурсивного слова с типом речи — монологической или диалогической.

5. *Словоуказатель.* Как и в идиоглоссарии, данный лексикографический параметр в словаре дискурсивных слов является облигаторным, что, несмотря на большой объем, который может занимать словоуказатель в словарной статье, обусловлено возможностью 1) наглядно отразить частоту употребления дискурсивного слова в различных произведениях Достоевского (насыщенность дискурсивными словами какого-либо определенного текста), общую частоту в текстах одного жанра, 2) определить зависимость употребления дискурсивных слов от жанровой принадлежности текста, 3) проследить тенденцию к использованию дискурсивных слов в разные периоды творчества Достоевского.

Скажем кратко о лексикографических параметрах комментария словарной статьи словаря дискурсивных слов Достоевского. В идиоглоссарии комментарий включает в себя следующие зоны:

1) подчинительные связи, 2) сочинительные связи, 3) нестандартная сочетаемость, 4) морфологические особенности (использование идиоглоссы в искаженной русской речи, образование нового слова путем его повтора, отражение особенностей церковнославянского языка и просторечия, употребление *singularia tantum* во множественном числе и т. п.), 5) словообразовательное гнездо, 6) употребление однокоренных с описываемым слов в одном узком контексте, 7) употребление описываемого слова в разных значениях в одном узком контексте, 8) неразличение значений, 9) игровое употребление, 10) тропеическое употребление (в сравнении, в метафоре, в метонимии, в синекдохе, в гиперболе, в литоте, в составе оксюморона и др.), 11) употребление в ироническом контексте, 12) употребление в составе афоризма, 13) автонимное употребление, 14) символическое употребление, 15) употребление в составе чужой речи (в отсылке к прецедентному тексту или к богословскому тексту, в цитате), 16) ассоциативные связи слова (подробнее см.: [11]). Помимо этого, словарная статья идиоглоссария допускает возможность включения в нее различного рода примечаний — к значению, к слову или к какой-либо из рубрик комментария, например, употребление описываемой идиоглоссы 1) в противопоставлении, 2) в уточнении, 3) в повторе, 4) в амплификации, 5) в параллелизме, 6) в парцелляции, 7) в зевгме, 8) в хиазме, 9) в высказываниях обобщающего характера; 10) функциональные характеристики слова, 11) коммуникативные характеристики слова, 12) комментарий энциклопедического (экстралингвистического) характера, 13) этимологическая справка, 14) биографическая справка, 15) библиографический параметр и др. Отдельные из перечисленных выше параметров найдут отражение и в разрабатываемом словаре дискурсивных слов. На настоящем этапе мы предполагаем внесение в комментарий словарной статьи следующих зон.

1. *Текстовые ассоциации.* Важнейший и обязательный параметр комментария: функции дискурсивных слов часто выявляются широким контекстом, эксплицирующим их текстовые ассоциативные связи, к примеру, для частицы *ведь* это могут быть такие ассоциаты, как *вот в чем, гм, да, да и, дескать, думать, еще бы, знать, значит, и еще, кажется, конечно, ли, любопытно; не так, что ли; нет; ну да уж, конечно; ну как же не, однако ж, понимать, продумать, разузнать, так, так уж, -то, уж, уж и, чего ж, чего же, что ль, чуть не, это правда* и др.

2. *Зона сочетаемости* (факультативно). Для описания некоторых дискурсивных слов этот параметр представляется значимым, к примеру, целесообразным будет показ в словарной статье того, к каким глаголам «прикрепляется» модальная частица *-ка* в текстах Достоевского (чаще всего это *посмотрите-ка, прочтите-ка, извольте-ка, живите-ка, сходите-ка, подождем-ка, вспомни-ка, подумай-ка* и т. п., а также индивидуально-авторское *дощупывайтесь-ка*).

3. *Употребление дискурсивного слова в составе афоризма*, например, частицы в логико-модальной функции:

[Парадоксалист] Стрдание — **да ведь** это единственная причина сознания («Записки из подполья»); Современный юноша, о котором так много говорят в разном смысле, часто обожает самый простодушный парадокс и жертвует для него всем на свете, судьбою и жизнью; **но ведь** всё это единственно потому, что считает свой парадокс за истину («Дневник писателя»); В самом деле, **ведь** если уж мы считаем, что сами иной раз еще хуже преступника, то тем самым признаемся и в том, что наполовину и виноваты в его преступлении («Дневник писателя»).

4. *Игровое употребление дискурсивного слова*.

5. *Употребление в ироническом контексте* (часто связанное с предыдущей зоной). Мы отталкиваемся от самого широкого понимания языковой игры как «преднамеренного отклонения от нормы» [2]. Индикатором игрового употребления дискурсивного слова могут послужить его повторяемость, частота употребления в узком контексте, вообще насыщенность контекста дискурсивными словами, особенности их сочетаемости друг с другом и текстовых ассоциативных связей. Например:

[Трусозкий — Вельчанинову] Развратился я с марта месяца, Алексей Иванович, и вот как все это произошло-с, прослушайте-ка-с. Чахотка, как вы сами знаете, милейший друг, — фамильярничал он все больше и больше, — есть болезнь любопытная-с. Сплошь да рядом чахоточный человек умирает, почти и не подозревая, что он завтра умрет-с («Вечный муж»); [Закладчик] Я... объяснил ей [Кроткой] тогда в двух словах, что великодушные молодежи прелестно, но — гроша не стоит. <...> Потому что дешево ей достается, получилось не живши, все это, так сказать, «первые впечатления бытия», а вот посмотрим-ка вас на труде! Дешевое великодушные всегда легко, и даже отдать жизнь — и это дешево. <...> Нет, возьмите-ка подвиг великодушия, трудный, тихий, неслышный, без блеску, с клеветой, где много жертвы и ни капли славы, — где вы, сияющий человек, пред всеми выставлены подлецом, тогда как вы честнее всех людей на земле, — ну-тка, попробуйте-ка этот подвиг, нет-с, откажетесь!

(«Кроткая»); [Ф. П. Карамазов] И представьте, ведь дело-то наше произошло! И все-то я так, всегда-то я так. Непременно-то я своею же любезностью себе наврежу! («Братья Карамазовы»).

Основная (но не единственная) функция игрового употребления дискурсивных слов и их использования в ироническом контексте у Достоевского — имитативная [см.: 3] (см. приведенные в статье примеры со словоерсом).

6. *Использование дискурсивного слова в составе чужой речи.* Интерес в данном случае будут представлять прежде всего дискурсивные слова в отсылках к богословскому тексту, в которых, например, союз *и* используется для стилизации:

[Из главы «Великий инквизитор»] Он [Господь] глядит с состраданием, и уста его тихо и еще раз произносят: «Талифа куми» — «и восста девица». Девочка подымается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазками кругом («Братья Карамазовы») (Мф 9 : 23–25; Лк 8 : 51–55).

Из обозначенных выше лексикографических параметров комментария словарной статьи идиоглоссария для словаря дискурсивных слов Достоевского релевантными могут также оказаться параметры 4, 7 и 8. Из параметров примечаний важными являются параметры 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11 и 13.

Обозначенная выше структура словарной статьи словаря дискурсивных слов дана в самом общем виде, окончательно она может быть сформирована только в ходе лексикографической практики.

В заключение в качестве иллюстрации представим фрагмент или эскиз словарной статьи ГМ:

ГМ <271: 257, 11, 3, —>

1. Употребляется в диалогической речи, в ответной реплике, когда говорящий заполняет паузу обдумывания.

В произведениях художественной прозы — Я, Крестьян Иванович, — начал господин Голядкин с улыбкою, — пришел вас беспокоить вторично и теперь вторично осмеливаюсь просить вашего снисхождения... <...> | — Гм... да! — проговорил Крестьян Иванович, выпустив изо рта струю дыма и кладя сигарету на стол, — но вам нужно предписаний держаться; я ведь вам объяснял, что пользование ваше должно состоять в изменении привычек... Ну, развлечения: ну, там, друзей и знакомых должно посещать, а вместе с тем и бутылки врагом не бывать; равномерно держаться веселой компании. | Господин Голядкин, все еще улыбаясь, поспешил заметить, что ему кажется, что он, как и все, что он у себя, что развлечения у него, как и у всех... что он, конечно, может ездить

в театр... и что, наконец, у него есть Петрушка. Тут господин Голядкин запнулся. | — Гм, нет, такой порядок не то, и я вас совсем не то хотел спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы, большой ли любитель веселой компании, пользуетесь ли весело временем... Ну, там, меланхолический или веселый образ жизни теперь продолжаете? | — Я, Крестьян Иванович... | — Гм... я говорю, — перебил доктор, — что вам нужно коренное преобразование всей вашей жизни иметь и в некотором смысле переломить своей характер («Двойник», 115); [Ордынов] Что ж, он [Мурин] колдовал, гадал кому-нибудь? | — Гм... — промышчал дворник, скоро кивнув головою, — она [Катерина] правду сказывала («Хозяйка», 282).

Примечания. В зн. 1 посредством употребления **гм** говорящий заполняет паузу, давая понять собеседнику, что в данный момент ему нечего сказать или что он не совсем уверен в том, что следует сказать, тем самым развивается ситуация.

2. Употребляется как ироничная оценка кого-, чего-л.

В произведениях художественной прозы — А вот-с; согласитесь, что посещать Софью Остафьевну... Впрочем, я еще не знаю наверно, куда пошла эта дама; я знаю только, что она в этом доме; но, видя вас прогуливающимся, — а я сам прогуливался по той стороне, — думаю... я вот, видите ли, жду эту даму... а знаю, что она тут, — мне бы хотелось встретить ее и объяснить, как неприлично и гнусно... одним словом, вы меня понимаете... | — Гм! Ну! («Чужая жена и муж под кроватью», 52).

В личных письмах [А. Г. Достоевской] И вдруг вошел сам генерал-губернатор кн. Долгорукий в четырех звездах и с алмазным Андреем Первозванным. — Раскланявшись сановито и с соблюдением всего своего сана (немного комическим) с Катковым, начал подавать руки гостям, и первому — мне. Тут Катков поспешил сейчас же сказать ему мое имя, и Долгорукий изволил вымолвить: «Как же, та-ка-я Зна-ме-ни-тость, **гм, гм, гм**», — решительно точно 40 лет назад, в доброе старое время (Письма, т. 30.1, 48).

3. Употребляется во внутреннем монологе, когда человек осознал, понял что-л. или принял какое-л. решение.

В произведениях художественной прозы [Голядкин] Или там припугнуть его [Голядкина-младшего] как-нибудь, что, дескать, взяв в соображение вот то-то и то-то, принужден изъясниться... дескать, нужно в половине платить за квартиру и стол и деньги вперед отдавать. Гм! нет, черт возьми, нет! Это меня замарает. Оно не совсем деликатно! («Двойник», 160) [Аркадий] Тут было только о документе; я, в сущности, сообщил Версилову лишь о документе, потому что и не было больше, о чем сообщать, и не могло быть. Не я ли первый предупредил его и кричал, что «не могло быть»? Это — человек понимающий. Гм... но какая же, однако, ненависть в его сердце к этой женщине даже доселе! И какая же, должно быть, драма произошла тогда между ними, и из-за чего? Конечно, из самолюбия! Версилов ни к какому чувству, кроме безграничного самолюбия, и не может быть способен! | Да, эта последняя мысль вырвалась у меня тогда, и я даже не заметил ее («Подросток», 226).

В публицистических текстах — «Что же, — подумает Биконсфильд, — эти черные трупы на этих крестах... гм... оно, конечно... А впрочем, “государство не частное лицо; ему нельзя из чувствительности жертвовать своими интересами, тем более, что в политических делах самое великодушное никогда не бывает бескорыстное”. <...> Удивительно, какие прекрасные бывают изречения, — думает Биконсфильд, — освежающие даже, и главное, так складно. В самом деле, ведь государство... А я лучше, однако же, лягу... Гм. Ну, и что же такое эти два священника? Попа?...» («Дневник писателя» за 1876 г., 111).

Словоуказатель. *В произведениях художественной прозы* ГМ 115, 115, 115, 116, 116, 117, 119, 119, 119, 119, 120, 120, 120, 121, 121, 148, 160, 177, 190, 203 (20) Хз 282, 285, 285, 285, 286, 287, 288 (6) ЧЖ 52 (1) ЧВ 90 (1) НН 198 (1) МГ 278 (1) ЕС 97 (1) ДС 334, 351, 353, 356, 361, 361, 361, 361, 361, 362, 370, 377 (12) СС 28, 31, 32, 32, 38, 48, 55, 67, 81, 83, 89, 90, 90, 94, 94, 94, 106, 110, 115, 127, 134, 134, 135, 135 (24) УО 187, 189, 189, 193, 193, 211, 211, 212, 212, 212, 213, 213, 220, 220, 289, 292, 334, 335, 342, 343, 343, 361, 362, 372, 378, 382, 409, 417 (29) ЗМ 83, 91, 173, 226 (4) СА 11, 11, 11, 11, 12, 13, 14, 14, 14, 24 (10) ЗЗ 67, 67, 67 (3) ЗП 114 138, 143, 146, 146, 157, 157, 165, 165, 165, 167, 178 (12) Кр 187, 188, 188, 188, 189, 191, 192 (7) Иг 223, 307 (2) ПН 6, 14, 15, 16, 16, 18, 18, 25, 35, 36, 36, 44, 44, 68, 75, 101, 110, 113, 142, 156, 156, 162, 163, 163, 169, 176, 177, 179, 206, 210, 212, 225, 277, 340, 341, 341, 345, 362, 403 (39) Ид 7, 8, 17, 17, 19, 19, 19, 26, 27, 28, 28, 108, 113, 148, 191, 191, 264, 268, 270, 273, 300, 300, 372, 373, 412 (25) ВМ 12, 33, 49, 49, 76, 103, 103 (7) Бс 51, 140, 152, 155, 181, 188, 201, 208, 214, 216, 217, 218, 231, 232, 233, 233, 273, 275, 279, 287, 289, 388, 389, 389, 416, 423, 466, 470, 481, 481, 501 (31) Тх 8 (1) Пд 119, 119, 119, 120, 226, 242, 242, 362, 362 БрК 23, 23, 23, 97, 124, 159, 183, 309, 324, 324, 505 (12) БКа 11, 28, 30 (3) Бб 45, 45, 47, 47 (4) Кт 8 (1) [257] *Статьи 1845–1864 гг., 1873–1878 гг.* ГМ 6, 9, 9, 48, 41, 105, 107 (7) *Дневник писателя за 1876 г* 111, 111 (2) *Дневник писателя за 1877 г., т. 25* 169 (1) *Дневник писателя за 1877 г., т. 26* (1) [11] *Письма за 1878–1881 гг.* ГМ 48, 48, 48 (3) [3].

Комментарий

АССЦ (зона текстовых ассоциаций) а ведь, ведь, вот, говорить, гумкать, да, да ведь, думать, запнуться, затруднился в словах, знать, и что же такое, конечно, может быть, нет, ну, ну нет, отвечать односложно, отозваться, положим, проговорить, промычать, решать, решить, сомневаться, то-то, то-то и есть, хе, черт возьми, это правда, эх, я так и думал.

Примечания. Встречаются случаи автономного употребления междометия гм: [Афанасий Матвейч] но ведь нельзя же всё молчать, Марья Александровна. | [Марья Александровна] В таком случае отвечай односложно, что-нибудь этакое, например «гм!» или что-нибудь такое же, чтоб показать, что ты умный человек и обсуживаешь прежде, чем отвечаешь. | — Гм. | — Пойми ты меня! Я тебя везу для того, что ты услышал о князе и тотчас же в восторге от его посещения прилетел к нему засвидетельствовать свое почтение и просить к себе в деревню; понимаешь? | — Гм. | — Да ты не теперь гумкай, дурак! Ты мне-то отвечай («Дядюшкин сон», 361);

Рассуждать или даже только вести кой-как немного серьезный разговор он [генерал] уж совершенно не мог; в таком случае он только приговаривал ко всякому слову «гм!» и кивал головой — тем и отделявался («Игрок», 307).

-
1. Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда. № 6. 1926. С. 244–267.
 2. Грдина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка : монография. Екатеринбург, 2015.
 3. Грдина Т. А. Языковая игра в художественном тексте : монография. Екатеринбург, 2013.
 4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
 5. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М., 2001. Предисловие. С. XXIX.
 6. О словоере, извольте-с // Coolingua : [сайт]. URL: https://coolingua.blogspot.com/2010/05/blog-post_20.html?m=1 (дата обращения: 18.11.2023).
 7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1987.
 8. Плузьян В. А. FAQ: Дискурсивные слова, 2013 // Постнаука : [сайт]. URL: <https://postnauka.org/faq/8572> (дата обращения: 14.11.2023).
 9. Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос : монография. М., 2015.
 10. Ружицкий И. В., Коробова М. М., Шепелева С. Н. Последний проект Юрия Николаевича Караулова : (Идиоглоссарий Достоевского: как все началось) // Вопр. психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 53–69.
 11. Ружицкий И. В. Предисловие // Словарь языка Достоевского : идиоглоссарий : в 6 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов ; науч. ред. И. В. Ружицкий. М., 2021. Т. 1. С. VIII–XVII.
 12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М., 1981.
 13. Словарь языка Достоевского : идиоглоссарий : в 6 т. / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2008–2025.
 14. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

3.2. Дискурсивная лексикография: от словаря к социокультурному моделированию реальности¹

Топонимика представляет собой гибридный формат научного знания, базирующийся на достижениях географии, истории, лингвистики как способов описания и изучения окружающего мира. При этом топонимы важно изучать на фоне широкого исторического и социально-политического контекста. Современные топонимические исследования — это не просто анализ структурно-семантических особенностей топонимов, а их изучение на фоне широкого экстралингвистического контекста и обобщение прикладного аспекта подобного рода изысканий. Каждый исторический период в развитии страны (региона, города) детерминирует характеристики топонимической системы и находит отражение в структурно-функциональных особенностях топонимов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения смыслов, транслируемых топонимами как компонентами одной языковой картины мира, при их функционировании в другом языке и иноязычном дискурсе. Работы подобного рода нацелены на выявление в языке-реципиенте характеристик топонимов не просто как географических наименований, а как лингвокультурных знаков, реализующих целый спектр значений, которые «надстраиваются» над общим топонимическим значением «чужого» географического объекта, формируемого у носителей другого языка и представителей другой культуры.

С наибольшей полнотой такие характеристики топонимов реализуются в массмедийном дискурсе, который отражает реальность не постфактум, а в момент функционирования в определенном национально-культурном сообществе. Обращение к массмедийному дискурсу не является случайным, так как одной из основных функций СМИ является то, что они способны передавать социально значимую информацию и влиять на формирование общественного знания и мнения не только в рамках одной культуры, но и при кросскультурном взаимодействии. Когнитивно-дискурсивный вектор развития современной науки о языке делает востребованными изыскания кросскультурного характера,

¹ Некоторые материалы настоящего раздела были опубликованы в виде статей [см.: 6; 8].

когда знаки одной культуры «помещаются» в лингвосемиотическое пространство другой культуры, «прирастают» новыми смыслами и коннотациями, репрезентируют не только сам географический объект, но и социально-экономические, исторические и культурные события, «стоящие» за тем или иным топонимом.

Когнитивный поворот в топонимических исследованиях созвучен антропоцентрическому вектору развития современной лингвистики и «культурному повороту» в социально-гуманитарных науках. Он находит отражение в изучении географических названий, связанных с мифопоэтическими представлениями о пространстве [1]; в описании связи топонимов с определенными историческими событиями и социальными процессами [3; 9]; в сопоставительном анализе современных и дореволюционных эргонимов [7].

Цель настоящего исследования заключается в описании когнитивно-дискурсивных особенностей топонима Екатеринбург в британском медиадискурсе XIX и первой половины XX в. Обращение к анализу топонима не является случайным. Сегодня этот крупнейший промышленный, экономический и культурный центр Урала является знаковым местом для жителей России и зарубежных гостей. Но важно понимать, что этот город, как и вся страна, прошел долгий тернистый путь в своем становлении и обретении статуса динамично развивающегося города. Рассмотрение влияния широкого лингвокультурного контекста на формирование образа городов в иноязычном массмедийном дискурсе в исторической ретроспективе представляется важной задачей для представителей лингвистической науки, так как это дает возможность реализовать прикладной характер топонимических исследований, осуществляемых в когнитивно-дискурсивном ракурсе.

Для формирования массива материала и анализа топонима применялся комплекс методов и приемов. При дефиниционном анализе, нацеленном на исследование определений топонима в английском языке, были использованы онлайн-ресурсы, которые имеют аналоги печатных словарей и справочников, опубликованных британскими издательствами, базы данных, разработанные британскими либо другими международными организациями, в которых предлагается статья о топониме. Поскольку лексикографическое описание значения иноязычного топонима требует обобщения данных разных словарей, к исследованию были привлечены географические справочники (географические словари),

содержащие общую информацию о географическом объекте, электронные версии авторитетных толковых словарей², энциклопедии на английском языке, размещенные на онлайн-платформах и предполагающие удаленный (открытый или коммерческий) доступ к ресурсу³.

Для формирования массива материала применялись автоматическая и ручная выборки. Источником дискурсивного материала выступил архив оцифрованных исторических изданий Великобритании BNA⁴, основанный на базе Британской библиотеки. Издания XIX в. включают газеты и журналы Англии, Северной Ирландии, Шотландии, Уэльса, а также доминионов и колоний Британской империи. BNA — коммерческий англоязычный полнотекстовый корпус, в котором на момент исследования представлено 41 064 596 оцифрованных документов Великобритании (четырёх стран — Англии, Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса) начиная с 1700 г. Среди них — региональные и национальные газеты и журналы, такие как *The Atlas*, *Belfast Telegraph*, *Buckingham Express*, *Diss Express*, *Dover Express*, *Glasgow Herald*, *Globe*, *Morning Post*, *Nottingham Evening Post*, *The People* и др. Автоматизированная выборка в корпусах осуществлялась во всех изданиях, вышедших в одном из указанных выше временных диапазонов, по ключевому слову *Yekaterinburg*, представленному в интегрированном лексикографическом описании как предпочтительное наименование, тип документа — статья, иллюстрированная статья, сортировка — по релевантности. Дополнительные параметры поиска включали варианты названия города, зафиксированные в словарях. Первый параметр, указанный при характеристике каждого хронологического среза, — количество текстов. Затем сформированные иллюстративные корпуса текстов обрабатывались вручную.

² Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus, Collins English Dictionary — Complete and Unabridged, Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford English Dictionary Online, Oxford Lexico, The Chambers 21st Century Dictionary, The Free Online English Dictionary from Macmillan Education. Словарные статьи с толкованием топонима *Chelyabinsk* представлены в двух из названных толковых словарей.

³ CED — Collins English Dictionary — Complete and Unabridged, 12th Ed., 2014. URL: <https://www.collinsdictionary.com>; CDWPN — The Concise Dictionary of World Place-Names / J. Everett-Heath (ed.). Oxford, 2014. URL: <https://www.oxfordreference.com>; EB — Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com>; GeoNames. URL: <http://www.geonames.org>; GTGN — The Getty Thesaurus of Geographic Names. URL: <https://www.getty.edu>; Lexico.com. URL: <https://www.lexico.com>.

⁴ BNA — The British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>.

Необходимость дальнейшей ручной обработки материала продиктована следующими причинами: во-первых, количество текстов, извлеченных на первом этапе, может быть не равно количеству контекстов, в которых функционирует топоним *Yekaterinburg*, поскольку в одном тексте может быть представлено несколько контекстов, объективирующих один компонент или разные компоненты когнитивной матрицы; во-вторых, тексты XIX и XX вв. хранятся и извлекаются в формате PDF; текстовые документы, обработанные с помощью оптической системы распознавания данных, которой оснащен корпус, не лишены искажений и погрешностей, обусловленных качеством и дефектами исходных текстов прошлых столетий. Второй параметр — количество контекстов, отобранных с помощью ручной обработки материала. Критерием для отнесения того или иного контекста к конкретной концептуальной области (когнитивному контексту матрицы) является наличие взаимосвязанных с ней единиц. Заметим, что количество документов, отсортированных на этапе автоматизированной выборки, как правило, значительно меньше количества контекстов, отобранных вручную.

Анализ латинизации географического названия Екатеринбург в британском медиадискурсе включает исследование формальной оболочки имени топонима: адаптационных явлений и трансформаций, которые сопровождают включение иноязычного топонима в систему английского языка, ряда ограничений и противоречий транслитерации и транскрипции при освоении английским языком иноязычных наименований.

Когнитивно-матричный анализ применяется для исследования смыслового наполнения иноязычного топонима в принимающем языке и определения когнитивных признаков, положенных в основу освоения топонима. Исследователи отмечают, что когнитивная матрица формируется по принципу «ядро — периферия», где ядром матрицы является сам топоним, а периферию образуют когнитивные контексты, обращение к которым необходимо для его понимания (например, территория, история, культура, религия и др.) [2]. В исследовании совокупность признаков уточнена в соответствии с анализируемым материалом.

Когнитивно-дискурсивный метод используется для выявления экстралингвистических факторов, которые влияют на закрепление смыслов, транслируемых уральским топонимом, на означивание в британском медиадискурсе географического

объекта и тех структур знания, которые находят отражение в его номинации.

Сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы позволяют выявить важные элементы того исторического контекста, в рамках которого происходили трансформации смыслового наполнения топонима, а также некоторые особенности восприятия российских реалий британскими журналистами и читателями в XIX в.

Анализ словарных статей позволил выявить три варианта названия города Екатеринбург, закрепленных в английском языке. В качестве заголовочного слова использовано *Yekaterinburg* с пометами «современное»⁵ и «предпочтительное»⁶; указан вариант наименования: *Ekaterinburg*; для одного названия приведена помета «историческое»⁷: *Jekaterinburg*. В словарных статьях представлены акцентологические и орфоэпические справки. В тексте, разъясняющем заголовочные единицы, содержатся основные характеристики населенных пунктов: город на Урале / промышленный город, региональный/административный/индустриальный/образовательный/культурный центр, центр машиностроения, «средоточие заводов».

Анализ латинизации географического названия Екатеринбург в британском медиадискурсе включает исследование формальной оболочки имени топонима: адаптационных явлений и трансформаций, которые сопровождают включение иноязычного топонима в систему английского языка, ряда ограничений и противоречий транслитерации и транскрипции при освоении английским языком иноязычного наименования.

Ниже приведены сводные данные, включающие варианты названия города в британском медиадискурсе (курсивом выделены варианты, не зафиксированные в словарях), количество текстов, отобранных по соответствующему варианту в результате процедур автоматизированного и ручного поиска, первый случай употребления наименования (нижняя граница хронологических рамок). Полу жирным шрифтом выделен год первого упоминания города в британском медиадискурсе (табл. 1).

⁵ preferred

⁶ current

⁷ historical

Таблица 1

*Варианты топонима Yekaterinburg
в британском дискурсе XIX–XX вв.*

Вариант	Выборка	Год
<i>1800–1899</i>		
Ekaterinburg	1208	1848–1899
Jekaterinburg	48	1874–1899
Yekaterinburg	25	1824 –1899
<i>Yekaterinenburg</i>	3	1876–1899
<i>Tekaterinburg</i>	1	1848–1899
Итого 1285		
<i>1900–1950</i>		
Ekaterinburg	1897	1900–1950
Sverdlovsk	409	1924–1950
Yekaterinburg	16	1902–1938
Sverdlowsk	6	1941
<i>Swerdlowsk</i>	6	1926–1949
Jekaterinburg	4	1910–1939
Итого 2338		

Показательно, что топоним Екатеринбург в том варианте, который в современных британских словарях и справочниках (CED, CDWPN, EB, GeoNames, GTGN, Lexico) указан как предпочтительный (Yekaterinburg), в дискурсе первой половины XX в. значительно уступает по частотности наименованию Ekaterinburg. Для варианта Jekaterinburg, помеченного как историческое название, характерно спорадическое использование. Переименование города в 1924 г. в Свердловск обуславливает функционирование в британском дискурсе первой половины XX в. трех переводных эквивалентов (Sverdlovsk, Sverdlowsk, Swerdlowsk) наряду с вариантами исторического названия города. Интересно, что в 1941 г. использовались все шесть переводческих решений, что, вероятнее всего, было связано с началом Великой Отечественной войны, эвакуацией заводов на Урал, пристальным вниманием западной прессы к процессам, происходившим в городе.

Обращает на себя внимание тот факт, что в регионах Британской империи интерес к «уральским сюжетам» был различным. Ниже представлены фрагменты источниковедческого анализа, включающие издания, где чаще всего упоминались события, связанные с городом, указаны страна, графство, город, издание, количество отобранных оцифрованных текстов (табл. 2, 3).

Т а б л и ц а 2

Фрагмент анализа частотности употребления топонима
(XIX в.)

Страна	Графство, издание	Количество
Англия (всего 982)	Лондонское	333
	Йоркшир и Хамбер	126
	<i>Morning Post</i>	37
Шотландия (всего 142)	Ренфрушир	34
	<i>Paisley Herald and Renfrewshire Advertiser</i>	18
Северная Ирландия (всего 104)	Дублин	31
	<i>Irish Times</i>	14
Уэльс (всего 33)	Гламорган	12
	<i>Cardiff Times</i>	9
Доминионы и колонии (всего 24)	Западная Бенгалия (Индия)	9
	<i>Friend of India and Statesman</i>	8

Всего 1285

Т а б л и ц а 3

Фрагмент анализа частотности употребления топонима
(XX в.)

Страна	Графство, издание	Количество
Англия (всего 1557)	Лондонское	396
	Йоркшир и Хамбер	104
	<i>Globe</i> (1804–1921); <i>Hull Daily Mail</i> (1885–1950)	63 34

Окончание табл. 3

Страна	Графство, издание	Количество
Шотландия (всего 491)	Мидлотиан, Эдинбург Ангус, Абердин	142 74
	<i>The Scotsman</i> (1817–1950); <i>Dundee Courier</i> (1844–1997)	131 33
Северная Ирландия (всего 252)	Антрим, Белфаст Дублин, Республика Ирландия	96 49
	<i>The Scotsman</i> (1817–1950); <i>Dundee Courier</i> (1844–1997)	131 33
Уэльс (всего 38)	Гламорган	20
	<i>Western Mail</i> (1869–1959)	17

Всего 2338

Очевидно, что чаще всего топоним встречается в изданиях, которые выходили в Англии и Шотландии: в Лондонском графстве, в графствах Йоркшир и Хамбер, Ренфрушир, Ангус и Мидлотиан. Реже — в газетах и журналах, которые издавались в Северной Ирландии и Уэльсе. На наш взгляд, это было связано с локальным характером изданий, со спецификой социально-экономического развития этих территорий, которые играли заметную роль в становлении британской металлургии, с концентрацией в этих областях представителей политической и бизнес-элиты. Обращает на себя внимание, что в Северной Ирландии, сельскохозяйственном регионе, большинство газет и журналов, в которых чаще всего освещались события, происходившие в Екатеринбурге, издавалось в оживленных торговых и транспортных центрах. По нашему мнению, для некоторых читателей этих газет события и процессы, происходившие в далеких и «таинственных» регионах России (добыча полезных ископаемых, строительство железных дорог и пр.) представляли не только географический, но и практический интерес, позволяя лучше понять многое из того, что происходило в родной стране. В изданиях, выходивших в доминионах и колониях (в Китае, Австралии, Новой Зеландии, Пакистане, Канаде), зафиксированы единичные случаи использования топонима, что подтверждает предположение об определяющем значении политических и социально-экономических факторов метрополии,

вливающих на частотность использования уральских топонимов в иноязычном дискурсе.

На следующем этапе было произведено распределение контекстов в рамках когнитивной матрицы с опорой на положение о том, что каждая из выделенных областей «представляет собой многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов осмысления» [2, с. 5]. Функционирование топонима в медиадискурсе XIX и XX вв. не позволяет говорить о том, что тот или иной компонент, характеризующий жизнь и деятельность объекта, существует в изолированном виде и не испытывает на себе влияние смежных областей представленности города или области в массовом сознании. С учетом определенной условности в разграничении компонентов вслед за Н. Н. Болдыревым и В. В. Алпатовым [Там же] в структуре топонима были определены базовые когнитивные компоненты: территория, история, культура, религия. При обработке данных совокупность признаков была уточнена в соответствии с анализируемым материалом и дополнена компонентами «политико-экономические особенности», «животный мир», «растительный мир». В целях проведения лингвистического анализа компонентов когнитивной матрицы в качестве основы нами принимались значение, закрепленное в словаре за лексемой, называющей ту или иную предметную область, и доминирующие слова и словосочетания, зафиксированные в корпусе, объективирующие эту область.

Выделенные когнитивные компоненты важны для понимания культурной специфики отражения топонима Екатеринбург в британском массмедийном дискурсе указанного периода. Именно через эти компоненты исследователь получает возможность изучить соответствующие языковые и экстралингвистические значения топонима, получить всестороннее (а не разрозненное) представление об изучаемом явлении, проследить динамику изменения топонима в массмедийном дискурсе, который не только отражает, но и формирует общественное сознание.

Кратко проиллюстрируем данный этап на примере базового и периферийного компонентов.

Компонент «территория» включает характеристику особенностей расположения города и рельефа местности (CED, Lexico.com). В сформированном массиве текстов его представляют следующие единицы: *in Asia, in the Ural mountains, in the Oural, on the eastern slopes of the Ural chain, on the extreme eastern frontier*

of Russia in Europe, on the spurs of the extensive mountain barrier which separates Europe from Asia, on the Siberian side of the Ural Mountain (в Азии, на Уральских горах, на Урале, на восточных склонах Уральской цепи, на восточной границе Европейской России, на уступах протяженного горного хребта, отделяющего Европу от Азии, на сибирской стороне Уральских гор) и др. На наш взгляд, вполне закономерным является доминирование в значении иноязычного топонима его географических характеристик.

Компонент «растительный мир» включает характеристику разнообразия флоры конкретного региона, мест распространения (CED, Lexico.com). В иллюстративном корпусе его представляют следующие единицы: *mixed forest, dense forest, steppe, black oil (Tschernozem), birch, true soil of the forest, different vegetation, arboreal vegetation, pine-tree (sosna), extensive groves of fir silver fir (pichta), cedar (kedr), lime tree (lipa)* (смешанный лес, густой лес, степь, чернозем, береза, истинная почва леса, различная растительность, древесная растительность, сосна, протяженные леса пихты серебристой, кедр, липа) и др. Интересно, что в рамках данного компонента когнитивной матрицы доминирующая составляющая представлена наименованиями древесной растительности. Вероятнее всего, это связано с функционированием лесопромышленной отрасли на Урале и ее значением для социально-экономического развития региона. Экспорт «русского леса» начался в Британию еще в эпоху Московского государства и носил устойчивый характер долгие годы [об этом см., например: 5].

Основные статистические результаты обработки текстов с применением когнитивно-матричного анализа, нацеленного на выявление дополнительных смыслов, обусловленных фоновыми знаниями британцев о географических объектах, и когнитивно-дискурсивного метода, сосредоточенного на исследовании экстралингвистических условий (Крымская война; Первая всемирная промышленная выставка; открытие месторождений полезных ископаемых; начало строительства Транссибирской магистрали; шведская экспедиция к устью реки Енисей; Русско-турецкая война; Кульджинский кризис; Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка; голод в России; Гражданская война; расстрел императорской семьи; индустриализация; Вторая мировая война; эвакуация заводов; развитие промышленности; открытие и разработка месторождений), определяющих употребление топонимов, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Компоненты когнитивной матрицы
топонима *Yekaterinburg* (XIX–XX вв.)

Компоненты ⁸	%1
Политико-экономические особенности	63,8
Территория	27,1
Культура	3,5
Растительный мир	2,8
Животный мир	1,4
История	1
Религия	0,3

В основе этого интереса лежали экономические факторы, связанные со строительством железных дорог (не только Транссиба⁹) и открытием месторождений полезных ископаемых (в первую очередь золота): *While at Ekaterinburg I took the opportunity of visiting a gold-washing village. I found the process a simple one, and that the people are miserably paid* (Westmeath Guardian and Longford News-Letter. 01.09.1864. P. 2–3) — Будучи в Екатеринбурге, я воспользовался возможностью и посетил деревню золотодобытчиков. Процесс мне показался простым, работникам платят ничтожно мало. Одновременно с этим в примере подчеркивается несоответствие условий труда на столь важном для экономики и промышленности региона предприятии и мизерной зарплаты рабочих на золотодобывающих рудниках.

Британским читателям топоним *Yekaterinburg* был знаком из-за раннего первого упоминания (1824) и частого употребления на протяжении всего века: *The Ural abounds in iron and precious stones. Ekaterinburg, or the City of Catherine, is the capital of the Ural; and here are the vast works and manufactories established by government for utilising the minerals of the district* (Paisley Herald and Renfrewshire Advertiser. 19.06.1858, Renfrewshire, Scotland. P. 1 — Урал изобилует железом и драгоценными камнями. Екатеринбург, или город Екатерины, — столица Урала, здесь находятся огромные заводы и мануфактуры, созданные правительством для переработки

⁸ За 100 % принимается общее количество контекстов, в которых зафиксирован топоним, — 3 623 (1 285 (XX в.) + 2 338 (XX в.)).

⁹ Например, Самаро-Златоустовской железной дороги (the Samara-Zlatoust Railway), которая служила связующим звеном между Поволжьем и Уралом.

полезных ископаемых региона. Данный пример интересен для анализа с лингвистической точки зрения тем, что автор не только знакомит читателя с природными богатствами города, но и обращает внимание на этимологию названия — город Екатерины (*the City of Catherine*).

Знакомство читателя с Екатеринбургом происходит через создание общего экстрадискурсивного контекста, что достигается за счет вплетения в текстовую ткань знакомых для целевой аудитории географических названий (*Switzerland, Alleghany Mountains, Canada, the United States*): *Two days of travel by the Ural Mountains railroad for Ekaterinburg brought him to this station near the summit of the mountains. The scenery was wild and impressive, suggesting Switzerland and the Alleghany Mountains, the country dotted here and there with mining camps and villages that might have belonged to the early settlements of Canada and the United State* (Leeds Times. 22.03.1890. Yorkshire, England. P. 6) — *Два дня пути по Уральской горной железной дороге, и он прибыл на вершину гор — на станцию Екатеринбург. Пейзаж был диким/нецивилизованным и впечатляющим, наводя на мысль о Швейцарии и горах Аллеганы: там и тут рудники и деревни, похожие на ранние поселения в Канаде и Соединенных Штатах.* Автор обращает внимание читателя на то, что развитие населенного пункта и прилегающих территорий соответствует «ранним поселениям» Канады и США (*early settlements of Canada and the United States*), что акцентирует мысль об отсталости Российской империи (*wild scenery*) от цивилизованного мира.

Обращает на себя внимание и большее разнообразие контекстов использования топонима в британском медиадискурсе XIX в. В первую очередь речь идет о военном аспекте, традиционно важном для многих жителей Британской империи, имевших своеобразные представления о месте и роли империи в мире. С этой точки зрения, «екатеринбургский след» в сюжетах, касавшихся Крымской, в европейской исторической традиции — Восточной войны, русско-турецкой войны и Кульджинского кризиса, выполнил очень важную роль в закреплении топонима *Yekaterinburg* в британском медиадискурсе второй половины XIX в., при том, что боевые действия на территории города ни в одном из случаев не происходили. Очень показательна с этой точки зрения публикация в «*The Scotsman*» от 9 октября 1877 г.: *The entire body of the nation is clamorous for war. Every town and village is sending its quatum of money, gifts, and volunteers to the Servians. Away up in the Ural Mountains, in the town of Ekaterinburg, the poorly paid*

officials are agreeing to grant part of their salary to the general fund, and in one day that little town subscribes 500 roubles in money, besides gifts and a petition to Government to allow of their sending volunteers — Народ всей страны поддерживает войну. Каждый город и деревня шлет сербам свою толику денег, подарки и добровольцев. Далеко на Урале, в городе Екатеринбурге, служащие с низкой заработной платой согласны отдать часть своего жалованья в общий фонд. За один день этот маленький городок, помимо подарков, собрал 500 рублей деньгами и подготовил прошение к правительству о возможности отправки добровольцев. Автора удивляет патриотический порыв, который охватил жителей «далекого Екатеринбурга» в условиях начавшегося конфликта на Балканах. Но это удивление носит ярко выраженную мелиоративную коннотацию, формируя у читателей положительный образ города.

С другой стороны, на страницах британской прессы формировались и другие «границы» образа Екатеринбурга. Например, этот город в глазах некоторых британских читателей оказался связан с Сибирско-Уральской научно-промышленной выставкой 1887 г., организованной Уральским обществом любителей естествознания, то есть представлялся в роли некоего научного центра: *The Ekaterinburg Exhibition, which was opened on the 4th of June by the Grand Duke Michael Nikolaiivitch, owes its existence to the efforts of the Ural Natural History Society. Such an exhibition could not fail to be in the highest degree interesting, as showing the wealth and resources of this part of Russia to foreigners and capitalists; but with the usual Russian apathy, very little was done to make it generally known. This vast region, about the size of Europe, of a richness incalculable in every variety of natural product, which has been in the possession of a European Power for about three hundred and fifty years, had managed to exhibit its productions in a small building about thirty yards square (St James's Gazette. 01.08.1887. London, England. P. 6–7) — Выставка в Екатеринбурге, открытая 4 июня великим князем Михаилом Николаевичем, обязана своим существованием усилиям Уральского общества естествознания. Подобная выставка должна была представлять огромный интерес, поскольку могла продемонстрировать иностранцам и капиталистам богатства и ресурсы этой части России; но со свойственной русским апатией они почти ничего не предприняли, чтобы сделать выставку достоянием общности. Эта огромная область размером с Европу и с бесчисленными богатствами всевозможных природных ресурсов, находившаяся во владении европейской державы около трехсот пятидесяти лет,*

сумела выставить свою продукцию в небольшом здании площадью около тридцати квадратных ярдов. В иллюстративный контекст включен ряд эксплицитных противопоставлений, репрезентирующих несоответствие значительности события для города, региона, страны и мировой общественности, его влияния на активизацию производительных и научных сил региона, культуры, просвещения и потенциального интереса со стороны зарубежных инвесторов (*an exhibition could not fail to be in the highest degree interesting*) и апатичности, равнодушия к происходящему, вялости, по мнению автора, свойственных русским и являющихся их характерными чертами (*the usual Russian apathy*), огромной территории, которую занимает регион, его несметных богатств (*this vast region, about the size of Europe, of a richness incalculable in every variety of natural product*) и небольшой площадки, на которой русским удалось разместить выставку экспонатов (*managed to exhibit its productions in a mall building*).

Однако если пытаться обнаружить некие уникальные черты репрезентации города, которые могли стать дополнительным маркером топонима Екатеринбург для британского читателя, то здесь следует упомянуть о несметных богатствах, драгоценных и полудрагоценных камнях, благодаря которым город прославился на весь мир: *Ekaterinburg seems a veritable Aladdin's palace: emerald, amethyst, beryl, chrysoberyl, topaz, rose-tourmaline and garnet, jaspers of every colour and shade, are all fashioned and cut here* (Globe. 17.12.1857. London, England. P. 1–2) — *Екатеринбург кажется настоящим дворцом Аладдина: изумруд, аметист, берилл, хризоберилл, топаз, розовый турмалин, гранат, яшма всех цветов и оттенков — здесь все отшлифовано и огранено*. В данном примере использование прецедентного имени героя арабских сказок способствует созданию единого культурно-дискурсивного пространства у адресанта и адресата.

В другом фрагменте Екатеринбург сравнивается с ведущим промышленным городом Великобритании Бирмингемом, что актуализирует индустриальную мощь обоих географических объектов: *At Ekaterinburg the ornamental stone works, the Mint, and manufactories of machinery and arms, were inspected; for this is the Birmingham of the Ural, and, supplies the arms for all the tribes and frontier forces of Siberia* (London Daily News. 10.04.1857. London, England. P. 2) — *В Екатеринбурге были осмотрены заводы по обработке камней, Монетный двор и предприятия по производству машинного оборудования и оружия; это Бирмингем Урала, поставляющий*

оружие всем сибирским племенам и войскам на границе. Оба города являются символами высокоразвитой промышленности и ядром индустриализации. Использование подобного сравнения — эффективный инструмент воздействия на целевую аудиторию, средство представления иноязычной реалии, помещенной в знакомый аутентичный контекст.

Актуализация не только индустриальной мощи обоих географических объектов, но и благоприятных местных факторов (наличие природных ресурсов, конкуренция с близлежащими городами, удобные транспортные пути) подчеркнута и в другом примере, где автор расширяет метафорическую модель и сравнивает Екатеринбург с Бирмингемом не только Урала, но и всей Сибири: *The author soon finds himself in Asia, at the busy town of Ekaterinburg, the Birmingham of Siberia* (The Atlas. 03.10.1857. London, England. P. 10) — *Вскоре автор оказывается в Азии, в оживленном городе Екатеринбурге, сибирском Бирмингеме.*

Представления о Екатеринбурге как о центре богатого полезными ископаемыми региона, играющем значимую роль в промышленном развитии России, в обеспечении ее армии оружием, важном транспортном узле империи, в британском медиадискурсе второй половины XIX в. удивительным образом сочетаются с трагическими и негативными коннотациями, которые звучали во многих текстах, рассказывающих о преступлениях и происшествиях, происходивших в этом городе, достигая максимальных значений в рассказах о голоде начала 1890-х гг.: *In the district of Jekaterinburg in a number of villages the peasants have literally nothing to eat but birch leaves boiled in water* (Nottingham Evening Post. 26.11.1891. Nottinghamshire, England. P. 2) — *В ряде деревень в районе Екатеринбурга крестьянам буквально нечего есть, кроме березовых листьев, отваренных в воде.*

В начале XX в. представление о городе (в это время он уже носит название Свердловск), который богат природными ресурсами, продолжает находиться в ядерной зоне образа, создаваемого британскими СМИ о далеком, но прекрасном центре Урала: *More than 200 gold nuggets, varying in weight from 10 to 50 grams, have been found recently in the Sverdlovsk Province. One group of prospectors found a nugget weighing 500 grams* (Coventry Evening Telegraph. 12.11.1936. Warwickshire, England. P. 4) — *Недавно в Свердловской области было найдено более 200 золотых самородков весом от 10 до 50 граммов. Одна группа старателей нашла самородок весом 500 граммов.* Несмотря на сложный период в истории нашей

страны (1941–1945 гг.), британская пресса начинает признавать успехи, достигнутые отдельными территориями СССР в довоенный период: *The holding of the conference at Sverdlovsk is symbolic of the scientific and technical progress made in the newly-developed regions of the Soviet Union* (The Scotsman. 25.05.1942. Midlothian, Scotland. P. 6) — *Проведение конференции в Свердловске является символом научно-технического прогресса, достигнутого в активно развивающихся регионах Советского Союза*. В период Второй мировой войны британская внешняя политика находила отражение на уровне не только сотрудничества лидеров Великобритании и СССР, но и визитов представителей британского истеблишмента на Урал: *The British Parliamentary delegation touring the U. S. S. R. has visited Sverdlovsk, the Urals industrial centre. Walter Elliot conveyed the greetings of the British people to the population of the area* (Lancashire Evening Post. 01.02.1945. Lancashire, England. P. 1) — *Британская парламентская делегация, совершавшая поездку по СССР, посетила Свердловск, промышленный центр Урала. Уолтер Эллиот¹⁰ передал населению области приветствия британского народа*.

* * *

В целом подход к освещению событий, связанных с Екатеринбургом в британской прессе, коррелирует с общим восприятием Российской империи в странах Запада не только в XIX, но и в XX в. Как совершенно справедливо заметил А. А. Громыко, в Англии, как и на Западе в целом, общепризнаны достижения русской культуры, и все же на Россию многие продолжали и продолжают смотреть как на нецивилизованную страну [4]. При этом важно понимать, что образ России, формируемый в СМИ, не только отражает, но и часто детерминирует отношения между странами в политической, академической и бытовой сферах общения. Топонимические исследования, проводимые в когнитивно-дискурсивном ракурсе, принимают во внимание влияние топонимов на образ того или иного географического объекта в представлении носителей другого языка и другой культуры. Кроме того, подобные изыскания дают возможность проанализировать влияние исторического контекста на те дополнительные смыслы, которые возникают у топонимов не просто как наименований географических объектов, а как лингвокультурных знаков. С наибольшей силой когнитивно-дискурсивный

¹⁰ Уолтер Эллиот — британский и шотландский политик.

потенциал топонимических эвристик реализуется в медиадискурсе, одним из приоритетных составляющих которого является экстралингвистический компонент. Особую значимость такие исследования принимают, когда они проводятся в исторической ретроспективе, поскольку образы, существующие в современном медиадискурсе ведущих мировых держав, в частности, Великобритании, появляются на основе определенной, почти всегда многолетней культурно-исторической традиции. Вполне закономерным является доминирование в значении иноязычного топонима его географических характеристик (компонент «территория»). Экстралингвистический и исторической контексты детерминируют доминирование компонента «политико-экономические особенности» в матрице иноязычного топонима. На периферии оказываются компоненты «растительный мир» и «культура».

Представленное распределение элементов когнитивно-дискурсивной матрицы уральского города в рассмотренный период объясняется политико-экономической ситуацией, когда наша страна была широко известна как географический объект, но для западного мира оставалась своего рода «terra incognita» в цивилизационном аспекте. К возможным перспективам исследования мы относим построение когнитивно-дискурсивной матрицы топонима Екатеринбург в последующие периоды. Такой анализ может быть полезен с точки зрения выявления динамики образов уральских городов в британском массмедийном дискурсе.

1. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Мифопоэтический образ пространства. М., 2010. 240 с.

2. *Болдырев Н. Н., Алпатов В. В.* Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // *Вопр. когнитивной лингвистики.* № 4 (17). 2008. С. 5–14.

3. *Голомидова М. В.* Названия золотых приисков Урала как часть культурного капитала территории: лингвокультурологический аспект // *Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова.* 2015. № 2. С. 101–104.

4. *Громыко А. А.* Образы России и Великобритании: реальность и пред-рассудки. М., 2008. 96 с.

5. *Кобрин М. В.* Организация таможенной (пограничной) службы на западной границе Российской империи (1819–1822 гг.) // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.* Курск, 2009. С. 229–232.

6. *Кошкарлова Н. Н., Сибиряков И. В., Солопова О. А.* Когнитивно-дискурсивные особенности топонимов Екатеринбург и Челябинск в британском медиадискурсе XIX века // *Вопр. ономастики.* 2022. Т. 19, № 1. С. 180–200.

7. Рожкова П. А., Рут М. Э. Модели коммерческой эргонимии в России на рубеже XIX–XX веков и в наши дни: смена традиции // Вопр. ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 303–311.

8. Солопова О. А., Кошкарова Н. Н., Сибиряков И. В. Образ Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 9–26.

9. Reszegi K. Cognitive Approaches to Hungarian Toponymy // Onoma. 2012. Vol. 47. P. 367–379.

3.3. Лексикографическое представление терминологии балета: проект мультимедийного словаря балетных терминов

Терминология — один из самых интересных и обширных пластов лексики в современном языке. Являясь «хранилищем» специальных знаний, термины существуют в составе языка в виде систематизированных лексических классов — терминосистем, отражающих определенную сферу знания и деятельности человека.

При лексикографическом описании терминов учитываются такие их признаки, как точность и однозначность лексического значения, вхождение в состав определенной терминосистемы, соответствие научному понятию. Как правило, терминологические словари адресованы узким специалистам в определенной области знания, поэтому дефиниции терминов зачастую не отличаются прозрачностью и понятностью, либо подобные словари создаются с учебными целями, что также обуславливает и отбор материала, и принципы его описания. В толковых словарях обычно представлены лексические единицы, подвергшиеся детерминологизации и перешедшие в состав общеупотребительных слов, а также общая терминология. Объем специальных слов, входящих в толковые словари, зависит от того, к какой сфере они относятся. Существуют такие области знания, которые кажутся более или менее понятными и известными носителям языка, в частности, это сфера искусства. Однако можно предположить, что термины искусства зачастую являются агнонимами для большинства носителей языка, то есть словами, которые известны и даже употребительны, но точное значение которых большинству неизвестно.

Сказанное выше относится, в частности, и к балетной терминологии. Сегодня не существует общепризнанного словаря балетных терминов, что обусловлено рядом причин.

Прежде всего надо отметить, что терминология балета представляет собой совокупность лексических единиц преимущественно иноязычного происхождения и включает значительное число варваризмов, что создает определенные трудности для лексикографического описания. К заимствованной лексике применяются критерии освоенности, то есть степени ее адаптации в языке-реципиенте. Вопрос о содержании и количестве условий, необходимых для признания слова освоенным языком, остается открытым в лингвистике.

М. А. Калинина в статье «Структурно-семантическая организация хореографической терминологии в русском языке (на материале галлицизмов и франкоязычных варваризмов)» среди критериев освоенности лексики выделяет следующие:

1) грамматическое освоение иноязычного слова: эпидигматическое соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка;

2) деривационно-смысловое освоение иноязычного слова: его включение в словообразовательную систему языка-реципиента, формирование его словообразовательного потенциала;

3) эпидигматическое освоение семантики иноязычного слова: корреляция его значения в соответствии со сложившейся семантической системой языка-реципиента, дифференциация значений и их оттенков, изменения в семном составе, наличие парадигматических и синтагматических отношений с лексикой конкретной тематической группы;

4) эпидигматическая обусловленность регулярного употребления иноязычного слова в речи [5, с. 38].

Русским языком были освоены термины, которые составляют ядро балетной терминологии, например, сам термин *балет*. В Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова зафиксированы следующие лексические единицы с корнем *балет*: балетный, балетки, балетовед, балетоман, балетоведение, балет-оратория, балет, балетоманка, балетомания, балетмейстер [9]. Обширное словообразовательное гнездо свидетельствует о том, что в русском языке термин *балет* является полностью освоенным и входит не только в терминосистему, но и в число общеупотребительных слов.

Слова, находящиеся на периферии терминосистемы балета и имеющие более узкое значение, сохраняют графический облик и грамматические особенности языка-источника. Так, словосочетание *à la barre*, которым обозначается местоположение танцора у балетного станка, не зафиксировано в толковых словарях русского языка ни в оригинальном написании, ни в транслитерированном варианте, однако данный термин приводится в словаре Н. А. Александровой «Балет. Танец. Хореография: краткий словарь танцевальных терминов и понятий» [1].

Степень освоенности и частотность терминов влияют на способы представления их в словарях. Так, заголовочные единицы в словарных статьях представлены по-разному: термин либо дается на языке-источнике, либо транслитерируется на русский язык. Наиболее употребительные термины, обозначающие общие, базовые понятия сферы балетного искусства (такие, как *батман(ы)*, *па*, *плие*), как правило, транслитерируются, а малоупотребительные, обозначающие какие-то конкретные, частные понятия, связанные с балетом, сохраняют графический облик языка-источника (например, *jete en tournant*, *ronds de jambes par terre*).

Существуют разные варианты представления одних и тех же терминов. Так, в энциклопедии под редакцией Ю. Н. Григоровича термин *arabesque* дается на французском языке, в скобках представлен транслитерированный вариант: «ARABESQUE (арабэск, *франц.*, букв. арабский)» [3, с. 13]. В словаре Н. А. Александровой транслитерированный термин из раздела «Русские слова и термины» отсылает к словарной статье в разделе «Иностранные слова и термины», в которой заголовочная единица приведена на языке-источнике: «АРАБЕСК — см. Arabesque», «ARABESQUE, арабеск (*франц.*, букв. арабский)» [1, с. 14, 536]. В словаре Г. Гранта «Практический курс классического балета», переведенном на русский язык Е. Б. Малаховской и Н. А. Вихревой, заголовочная единица представлена также на французском языке: «Arabesque (арабеск)» [2, с. 35].

Терминосистема классического танца пересекается с музыкальной и театральной терминосистемами, поэтому термины балета зачастую входят в словари музыкальной (реже — театральной) терминологии. Рассмотрим в качестве примера представление в словарях термина *адажио*. Он является многозначным, что зафиксировано, например, в энциклопедии под редакцией Юрия Григоровича, где приводятся четыре значения, непосредственно связанные с балетным искусством: «1) медленный темп;

2) танцевальная композиция лирического характера, которая вводится в балетные спектакли и в хореографические миниатюры как дуэт с использованием поддержек; 3) основная часть сложных классических танцевальных форм (*pas de deux*, *grand pas*, *pas d'action* и др.), исполняемая в медленном темпе; 4) комплекс движений в *exercice*, основанный на различных формах *relevés* и *développés*» [3, с. 13].

В «Словаре музыкальных терминов» Ю. Юцевича приводятся три значения, и только одно относится к балету: «**Адажио** (*ит.* *adagio* — медленно, спокойно) — 1. Медленный темп. 2. Часть произведения (симфонии, концерта, сонаты, квартета), написанная в медленном темпе и носящая характер глубокого раздумья. 3. Медленный лирический танец в классическом балете» [14, с. 1].

В отличие от упомянутых выше словарей, в «Словаре иностранных музыкальных терминов» Т. С. Крунтяевой и Н. В. Молоковой представлен только буквальный перевод термина и одно значение: «**adagio** (*ит.* *адáджо*; *традиц. произн.* *адáджио*) — медленно, спокойно» [7, с. 7]. Очевидно, здесь зафиксированы только самые общие семантические компоненты, которые входят в семную структуру всех лексико-семантических вариантов слова *адажио*.

Балет — это искусство танца, движения, семантика его терминов связана с перемещением в пространстве. В составе терминосистемы балета выделяются семантические группы, в которые термины объединены общим «родовым» понятием: группа приседаний (*plie*), группа батманов (*tendu, jete, frappe, fondu*), группа вращений (*pirouette, tour, fouette*), группа *rond de jambes* (*par terre, an l'air*), группа положений корпуса (*attitude, arabesque*) и т. д. Кроме того, большую группу составляют термины, определяющие направление движения: *en face* (напротив), *en dedans* (внутри), *en arriere* (назад), *en tournant* (в повороте), *en dehors* (наружу), *dessus-dessous* (сверху-снизу), *en l'air* (в воздухе), *par terre* (на земле), *emboite* (от *emboiter le pas* — идти следом). Балетные термины различаются и по своей структуре. Существуют как однословные термины, так и термины-словосочетания. В большинстве случаев неоднословные термины, связанные с пространственными перемещениями, обозначают конкретное движение из некоторой группы однородных движений. Например, в группе вращений термин *tour en l'air* определяется следующим образом: «исполняется в основном в мужском танце. Представляет собой *grand changement de pied* (то есть прыжок на месте из пятой позиции

в пятую с переменной ног в воздухе) с поворотом. Исполняется и с двумя поворотами. Может заканчиваться в пятую позицию, в различные позы [3, с. 521].

Как отмечалось выше, не существует общепризнанного словаря балетных терминов. Зачастую терминология балета представлена на специальных онлайн-ресурсах [см., например: 12; 13]. К достоинствам таких словарей следует отнести точность определений терминов, так как они, как правило, создаются и редактируются специалистами в области балета. Однако, созданные без участия лингвистов-лексикографов, такие словари имеют целый ряд недостатков.

Во-первых, сам объем описываемого материала различен в разных источниках. Например, на сайте «Терминология в балете» представлено 96 терминов [13], а в «Словаре балетных терминов» — 193 [12]. Во-вторых, нет единой модели описания терминов даже в рамках одного словаря. Например, для термина *эпольман* приводится транскрипция, для термина *этюд* транскрипция уже не представлена, в дефиниции термина *экзерсис* употребляются другие нетранслитерированные термины [Там же]. В-третьих, не приводятся примеры употребления терминологических единиц.

Целевая аудитория подобных словарей является достаточно узкой и включает любителей балета и профессионалов в этой сфере, которые и так обладают необходимыми специальными знаниями. Вероятно, по этой причине авторы-составители не считают обязательными разработку единой модели описания лексики и строгое следование этой модели. Кроме того, поиск интернет-словарей, содержащих балетную терминологию, в свободном доступе затруднен.

Перечисленные выше причины (отсутствие общепризнанного словаря терминов балета, сложность терминосистемы балета, особая семантика терминологических единиц и недостаточная освоенность значительного числа терминов) делают актуальным создание словаря балетной терминологии, который будет совмещать признаки толкового, терминологического и идеографического словарей. Кроме того, представляется необходимым привлечение фото- и видеоматериалов. Это обусловлено особенностями семантики балетных терминов, называющих позы и движения классического танца. На наш взгляд, адекватное представление значения подобных терминов возможно только с опорой на визуальный контент.

На сегодняшний день словник нашего словаря включает около 200 терминологических единиц. Источниками материала послужили терминологические словари смежных областей искусства, энциклопедические словари, учебные пособия по классическому танцу.

Макроструктура словаря представляет собой совокупность восьми тематических групп:

- 1) человек в балете: *кордебалет, этуаль* и др.,
- 2) структура урока классического танца: *аллегро, экзерсис* и др.,
- 3) балетные позы: *арабеск, эфасе* и др.,
- 4) движения балетного танца: *шассе, релеве* и др.,
- 5) танцевальные формы: *па де де, па де труа* и др.,
- 6) балетный спектакль и его части: *дивертисмент, антре* и др.,
- 7) одежда и атрибуты артиста балета: *пачка, станок* и др.,
- 8) техника исполнения движений: *дессю-дессу, демы* и др.

Внутри тематических групп термины расположены в алфавитном порядке.

Структура словарной статьи в целом соответствует традиционной, принятой в толковых словарях. Она включает следующие зоны:

1. *Заголовочная единица*. Заголовочными единицами выступают слова и словосочетания в исходной форме. Как правило, это имена существительные и именные словосочетания. Отметим также, что в балетной терминологии довольно много терминов-названий, обозначающих способ, характер выполнения движений. Например: *ассамблэ (assemble), па де де (pas de deux)*.

2. *Фонетическая информация*. Во всех заголовочных словах, имеющих более одного слога, проставлено ударение. При необходимости используется транскрипция. Например: *аттитюд (фр. attitude [аттитюд]); баленсуа (фр. balancière [balãswak])*.

3. *Этимологическая справка* содержит указание на язык-источник, из которого заимствован термин. Например: *эпольман (от фр. epaule — плечо); револьтад (от ит. rivoltare — переворачивать)*.

4. *Толкование*. Объем толкования лексического значения в толковом идеографическом словаре терминов значительно превышает объем толкования лексического значения в традиционных словарях, что связано с необходимостью как можно полнее отразить набор семантических признаков терминов одной группы. Тип дефиниций — описательный. Например: *Экзерсис — первая часть урока классического танца — упражнения у станка и на середине*

зала, вырабатывающие профессиональные качества, необходимые для выполнения танцевальной техники: выворотность и силу мышц ног, правильную постановку корпуса, рук и головы, устойчивость, координацию движений. Из элементарных движений, составляющих экзерсис, слагаются разнообразные формы классического танца.

5. *Иллюстрация.* Иллюстративный материал словаря представляет собой контексты, содержащие словоупотребления описываемых терминов. В качестве источника мы использовали преимущественно Национальный корпус русского языка. Для терминов, редко употребляемых в письменной речи и не представленных в НКРЯ, использовались материалы СМИ и различных интернет-форумов, посвященных балетной тематике. Например: **Пуанты** (от франц. *pointe* — острие, кончик). Обувь, которая используется при исполнении женского классического танца. Пуанты имеют твердый носок, изготавливаются из атласа телесного цвета и закрепляются на стопе резинками и лентами. *Юные свердловчане обратились к Деду Морозу с необычными пожеланиями: в 2022 году дети решили попросить у зимнего волшебника гусли, пуанты, костюм ОМОНа, оружие и детектор лжи* [4]. **Арабеск** (от ит. *arabesco* — арабский). Поза классического танца, при которой нога отводится назад «носком в пол», на 45°, 60° или на 90°, положение торса, рук и головы зависит от формы арабеска. *Он даже мог свободно ходить на носках, задирать ноги выше головы, становиться на арабеск* [11].

6. *Визуальный контент.* В качестве дополнения к иллюстративному речевому материалу в словарь включены рисунки и фото-и/или видеоматериалы, которые визуализируют представленное толкование. Словарь с подобным мультимедийным компонентом будет более востребованным и удобным для использования.

Важно уточнить, что дополнение словарных статей визуальным компонентом предусмотрено не для всех терминов и тематических групп. К таким терминам относятся слова, отражающие характер, темп выполнения движений, а также термины, называющие части урока классического танца. Например, для термина *глиссад* визуализация необходима, так как он относится к тематической группе танцевальных движений. Термин *аллегро*, обозначающий быстрый оживленный музыкальный темп, с трудом поддается визуализации, так как с его помощью передается темп исполнения движений.

Приведем пример словарной статьи.

Гран (от фр. *grand* — большой) — термин, выражающий максимальную амплитуду и интенсивность движения. Например, гран батман жете — бросок ноги на максимально возможную высоту (на 90° и выше). [Елена Алексеевна (жен., преподаватель хореографии)] *Арабеск, акарте назад, гран батман жете и — плие* [А. М. Володин. Дочки-матери (1974)].

Для приведенной словарной статьи визуальный компонент не предусмотрен, так как термин применяется для обозначения характера движения и в основном используется в сочетании с другими терминами для уточнения характера движения.

* * *

Мультимедийный словарь балетных терминов может быть интересен и полезен не только специалистам, но и представителям СМИ, переводчикам, преподавателям и учащимся хореографических училищ, а также всем, кто интересуется балетом.

Мы предполагаем, что словарь будет размещен в открытом доступе в виде лонгрида или в форме интерактивного интернет-портала с возможностью для пользователей редактировать загруженные словарные статьи.

-
1. *Александрова Н. А.* Балет. Танец. Хореография : краткий словарь танцевальных терминов и понятий. 2-е изд. СПб., 2011. 624 с.
 2. *Г. Грант.* Практический словарь классического балета / пер. с англ. Е. Б. Малаховской, Н. А. Вихревой. М., 2009. 134 с.
 3. *Григорович Ю. Н.* Балет : энциклопедия. М., 1981. 623 с.
 4. Как стать примой-балериной // РИА Ura.ru : [сайт]. URL: <https://ura.news/specials/dreams/articles/1036281362> (дата обращения: 15.10.2023).
 5. *Калинина М. А.* Структурно-семантическая организация хореографической терминологии в русском языке (на материале галлицизмов и франкоязычных варваризмов) // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2018. № 2. С. 38–42.
 6. *Косырева М. С., Богословская В. Р., Долженко А. Н.* Критерии освоенности иноязычной лексики // Власть истории — История власти. 2023. № 43. С. 68–76.
 7. *Крунтяева Т., Молокова Н.* Словарь иностранных музыкальных терминов. 7-е изд. Л., 1988. 134 с.
 8. *Крюкова П. С.* Французская балетная терминология: лингвокультурологические особенности // Scripta Manent. 2022. № 28. С. 65–73.
 9. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. 1535 с.
 10. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М., 2007. 254 с.

11. НКРЯ.
12. Словарь балетных терминов // Desiré — Baletní škola mistra Jána Nemce — Lekce pro děti i dospělé : [сайт]. URL: <https://www.baletniskola.cz/ru/словарь-балетных-терминов/> (дата обращения: 15.10.2023).
13. Терминология в балете // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Терминология_в_балете (дата обращения: 15.10.2023).
14. Юцевич Ю. Словарь музыкальных терминов. 3-е изд. Киев, 1988. 261 с.

3.4. Немецко-русский словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов как новый тип идеографического словаря

Известный российский лексикограф В. Д. Девкин в изданном в 2005 г. труде «Немецкая лексикография» отмечал, что за пределами словарей остается еще очень многое [4, с. 20]. В разделе «О неродившихся словарях немецкого и русского языков» ученый писал о том, «что резервы расширения типов словарей далеко не исчерпаны» [Там же, с. 558]. И далее: «Если уже “феминистский” аспект (учет “женских” параллелей разных номинаций) имеет под собой какую-то почву, то это следовало бы отразить в специально посвященном этому словаре... Гендерные словари ждут своего часа» [Там же, с. 566]. Однако мы вынуждены констатировать, что на настоящий момент существуют только словари гендерных терминов. Поэтому час словарей гендерной лексики, несомненно, пробил.

Особенно это актуально для немецкого языка, в котором произошли значительные изменения в лексикографическом отображении в языке женщин, и эти изменения были зафиксированы в толковых словарях. В настоящее время немецкий язык располагает для обозначения человека гендерно инклюзивными лексическими единицами, которые представлены симметричными, параллельными наименованиями мужчины и женщины [8, т. 20; 9], изначально маскулинными («мужскими») и производными от них мовированными фемининными («женскими») номинациями, например: *Politiker, der* ‘политик-мужчина’ — *Politikerin, die* ‘политик-женщина’. Феминитивы образуют отдельные словарные статьи в толковых словарях современного немецкого языка и следуют непосредственно за лексемами, обозначающими мужчин.

Наибольший интерес для лексикографирования представляют собой фразеологические наименования лица, которые в толковых и фразеологических словарях традиционно включаются в словарные статьи их ключевых компонентов в качестве заголовочных слов. При этом в современном немецком языке по-прежнему доминируют фразеологизмы, обозначающие мужчин. Многие из них либо не имеют фемининных вариантов, либо такие варианты не кодифицированы, а встречаются в речи как окказиональные образования. Трендом современного немецкого языка является, однако, симметрирование фразеологизмов, обозначающих мужчин и женщин, например: *ein Mann von Welt / eine Frau von Welt* ‘светский мужчина, светский лев’ — ‘светская женщина, светская львица’ (субстантивная идиома). Помимо этого, симметрия создается также среди вербальных и адвербиальных фразеологизмов, например, *seinen Mann / ihre Frau stehen* ‘уметь постоять за себя’ (глагольная идиома), а также устойчивых выражений, например: *Selbst ist der Mann / die Frau!* ‘Мужчина/женщина должен/должна знать, как помочь себе самому/самой’.

Таким образом, для немецкого языка актуален идеографический словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов, который позволит наглядно представить гендерную симметрию в языке. Например, фразеологизмы *ein Mann von Welt* и *eine Frau von Welt*, которые находятся в словарных статьях заголовочных слов *Mann* и *Frau*, могут быть представлены в одной словарной статье как варианты одного фразеологизма. Благодаря их симметричной форме становится очевидным, что фразеологизм *ein Mann von Welt* имеет более узкое значение ‘светский мужчина’, а не ‘светский человек’, как он переводится в немецко-русских словарях. Кроме того, идеографический фразеологический словарь, репрезентирующий гендерно значимые фразеологизмы современного немецкого языка и их корректный с точки зрения гендерной принадлежности перевод на русский язык, основные идеи реализации которого мы хотели бы затронуть в данной главе, поможет отразить все проблемы гендерных межъязыковых (не)соответствий.

Актуальность данного исследования, следовательно, обусловлена необходимостью создания немецко-русского гендерного словаря нового типа, в котором учитываются новые фразеологические единицы, получающие широкое распространение в современном немецком языке в соответствии с проводимой языковой политикой, толерантной по отношению к многообразию гендерных идентичностей общества. Данный словарь должен восполнить лакуну

в учебной лексикографии, его предназначение — использование студентами, изучающими немецкий язык как иностранный в вузах на факультетах иностранных языков.

Для разработки концепции немецко-русского словаря гендерно инклюзивных фразеологизмов идеографического типа нами были решены следующие задачи:

— дан краткий лексикографический анализ словарей идеографического типа немецкого языка;

— изучены гендерно инклюзивные фразеологизмы современного немецкого языка, являющиеся объектом данного исследования;

— осуществлена систематизация гендерно инклюзивных фразеологизмов современного немецкого языка;

— произведена попытка представить данные фразеологизмы в словаре идеографического типа посредством описания состава отраженных в словарных статьях лексических значений в немецком языке и их перевода на русский язык.

*Словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов
как новый тип идеографического словаря*

Идеографические словари, называемые также тезаурусами, относятся к лингвистическим словарям, представляющим лексику в виде близких по смыслу групп слов. В идеографических словарях, относящихся к тематическим словарям, лексические единицы систематизируются по определенным темам на основе общности обозначаемых ими явлений действительности. В настоящее время особую значимость, по мнению Л. Г. Бабенко, приобретает лексикография, нацеленная на описание культурно значимых концептуально-идеографических полей в структуре языковой картины мира [1, с. 301]. Как отмечает А. Л. Шарандин, «в свете антропоцентрического подхода к описанию языка взаимосвязь отражения языковой картины мира и лексикографии становится одной из центральных проблем в осмыслении концептуализации и категоризации мира в языке» [10, с. 14].

Основным идеографическим словарем немецкого языка является словарь Ф. Дорнзайффа “Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen” (первое издание — 1933–1934 гг.) [11]. Во втором разделе словаря содержится лексика, объединяемая ключевыми словами *Mensch* ‘человек’ (2.13), *Mann* ‘мужчина’ (2.14), *Weib*

‘женщина’ (2.15). Представленные словом *Mann* фразеологизмы *Herr der Schöpfung*, шутл. ‘хозяин вселенной’, *das starke Geschlecht* ‘сильный пол’ и словом *Weib* — *die Krone der Schöpfung* ‘венец творения’, *das schöne, schwache, zarte Gesschlecht* ‘прекрасный, слабый пол’, *die holde Weiblichkeit* шутл. ‘женский пол’, демонстрируют смысловую противопоставленность по признаку пола.

Идеографическим словарем феминизма в немецком языке является словарь, впервые изданный в 1985 г., который называется *Das Weiberlexikon*, в переводе на русский язык — «Женский лексикон» [13]. Этот словарь снабжен иллюстративным материалом и может использоваться и как книга для чтения.

70 авторов объединили в словаре свои знания обо всем, что интересует эмансипированных женщин на тему их жизни в прошлом и настоящем. Решающим фактором при выборе ключевых слов было то, что они отражают важные для жизни женщин новые понятия, которые не объяснены в традиционных лексиконах или объяснены, но не с женской точки зрения, например, *Femalismus* ‘фемализм’, *Womanismus* ‘вуменизм’.

Одним из результатов реализации гендерно корректного немецкого языка в современных немецкоязычных странах стало создание фемининных вариантов к фразеологизмам, обозначающим человека: большинство современных фразеологических номинаций лица имеют гендерно инклюзивную форму — два варианта, обозначающие дифференцированно мужчину и женщину. Немецко-русский словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов будет первым идеографическим словарем, включающим гендерно значимую лексику [3; 6], а именно устойчивые словосочетания и выражения, репрезентирующие понятия «мужчина» и «женщина». Номинации лица, то есть обозначения лиц мужского и женского пола, составляют основу гендерно значимой фразеологической лексики. Репрезентация гендерно инклюзивных фразеологизмов в немецко-русском словаре позволит более полно определить культурное своеобразие фразеологических номинаций мужчины и женщины в немецком и русском языках, а также расширить наши знания о культурных концептах МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в немецкой и русской языковых картинах мира.

Фразеологический электронный словарь немецкого языка *Redensarten Index. Lexikon für Redewendungen* [14], в котором фразеологизмы с компонентами *Mann* и *Frau* впервые фиксируются симметрично как варианты одного фразеологизма посредством косой черты, мы рассматриваем в качестве примера для разрабатываемого

нами словаря гендерно инклюзивных фразеологизмов. Ниже приводится скриншот из служащего образцом словаря (рис. 3).

Авторы этого словаря рассматривают значение фразеологизмов (*Bedeutung*), приводят примеры употребления (*Beispiele*); словарные статьи дополняются этимологическими сведениями. Таким образом, данный фразеологический словарь показывает актуальные инновационные изменения в немецкой лексикографии, направленные на реализацию гендерного равноправия в языковой политике Германии, одними из основных тенденций развития которой в отношении гендера являются закрепление грамматического мужского рода за естественным полом и явно выраженная феминизация словарей.

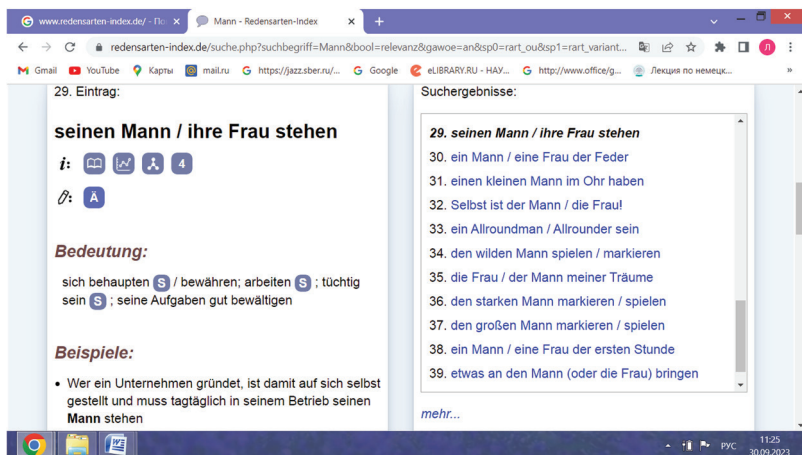

Рис 3. Симметрия фразеологизмов немецкого языка [14]

Так, со стержневым словом *Mann* в словаре зафиксировано 50 фразеологизмов. Из них 13 фразеологизмов имеют гендерно инклюзивные формы, например:

— субстантивные идиомы (6) *ein Mann / eine Frau der Tat* ‘мужчина действия (дела)’ / ‘женщина действия (дела)’; *eine Frau / ein Mann von Welt* ‘светский мужчина’ / ‘светская женщина’; *ein Mann / eine Frau der Feder* ‘писатель’ / ‘писательница’, ‘журналист’ / ‘журналистка’; *die Frau / der Mann meiner Träume* ‘женщина/мужчина моей мечты’; *ein Mann / eine Frau der ersten Stunde* ‘тот/та, кто с самого начала был/была важен/важна для какого-либо дела’; досл. ‘мужчина/женщина первого часа’; *die Dame / die Frau / der Mann seines / ihres Herzens* ‘дама/женщина/мужчина ее/его сердца’;

— глагольные идиомы (5) *seinen Mann / ihre Frau stehen* ‘уметь постоять за себя’; *etwas an den Mann (oder die Frau) bringen* ‘продать что-то’ / ‘продать что-то женщине’; *der Mann / die Frau fürs Grobe sein* ‘вести себя бесцеремонно’; *jemandem die Freundin / den Freund / den Mann / die Frau ausspannen* ‘увести у кого-л. подругу/друга, мужа/жену’; *ein gestandener... (Mann) / eine gestandene... (Frau) sein* ‘быть взрослой/взрослым’;

— фразеологические выражения (2) *Selbst ist der Mann / die Frau!* ‘Мужчина/женщина должен/должна знать, как помочь себе самому/самой’; *Ein alter Mann / Eine alte Frau ist doch kein D-Zug!* ‘Пожилый мужчина / пожилая женщина — не скоростной поезд’ [14].

В словарной статье со стержневым словом *Frau* приводятся, соответственно, те же фразеологизмы. Тем самым словарь *Redensarten Index. Lexikon für Redewendungen* тяготеет к идеографическому типу словарей, в которых статьи упорядочены по смыслу (лексическому значению заголовочного слова). Очевидна значимость словаря как лексикографического издания, помогающего осмыслить культурные концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в немецкой языковой картине мира.

В рамках объективной оценки инновации данного словаря можно отметить, что, в отличие от словаря *Redensarten Index. Lexikon für Redewendungen*, редакция толкового словаря современного немецкого языка *Duden Online* [12] проявляет особое рвение к реализации гендерного равноправия в лексикографии, дополняя адвербиальную идиому *von Mann zu Mann* ‘между мужчинами и при этом конфиденциально, по-деловому’, ‘серьезно, открыто, честно’ (*Redensarten*) симметричной фемининной формой *von Frau zu Frau* ‘между женщинами’; глагольную идиому *der Mann sein, etwas zu tun* ‘быть тем, кто делает что-то’ — феминитивом *die Frau sein, etwas zu tun* ‘быть той женщиной, которая делает что-то’. Этот факт отнюдь не умаляет заслуги авторов словаря *Redensarten Index. Lexikon für Redewendungen*, предложивших новую семантизацию гендерно маркированных фразеологизмов посредством гендерно инклюзивных форм.

Таким образом, словарь фразеологизмов *Redensarten Index. Lexikon für Redewendungen*, бесспорно, вносит весомый вклад в лексикографическую практику, предлагая своим пользователям инновационный метод представления гендерно значимых фразеологизмов в виде гендерно инклюзивных вариантов.

*Проект немецко-русского словаря
гендерно инклюзивных фразеологизмов*

Основой разрабатываемого немецко-русского словаря гендерно инклюзивных фразеологизмов может служить приложение к монографии «Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера» [9]. Однако данное приложение, которое носит название «Словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов», ограничивается только дефинициями фразеологизмов и нуждается в доработке.

Макроструктура словаря. Фразеологизмы будут представлены в этом словаре не в алфавитном порядке, а в зависимости от их семантико-структурных характеристик. В отдельные группы объединяются идиоматичные словосочетания и устойчивые фразы, включающие афоризмы и пословицы и имеющие форму предложения. Самая значимая группа фразеологизмов — фразеологические номинации лица, обозначающие мужчин и женщин. Эта группа самая обширная, ее леммами являются симметричные стержневые слова как основные компоненты фразеологизмов *Mann/Frau (Dame)* ‘мужчина/женщина’, *Vater/Mutter* ‘отец/мать’, *Sohn/Tochter* ‘сын/дочь’, *Bruder/Schwester* ‘брат/сестра’, *Junge/Mädchen* ‘мальчик/девочка’, *Lady/Gentleman* ‘леди/джентльмен’.

Группы гендерно инклюзивных фразеологизмов:

— Субстантивные идиомы (частичные идиомы), номинации лица с антропометрическими лексемами:

Mann/Frau (Dame)

ein Mann von Welt ‘кто-то, кто обладает навыками [социально-го] поведения’; ‘светский мужчина’; *eine Frau von Welt* ‘женщина, которая умеет правильно обходиться с людьми’; ‘светская женщина’, ‘светская дама’, ‘женщина, часто появляющаяся в обществе на публичных мероприятиях’;

Vater/Mutter

der geistige Vater ‘мужчина, придумавший что-л., субъект интеллектуальной собственности’; *die geistige Mutter* ‘женщина, придумавшая что-л., субъект интеллектуальной собственности’;

Sohn/Tochter

eine Tochter Evas ‘девушка, женщина’; *ein Sohn Evas/Adams* ‘мужчина’;

Bruder/Schwester

Bruder Lustig/Leichtfuß ‘веселый, жизнерадостный человек’; *Schwester Lustig/Leichtfuß* ‘женщина-хохотушка’, ‘веселая женщина’;

Junge/Mädchen

Mädchen für alles ‘лицо женского пола, выполняющее любую возникающую работу’; *Junge für alles* ‘лицо мужского пола, выполняющее любую возникающую работу’;

Lady/Gentleman (Husband)

First Lady ‘первая леди’, ‘жена/женщина главы государства’; *First Gentleman/Husband* ‘первый джентльмен’, ‘партнер, супруг главы государства’; *eiserne Lady* ‘железная леди’; *eiserner Gentleman* — ‘железный джентльмен’; (немецкий вариант: *eiserne Kanzlerin* — *eiserner Kanzler* ‘железная/железный канцлер’, в современном дискурсе российских СМИ — *железная канцлерин / железный канцлер*).

— Субстантивные идиомы (частичные идиомы), номинации лица с антропонимами:

Otto Normalverbraucher ‘средний потребитель’; *Ottilie Normalverbraucherin* ‘средняя потребительница’;

ein dummer August, ein dummer Jan, ein dummer/alberner Peter, ein alberner Fritz, ein blöder Heini ‘глупый мужчина’; *eine dumme/blöde/doofe/alberne Liese, eine dumme/blöde/alberne Trine, eine dumme Griete (Grete), eine dumme Suse* ‘глупая женщина’.

— Субстантивные частичные идиомы, номинации лица с анимализмами:

ein dummer/blöder Esel, ein dummer/blöder Ochse, ein dummer Hammel, ein blöder Affe — ‘глупый мужчина’ / *eine dumme/blöde Kuh, eine dumme/blöde Ziege, eine dumme Pute, eine dumme Gans, ein dummes/albernes Huhn* — ‘глупая женщина’.

Кроме фразеологических номинаций лица, являющихся субстантивными идиомами, в словнике будут представлены вербальные и адвербиальные идиомы, а также пропозициональные, или устойчивые выражения (фразеологизмы со структурой предложения).

— Вербальные идиомы:

etw. an den Mann bringen разг. 1) ‘продать что-л.’; 2) ‘донести идею разговора до собеседника’; *etw. an die Frau bringen* ‘продать что-то женщине’; ‘донести что-то в разговоре до женщины’; ‘распространить что-то среди женщин’.

— Адвербиальные идиомы:

von Mann zu Mann ‘между мужчинами и при этом конфиденциально, по-деловому’ — *von Frau zu Frau* ‘между женщинами’.

— Пропозициональные выражения:

Du bist mir ein schöner Freund! ‘Хороший же ты друг!’, досл. ‘Ты разочаровал меня как друг!’; *Du bist mir eine schöne Freundin!*

‘Хорошая же ты подруга!’; *досл.* ‘Ты разочаровала меня как подруга!’.

Словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов будет включать «живые» фразеологические единицы по аналогии со словарем «живых» идиом Д. О. Добровольского [5]. Кроме того, фразеологизмы будут сопровождаться иллюстративным материалом из современной прессы. Многие фразеологизмы являются равнозначными кодифицированными вариантами. Но поскольку не все фемининные варианты фразеологизмов кодифицированы современными словарями, будет дан комментарий, объясняющий их употребление в современном толерантном дискурсе. Например, фразеологическое выражение *Der kluge Mann baut vor* *досл.* ‘умный все предусмотрит’ кодифицировано, а *Die kluge Frau baut vor* ‘умная женщина все предусмотрит’ — нет. В таких случаях будет использоваться дискурсивная помета *неузуально*. Особую важность будут иметь словарные стилистические пометы, которые отражают сферы использования прежде всего новых феминитивов, употребляющихся часто иронично и шутливо.

Окказиональные номинации, созданные непосредственно в процессе коммуникации, часто создают смысловую псевдосимметрию. Например, номинация *die verlorene Tochter* ‘блудная дочь’ имеет значение ‘распутная женщина’, в то время как ее мужской вариант *der verlorene Sohn* ‘блудный сын’ используется в значении ‘человек, раскаявшийся в своих заблуждениях’. Окказиональная номинация выступает двуплановой речевой единицей, носителем иного денотативного содержания, выполняя определенную прагматическую функцию. Такие примеры будут сопровождаться комментарием, указывающим на случай псевдосимметрии.

Включение в словарь псевдосимметричных внутриязыковых словосочетаний позволит повысить значимость словаря как лексикографического справочника для изучающих немецкий язык. Например, фразеологизм *der schwarze / Schwarze Mann* в немецком языке имеет значение ‘мифическая фигура, которой пугают маленьких детей’. Это название традиционной немецкой детской игры, в переводе на русский язык — ‘черный человек’. Фемининный аналог *die schwarze Frau* является свободным словосочетанием и употребляется в прямом значении ‘темнокожая женщина’.

Важное значение для словаря будет иметь лингвокультурологическая информация. Так, номинация *Bruder Lustig* ‘весельчак’ в немецком языке отсылает к сказке братьев Гримм с названием

«Брат-весельчак», что следует прокомментировать в словарной статье. Феминитив *Schwester Lustig* ‘веселушка’ создан по аналогии.

Важно сделать акцент на межъязыковых несоответствиях, так как некоторые фразеологизмы демонстрируют межъязыковую псевдосимметрию, обусловленную культурными различиями. Для фразеологической номинации *Ehemann für eine Stunde* ‘муж на час’ в немецком языке фемининный вариант *Ehefrau für eine Stunde* ‘жена на час’ не является гендерным эквивалентом, так как употребляется в значении, связанном с предоставлением услуг сексуального характера. В русском языке, напротив, создана симметрия: *муж на час* — это проходящий мужчина, выполняющий мужскую домашнюю работу (мелкий ремонт). Новый феминитив русского языка *жена на час* симметричен в смысловом плане: его значение — ‘домработница, женщина, которая приводит в порядок жилище в комфортные для заказчика часы; повар, психолог; просто домработница, правда, с более широким спектром услуг — уборка, готовка, стирка, глажка’.

Основная часть словаря, в которой будут даны гендерно инклюзивные фразеологизмы немецкого языка с лексикографической обработкой, будет дополнена второй частью, в которую войдут безэквивалентные фразеологизмы русского языка. В каждом языке представлены фразеологические номинации лица, отражающие национальную культуру и представляющие собой прецедентные феномены. Они относятся к лингвокультурным единицам, принимающим на себя функцию знака культуры [7]. Не имеют соответствий в немецком языке фразеологические номинации русского языка *посажённый отец* — *посажённая мать*, которые связаны с ролями, распределяемыми между гостями на свадьбе у восточных славян. Фразеологическая номинация лица *вольный казак / вольная казачка* (свободный, не зависящий ни от кого человек) в русском языке связана с историей России. На Руси так называли вольных людей, которые уехали и селились на окраинах русского государства. Помимо культурной коннотации, фразеологизм содержит экспрессивную окраску, употребляясь часто шуточно. При переводе на немецкий язык теряется культурная составляющая номинации.

Далее рассмотрим микроструктуру словаря.

Строение и состав словарной статьи. Чтобы показать отличия нашего словаря от словарей, в которых фразеологизмы располагаются в алфавитном порядке, рассмотрим фрагмент

Немецко-русского фразеологического словаря Л. Э. Биновича и Н. Н. Гришина со стержневым словом Mann ‘мужчина’:

M a n n

Mann der Form человек, соблюдающий внешние приличия

Sowenig er sich aus ihr machte, so war er doch zu sehr Mann der Form und einer feineren Gastlichkeit, als daß er's zuwege gebracht hätte, seinerseits auf Abreise zu dringen (*Th. Fontane, "Der Stechlin"*).
 Как бы мало она для него ни значила, он был слишком воспитанным и гостеприимным человеком, чтобы добиваться ее незамедлительного отъезда.

ein Mann des Tages герой дня

ein Mann der Tat человек дела

ein Mann des Todes человек, обреченный на смерть

...ich bin ein Mann des Tods, wenn sie mich greifen (F. Schiller, "Wilhelm Tell").
 ...и если меня схватят, я погиб.

(ein) **Mann bei der Spritze** а) деятельный, инициативный человек;

б) руководящая фигура; человек с большим весом.

der Mann im Monde шутил. счастливчик [2, с. 501].

Основным принципом, на котором базируется структура разрабатываемого немецко-русского словаря, является понятие «гендерная инклюзия», то есть гендерная симметрия фразеологизмов. Стержневыми словами являются слова со значениями ‘мужчина’ и ‘женщина’: *Mann/Frau, Vater/Mutter, Sohn/Tochter, Bruder/Schwester* и др. (см. пример из основной части словаря ниже).

Основная часть. Гендерно инклюзивные фразеологизмы немецкого языка

M a n n / F r a u

ein Mann der Tat

человек (мужчина) дела

Leibniz war aber nicht nur ein Mann des Wissens. Er war auch ein Mann der Tat, einer, der versuchte, seine theoretischen Einsichten in praktische Resultate umzusetzen [12] — Но Лейбниц был не просто человеком знания. Он также был человеком действия, стремившимся воплотить свои теоретические идеи в практические результаты.

eine Frau der Tat

женщина дела

Ilse Hammer war immer eine Frau der Tat: Sie hat durch ihre Tätigkeit seit 1980 an den BBS Rohrbach die Schule wesentlich mitgeprägt. Sie war Impulsgeberin und Gestalterin mit Gespür für das Machbare [14] — Ильзе Хаммер была всегда «женщиной действия»: благодаря своей работе с 1980 года в профессиональном училище в Рорбахе она оказала значительное влияние на развитие этого учебного заведения. Она была его движущей силой, она понимала, что можно было реализовать.

der (erste) Mann an der Spritze

а) деятельный, инициативный человек (мужчина); б) руководящая фигура; человек с большим весом

Er ist hier der (erste) Mann an der Spritze [12] — *Он важная птица.*

die (erste) Frau an der Spritze

а) деятельная, инициативная женщина; б) руководящая фигура; женщина с большим весом

Eine Frau an der Spritze. Immenbecker Ortswehr befördert Nina Spielmann zur Hauptfeuerwehrfrau [14] — *Важная птица. Пожарная служба Имменбекера назначает Нину Шпильман на должность главного пожарного.*

Далее приведем пример из дополнительной части словаря.

Дополнительная часть. Безэквивалентные фразеологизмы русского языка

Рязанская баба

урон. женщина, не блещущая интеллектом, слишком ярко и вычурно одевающаяся, громко разговаривающая, крикливая, неловкая, рассеянная или глупая, но и редкая хозяйшка, сплетница-хохотушка.

Женщины из Рязани приезжали в Москву торговать; чтобы распродать товар побыстрее привлекали к себе покупателей громким криком и одевались поярче.

нем. досл. Frau aus Rjasan; перен. eine Frau, die Aufmerksamkeit erregt (eine Frau, die nicht vor Intelligenz strahlt, sich zu bunt und protzig kleidet, laut redet, unbeholfen, geistesabwesend oder dumm ist, aber auch eine außergewöhnliche Hausfrau, eine Klatschschalerin)

Рязанский косопуз

Рязанский мужик, который предстает в образе мужика с чуть косым пузом. За пояс заткнут топор, отсюда и перекошенное, или «косое» пузо. Но *рязанский косопуз* — номинация с исключительно положительными коннотациями: у мужчин Рязанской земли золотые руки и умелый подход к обращению с деревьями знаменитой Мещёры.

Ср. (*простой*) *рязанский парень* — С. Есенин; «*Песня рязанского мужика*» (В. Маяковский);

нем. досл. Mann aus Rjasan Mann aus Rjasan, der einen schiefen Bauch hat, weil in seinem Gürtel eine Axt steckt. Aber das ist eine Bezeichnung mit positiver Konnotation: Die Männer der Region Rjasan haben goldene Hände und einen geschickten Umgang mit den Bäumen.

Основное место в словаре будет отведено определению значения гендерно инклюзивных фразеологизмов, так как анализ словарных дефиниций является одним из основных методов изучения лексики, позволяющим увидеть те знания, которые формируются в сознании носителей языка и получают статическое осмысление отражаемой действительности в словаре. В дефиниции фразеологизму будет дана развернутая семантическая характеристика.

Функционально-стилистическая и экспрессивная характеристика фразеологизма в словарной статье будет представлена через систему помет, информирующих об особенностях употребления фразеологизмов. После зоны толкования курсивом будут приведены иллюстрации, свидетельствующие о факте употребления фразеологизма, дополненные при необходимости экстралингвистической информацией о нем. Каждая словарная статья будет содержать информацию, необходимую и достаточную для лингвокультурологического словаря-справочника.

* * *

В связи с повышенным вниманием в современном мире к вопросам гендера словари гендерно значимой лексики приобретают особую значимость для лексикографии. Активно происходит явно выраженная феминизация словарей, то есть включение в них новых феминитивов.

Представляемый проект немецко-русского словаря гендерно инклюзивных фразеологизмов является инновационным, так как речь идет о создании гендерного словаря нового типа. Научная новизна работы состоит в том, что впервые лексикографическому описанию подвергаются гендерно инклюзивные фразеологизмы немецкого языка с переводом на русский язык, что позволяет более полно определить культурное своеобразие образных номинаций, формирующих лингвокультурные концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в немецкой и русской языковых картинах мира.

Концепция данного словаря базируется на теоретических положениях современной гендерной лингвистики и идеографической лексикографии. Дефиниции фразеологизмов, стилистические и дискурсивные пометы, а также иллюстративный материал отражают изменения современной гендерной культуры немецкоязычных стран. Собранный в словаре фразеологический материал в целом репрезентативен, показателен и позволяет делать выводы относительно тенденций развития гендерно корректного немецкого языка.

Теоретическая значимость данного проекта заключается в том, что он вносит вклад в развитие идеографической лексикографии, расширяя лексикографическое описание гендерно маркированных фразеологизмов немецкого языка и способствуя выявлению новых гендерно значимых фразеологических единиц. Представленные в словаре новые фразеологизмы показывают одно из актуальных направлений пополнения фразеологического

состава современного немецкого языка. Особую ценность имеет толкование новых фемининных вариантов гендерных фразеологизмов, которые впоследствии могут стать узальными и войти в литературный язык.

Немецко-русский словарь гендерно инклюзивных фразеологизмов, безусловно, является попыткой реализовать главную цель практической лексикографии — стать основой и материалом для различного рода теоретических обобщений и наблюдений в области активно развивающейся лингвистической гендерологии. Практическая ценность словаря связана с возможностью исследования на его материале гендерных характеристик современных фразеологизмов. При этом словарь не претендует на отражение абсолютно всего актуального материала, связанного с многообразием гендерных идентичностей.

Перспективы исследования видятся в сравнении результатов осмысления мира в современной фразеологии, отраженных в разрабатываемом словаре, с результатами, зафиксированными в идеографических словарях, начиная с коммуникативной системы передачи информации пользователям от лексикографа Ф. Дорнзайффа. Это позволит увидеть эволюцию словарных дефиниций в идеографических словарях на протяжении последних ста лет. В результате появится возможность осмыслить динамический аспект в развитии отражательной функции фразеологизмов и значимость определенных концептуальных признаков в современном коммуникативном общении.

1. *Бабенко Л. Г.* Современный русский язык: языковая картина мира и идеографическая лексикография // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 301–307.

2. *Бынович Л. Э., Гришин Н. Н.* Немецко-русский фразеологический словарь. 2-е изд. М., 1975. 656 с.

3. *Васькова О. А.* Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 178 с.

4. *Девкин В. Д.* Немецкая лексикография. М., 2005. 670 с.

5. *Добровольский Д. О.* Немецко-русский словарь живых идиом. Около 1000 идиом. М., 1997. 201 с.

6. *Кирилина А. В.* Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопр. психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 12–29.

7. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Изд. 3-е. М., 2016. 456 с.

8. *Нефедова Л. А.* Гендерно инклюзивная фразеология немецкого языка: проблемы и перспективы // Русская германистика : ежег. Российского союза германистов. Германистика: контуры, доминанты, перспективы. 2023. Т. 20. С. 231–250.

9. *Нефедова Л. А.* Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера : монография. М., 2023. 232 с.

10. *Шарандин А. Л.* Лексикографическая репрезентация концептов как отражение эволюции языка и мышления // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 14–20.

11. *Dornseiff F.* Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 5. Aufl. Berlin, 1959. 1088 S.

12. Duden Online = Das große Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache DUDEN : [website]. URL: www.duden.de (accessed: 20.11.2023).

13. Das Weiberlexikon. Von Abenteurerin bis Zyklus. 5 / Hrsg. F. Hervé, R. Wurms. Aufl. Köln, 2005. 508 S.

14. Redensarten-index. Lexikon für Redewendungen : [website]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (accessed: 20.11.2023).

Глава 4

СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

4.1. ЛЕСТЬ в русских поэтических текстах: метафорические модели (на материале словарей образов)

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания предопределяет возрастание интереса ученых к метафорическому моделированию как одному из важнейших способов концептуализации действительности. Особенности восприятия мира человеком во многом обусловлены встроенным в его сознание «концептуальным каркасом» [15, с. 108], что и предопределяет значимость изучения метафорических моделей, в основе которых лежат когнитивные модели — один из приоритетных объектов внимания когнитивной лингвистики. Рассмотрение метафорических моделей дает ученым возможность разрабатывать, уточнять, дополнять и углублять научные представления о языковой картине мира того или иного народа.

В лингвистике конца XX — начала XXI в. метафорические модели подвергаются изучению в разных аспектах: с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода (М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов и др.), лингвокультурологии, изучения языковой картины мира (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, В. Н. Телия и др.), в области традиционной образности, в том числе касающейся художественной речи (Г. О. Винокур, Н. А. Кожевникова, Н. В. Павлович, Г. Н. Складаревская и др.).

ЛЕСТЬ, относящаяся к числу универсальных концептов (что подтверждается «высокой степенью [его]... культурной

разработанности» [2, с. 96]), занимающих важное место в системе слагаемых поведения человека, неоднократно становилась объектом внимания специалистов в области семантики, когнитивной лингвистики, концептологии, лингвокультурологии, языковой личности. Например, А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев рассматривают глагол *льстить* и его производные в плане их семантической эволюции [6]; Н. Ю. Гутарева анализирует дискурс лести в аспекте его понимания и интерпретации [3]; В. В. Леонтьев определяет место лести наряду с комплиментом и похвалой в структуре языковой личности [8]; Н. Н. Панченко описывает коммуникативный типаж льстеца, характеризуя образную и ценностную составляющие соответствующего концепта [13]; Чжао Сыминь рассматривает *лесть* как составляющую концептуального поля «прямота — лукавство» [17]. Материалом для исследований — в том числе сопоставительного характера — чаще всего служат пословицы, поговорки, фразеологизмы [5; 16; 17 и др.].

Цель нашего исследования заключается в характеристике метафорического воплощения *лести* в словарях поэтических образов Н. В. Павлович [12] и Н. Н. Ивановой [7]. Объект исследования — фрагменты поэтических текстов, содержащие реализации метафорических моделей со сферой источника *лесть*; предмет — метафорическое воплощение образа лести в русских поэтических текстах. Задачи работы следующие: 1) выявить в словарях образов реализации метафорических моделей со сферой цели *лесть*; 2) расклассифицировать материал по сфере источника; 3) определить и описать признаки лести в исследуемом материале; 4) рассмотреть систему метафор, характеризующих *лесть*, на примере отдельно взятого произведения; 5) сопоставить образные характеристики *лести*, отраженные в словарях русской поэзии и в общенародном языке. Для решения данных задач использованы такие методы анализа, как описательный, лексико-семантический, лингвокогнитивный, компонентный, контекстуальный.

«Словарь поэтических образов» Н. В. Павлович [12] (далее — СПО) и «Словарь языка поэзии» Н. Н. Ивановой [7] (далее — СЯП) имеют некоторые различия, касающиеся и объема текстового материала, и временных рамок, и способов представления материала. СПО, состоящий из двух томов, включает примерно 40 тыс. образов, представленных в русской литературе XX–XXI вв. Текстовый материал распределен по парадигмам образов (большим и малым) внутри рубрик, обозначающих те или иные

тематические области. Материал о *лести* размещен в разделе «Ментальное» [12, т. 1, с. 577–578]. СЯП включает более 4500 образных единиц, извлеченных из текстов русской поэзии конца XVIII — начала XX в.; материал сгруппирован по денотатам и представлен в алфавитном порядке. Материал раздела «О лести» размещен на с. 247 [7]. Каждый из составителей использует понятие парадигмы образов, однако Н. Н. Иванова приводит лишь опорные слова, не вычлняя собственно модели. Словари различаются и порядком следования образов. В СПО этот порядок обусловлен прежде всего распространенностью парадигмы, а в СЯП индивидуален для каждой словарной статьи и определяется такими факторами, как множественность или единичность образа, наличие или отсутствие связи с мифологическими представлениями и т. д. В СПО на первом месте находится модель *лесть* — *существо* как наиболее объемная и развернутая, а сопоставление с предметом, не относящимся к орудиям (*кадило*), оказывается на последней позиции списка. В СЯП представление о *лести* как живом существе замыкает перечень образных соответствий, в начале которого оказываются наименования объектов неодушевленного мира. Отметим, что при различии приведенных в данных лексикографических источниках примеров сами наборы метафорических моделей обладают значительным, хотя и не абсолютным сходством. В русских поэтических текстах, как свидетельствуют материалы данных словарей, *лесть* получает разнообразные характеристики в реализациях метафорических моделей, в область источника которых входят обозначения реалий разного рода: это человек и животное, воздух и ткань, напиток и орудие и др.

Образная многоликость *лести* объясняется, по-видимому, неоднозначностью самого ее феномена. Определяемая в толковых словарях как «лицемерное, угодливое восхваление» [11, с. 225], *лесть* как форма коммуникации являет собой «сложную комбинацию признаков и смыслов» [16, с. 83]. С одной стороны, информация льстящего не соответствует действительности, сам льстец проявляет себя как человек лживый, нечестный, непорядочный, корыстный, манипулирующий собеседником в своих интересах. С другой стороны, льстящий стремится — пусть и в своих интересах — доставить удовольствие объекту лести с целью расположить его к себе. Как пишут авторы исследования о семантической эволюции глагола *льстить*, изначально свойственное данному глаголу и его производным значение «обман» как первичное с течением времени утратилось, и в современном

языке эти слова обозначают «очень специфический тип введения в заблуждение» [6, с. 124].

Виды метафорических моделей лести по сфере источника

Лесть — существо. В реализациях моделей с областью источника *существо* лесть представлена как одушевленный субъект, принадлежащий как реальному, так и ирреальному миру: это представитель фауны (змея, жаба, лисица, муха), фурия, чудовище. Антропоморфные метафоры, судя по данным словарей, применяются для характеристики лести крайне редко. Выделяя образную парадигму «лесть — человек», Н. В. Павлович иллюстрирует ее примером *дщерь корысти*. Однако в контексте произведения Н. П. Николева это скорее инфернальное создание, поскольку «родители» лести не принадлежат миру людей, а сам способ ее появления на свет (*изблеванная*) не характерен для человека.

Лесть как существо проявляет себя в некоторых особенностях внешнего облика: это, например, внешняя привлекательность, наличие глаз (*ласковый* взгляд, очаровывающий человеческие сердца). К физиологии лести относятся ее внутреннее устройство и способы его внешнего выражения: *наполненная ядом*, она *изрыгает* свою сокровенную сущность, неся вред — вплоть до смерти. Речевые действия лести передаются глаголами *хвалить*, *клясться* (в том, что пороки хвалимого являются добродетелями). *Глас* лести расценивается как приятный, сладкий. Для лести характерны разнообразные движения: она *ползет*, *скачет*, проникает, подобно лисе, в закрытые постройки. Данные действия лесть производит в «человеческом» пространстве — в душе, сердце. Упомянутые в словарях авторы обращают особое внимание на такие качества лести, как злоба, хитрость, а также вредоносное воздействие на человека: *злая, лютейша, всех хитрей, ухищренья, опаснейшее* (чудовище), *вред, гибель*.

Лесть — напиток, еда. Образ лести как напитка передается посредством уподобления ее жидкостям, свойства которых дают возможность воздействия на внутреннее состояние человека. Такой напиток предназначен для погружения человека в дремоту, для его опьянения — это снотворное, вино, отнимающее у людей возможность адекватно воспринимать окружающую действительность и самих себя. Традиционным соответствием лести является яд, способный нанести жертве непоправимый вред вплоть до смерти. Образ лести как меда, важнейшим свойством которого является

сладость, или амброзии отражает ее восприятие тем, кому она адресована, как чего-то приятного. Лесть как напитки и еда обладает вкусовыми, температурными, цветовыми характеристиками, определенной консистенцией. Это сладкий продукт (мед, соты), чаще всего теплый, комфортный для вкусового восприятия.

В приведенных в СЯП строках В. Г. Бенедиктова о лести как *розовой водице*, которой поклонники окропляют страницы альбома девушки, лесть соотносится с ароматическим средством, обладающим приятным для девичьих глаз цветом. Примеры такого рода в СПО отсутствуют (составитель не выделяет модели типа «лесть — жидкость», «лесть — ароматическое вещество» и т. п.), а в СЯП соседствуют в пределах одной группы с сопоставлениями лести с напитком, травой, медом и ядом.

Лесть — орудие. Широкая распространенность орудийной метафоры обусловлена значимостью в жизни человека манипуляций с разного рода орудиями, используемыми практически во всех сферах человеческого бытия и с разными целями. Зачастую предназначенное для разрушения, орудие вместе с тем обладает и созидательным потенциалом в плане построения разного рода метафорических моделей, входя в сферу источника. Орудийная метафора «объемна и полифонична» [9, с. 88], что обуславливает ее продуктивность в отображении разнообразных реалий, в том числе и относящихся к сфере ненаблюдаемого.

Среди орудийных метафор выделяются уподобления лести колющим и режущим предметам, несущим опасность для человека. Таковы, например, *игла лести*, способная нанести глубокую рану; *нож*, применение которого может иметь самые тяжелые последствия. Из гибких орудий образным соответствием лести является *бич*. Лесть наказывает, угнетает; употребление слова во вторичном значении — «бедствие, несчастье» [11, с. 35] — в словосочетании «бич народный» отражает пагубность лести для всего общества.

Лесть неоднократно уподобляется орудиям, предназначенным для лишения свободы. Это *сети*, *тенета*, применяемые для ловли рыб, птиц и зверей — тех, в роли которых под влиянием лести оказывается человек.

Лесть — ткань. Метафорическая модель *лесть — ткань* (в том числе изделия из ткани) реализуется в сопоставлениях с тем, что маскирует или украшает что-либо неблагоприятное. Такова *завеса лести*, скрывающая «жадности сердечной пламень»

Я. Б. Княжнин) и разрываема истиной, в результате чего «из Бога вскрыется злодей» (Г. Р. Державин). Функцию завесы выполняют *ризы лести*, скрывающие истинный облик человека.

Образная параллель *лесть* — *кружево* в СПО отнесена к модели *лесть* — *ткань*, в СЯП — к тому же разряду, что и ожерелье. Отметим, что провести границу между группами зачастую бывает непросто в связи с наличием оснований отнести один и тот же объект к разным классам. На основании материала (нити) и способа изготовления (плетение) кружево можно отнести к текстильным изделиям, а с учетом предназначения — к украшениям. Отметим, что составители обоих словарей используют один и тот же пример из «Горя от ума» А. С. Грибоедова: «А тем, кто выше, лесть, как кружево, плели».

Лесть — драгоценность. Привлекательность лести передается сопоставлениями с драгоценностями, в том числе ювелирными украшениями. К ним относятся, например, *рубины лести*, *ожерелье*. В стихотворении А. С. Пушкина «В прохладе сладостной фонтанов...», пример из которого приведен в обоих словарях, образ шейного украшения находится в ряду словесных красот, использованных «восточным краснобаем», — жемчугов, золотых четок, дорогих ковров. В цитируемых строках поэт отразил и процесс изготовления ювелирного изделия (нанизывания камней *на нити праздного веселья*), и искусство мастера (*хитрою рукой*), и результат его труда (*прозрачной лести ожерелья*). Лесть, таким образом, предстает легко угадываемой, очевидной и в то же время привлекательной.

Лесть — предметы религиозного обихода. Сопоставления лести с предметами богослужебной утвари в рассматриваемых источниках не оформлены в отдельную группу. Н. В. Павлович выделяет тематический раздел «Лесть как предмет», включающий единственную рубрику *лесть — кадило*, представленную одним примером. В СЯП предметы религиозного обихода как образные параллели лести распределены по двум группам, первую из которых составляют обозначения мест жертвоприношений, вторую — сосуда, предназначенного для курения ароматической смолы во время богослужения. Метафоры *алтари лести* и *жертвенники лести*, взятые составителями СЯП из стихотворения В. А. Жуковского «Сельское кладбище», отражают представление о ней как о месте принесения языческих жертв. Слово «алтарь» в контексте произведения реализует второе словарное значение:

«В старину: то же, что и жертвенник» [11, с. 18]. Лесть представляет собой место, на котором приносятся жертвы гордыне — одному из смертных грехов. *Кадило лести* также предназначено не Богу, а людям с их пороками и страстями.

Лесть — пространство. Сопоставление лести с земным пространством в русской литературе, по-видимому, является настолько редким, что в СПО соответствующая модель не выделена. Составители СЯП приводят единственный пример реализации данной модели — цитату из «Зависти пиита...» В. В. Капниста, упоминающего о том, что Вергилий воздвиг памятник Октавиану Августу *на почве лести*. Редкость подобного сопоставления, возможно, объясняется отсутствием у лести таких признаков земной поверхности, как прочность, твердость, надежность, необходимых для долговременного существования возводимых сооружений. Тем не менее, созданный Вергилием поэтический памятник римскому императору именуется *вечным*.

Среди объектов воздушного пространства аналогами лести являются *дым, пар, чад*, а также *фимиам* и *курение* (в значении сжигания ароматического вещества). Обращение к данной модели поэтов разных веков (что свидетельствует о ее устойчивости) обусловлено, по-видимому, смысловой емкостью соответствующего образа. Лесть подобна курению ароматических смол по доставляемому ею удовольствию: это приятный запах, имеющий и вкусовую характеристику (*сладкий чад*). Адресат курения благовоний — существо высшего порядка; лстящий своими действиями показывает, что он в известном смысле обожествляет того, к кому обращены его похвалы. Продукты горения (дым, а особенно чад) негативным образом влияют и на зрение человека, и — затуманивая мозг — на само восприятие действительности, препятствуя объективному видению мира. Устойчивость данной модели проявляет себя в известном выражении «курить фимиам», применяемом в ироническом смысле для обозначения лстивых восхвалений кого-либо.

В литературе XVIII в. *лесть* (как и другие абстрактные концепты) находит отражение в текстах, представляющих ее образ в системе моделей. Такова, например, поэма И. Ф. Богдановича «Сугубое блаженство» философско-дидактической направленности, отдельные примеры из которой приведены в СПО. В данном произведении *лесть* является одной из виновниц разрушения первоначального благоденствия человечества, не знавшего пороков, жившего естественной мирной безгрешной жизнью до тех

пор, пока в мир людей не явились фурии — гордость, ненависть, а также лесь — чудовище, опаснейшее людям, мать обмана. Эта фурия, приносящая людям разнообразные бедствия, при злонамеренной сущности обладает привлекательностью облика и речей: у нее ласковый взгляд, она готова угощать человека сладчайшим медом слов; в то же время это коварный охотник, ловящий людские сердца сетями похвал. Контраст внешнего и внутреннего облика лести поэт отразил в образе змеи среди цветов [1].

Метафорический портрет лести в оде Н. П. Николева

Развернутая метафорическая характеристика лести представлена в оде Н. П. Николева «Лесь» [10]. Данное произведение, написанное в 1796 г., представляет нам наиболее полным описанием лести в русской литературе. Ода «Лесь» (как и «Совесь») отражает особое внимание Н. П. Николева к этической проблематике, рассматриваемой автором с позиций гражданственности, и отличается не торжественно-хвалебным, а обличительным пафосом. Само рождение лести связано со злом: «изблеванная дочь» корысти, она связана с «врагом подземным», давшим ей возможность менять обличье. Место пребывания лести — тьма, находящаяся ошуюю — там, где в народных представлениях находится ад.

Реализации метафорических моделей лести в данном произведении являются основным средством создания образа главного персонажа. Поэт ставит задачей показать лесь всю нагу — иными словами, разоблачить, снять покровы, маскирующие ее вредность. Для характеристики лести Н. П. Николев использует метафорические модели, в сферу источника которых входят изображения разнообразных реалий: это существо (мифологическое существо, человек, представитель фауны — лисица, змея, жаба, муха); растение; вода; напиток, еда; разнообразные орудия (от колющих и режущих до музыкальных инструментов); техника.

Метафорический портрет лести, созданный автором посредством образных сопоставлений, весьма подробен, он включает следующие составляющие.

Внешний облик, анатомия. Лесь имеет ряд признаков живого существа: голову, тело, верхние и нижние конечности. Особое внимание поэт уделяет лицу своего персонажа, характеризуя его органы зрения, веки, язык, губы, жало. Имея «сто лиц» (что позволяет обманывать людей), лесь может быть внешне

привлекательной, но для героя-автора ее облик безобразен: *Главы всечасное трясенье, / Взгляд скачущий, косо зренье, / Всегдашне мжанье рыжих вежд*. Особенности лица (лиц) лести являются изменчивость выражения — от дерзости до покорности и печали, а также невозможность краснеть от стыда. К анатомическим особенностям лести относится отсутствие сердца, вместо которого в груди находится змея.

Речь. Речевые действия лести описаны автором посредством сопоставления с привлекательными и опасными объектами. Имея *на устах цветы и мед*, лесь имеет и жало, способное пронзить сердце человека. Воздействие этой речи на сердце, на чувства сопоставляется с трансформацией металла — его расплавлением, превращением в воск как вещество мягкое и пластичное. Аналогом жала является *волшебная спица языка*, посредством которой лесь зачаровывает людей. *Витийство* лести, подобно снотворному напитку, усыпляет слушателей. Однако лести свойственны и речи иного плана: в адрес истины она издает грозный рев — *клеветой рыкает*.

Внутреннее содержание. Для внутреннего мира лести характерны отсутствие чувств, лживость, хитрость, коварство лисы, змеи, наличие «гордых дум» при показном смирении, двуличие, жестокость, злобность. По причине собственной гордости она *бесстыдна*, вполне довольна собой и своей судьбой. Сущность ее души автор передает посредством определений *подлейшая, злочестивая*. Эти качества раскрываются во всех проявлениях лести — внешнем облике, повадках, словах, действиях.

Движение. Лесь проявляет себя в движениях разного рода, представляя очень подвижной. Поэт упоминает о быстроте ее шагов, многочисленных глубоких поклонах, которые «часты, низки, кривы», о постоянных изменениях выражения лица. Она способна летать (муха), но обычно перемещается по земле, причем определенным образом: ползает (змея), стелется (плющ). Лесь обладает способностью проникать в запертые помещения, действуя подобно змее или лисице; внутри человеческой души она не только ползает, но и скачет, как жаба. Войти в сердца людей она может и способом, характерным именно для человека, — изготовив ключ для запертой двери. Слова лести подкрепляются соответствующими действиями: она крестится, снимает образа и клянется на них.

Деятельность. Разнообразными, но в равной мере вредоносными для человека в оде Н. П. Николева выглядят манипуляции лести в тех или иных областях деятельности: она плавит металл, заостряет нож, грабит, ловит в сети, жжет фимиам. Значительную активность лесьть проявляет в сфере музыки: пишет ноты, по которым играет самолюбие, сочиняет *симфонию*, которую с наслаждением слушает порок, трубит в трубу, настраивает *струну сердечну*, а также поет обольщающие песни.

Представленные в реализациях метафорических моделей проявления лести характеризуют ее как нечто крайне опасное для человека, меняющего саму его природу. Н. П. Николев неоднократно упоминает о трагических последствиях вредоносного воздействия лести, в результате которого добродетель обесценивается, разум утрачивается, душа лишается возможности понимать саму себя. Обладая огромной силой, лесьть оказывает пагубное воздействие на представителей всех слоев общества, вторгаясь в души, обольщая, усыпляя, отравляя, рая, улавливая в сети. Для передачи могущества лести поэт использует образ большого и мощного механизма: *Как пневматической машиной, / Вон тянет разумы людей*. Лесьть представляется бедствием для государства, поскольку обольщенные цари лишаются возможности приносить пользу обществу.

Словари образов и общенародный язык

Сопоставление метафорических моделей со сферой цели *лесьть* в словарях образов и в общенародном языке позволяет сделать вывод о значительном сходстве как самого набора моделей, так и реализованных в них когнитивных признаков — в частности с теми, которые выявляются на материале «Пословиц русского народа» В. И. Даля (раздел «Прямота — лукавство»). Содержание данного источника содержит сопоставления лести с животными, насекомыми (змеей, ужом, лисой, кошкой, пчелой), способными нанести вред человеку зубами, когтями или жалом, со сладким веществом (медом, сахаром), со скользящей субстанцией (маслом, мылом). Как и в русской поэзии, упоминается о связи речи с владыкой ада: лесьть определяется как «дьяволу честь» [4, с. 472–478]. Как отмечают исследователи данного концепта, в русской паремиологии *лесьть* получает вполне определенную однозначную характеристику как нечто опасное, изменчивое, несовместимое с моральными принципами [5]. Губительность

лести для ее адресата исследователи относят к ядерной зоне соответствующего концептуального поля [17, с. 99]. Отметим, что если представление о лести как сладком веществе обнаруживает себя и в общенародном, и в поэтическом языке, то уподобление ее маслянистой субстанции (жиру, маслу и т. п.) [14, с. 96; 17, с. 64] в СПО и СЯП не зафиксировано, в отличие от русских паремий типа *Блином масляным в рот лезет, Без подмазки в душу влезет* и т. п.

В имеющихся в словаре примерах отражены и индивидуальные образные соответствия, отражающие как известные признаки лести, так и «увиденные» тем или иным автором. Например, метафора *лебяжий пух лести* (М. И. Цветаева) базируется на представлении о лести как о чем-то мягком, приятном; метафора же А. Б. Мариенгофа *лести жидкий чай* связана с авторским пониманием лести как чего-то, не имеющего вкуса, не способного доставить удовольствие.

* * *

В словарях поэтических образов Н. В. Павлович и Н. Н. Ивановой нами выявлен ряд метафорических моделей с областью цели *лесть* и с разнообразием сфер источника: лесть уподобляется существам разного рода, напитку (отравляющему, усыпляющему, опьяняющему), меду, орудиям, ткани и изделиям из нее, драгоценностям, предметам церковного обихода, областям пространства, главным образом воздушного. Поэтические аналоги лести принадлежат разным областям пространства, всему миру живой и неживой природы. Реализации данных моделей актуализируют такие важнейшие ее признаки, как вредоносность, опасность, сила, обманчивость внешнего облика, способность проникать внутрь человека. Примером комплексной метафорической характеристики *лести* служит не являвшаяся ранее объектом научного внимания ода Н. П. Николева, в которой поэт рисует ее образный портрет, особо отмечая ее опасность для государства и общества. Представленные в словарях метафорические модели в целом соотносятся с образными соответствиями, традиционными для общенародного языка; в их реализациях проявляется и индивидуальность автора.

Метафорическое представление о лести как о лицемерном, угодливом, обусловленном корыстными побуждениями восхвалении отражено в реализациях ориентационной метафоры «верх — низ». Превознося объект лести, ставя его много выше себя,

льстец выступает как представитель «низа». Льстивые похвалы ассоциируются с движением снизу вверх: это, например, преподнесение даров вышестоящему (или оцениваемому в качестве такового), курение возносимого вверх фимиама. *Лесть* оказывается в нижней части земного пространства, ей свойственно пресмыкаться, ползать. В то же время она проявляет значительную изобретательность и активность, пытаясь одолеть, подчинить себе человека разными способами: ищет лазейку в его сердце (или подбирает к нему ключ), приманивает сладким, усыпляет, отравляет — и при этом стремится скрыть свою сущность, представлявая чем-либо приятным для зрения, слуха, вкуса (кружевом, ювелирным украшением, медом и др.).

Анализ метафор лесты в русских поэтических текстах является важной задачей, поскольку дает возможность составить более полное представление о данном концепте, на протяжении веков сохраняющем свою значимость. В дальнейшем представляется интересным рассмотреть с привлечением более объемного материала вопрос о трансформации образа лесты с течением времени. Если в литературе классического периода образы лесты имеют, как правило, ярко негативную окраску, то в поэзии XX в. обнаруживается и иное представление о лесте: не имеют негативной коннотации образы лесты как пуха (М. И. Цветаева), драгоценных камней (Е. М. Винокуров) и др.

-
1. Богданович И. Ф. Сугубое блаженство. СПб., 1765. 24 с.
 2. Годунова Е. Б. Лингвокультурологическое содержание концепта «Лесть» в английской и русской лингвокультурах // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук. М., 2019. С. 96–112.
 3. Гутарева Н. Ю. Проблемы понимания и интерпретации дискурса лесты // Сиб. филол. журн. 2011. № 3. С. 214–222.
 4. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2006. 750 с.
 5. Дежужаева Е. А., Сарангаева Ж. Н. Концепт «лесть» в английской и русской паремии // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки : сб. ст. по материалам 2-й науч.-практ. конф. Уфа, 2020. С. 167–170.
 6. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Лстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Исследования по русской и компаративной семантике. М., 2021. С. 124–131.
 7. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.). М., 2004. 666 с.
 8. Леонтьев В. В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 206 с.

9. *Нагорная А. В.* Орудийная метафора как средство объективации внутрителесного опыта // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина.* 2012. № 2. С. 84–96.
10. *Николев Н. П.* Лесть // *Поэты XVIII века : в 2 т. Л., 1972. Т. 2. С. 69–75* (Сер.: Библиотека поэта).
11. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 24-е изд., испр. М., 2010. 640 с.
12. *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов : в 2 т. М., 1999. Т. 1. 848 с.
13. *Панченко Н. Н.* Коммуникативный типаж «льстец» // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина.* 2008. № 5 (19). С. 36–45.
14. *Полякова Е. В.* Когнитивная метафора в этических концептах как явление вторичного семиозиса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов, 2008. Ч. 2. С. 94–96.*
15. *Сегал Н. А.* Метафорические модели как объект современных лингвистических исследований // *Уч. зап. Крым. гос. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки.* Т. 3 (69), № 2. 2017. С. 108–117.
16. *Федюнина И. Э., Ляшенко И. В.* Фразеологическая объективация лести как формы поведения и коммуникации в русском и английском языках // *Науч. вестн. БелГУ. Гуманитарные науки.* Белгород, 2017. С. 82–87.
17. *Чжао Сыминь.* Концептуальное поле «прямота — лукавство» в русском провербиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2023. 351 с.

4.2. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» как лексикографический источник

В настоящее время лексикография претерпевает существенные трансформации, связанные с развитием технологий и изменением основного фокуса лингвистических исследований, чем обуславливается появление новых типов лексикографических источников, отвечающих запросам науки и общества. Актуальность исследования объясняется необходимостью систематизировать и теоретически осмыслить особенности новых типов лексикографических источников, принципы их составления и возможности применения.

Несмотря на то, что прикладная лексикография имеет древнюю историю, как теоретическая наука она начала развиваться относительно поздно — лишь к середине XX в. [12]. На данный момент существует большое количество лингвистических трудов, посвященных определению лексикографии как науки в целом [25; 19] и ее отдельных направлений, таких как двуязычная

лексикография, идеографическая лексикография, научно-техническая лексикография, учебная лексикография, ономастическая лексикография [11, с. 20]; достаточно подробно разработаны вопросы типологии словарей [17; 20; 21; 26], а также учение о структуре и элементах словаря [4; 22; 23]. Ряд исследовательских работ посвящен обзору развития лексикографии на примере отдельных регионов и языков [1; 5]. Активно разрабатывается компьютерная лексикография [3; 8; 16].

Объектом представляемого исследования является лексикография как наука о составлении словарей и других типов лексикографических источников на современном этапе ее развития. В качестве предмета лексикографического исследования мы выбрали немецкоязычные рейтинги «Слово года» и «Антислово года». Целью исследования является выявление основных характеристик рейтингов «Слово года» и «Антислово года» как лексикографических источников. В задачи исследования входят определение места рейтингов «Слово года» и «Антислово года» в классификации лексикографических источников, а также описание их макро- и микроструктуры. В ходе исследования применялись системный, функциональный, сравнительный методы, а также анализ словарных дефиниций.

Немецкоязычные рейтинги «Слово года» и «Антислово года» публикуются на одноименных веб-сайтах, доступ к которым открыт для любого заинтересованного лица. Кроме того, каждый желающий может предложить свое слово или антислово года, обосновав свой выбор и указав его источник.

Рейтинг «Слово года» впервые был составлен Обществом немецкого языка (GfdS) в 1971 г. На регулярной основе он выпускается с 1977 г. Данный рейтинг создается профессиональным жюри, состоящим из членов президиума Общества немецкого языка и его научных сотрудников, которые незадолго до конца года анализируют корпус текстов СМИ в несколько тысяч документов и отбирают десять слов, оказывавших, по их мнению, наиболее значительное влияние на общественно-политический дискурс уходящего года. На официальном сайте Общества немецкого языка подчеркивается, что выбираемые слова и фразы не носят оценочного либо рекомендательного характера и что при выборе слова года решающее значение имеет не частота употребления, а его значимость и популярность: «список попадает в языковой нерв подходящего к концу года и, таким образом, представляет собой вклад в современную историю» [29].

Рейтинг «Антислово года» выходит в свет с 1991 г. В его добровольное и институционально независимое жюри входят четыре лингвиста, один журналист и один ежегодно сменяемый работник культуры и средств массовой информации. Цель проекта — «повышение осведомленности о дискриминационном, стигматизирующем, эвфемическом, вводящем в заблуждение или бесчеловечном использовании языка, а также об ответственности говорящих за языковые действия» [28]. Антислово года не создается членами жюри, а выбирается из списка, составленного на основе предложений заинтересованных лиц.

Итак, при выборе немецкого (анти)слова года решающими факторами являются его социальная значимость и активность использования, в первую очередь в средствах массовой информации. При составлении рейтингов важными оказываются такие критерии, как значение обозначаемого словом явления в общественной жизни предыдущего года, лингвистическая краткость, распространенность в средствах массовой информации, лингвистическая новизна или использование слова в новом значении. Принципиально важным является тот факт, что в составлении рейтингов «Слово года» и «Антислово года» может участвовать не только профессиональное жюри, но и любое заинтересованное лицо.

Представляется необходимым пояснить, почему мы считаем возможным рассматривать указанные рейтинги как предмет изучения лексикографии. В традиционном понимании лексикография представляет собой «раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей» [14]. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» не рассматриваются составителями и общественностью как словари. Так, на официальном сайте Общества немецкого языка проект «Слово года» обозначается как ежегодный лингвистический обзор (*нем. Der sprachliche Jahresrückblick*), составители рейтинга «Антислово года» называют свой труд акцией (*нем. Aktion*). Однако мы рассматриваем рейтинги «Слово года» и «Антислово года» как специфический вид лексикографического источника, поскольку они представляют собой особым образом упорядоченные списки слов и, на наш взгляд, отвечают основной цели современной словарно-справочной литературы — выступают «вспомогательным средством в процессе классификации и систематизации окружающей действительности» [9].

Под термином «лексикографический источник» мы понимаем справочное издание, содержащее описание языковых единиц

и/или толкование их значения. Лексикографические издания различного типа составляются для фиксации накопленного опыта и знаний в определенной сфере деятельности, для стандартизации языка, выработки рекомендаций по нормативному использованию языковых единиц в речи, для отражения взаимосвязи между единицами языка, для передачи информации о происхождении и истории развития лексем и т. п.

К традиционно выделяемым типам лексикографических источников относят, помимо словарей, глоссарии — разъяснения к непонятым словам или их переводы, встречающимся в тексте; вокабулярии — краткие словари к каждому разделу текста; ономастиконы — словари собственных имен; лексиконы — словари малоупотребительных слов, обозначающих понятия какой-либо отрасли знаний [10]. Данные типы лексикографических источников можно назвать протословарями, поскольку они в историческом плане представляют собой прототип словаря, отличаются от него гораздо меньшим объемом словника и частным характером входящих в него лексических единиц, так как обслуживают либо отдельные тексты, либо достаточно узко ограниченные пласты словарного состава. Кроме того, для структуры протословарей характерна меньшая степень упорядоченности и единообразия ввиду того, что их составление предшествовало развитию лексикографии как теоретической науки, и в ходе него еще не применялись научные принципы.

Между тем основной предмет изучения современной лексикографии представляют собой различные типы словарей. Под словарем вслед за И. В. Михайловой мы понимаем «сборник слов, расположенных, как правило, в алфавитном порядке, организованных по какому-либо принципу и снабженных необходимыми пояснениями, комментариями и толкованиями» [18]. В соответствии с этим определением рейтинги «Слово года» и «Антислово года» можно однозначно определить как словари, потому что они представляют собой упорядоченные списки слов, отобранных по принципу социальной значимости и содержащих толкования значения входящих в них лексических единиц.

К настоящему моменту в лексикографии существует большое количество классификаций словарей с учетом различных критериев. Далее будет определен тип рейтингов «Слово года» и «Антислово года» как лексикографического источника в соответствии лишь с несколькими классификациями, содержащими, на наш взгляд, наиболее разнообразные дифференциальные признаки

и аккумулирующими результаты трудов предыдущих поколений лексикографов.

Л. Згуста по целевой функции противопоставляет словари энциклопедические и лингвистические; с учетом временного промежутка — диахронические и синхронические; по степени вовлеченности — общие и специальные; с учетом репрезентации языка — одноязычные и двуязычные словари [27]. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» могут быть рассмотрены в рамках данной классификации и отнесены по целевой функции к разряду энциклопедических словарей, поскольку в них дается краткое определение обозначаемых лексическими единицами понятий. С учетом временного промежутка они представляют собой синхронические словари, потому что описывают современные значения слов. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» являются одноязычными словарями. Однозначно отнести данные лексикографические источники к общему или специальному типу, на наш взгляд, является затруднительным, поскольку, с одной стороны, в них теоретически могут войти слова из любого пласта лексики, как общей, так и специальной, с другой стороны, данные списки слов формируются на основе материалов средств массовой информации, что определяет их специфику.

И. Ю. Булгакова, анализируя особенности научно-технических словарей, выделяет лексикографические параметры для создания научной типологии. Исследователь считает, что словари могут быть классифицированы с учетом макрокомпозиционных особенностей, относящихся к общей структуре словаря и характеру включаемых в словарь лексических единиц, и микрокомпозиционных особенностей, относящихся к формату словарных статей и параметрам авторской установки составителя словаря. Принимая во внимание предметную ориентацию словаря, И. Ю. Булгакова выделяет общенаучные, многоотраслевые (политехнические), отраслевые или узкоотраслевые словари; учитывая временную ориентацию — словари неологизмов, современной лексики, исторические словари; согласно языковой ориентации — одноязычные, двуязычные и многоязычные словари. В соответствии с назначением словаря она различает переводные, справочные (толковые), учебные и информационные словари, а в соответствии с функцией словаря — нормативные и инвентаризационные словари. По объему словаря ученый выделяет полные, средние и краткие словари. С учетом принципа расположения лексики в словаре И. Ю. Булгакова различает формальный и тематический

типы [7]. К рейтингам «Слово года» и «Антислово года» применимы не все параметры данной классификации, однако их можно определить как одноязычные справочные словари современной лексики, краткие по объему и носящие инвентаризационный характер.

С. В. Шаховская на материале белорусского языка разделяет словари на лексемные, описывающие отдельные слова, и идиомные, характеризующие языковые конструкции. При этом лексемные словари описывают слова в четырех аспектах:

1) в семантическом:

— толковые;

— переводные;

2) в функциональном:

— артологические (орфоэпические, орфографические);

— статистические (частотные);

— идеографические (ассоциативные, тематические);

— стилистические (устаревшей лексики, синонимов, эпитетов);

— парадигматические;

3) в морфологическом:

— словообразовательные;

— морфемные;

4) в номинативном:

— ономастические;

— конкордансы;

— реестры [24, с. 83–84].

Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» представляют собой лексемные словари с крайне ограниченным набором функций, поскольку описывают слова лишь в семантическом аспекте.

Рассмотрим теперь макроструктуру рейтингов «Слово года» и «Антислово года». Оба лексикографических источника включают слова и выражения, активно употребляемые средствами массовой информации в определенном году и влияющие, по мнению составителей рейтингов, на общественное сознание населения ФРГ. Как правило, входящие в рейтинги лексемы представляют собой косвенные образные номинации активно обсуждаемых в медийном дискурсе общественных явлений, часто носящие ярко выраженный эмоциональный оценочный характер и способные быть дешифрованными только при условии осведомленности реципиента о широком контексте их употребления. Лексические единицы, входящие в рейтинги, располагаются по календарным годам в порядке убывания степени их значимости в общественной

жизни страны. Количество слов за каждый календарный год в рейтинге «Слово года» ограничивается десятью, например, в 2022 г. это были слова *Zeitenwende* (начало новой эры) — первое место в рейтинге, *Krieg um Frieden* (война за мир), *Gaspreisbremse* (механизм сдерживания цен на газ), *Inflationsschmerz* (инфляционная боль), *Klimakleber* (защитник климата, приклеивающий себя к общественным объектам), *Doppel-Wumms* (двойная выгода), *neue Normalität* (новая норма), *9-Euro-Ticket* (билет за 9 евро), *Glühwein-WM* (чемпионат мира по глинтвейну), *Waschlappentipps* (советы по пользованию мочалкой) — десятое место в рейтинге. Кроме того, в рейтинге «Слово года» с 2020 г. появляются дополнительные разделы, организованные по тематическому принципу, в которые включаются конститuentы лексико-семантических полей, относящихся к ключевым явлениям общественно-политической жизни соответствующего года. На данный момент на веб-сайте разработан лишь раздел по теме «коронавирус». Особенно стоит отметить тот факт, что данный раздел выдержан в публицистическом стиле и не содержит структурированного перечня слов, а представляет собой корпус статей, объединенных темой «коронавирус», в которых связанные с этим понятием неологизмы выделяются курсивом и истолковываются. Кроме того, в данный раздел входит языковой тест по теме «коронавирус», позволяющий читателю определить, понимает ли он значение всех лексем, связанных с данной тематикой. Таким образом, в рейтинг «Слово года» привносится элемент интерактивности.

В рейтинг «Антислово года» в разные годы входило от двух до четырех слов. Например, в 2022 г. это были слова *Klimaterroristen* (экоterrorисты) — первое место в рейтинге, *Sozialtourismus* (социальный туризм), *defensive Architektur* (оборонительная архитектура), *militärische Spezialoperation* (военная спецоперация) — четвертое место в рейтинге. Кроме того, в словарных статьях, посвященных некоторым антисловам года, перечисляются и другие лексемы, входящие в соответствующее лексико-семантическое поле, например, в словарной статье к антислову *Klimaterroristen* указывается, что к данной тематике также относятся такие слова, как *Klimaterrorismus* (климатический терроризм), *Ökoterrorismus* (эко-терроризм), *Klima-RAF* (экологическая фракция Красной армии). Однако это происходит нерегулярно, и определений таким лексемам в словарных статьях не дается.

Таким образом, характерными для макроструктуры рейтингов «Слово года» и «Антислово года» особенностями являются

крайне ограниченный объем словника, источник лексем — курс средств массовой информации, особый принцип отбора слов, учитывающий в первую очередь их значимость в общественно-политическом дискурсе, и расположение лексем не в алфавитном порядке, как в большинстве словарей, а по степени убывания социальной значимости того или иного слова. Кроме того, следует отметить попытку совместить линейный принцип расположения слов в виде перечня и тематический принцип, позволяющий представить совокупность слов общего содержания, относящихся к одному явлению действительности.

Анализируя микроструктуру рейтингов «Слово года» и «Антислово года», следует отметить, что структура словарной статьи в них скорее соответствует таковой в толковых словарях. Она включает в себя информацию о том, когда возникла данная лексема, и, если это возможно, о том, кем она была введена в общественный дискурс, в каком контексте она употребляется и что обозначает. Семантизация лексических единиц производится, как правило, путем номинации денотата с последующим его описанием, например: *Glühwein-WM (Platz 9) oder auch Winter-WM steht für die Fußballweltmeisterschaft in Katar. Das arabische Emirat, dem vorgeworfen wurde, die Auslosung durch Bestechung für sich entschieden zu haben, erschien von Anfang an nicht als geeigneter Austragungsort. Nicht nur wurden Verletzungen von Menschenrechten in dem Land kritisiert, sondern auch die klimatischen Bedingungen. Zur Vermeidung der großen Sommerhitze beschloss man, das Turnier im November und Dezember stattfinden zu lassen. Doch aus Sicht vieler deutscher Fußballfans passen Public Viewing und Weihnachtsmarkt nicht zusammen* (**Кубок мира по глнтвейну**, 9-е место) или Зимний чемпионат мира обозначает **чемпионат мира по футболу в Катаре**. Арабский Эмират, который обвиняли в том, что он стал местом проведения чемпионата мира благодаря взяточничеству, с самого начала не казался подходящим для этого местом. Критике подверглись не только нарушения прав человека в стране, но и климатические условия. Во избежание сильной жары было решено провести чемпионат в ноябре и декабре. Но, с точки зрения многих немецких футбольных болельщиков, чемпионат мира и рождественские рынки несовместимы).

Для семантизации лексических единиц часто также используется указание на синоним слова, например: *Die Gaspreisbremse (Platz 3), auch Gaspreisdeckel genannt, ist nur eines der Instrumente,*

mit der die Bundesregierung auf die eklatanten Preissteigerungen in vielen Lebensbereichen zu reagieren versucht (**Механизм сдерживания цен на газ** (3-е место), называемый также **ограничением цен на газ**, является лишь одним из инструментов, с помощью которых федеральное правительство пытается отреагировать на сильный рост цен во многих сферах жизни).

Экземплификация, при которой приводятся конкретные примеры обозначаемого лексемой явления, также иногда применяется для семантизации лексических единиц, например: *Die Covid-Pandemie ist keineswegs vorbei, aber in vielen Lebensbereichen hat eine neue Normalität (Platz 7) Einzug gehalten, zu der nur noch teilweise Maskenpflicht, Abstandsregelungen und andere Corona-Maßnahmen gehören* (Пандемия Covid ни в коем случае не закончилась, но во многих сферах жизни утвердилась **новая норма** (7-е место), которая лишь частично включает обязательное **ношение масок, соблюдение дистанции и другие меры, связанные с коронавирусом**).

Определение, являющееся наиболее типичным способом семантизации в классических словарях, в рейтингах «Слово года» и «Антислово года» не используется. Словарные статьи не имеют жестко заданной структуры, стиль изложения в них можно охарактеризовать как публицистический.

Итак, рейтинги «Слово года» и «Антислово года» как в плане отбора словника и расположения лексических единиц, так и в плане содержания и построения словарных статей сильно отличаются от структуры классических словарей, ввиду чего мы не причисляем их к последним. Однако по своей структуре и функции они представляют собой краткие одноязычные лексикографические источники, описывающие современное значение лексических единиц, выбранных из текстов средств массовой информации по принципу их социальной значимости и расположенных в иерархическом порядке согласно ее убыванию. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» по ограниченному объему словника, частному характеру входящих в него лексических единиц, а также по меньшей степени упорядоченности и единообразия структуры сближаются с протословарями.

* * *

Можно сделать вывод о том, что рейтинги «Слово года» и «Антислово года» — это лексикографические источники гибридного типа, целями которых являются толкование лексем и обзор

важнейших общественно-политических событий года, обозначаемых этими лексемами. Таким образом, они могут служить предметом исследования как лингвистики и лексикографии, так и журналистики и других дисциплин, занимающихся изучением средств массовой информации. Для рейтингов «Слово года» и «Антислово года» характерна демократичность, подразумевающая возможность участия всех заинтересованных лиц в отборе словника, однако при этом они являются профессиональными лексикографическими источниками, поскольку окончательно словник и словарные статьи составляются членами профессионального жюри, а не пополняются пользователями веб-сайта, что роднит их с печатными изданиями, а не с современными электронными словарями.

Мы считаем, что на примере рейтингов «Слово года» и «Антислово года» можно проследить важнейшую тенденцию развития современной лексикографии — «включение в словари экстралингвистических данных, что позволяет говорить об описании не только сугубо языковых аспектов, но и элементов концептуальной информации, лежащей за словесной оболочкой» [13]. Другой яркой отличительной особенностью данных изданий является отсутствие четко определенной структуры словарной статьи, что отражает еще одну специфическую характерную черту современной лексикографической литературы. Это связано с тем, что «словарь, переставший быть жесткой, претендующей на объективность и предельно стандартизированной структурой, в этом смысле является зеркалом культуры» [15, с. 44].

В заключение следует согласиться с утверждением Л. В. Безбородовой, что «наш язык — это своего рода “лингвистический портрет” современного общества со всеми его плюсами и минусами, в нем отражены идеология, система ценностей и предпочтений современного человека, его общий уровень образованности и культуры» [2, с. 13]. Рейтинги «Слово года» и «Антислово года» представляют собой лексикографический источник, основной целью которого является фиксация отражения в языке наиболее значимых для общественной жизни событий, носящий междисциплинарный характер и отражающий одновременно лингвистические и социологические характеристики лексических единиц. Материалы рейтингов «Слово года» и «Антислово года» могут использоваться при проведении научных исследований в области языкознания, обществоведения, истории и культурологии.

1. Алиева Т. К. История становления и современные проблемы лексикографии (на материале словарей карачаево-балкарского и ногайского языков) // Ногайская литературная классика в контексте северокавказской художественной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 95-летию со дня рожд. народ. писателя КЧР С. И. Калаева. Карачаевск, 2022. С. 220–233.
2. Безбородова Л. В. Современная лексикография: направления развития // Материалы XV междунар. конф. по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2018 : в 2 т. Сер.: Интеллект. Язык. Компьютер. 2018. Т. 1. Вып. 18. С. 12–16.
3. Бектенова Р. К. Компьютерная лексикография как одно из направлений современной прикладной лингвистики // Вестн. Дипломатич. акад. м-ва иностр. дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева. 2022. № 17. С. 60–64.
4. Беленчикова Р. К вопросам лексикографической макроструктуры в «Большом академическом словаре русского языка» и в большом «Русско-немецком словаре» // История, теория и практика академической лексикографии : юбилейный сб. науч. ст. СПб., 2022. С. 121–131.
5. Бирюкова А. А., Янькова Н. А. К вопросу истории развития лексикографии в Великобритании // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 3151–3154.
6. Багринцева О. Б. Анализ лексикографических интернет-источников «Словоборг», «Словоново» и «Urban Dictionary» // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России. 2018. С. 70–75.
7. Булгакова И. Ю. Типология научно-технических словарей и проблемы терминологической лексикографии // Омские социально-гуманитарные чтения — 2010 : материалы III межрегион. науч.-практ. конф., 18–19 марта 2010 г., г. Омск. Омск, 2010. С. 269–273.
8. Ван Яньбин. Викисловарь как новый тип лексикографического источника // Русский язык в поликультурном мире. 2017. С. 252–257.
9. Гаврилина И. С. Проблемы современной лексикографии // Современные проблемы науки и образования : сетевое издание : [сайт]. 2006. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=45> (дата обращения: 04.09.2023).
10. Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977. С. 11–27.
11. Дамбуев И. А. Современная лексикография: статус и направления развития // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. № 10. С. 16–21.
12. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Становление лексикографии в отечественном языкознании // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2014. Т. 16, № 2. С. 166–171.
13. Исмаилова Г. К., Фоминых К. И. Современные лексикографические источники неологизмов английского языка // Казак білім академиясының баяндамалары. 2015. № 4. С. 20–25.

14. *Исмазова Н. Ш.* История происхождения лексикографии и ее место среди лингвистических дисциплин // Уч. зап. Худжанд. гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 1 (54). С. 198–204.
15. *Каламбет Е. В.* Словарная статья: к вопросу о трансформации жанра // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 40–44.
16. *Кантышева Н. Г.* Гипермедиаальные структурные элементы представления специальных знаний в компьютерной лексикографии // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2012. № 32 (286). Вып. 71. С. 47–50.
17. *Лейчик В. М.* Опыт построения классификации терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии. М., 1992. С. 40–47.
18. *Михайлова И. В.* История развития общей и учебной лексикографии: специфика учебной лексикографии в РКИ // Изв. Балт. гос. акад. рыбопромыслового флота. Психолого-педагогические науки. 2020. № 2 (52) С. 96–100.
19. *Морковкин В. В.* Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопр. языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.
20. *Попова Л. В.* Типологии и классификации словарей // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2012. № 20 (274). Вып. 67. С. 106–113.
21. *Сафиуллина Г., Тарасова Ф.* К дискуссии о типологии современной татарской лексикографии // Филология и культура. 2021. № 2 (64). С. 35–44.
22. *Семенова М. Ю.* Словарь англицизмов: структура, принципы составления словарной статьи, соотношение с другими лексикографическими источниками // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 12. С. 150–159.
23. *Шайкевич А. Я.* Проблемы терминологической лексикографии. М., 1988. 67 с.
24. *Шаховская С. В.* Белорусская теоретическая лексикография: состояние, проблемы, направления // *Lingua mobilis*. 2013. № 1. С. 80–88.
25. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 265–304.
26. *Al Kasimi A. M.* *Linguistics and Bilingual Dictionaries*. Leiden, 1983. 131 p.
27. *Zgusta L.* *Manual of lexicography*. Praha, 1971. 360 p.
28. Unwort des Jahres : [website]. URL: <https://www.unwortdesjahres.net/unwort/> (accessed 04.09.2023).
29. Wort des Jahres : [website]. URL: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (accessed: 04.09.2023).

Глава 5

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА И СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

5.1. Ментальное здоровье нации в англоязычной неологической картине мира: когнитивно-прагматический аспект

Антропологическая парадигма, доминирующая в лингвистике в последние десятилетия, сместила акценты исследований в сторону изучения «человека в языке», который предстает как «многогранный и многоаспектный феномен, проявляющийся в различных сферах деятельности. Речевая (дискурсивная) деятельность личности является приоритетной областью лингвистических исследований последнего времени. Движущей силой любых действий человека являются ценности, которые и определяют его интересы, мотивы, ориентации и психологические установки» [12, с. 159].

Здоровье является одним из фундаментальных понятий человеческого существования, в силу чего наполняется особым содержанием в различных сферах жизнедеятельности людей и, соответственно, определяется как с позиций обыденного сознания, так и с точки зрения биологии, медицины, философии, социологии и других наук. В результате интенсивного преобразования среды обитания человека, вызванного прежде всего научно-техническим прогрессом, начинают более ясно ощущаться «искусственность» и «техногенность» существования человечества, что заставляет людей переосмысливать привычные фундаментальные жизненные ценности, в том числе и ценность здоровья. Теперь оно все чаще воспринимается как благо, для получения которого нужно приложить усилия [8, с. 4].

Осмысление понятия «здоровый образ жизни» выходит за рамки узко медицинской или социологической интерпретации, представляя интерес и для лингвистических исследований. Для лингвистов оно выступает уникальным явлением, обладающим ярким семантическим, прагматическим и иным языковым потенциалом, требующим глубокого и детального изучения.

В современном обществе концепция здорового образа жизни представляет собой «стереотипизированную модель поведения человека, направленную на достижение им здорового состояния, включающего не только комплекс мероприятий по профилактике болезней и эпидемий, но и комплекс действий, сфокусированных на физическом, душевном и социальном благополучии самого человека. Здоровье человека и достижение им здорового состояния — это приоритетные задачи Всемирной организации здравоохранения, действующей с 1948 года для предоставления и координирования медико-санитарных услуг по всему миру» [цит. по: 9, с. 358]. Однако деятельность ВОЗ не ограничивается оказанием содействия в предоставлении медико-санитарных услуг населению. Руководствуясь концепцией стратегического ведения коммуникации, ВОЗ направляет все свои силы и ресурсы для «построения лучшего, более здорового будущего для жителей всей планеты», «повышая комплексный характер использования имеющихся каналов передачи информации, включая взаимодействие со СМИ, использование социальных сетей и других средств коммуникации в сети Интернет» [цит. по: 9, с. 358].

Появление в языке новых номинативных единиц — «обязательный спутник нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная или общественная жизнь, экономическая сфера, взаимоотношения между людьми разных социальных групп и профессий и между государствами» [5, с. 4–5]. Но «в пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются; создается впечатление хаоса и нестабильности. В соответствии с особенностями ситуации в обществе изменяются психологические установки масс, их языковой вкус и чутье языка» [11, с. 9].

Новая лексика должна соответствовать прагматике ее употребления — быть краткой, выразительной, соответствующей нормам языка, адекватно передающей специфику окружающего мира: «социальная природа языка способствует рождению новых слов как естественного свойства всех живых языков. Этот процесс также отражает перемены и результаты непрерывного

познавательного процесса человека, его стремление наиболее полно и выразительно описать окружающую физическую картину мира, дать ей адекватное языковое выражение, которое было бы не только экспрессивным, запоминающимся, но и лаконичным, следовало бы основным словообразовательным моделям языка» [4, с. 26]. Изучение неологизмов важно для лингвистики, так как «исследование состава новообразований, их структурных особенностей, функционального предназначения способствует решению многих проблем лексикологии, словообразования, грамматики, стилистики» [см.: 1–3; 6; 7 и др.]. Неология считается одним из направлений лингвистики будущего: возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы отображают механизмы познания мира, являясь инструментом категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира [см.: 6].

В языковых формах человек описывает «не столько саму объективно существующую реальность, сколько то, что и как он воспринимает и понимает. Создаваемый субъективный образ окружающего мира всегда объективно ограничен национально-культурной спецификой языка, опытом отдельного общества, условиями познания мира, особенностями процесса естественной категоризации» [10, с. 16].

В главе осуществляется анализ когнитивно-прагматического компонента английских неологизмов, отражающих ментальное здоровье нации. Объектом изучения являются неологические единицы англоязычного дискурса. Предмет исследования — когнитивный и прагматический компоненты анализируемых единиц. Значимость данного исследования заключается в том, что процессы усвоения неологизма обществом и системой языка создают дополнительные аспекты контекста употребления нового слова. Целью когнитивно-прагматического подхода рассмотрения новой лексики является «анализ тех когнитивных структур, в которых хранится знание о прагматически релевантных условиях уместного выбора и использования лексических единиц» [2, с. 11].

Материалом настоящего исследования послужили примеры, извлеченные методом сплошной выборки из англоязычных неографических электронных источников за период 2017–2023 гг. [13; 15; 16]. Выбор словарей был определен тем, что данные ресурсы предоставляют лексику неформального характера, отражающую особенности коллективного словотворчества.

Анализ материала позволил выделить несколько тематических групп. Начнем с рассмотрения одного из базовых концептов современного мира — «культуры суеты» (*hustle culture*).

Миллениалы (*Millennials (Generation Y) — people who were born between the early 1981 and 1996*) и поколение Z (*iGen / Generation Z — people who are part of this generation are those with birth years between 1995 and 2012*) известны своим динамичным и высоким уровнем жизни. Такие люди вынуждены работать больше, и это заставляет их существовать в рамках «культуры суеты» (*hustle culture — the idea that work must be the the most important thing in your life and that working long hours and not taking time off is the only way to achieve success* [идея о том, что работа должна быть самой важной вещью в вашей жизни и что работать сверхурочно и не брать отпусков — единственный способ добиться успеха]), чтобы соответствовать стандартам, особенно это касается тех, кто работает в корпорации и живет в городе. Эта культура сама по себе является рабочей культурой, где люди работают больше, чем стандартные 8–16 или 9–17 часов. Целеустремленность и высокие результаты, положившие начало «культуре суеты», также требуют от людей выполнения большой нагрузки в течение этих долгих часов [14].

В связи с этим считаем неслучайным появление «новой» должности в деловом мире. Главная должностная обязанность этих людей — обеспечить, чтобы сотрудники конкретной компании были счастливы и удовлетворены, создать комфортную атмосферу на рабочем месте: *Chief Happiness Officer — someone whose job is to ensure that employees of a particular company are happy and fulfilled* (человек, чья работа заключается в том, чтобы сотрудники конкретной компании были счастливы и удовлетворены); *funstulant — someone who advises employees on how to make the company a more fun place to work* (человек, советующий сотрудникам как сделать работу в компании более интересной); *vibe manager — someone whose job is to create a good atmosphere in the workplace* (человек, чья работа заключается в создании хорошей атмосферы на рабочем месте); *joy strategist — someone whose job is to help people to be happier* (человек, чья работа заключается в том, чтобы помогать людям стать счастливее); *happiness economist — someone whose job is to study the links between a country's wealth and the happiness of its people* (человек, чья работа заключается в изучении связей между богатством страны и счастьем ее народа).

Ключевыми словами в данных неологизмах выступают слова *happiness — state of well-being characterized by emotions ranging*

from contentment to intense joy; fun — an enjoyable activity; vibe — a distinctive emotional atmosphere; sensed intuitively; joy — a feeling of great happiness.

Стресс, страх, тревога и волнения могут вызываться многими факторами. Одним из важных является недавняя пандемия: *panpanic — a strong feeling of fear experienced by many people during the covid-19 pandemic, leading to a lack of reasonable thought and action* (сильное чувство страха, испытываемое многими людьми во время пандемии Covid-19, приводящее к отсутствию разумных мыслей и действий); *home separation anxiety — a feeling of worry and fear about being away from home, especially as a reaction to having spent so much time at home during lockdown* (чувство беспокойства и страха по поводу того, что вы находитесь вдали от дома, особенно как реакция на то, что вы провели так много времени дома во время изоляции); *coronasomnia — the condition of being unable to sleep because of anxiety related to the coronavirus pandemic* (состояние бессонницы из-за тревоги, связанной с пандемией коронавируса); *FONO — abbreviation for “fear of normal”: a worried feeling about going back to your normal life and activities after the restrictions of the Covid-19 pandemic* (аббревиатура от «страх нормальности»: чувство беспокойства по поводу возвращения к нормальной жизни и деятельности после ограничений, вызванных пандемией Covid-19).

В данных неологизмах ключевыми лексемами выступают слова *fear — something bad or unpleasant that you are afraid might happen; stress — a worried or nervous feeling that stops you relaxing, caused, for example, by pressure at work or financial or personal problems; anxiety — a worried feeling you have because you think something bad might happen; worry — a strong feeling of anxiety*. Все эти слова обладают ярко выраженной отрицательной коннотацией и описывают психологические проблемы.

Также к факторам, провоцирующим стресс, можно отнести следующие:

— отсутствие времени: *hurry sickness — a way of behaving in which someone does everything in a rush because they always feel stressed and anxious about not having enough time to get everything done* (способ поведения, при котором кто-то делает все в спешке, потому что он всегда чувствует стресс и беспокойство из-за того, что у него недостаточно времени, чтобы все сделать);

— чтение или просмотр негативных новостей: *headline stress disorder — a feeling of stress and anxiety caused by reading or watching a lot of negative or worrying news* (стрессовое расстройство,

вызванное заголовком — чувство стресса и тревоги, вызванное чтением или просмотром большого количества негативных или тревожных новостей);

— возможное отсутствие продукта или запаса чего-л.: *FORO* — *abbreviation for "fear of running out": a worried feeling that you may run out of a product or a supply of something* (аббревиатура от «страх исчерпания»: тревожное чувство, что у вас может закончиться продукт или запас чего-л.);

— начало нового года: *Janxiety* — *feelings of unhappiness and worry that people often have at the beginning of a new year* (чувство несчастья и беспокойства, которое часто возникает у людей в начале нового года);

— и даже попытку расслабиться: *stresslaxation* — *a feeling of stress that you experience when you try to relax* (чувство стресса, которое вы испытываете, когда пытаетесь расслабиться).

Попытки нивелирования негативных последствий страха, волнений и тревог — «психологическая помощь» — выражаются при помощи следующих групп неологизмов:

— терапевтические сессии, медитации и практики: *clean sleeping* — *the practice of getting enough good quality sleep in order to improve or maintain one's health* (практика получения достаточного количества качественного сна для улучшения или поддержания своего здоровья); *sound healing* — *a type of meditation that involves listening to the human voice and different objects that produce sound* (тип медитации, который предполагает прослушивание человеческого голоса и различных предметов, издающих звук); *soil bathing* — *the practice of immersing your body in wet earth as a way of improving your mental health* (практика погружения тела во влажную землю как способ улучшения психического здоровья); *forest bath* — *an activity similar to meditation that involves sitting in a forest and focusing on your surroundings* (занятие, похожее на медитацию, которое предполагает сидение в лесу и сосредоточение внимания на своем окружении);

— виды деятельности: *skychology* — *the act of looking up at the sky, thought by some people to be good for your wellbeing* (смотреть на небо, что считается полезным); *dirty wellness* — *activities that involve being outside in nature and getting dirty, thought to be good for people's physical and mental health* (занятия, связанные с пребыванием на природе, считаются полезными для физического и психического здоровья людей); *ecotherapy* — *a method of improving someone's well-being by engaging them in outdoor activities*

such as gardening and conservation work (метод улучшения благосостояния человека путем привлечения его к занятиям на свежем воздухе, таким как садоводство и природоохранные работы);

— определенное местоположение, способствующее улучшению благосостояния человека: *rage room* — *room where people can pay to smash up objects with the aim of feeling less stressed afterwards* (комната, где люди могут заплатить за то, чтобы разбивать предметы и после этого чувствовать себя менее напряженными); *laughter club* — *an organization of people who meet regularly to laugh together as a form of therapy* (организация людей, которые регулярно встречаются, чтобы вместе посмеяться в качестве формы терапии); *homotel* — *a hotel that is designed to make guests feel as though they are living in a comfortable home* (отель, созданный для того, чтобы гости чувствовали себя как в уютном доме); *mind gym* — *a place or club where you can go to do classes and have treatments that improve your mental health* (место или клуб, куда вы можете пойти на занятия и пройти курс лечения, улучшающий ваше психическое здоровье).

Так, для улучшения психологического здоровья человека необходимы хороший сон (*good quality sleep*) и уединение на природе (*sound healing; soil bathing; forest bath; dirty wellness; looking up at the sky; ecotherapy*).

Немаловажным фактором является и наличие специальных помещений, где люди могут за плату разбивать предметы для снятия напряжения (*rage room*); встречи для смеха в качестве формы терапии или прохождения курса лечения для улучшения психического здоровья (*laughter club; mind gym*); наличие удобного отеля, в котором можно чувствовать себя так же комфортно, как и дома (*homotel*).

Важность здорового образа жизни, эмоциональной стабильности и благополучия очень хорошо выражена в неологизмах, пришедших в английский язык из других языков. Можно сказать, что они являются базовыми концептами и отражают ценности этих народов. Так, из китайского языка в англоязычный дискурс пришел неологизм *tang ping* — *a Chinese term meaning “lie flat” that describes a trend where people reject the pressure to work long hours in a stressful job, and instead adopt a more relaxed lifestyle* (китайский термин, означающий «лежать ровно», который описывает тенденцию, когда люди отказываются от необходимости работать долгие часы на стрессовой работе и вместо этого ведут более расслабленный образ жизни); из иврита пришло новое слово *firgun* — *a Hebrew word for a feeling of happiness or pride in someone*

else's success (еврейское слово, обозначающее чувство счастья или гордости за чужой успех); скандинавские страны представлены следующими единицами: *lagom* — *a Swedish word meaning 'just enough', especially when relating to one's lifestyle* (шведское слово, означающее «достаточно», особенно в отношении образа жизни); *hygge* — *a lifestyle focussing on simple pleasures such as comfort and cosiness in the home, and spending time with friends and family* (образ жизни, ориентированный на простые удовольствия, такие как комфорт и уют дома, а также проведение времени с друзьями и семьей); *koselig* — *a Norwegian word for a quality of cosiness that comes from doing simple things such as lighting candles, eating nice food or spending time with friends in a warm, comfortable place* (норвежское слово, обозначающее уют, возникающий при выполнении простых действий, таких как зажигание свечей, употребление вкусной еды или время с друзьями в теплом, удобном месте); *ryt* — *a Danish word used in response to a stressful situation to tell oneself or someone else not to worry* (датское слово, произносимое в ответ на стрессовую ситуацию, чтобы убедить себя или кого-то другого не волноваться).

Посредством данных слов-концептов в англоязычный неологический дискурс транслируются такие базовые витальные ценности, как баланс между работой и домом, чувство счастья или гордости за чужой успех, комфорт и уют дома, проведение времени с друзьями и семьей.

* * *

Итак, анализ когнитивно-прагматического аспекта английских неологических единиц, отражающих ментальное здоровье нации, позволяет выделить группы, охватывающие области, связанные с физическим и ментальным здоровьем людей, с когнитивным опытом человека в свете новых реалий и норм. Анализ позволил сфокусировать внимание на личностно- и ценностно-ориентационные компоненты дискурса, призванные изменить мировоззрение и имеющие мотивирующий, предписывающий или рекомендательный характер. Когнитивно-дискурсивный анализ позволил выявить определенную динамику концептуализации здорового образа жизни как фрагмента картины мира.

Новая лексика англоязычного дискурса, описывающая ментальное здоровье нации, отражает влияние антропоцентрического поворота, а также является индикатором будущих социально-культурных и технологических трансформаций. Она имеет тенденцию к расширению границ своего применения, поэтому ее изучение

является важным шагом к созданию универсальной лингвистической парадигмы.

-
1. *Абросимова Л. С.* Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2011. № 1 (26). С. 106–110.
 2. *Заботкина В. И.* Когнитивно-прагматический подход к неологии // *Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований* : сб. науч. тр. Калининград, 1999. С. 3–9.
 3. *Зенина И. Н.* Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 23–27.
 4. *Избицкая М. В.* Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2020. 214 с.
 5. *Катермина В. В.* Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе : монография. Краснодар, 2019. 134 с.
 6. *Катермина В. В., Липцириди С. Х.* Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса : монография. Краснодар, 2021. 230 с.
 7. *Кондрашева Е. В.* Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления // *Эпоха науки*. 2019, № 18. С. 134–139.
 8. *Королькова А. С.* Прагматико-семантический потенциал единиц концептосферы «здоровый образ жизни» (на материале современного медиадискурса) : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2021. 174 с.
 9. *Машлыкшина Н. Д., Сидорова И. Г.* Лингвопрагматические средства репрезентации ЗОЖ в англоязычных и русскоязычных гипертекстах (на материале текстов интернет-сайтов фитнес-центров) // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2019. Т. 12, вып. 11. С. 358–363.
 10. *Пенягина Е. Б.* Содержание и структура концептов «аптека», «деньги», «здоровье»: лингвокогнитивный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2022. 208 с.
 11. *Сенько Е. В.* Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб., 2007. 354 с.
 12. *Шевякина С. В.* Языковые средства трансформации ценностно-ориентационного лингвокультурного пространства (на материале интернет-дискурса психологии ЗОЖ) : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2023. 199 с.
 13. Cambridge Dictionaries Online : [website]. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (accessed: 25.08.2023).
 14. *Christina C., & Shasita R.* Multimodal Discourse Analysis on Motivational Hustle Culture Quotes // *Metaphor*. 2022. Vol. 4 (2). P. 52–69.
 15. Urban Dictionary : [website]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed: 25.08.2023).
 16. Word Spy : [website]. URL: <https://wordspy.com/> (accessed: 25.08.2023).

5.2. Динамика интерпретации термина в конце XX — начале XXI в.

Развитие любого научного направления сопряжено с характером объекта исследования [17]. Понятие термина как главной категории терминоведения и языка для специальных целей претерпело множественные интерпретации, соотносившиеся с этапами и трансформациями развития данных научных направлений [3–6]. В этом смысле можно отметить, что терминоведение основано на интерпретационно ориентированной теории термина.

Интерпретация в нашем понимании — это обращенность к концептуальному разнообразию, обогащение понятия термина новыми объяснениями с помощью новых представлений и моделей. Динамика интерпретаций термина включает ряд этапов, связанных не столько с временной периодизацией, сколько с изменением методов интерпретации данной языковой единицы. На каждом этапе формировались свои вопросы и проблемы, а также возникали важнейшие концептуальные доминанты. Первые шаги в понимании природы термина в большинстве случаев представляли его неизменной единицей, демонстрирующей стационарное состояние внутри конкретных терминологий или терминосистем, то есть интерпретация термина носила технологический рациональный характер [11; 15].

С точки зрения современной науки важная роль модификации понятия термина для науки в целом и для ее конкретных направлений очевидна [17]. В исследовании ставится цель проанализировать характер и динамику интерпретаций термина как основной единицы языка для специальных целей (ЯСЦ), обусловленной развитием знания и факторами современной трансформации терминоведения. В представленном исследовании сделана попытка создать целостную интерпретационно ориентированную модель термина. С помощью такого представления оказалось возможным предсказать еще не вполне четкие модели термина, сопоставив их с логикой развития парадигмы специального знания. Авторы исследования использовали метод интерпретации, не разрабатывая новых концепций термина, а формируя целостность взглядов на логику развития предмета терминоведения. Сформулированные проблемы представляют собой не что иное, как стремление раскрыть роль интерпретации как главного механизма понимания природы термина — основной единицы профессионального знания.

Анализ динамики интерпретации термина проводился с учетом типологического, методологического и когнитивного принципов. Исследуется модификация понятия термина в рамках трех парадигмальных эпох: вюстерианской (1930–1990 гг.), поствюстерианской (1990–2010 гг.) и метавюстерианской (настоящее время).

Теория и практика специального языка, предназначенного для профессионального общения, зародились в 30-х гг. XX в. в западноевропейском и российском языкознании [2; 9; 14; 20; 32]. Начало интерпретаций термина в России было положено в трудах известного философа начала XX в. П. А. Флоренского (1882–1937). Основные взгляды исследователя изложены в ряде работ: статье «Термин» (1917–1922), раскрывающей основные положения теории этого понятия; эссе «Мысль и язык» (1922), посвященном раскрытию понятия науки как символического описания; работах «Антиномия языка» (1918) и «Магичность слова» (1920), дающих представление о термине как «соке слова».

Интерпретация термина в трудах П. А. Флоренского связана с философским обоснованием его природы, представлявшей единством двух начал. Так, в статье «Термин» П. А. Флоренский пишет, что в строении термина существуют два момента — точность и гибкость, богатство, твердый центр и приспособленная гибкость, возможность рассмотрения реальности, подобность [21, с. 222]. Данная интерпретация выстроена по принципу антиномий. Исследователь творчества П. А. Флоренского Г. К. Исупов отмечал, что «из кризисного переживания распавшейся на осколки классической картины мира люди эпохи Флоренского выходили средствами самособирания “я” на путях амбивалентного синтеза противоположностей» [12, с. 17].

По мысли Флоренского, в термине заключены одновременно неподвижность и устойчивость, биение мысли и бесконечность. «Тем и другим должен быть термин зараз: столь же гибким, как и твердым, столь же индивидуальным, как и универсальным, столь же мгновенно возникающим, как и навеки определенным исторически, столь же моим произволом, как и грозно стоящему надо мною принудительностью» [21, с. 196].

Подобная методика интерпретации позволила Флоренскому увидеть в термине сложную мыслительную единицу, носящую характер «свернутых текстов» отдельной науки или культуры. Термин, по Флоренскому, принадлежит научной речи, которая является орудием, выкованным из повседневного языка, при

помощи которого человек овладевает предметом познания [21, с. 21].

Знакомство со взглядами мыслителя позволяет оценить фундаментальный характер его трактовок и диалектический взгляд на основные проблемы термина. В его трудах мы видим начало сложной дискуссии о природе термина. Именно мысли П. А. Флоренского предвосхитили его последующие нескончаемые интерпретации.

*Принципы интерпретации термина
в конце XX — начале XXI в.*

О характере интерпретации термина мы судим с позиции того, что данная единица входит в качестве составной части в науку о ЯСЦ, сформировавшуюся в середине XX в., поэтому динамика этих интерпретаций во многих смыслах стала уже историей, но вместе с этим мы ощущаем определенную узость имеющихся представлений и необходимость поиска дальнейших трактовок.

Основной принцип интерпретации термина связан с хронологией развития этого понятия. Так, известный скандинавский теоретик терминоведения Г. Пихт выделяет три основных этапа [31]. Первый этап (1930–1975 гг.) в понимании исследователя представляется периодом теоретического обоснования терминологии. Второй этап (1975–1995 гг.) характеризуется прагматическим поворотом в науке, означающим расширение сферы исследования ЯСЦ и соответствующей терминологии. Третий этап (1995–2000 гг.) соотносится с решением проблем профессиональной коммуникации и роли терминологии в данном процессе, а также с появлением новых теоретических подходов.

В историю терминоведения вошли три исследователя, авторы классических интерпретаций термина: это австрийский терминолог Ойген Вюстер (1898–1977), российские терминоведы Эрнест Карлович Дрезен (1898–1937) и Дмитрий Семенович Лотте (1898–1950).

О. Вюстер, автор более 500 работ по проблемам термина, признан основателем терминоведения и автором методик стандартизации терминологии не только на национальном, но и на международном уровне [27, р. 80]. Жизненный опыт Вюстера определил характер его интерпретаций термина с позиций инженера и технолога. Исследователь начал с детального анализа имевшихся к тому времени суждений о термине, сформулированных

инженерами в ходе практической работы в конце XIX в., и понял, что термин — это основное орудие инженера. В 1931 г. он защитил диссертацию на тему “Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Electrotechnik” («Международная стандартизация языка техники с опорой на язык электротехники») и был удостоен докторской степени [35]. О. Вюстер осознавал разницу между обыденными и специальными понятиями, обозначаемыми терминами, полагая, что первые не поддаются определению, и этим они отличаются от специализированных концептов, многие из которых имеют четкие безупречные дефиниции. Понятие концепта, чрезвычайно сложное и богатое по смыслу, находилось в центре разработанной им теории термина [34].

Позднее диссертация О. Вюстера была переведена на русский язык и во многом повлияла на организацию терминологической работы в России. С учетом его положений о стандартизации терминологии российские терминологи предложили создать Технический комитет 37 (ТС37) в рамках работы Международной организации по стандартизации (ISO). Этот комитет работает и в настоящее время. С 2018 г. его деятельность, включая руководство комитетом, осуществляется китайскими терминологами. Главным его направлением оказывается разработка принципов и методов стандартизации терминов, используемых при работе с терминологией и другими ресурсами в контексте межъязыкового и межкультурного общения.

Анализируя роль О. Вюстера в развитии российского терминоведения, известный исследователь истории и развития терминоведения в России В. А. Татаринов указывает на то, что изначально в отечественной науке возникло определенное несогласие с рядом положений теории Вюстера, проявившееся уже при переводе его книги на русский язык [19]. Как такового перевода его работы на тот момент не было, существовал лишь довольно приблизительный пересказ содержания диссертации, а примеры из других языков были заменены на примеры из русского языка. Как отмечает В. А. Татаринов, при переводе опускались целые страницы исходного текста с неясными местами или с комментариями отдельных философов. Общий вывод, сделанный исследователем, сводился к тому, что наследие О. Вюстера требовало в отечественном терминоведении дальнейшего всестороннего имманентного изучения, а интерпретации термина немецкого специалиста следовало бы больше приблизить к отечественному терминоведению, хотя сделать это было сложно из-за больших

отличий толкований Вюстера от тех, что закрепились в русской традиции [18, с. 124–126].

Активным пропагандистом терминологической теории Вюстера в СССР стал один из организаторов терминологической работы в нашей стране Э. К. Дрезен (1898–1937), опубликовавший рецензию на немецкое издание книги Вюстера [Там же, с. 121].

Несмотря на близость взглядов двух терминологов, в их интерпретациях виделись различия. Традиционно Вюстер рассматривал термины в составе научно-технического языка, в то время как Э. К. Дрезен изучал внутритерминологическую проблематику. Для Вюстера терминоведение ассоциировалось с логико-понятийной проблематикой, а для Э. К. Дрезена оно было связано с формально-лингвистическими проблемами и инженерией термина. При этом Дрезен перенес свой инженерный образ мышления и «естественную» работу с системами на анализ терминологии различных предметных областей [Там же, с. 125].

Ведущий российский терминолог Д. С. Лотте, разработавший принципы стандартизации терминологии и сформулировавший требования, предъявляемые к термину, также был инженером на одном из крупнейших предприятий страны. Наблюдение над процессом образования терминов позволило Лотте сделать вывод о том, что на смену общетехническим терминам идут термины отраслевые, или «цеховые» [15, с. 888]. Поэтому одной из главных задач он видел детальное изучение образования новых терминов.

Таким образом, классические интерпретации термина, положенные в основу его трактовок, во многом предопределили содержание дискуссий в отношении его сущности.

Конфликт интерпретаций термина на переломе тысячелетий

Изучение терминологии внутри отраслевых систем и создание на этой платформе специальных словарей привели к очевидным успехам, с учетом которых возникла идея о всеобщности и устойчивости терминологии. Однако уже в 1965 г. высказывалась критика идеи стандартизации терминологии. Поэтому Вюстеру пришлось отвечать на конкретные критические замечания путем более подробного изложения и комментирования работы по стандартизации и разработки стандарта и терминологических принципов составления словаря.

К началу XXI в. стало ясно, что общая теория термина Вюстера вызывает главным образом описательные интерпретации термина и терминообразовательного процесса, а это приводит к ее обособленной критике.

Первая критическая интерпретация термина, положившая начало новой методологической трансформации терминоведения, связана с выявлением ограниченности вюстеровской теории термина, объясняющей терминообразование с помощью стабильности термина и его связей. Исследователи термина пришли к выводу о том, что данная единица не может считаться неизменной, раз и навсегда созданной, поскольку термин, как и любая другая единица языка, производится, развивается, модифицируется и в дальнейшем может исчезать из употребления.

Своеобразный кризис толкований термина привел к конфликту интерпретаций и последующей смене направлений интерпретации термина. Этому предшествовали два научных события — семинар в Университете Барселоны в 2000 г. и семинар по проблемам термина в рамках XIII симпозиума по ЯСЦ в Университете города Вааса (Финляндия) в 2001 г., наметившие четкую границу между традиционными и инновационными интерпретациями. Семинар в Барселоне собрал лингвистов, философов, психологов и представителей других наук, формирующих критические взгляды на теорию О. Вюстера. Цель этого мероприятия заключалась в обобщении результатов критического анализа этой теории и выработке оценки современной теории терминологии с позиции метаперспективы, то есть с точки зрения таких наук, как философия, социология и эпистемология.

На симпозиуме в Университете города Вааса произошел своеобразный перелом в интерпретациях термина. В предисловии к сборнику материалов симпозиума, озаглавленном “Terminology science at the crossroad?” («Терминоведение на перепутье?»), отмечаются необходимость и важность обсуждений назревшей проблемы дальнейшего пути развития терминоведения [29]. Названия ряда статей также указывают на неоднозначную оценку прошедшего после О. Вюстера тридцатилетнего пути терминоведения, например, статья Б. Антия озаглавлена “Concepts as predications, terminologies as multimedial texts” («Концепты как предикации, терминологии как мультимодальные тексты»), статья М. Поцци — “The ‘concept’ and the ‘object’ in terminology science” («Концепт и объект в терминоведении») и др.

Известный скандинавский терминолог Й. Микинг разделил критиков теории О. Вюстера на три группы: (а) умеренные и компромиссные, включая скандинавского терминоведа Г. Пихта и самого себя, (б) радикальные и выступающие против (Р. Теммерман [32; 33], М. Т. Кабрэ [26]), и (в) радикальные, но лояльные (Б. Тофт [28, p. 55]).

Интерпретации представителей первой группы критиков направлены на смягчение конфликта за счет сближения и даже интеграции терминологических и лингвистических взглядов на термин без отказа при этом от устоявшихся методологических и теоретических положений теории Вюстера. Позиция представителей второй группы полностью отвергает традиционные взгляды на терминологию. Важным следствием этой критики является то, что взгляды традиционной терминологии и современной лингвистики во многом поляризовались. Цель интерпретации теории Вюстера представителями третьей группы критиков связана с намерением детально проанализировать взгляды Вюстера на фоне всего исторического контекста. По мнению Б. Тофт, вюстерианская традиция нуждается в дополнении и корректировке с помощью когнитивного и функционального подходов [28].

На симпозиуме в Университете города Вааса присутствовали сторонники компромиссного решения проблемы традиционных и современных интерпретаций термина, такие как К. Лаурен, Г. Пихт и др., представившие новые пути развития терминоведения с учетом достижений Вюстера и его учеников. Г. Пихт обсуждал возможность рассмотрения концепта как единицы знания, которым люди обладают в определенный момент времени. Исследователь дискутирует по поводу разницы между понятиями концепта как единицы мысли и концепта как единицы знания, предлагая рассматривать их как единицы познания, претерпевающие определенные модификации и становящиеся новой единицей знания [30].

Умеренные критики теории Вюстера стремились показать, что многие из его идей были либо неверно истолкованы, либо неправильно поняты [22–25; 28; 29]. Они провели основательное сопоставление теории Вюстера и современных терминологических теорий и пришли к выводу о том, что ряд терминологических школ демонстрируют теоретические и методологические сходства (венская школа во главе с Вюстером, советская терминологическая школа, пражская школа, а также ряд других исследовательских направлений Канады, Германии и Норвегии). В российском

терминоведении научное творчество Вюстера наиболее полно проанализировано в работах известного терминоведа, председателя Российского терминологического общества (РоссТерма) В. А. Татарина [20].

Первым радикальным критиком О. Вюстера выступила известный исследователь языка для специальных целей профессор Рита Теммерман [32; 33]. Интерпретация термина велась ею с позиций социотерминологии, в рамках которой специальные понятия рассматриваются в дискурсе и подвергаются многочисленным модификациям и изменениям в зависимости от социальных и исторических переменных [26, р. 1–2].

Социотерминологические взгляды на термин, противоречащие общей теории термина О. Вюстера, основаны на следующих суждениях:

— концепции и дефиниции термина не являются статичными, а постоянно развиваются, поскольку дисциплины, к которым они относятся, также развиваются с течением времени;

— полисемия и синонимия присущи природе языка в целом, поэтому они неизбежно встречаются в специализированном дискурсе;

— специализированные предметные области связаны с междисциплинарными знаниями, поэтому сложно исследовать изолированное отраслевое знание;

— эксперты, входящие в научно-исследовательские группы в области науки и техники, не образуют однородных групп.

Интерпретация сущности термина ведется Р. Теммерман в рамках дихотомий: традиционного и современного (социокогнитивного) взглядов на термин, теоретических и методологических ценностей, описательного и предписывающего направлений терминоведения, ономаσιологического и семасиологического взглядов на термин.

Второй радикальный критик теории О. Вюстера М. Т. Кабрэ выступила с позиций коммуникативного подхода к терминологии, в котором каждое из трех измерений (когнитивное, лингвистическое и коммуникативное), будучи неразделимым в структуре терминологической единицы, обеспечивает прямой доступ к объекту [26, р. 187]. Принципы интерпретации термина с точки зрения профессиональной коммуникации суммированы М. Т. Кабрэ следующим образом:

— термин как объект исследования входит в состав естественного языка;

— терминологические единицы активируются при определенных прагматических условиях и приспосабливаются к данному типу общения;

— ценность термина определяется местом, которое он занимает в концептуальной структуре конкретной области в соответствии с установленными критериями [26, р. 122–124, 131–133].

Большую ясность в дискуссию о природе термина и дальнейших перспектив развития терминоведения в поствостернианский период внесли российские терминологи с помощью понятия комплексности термина. Так, по мнению известного исследователя терминологии В. М. Лейчика, термин представляет собой многослойную лексическую единицу того или иного ЯСЦ [14, с. 31].

Взгляды В. М. Лейчика на природу термина сформировали семиотическую направленность в его интерпретациях. В своих исследованиях ученый выдвинул тезис о том, что термин следует понимать не как единицу языка, а как функцию, соотносимую с функцией естественно-языкового субстрата. Поскольку свои специфические, наиболее существенные признаки термин приобретает в процессе образования, он противопоставляется своему естественно-языковому субстрату. «Субстратом термина является лексическая единица (слово или словосочетание), у которой при выполнении ею функции термина появляются (надстраиваются) специфические признаки. В то же время у термина сохраняются общие признаки лексической единицы естественного языка, в том числе способность вступать в синтагматические отношения в речевых произведениях, в текстах» [13, с. 12].

Семиотический взгляд на термин служит надежной основой последующих интерпретаций термина с учетом того, что первоначально он бывает задан в виде лексической единицы, то есть вырастает на основе лексической единицы определенного естественного языка. В этом смысле лексическая единица языка является естественно-языковым субстратом термина [14, с. 30–31].

По В. М. Лейчику, термин представляет собой многослойное образование, включающее языковой субстрат и логический суперстрат, образующие нижний и верхний слои термина, между которыми располагается терминологическая сущность, состоящая из концептуальной, функциональной и формальной структур. Созданная модель раскрывает «терминологическую сущность термина», которая, по мнению автора модели, шире соотношения языкового знака с логическим понятием.

В дальнейшем идея В. М. Лейчика о субстрате термина получила развитие и сформировала новое дискурсивное направление, в рамках которого термин понимается как компонент динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление в ходе профессиональной деятельности [4, с. 15]. После того, как были обнаружены множественные сферы жизни термина (фиксация, порождение, закрепление, развитие и др.), он стал означать нечто иное, чем в традиционном терминоведении [13; 14].

Современные интерпретации термина

Каждый последующий этап развития терминоведения в методологическом аспекте представляет собой радикальную перестройку понятийных оснований, а не просто усовершенствование предшествующего направления исследования. Несмотря на то, что традиционные трактовки термина обладали определенной очевидностью, исследователи термина в конце XX в. выявили трудности в описании терминологий при использовании лишь принципов стандартизации и унификации.

В основу современных интерпретаций термина легли идеи его функциональности [7–10; 21]. В. П. Даниленко выявляет их специфику, заключающуюся в именовании специального понятия, реализация которой возможна лишь в рамках языка науки. По мнению автора, эта функция не изолирует язык науки и термин от естественного слова. При этом язык науки понимается исследователем как функциональная подсистема, формирующаяся на базе естественного языка, а терминология анализируется ею «в пределах той системы, в которую она естественным образом входит, то есть в составе лексики языка науки» [10, с. 16].

В современном терминоведении характер интерпретаций термина теряет остроту, а теория О. Вюстера рассматривается как отправная точка. Современные трактовки выходят за рамки аксиом, понятий и категорий, с помощью которых создавались непротиворечивые и во многом ограниченные описания терминологий. Анализ динамики интерпретаций термина показал, что теория Вюстера с позиции современных взглядов на термин ограничена одной из фиксацией и не охватывает динамику процессов терминообразования и терминоиспользования.

Применяя метод эмпирического описания, терминологи столкнулись со способностями терминов, актуализирующих

свойства алогичности, открытости и противоречивости. Становится очевидным, что даже самым строгим терминосистемам не удалось зафиксировать термины в желаемом значении. Границы терминосистем проявляли свойства диффузности и открытости.

Таким образом, первоначальные трактовки термина, полученные путем непосредственного опыта и прямой работы с терминологиями, отражали языковой опыт исследователей как продолжение их терминологической деятельности. В современной науке, изучающей порой недоступные для непосредственного наблюдения объекты и требующей применения косвенных методов с помощью сложных инструментов и устройств, формируется новый способ мышления, диктующий применение новых языковых способов репрезентации профессионального знания. Трансформацию интерпретаций термина мы представили в виде сравнительной таблицы (табл. 5).

Таблица 5

*Характер интерпретаций термина
в период поствостернианской трансформации*

Традиционные (востернианские) интерпретации термина	Интерпретации термина в поствостернианском терминоведении
Моноинтерпретация термина	Существование одновременно нескольких интерпретаций термина с позиций разных теорий (структурных, функциональных, текстовых и др.)
Представление о термине как строгой и точной единице языка	Исследование термина как комплексной многослойной единицы сферы профессиональной коммуникации
Интерпретации термина с позиции логики	Дискуссии о термине с разных позиций
Закрепление за термином постоянного четкого смыслового содержания	Постоянная реинтерпретация понятий термина
Эмпирические описания частных терминологий	Объяснение природы и внутренних закономерностей термина, построение моделей термина и терминообразования

Как мы видим, поствостернианский этап развития терминоведения характеризуется наличием теоретико-познавательных

интерпретаций. Интерпретации термина с разных научных позиций показали изменения в области методологии терминоведения, связанные с необходимостью изучения модификации его объекта и предмета, а также с возможностью построения новых теорий термина.

Современному терминоведению свойственны признаки более глубоких и комплексных интерпретаций термина, обладающих трансдисциплинарными, то есть во многом зависимыми от трансфера знания в целом свойствами. Проблемы терминоведения рассматриваются в совокупности со смежными проблемами когнитологии, психологии, теории познания и другими научными направлениями. В центр внимания терминоведов ставится человек как деятель и создатель терминологии, отражающий результаты собственного познания мира. Таким образом, терминоведение нуждается в теории нового типа, отражающей результаты прогресса любой разновидности знания, демонстрирующего человеческое совершенствование.

В современном терминоведении динамика интерпретации термина описывается в рамках *социокогнитивной* [3; 26; 32], *деривационной* [2; 4; 9; 14], *диатропической* и *трансферной* [3; 6; 18; 20] *теорий термина*. С учетом того, что новые термины создаются в результате развития предшествующих научных теорий, нами отмечаются признаки метавюстерианской интерпретации термина, связанной с понятием *метанаучного знания*, предполагающего переход от анализа к критике и рефлексии.

Проблемы динамики взглядов на термин обусловлены отказом от наукоцентризма, антифундаментализма, а также ускорением жизненного цикла знания [3; 5; 6]. Так, поствюстерианский этап развития терминоведения вдвое короче предшествующего вюстерианского периода. В результате происходит расширение пространства изучения терминологии, а также наблюдаются отсутствие демаркации между научным и обыденным знанием, образование трансязычного пространства, увеличение ресурсной базы терминотворчества, неологизация и другие комплексные процессы развития терминологического знания [3].

* * *

Первоначальные интерпретации термина оказались результатом опыта работы с языковым материалом и не соотносились с системой знания об объекте, а скорее напоминали правила и предписания создания специальных единиц. Особенность

предмета терминоведения выражалась в том, что исследователи осуществляли главным образом описание термина, которое показывало, что мир терминов предметен. Описательный метод убеждал терминологов в том, что основное свойство термина — его референтность к миру реальных вещей. Результатами применения данного метода явились множественные описания конкретных отраслевых терминологий. В процессе дальнейших интерпретаций усложнился предмет терминоведения, а также многие категории, такие как «термин», «терминологизация», «терминообразование» и т. д., ставшие более абстрактными.

Исследование динамики интерпретации термина позволило сформулировать следующие выводы. В ходе вюстерианского этапа сформировалась непротиворечивая картина, допускающая единую интерпретацию связей между терминами в рамках терминологий и терминосистем, сложившихся в реальном мире и отражающих его основные материальные структуры.

Интерпретации поствюстерианской эпохи расширили границы понимания сущности термина за счет признания необходимости динамики самой интерпретации и глубинных изменений в структурах мышления. Свидетельством существенных изменений в мышлении служат острые дискуссии и сопротивление новым идеям в отношении перспектив исследования.

Принципы интерпретации оказались в прямой зависимости от проблемы соотношения мышления, языка и познания. Таким образом, на смену формально-логическому аспекту, характерному для вюстерианского периода, пришло теоретико-познавательное направление, внутри которого четко идентифицируются признаки нового этапа интерпретации термина — метавюстерианского.

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Вековой путь российского терминоведения // Науч. диалог. 2021. № 9. С. 9–34.

2. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. К истокам отечественного терминоведения // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежег. междунар. науч. конф. 1–2 февр. 2013 г., УрГПУ. Екатеринбург, 2013. С. 262–272.

3. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Когнитивная трансформация терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 122–128.

4. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002. 200 с.

5. *Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.* Терминоведение и лингвистика: грани взаимодействия // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2021. № 3. С. 5–12.
6. *Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.* Трансформация терминоведения в поствостериянскую эпоху // Иностранные языки в контексте культуры : сб. ст. по материалам XIX науч.-практ. конф. с междунар. участием. Пермь, 2022. С. 72–78.
7. *Герд А. С.* Проблемы становления и унификации научной терминологии // Вопр. языкознания. 1971. № 1. С. 14–22.
8. *Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987. 105 с.
9. *Гринев С. В.* Терминоведение: итоги и перспективы // Терминоведение. 1993. № 3. С. 5–13.
10. *Даниленко В. П.* Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии : сб. науч. ст. М., 1989. С. 5–23.
11. *Дрезен Э. К.* Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов. М., 1934. 88 с.
12. *Исупов К. Г.* Павел Флоренский: наследие и наследники // Pro et Contra. СПб., 2001. С. 9–30.
13. *Лейчик В. М.* О языковом субстрате термина // Вопр. языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.
14. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М., 2007. 256 с.
15. *Лотте Д. С.* Очередные задачи технической терминологии // Изв. АН СССР. Сер. 7: Отделение общественных наук. 1931. № 7. С. 883–891.
16. *Манерко Л. А., Шарапов А. Н.* Европейское терминоведение: от востериянского понимания термина к осмыслению когниции и коммуникации // Вестн. МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2015. № 5. С. 24–32.
17. *Налимов В. В.* Разбрасываю мысли. М., 2000. 344 с.
18. *Татаринов В. А.* Проблемы философской рефлексии в научном переводе // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты / отв. ред. И. И. Ремезова. М., 2009. С. 111–138.
19. *Татаринов В. А.* Рецепция терминологических взглядов Ойгена Вюстера в отечественном терминоведении // Вопр. филологии. 2004. № 1. С. 106–109.
20. *Татаринов В. А.* Теория терминоведения : в 3 т. М., 1996. Т. 1. Теория термина : История и современное состояние. 311 с.
21. *Флоренский П. А.* Имена : сочинения. М. ; Харьков, 1998. 912 с.
22. *Antia B.* Terminology and Language Planning. An Alternative Framework of Practice and Discourse. Amsterdam ; Philadelphia, 2000. 290 p.
23. *Antia B.* A Text Linguistics Analysis of Terminology mediated Knowledge Transfer. Terminology Science & Research. 1998. Vol. 9 (1). P. 5–7.
24. *Budin G.* A Critical Evaluation of the State-Of-The-Art of Terminology Theory // ITTF J. 2002. Vol. 12 (1–2). P. 7–23.
25. *Budin G.* Terminology Studies in the German-Speaking Communities // Modern Approaches to Terminological Theories and Applications / ed. H. Picht. 2006. Vol. 36. P. 91–106.

26. *Cabré M. T.* Theories of Terminology. Their Description, Prescription and Explanation // *Terminology*. 2003. No. 9 (2). P. 163–199.

27. *Campo A.* The Reception of Eugen Wüster's Work and the Development of Terminology : Theses en vue de l'obtention du grade philosophiae doctor (PhD). Montréal, 2012. 378 p.

28. *Journal of the International Institute for Terminology Research*. 2001. Vol. 12. № 1–2. 88 p.

29. *Journal of the International Institute for Terminology Research*. 2002. Vol. 13. № 1–2. 96 p.

30. *Laurén Ch., Picht H.* Vergleich der terminologischen Schulen // *Ausgewählte Texte zur Terminologie* /eds. Ch. Laurén and H. Picht. Wien, 1993. P. 493–539.

31. *Picht H.* Terminology Yesterday, Today and Tomorrow // *Terminology Science & Research*. 2007. Vol. 18. P. 5–13.

32. *Temmerman R.* Towards New Ways of Terminological Description. The Sociocognitive approach, Amsterdam ; Philadelphia, 2000. 258 p.

33. *Temmerman R., Kerremans K.* Termontography: Ontology Building and the Sociocognitive Approach to Terminology Description // *Proceedings of the International Congress of Linguists (CIL17)*. 21–25 Sept. 2009, Stockholm. Vol. 7. Stockholm, 2009. P. 1–10.

34. *Troyar M.* Wüster's View of Terminology // *Slovenski jezik — Slovene Linguistic Studies*. 2017. Vol. 11. P. 55–85.

35. *Wüster E.* Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektronik. Berlin, 1931. 431 p.

5.3. Семантическое пространство названий профессий и особенности его языкового отражения

Лексика, обозначающая профессии, в последние годы активно развивается под воздействием экстралингвистических факторов, прежде всего социальных и технологических: появляется много новых профессий и занятий в целом, для которых требуются наименования. Новые обозначения могут как заимствоваться, так и возникать в результате расширения семантики уже имеющихся в языке слов, а также образовываться в самом русском языке по существующим словообразовательным моделям.

Специалисты отмечают растущие темпы автоматизации в различных сферах деятельности, даже тех, которые казались слишком сложными для автоматизации [22]. В долгосрочной перспективе это может привести к тому, что люди потеряют часть существующих рабочих мест, но приобретут новые в возникающих отраслях [Там же]. Процесс появления новых видов деятельности активно

идет уже в настоящее время, и, как следствие, требуются новые слова и значения в сфере обозначения занятий.

Данный раздел посвящен актуальным процессам, происходящим в лексико-семантической сфере, в которую входит лексика, называющая профессии и — шире — занятия, которые могут быть как оплачиваемыми, так и неоплачиваемыми (например, *блогер*). В данной статье под профессиями мы понимаем и собственно профессии, и такие занятия.

В настоящей работе мы опирались как на труды в области семантики, лексикологии и лексикографии Ю. Д. Апресяна [2; 3], Л. Г. Бабенко [4; 5], М. А. Кронгауза [12], Э. В. Кузнецовой [13], так и на специальные работы, посвященные непосредственно вопросам профессиональных номинаций, А. Агорена [1], Г. А. Воеводиной [7], Е. И. Головановой [8–10], А. И. Моисеева [14; 15], В. М. Мокиенко [16], М. А. Соловьевой [19].

Актуальные процессы или тенденции внутри ЛСГ названий профессий были выявлены в ходе работы над толково-дискурсивным словарем названий профессий в рамках Большого проекта «Речевые практики» НИУ ВШЭ.

В толково-дискурсивный словарь названий профессий включаются обозначения профессий в широком смысле слова как различных видов деятельности, в том числе отсутствующие в классификаторах должностей и профессий. Эти номинации могут быть не только нейтральными (*редактор, охранник*), но и маркированными стилистически, оценочно и гендерно (*пиарщик, врачиха*).

Целью нашего исследования было выявление актуальных тенденций и закономерностей, касающихся ЛСГ названий профессий. Объектом исследования является пространство русских названий профессий, в том числе уже давно существующих (*редактор, терапевт, эксперт*), семантика которых претерпевает сейчас изменения под воздействием как языковых, так и экстралингвистических факторов. Необходимо отметить, что официальные названия должностей и профессий, отраженные в том числе в Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов, не являются объектом настоящего исследования, поскольку нас интересовали явления общенародного языка, в том числе разговорной речи, языка медиа, художественной и документальной прозы, а также разговорно-письменной речи, представленной прежде всего в социальных сетях. Предметом нашего исследования являются актуальные явления, происходящие в ЛСГ названий профессий, и тенденции,

которые из них прослеживаются. Нами были сформулированы следующие задачи: проанализировать различный материал — словари, корпуса текстов, вакансии, размещаемые на сервисе *HeadHunter*; сравнить данные словарей с современным узусом; зафиксировать новые явления, происходящие в исследуемой ЛСГ; на основе их обобщения выявить актуальные тенденции и закономерности. Для исследования были выбраны такие методы, как опрос носителей современного русского языка, анализ словарей и корпусов, а также анализ результатов, полученных с использованием современных инструментов: сервиса поиска семантических ассоциатов *RusVectors* и большой языковой модели *ChatGPT-4*. С помощью указанных методов и инструментов были выявлены следующие процессы.

1. Меняется характер семантических связей внутри лексики, называющей профессии. В частности, семантические связи этой лексики усложняются и размываются. Мы провели опрос носителей русского языка, в ходе которого с помощью *Google forms* опросили 77 человек о связях денотатов слов *редактор*, *журналист*, *пиарщик*, *писатель*, *лектор*, *тренер*, *китаист*, *певец*, *парикмахер*, *модельер*, *флорист*, *секретарь*, *охранник*, *водитель*, *летчик*. Респондентам предлагалось указать слова, называющие похожие профессии, близкие к этим профессиям или связанные с каждой из них, а также определить, как именно они связаны (например, профессия редактора является частью деятельности издателя, полностью совпадает с ней или включает ее в себя). Кроме того, для всех изучаемых названий профессий мы подготовили списки синонимов из соответствующих словарей и списки семантических ассоциатов с помощью сервиса *Rusvectors* и предложили респондентам ответить, как указанная профессия связана с профессией, называемой тем или иным словарным синонимом или семантическим ассоциатом (например, *журналист* и *корреспондент*).

Респонденты привели к каждому названию профессии от 43 (к слову *летчик*) до 126 (к слову *журналист*) соотносимых слов. При этом одно и то же слово по отношению к исследуемому слову могло восприниматься как синоним, гипоним, гипероним и как не связанное с ним — например, слово *корректор* респонденты отнесли к каждому из возможных вариантов по отношению к слову *редактор*. По нашему мнению, выбор типа связи зависел от того, какое значение слова *редактор* опрашиваемый считает основным.

Кроме того, участники вопроса сочли связанными названия профессий, не являющиеся синонимами, гипонимами

и гиперонимами. Такие слова оказались связанными в восприятии респондентов в том случае, если соответствующие занятия имеют общую цель и/или место осуществления деятельности: например, *редактор* и *верстальщик* объединены созданием книги, *редактор* и *монтажер* — производством видеоматериалов, а *летчик* и *бортпроводник*, *тренер* и *арбитр* — местом выполнения своих профессиональных обязанностей.

Другой тип связи — общий характер деятельности. Респонденты назвали связанными занятия из разных сфер, объединенные общей направленностью. *Флорист* и *стилист*, *дизайнер интерьера* — названия занятий в сфере красоты, но они не взаимозаменяемы в большинстве случаев, не являются синонимами и не имеют общего гиперонима. Ю. Д. Апресян определяет такие слова как аналоги, то есть слова одной части речи, имеющие похожее значение, но семантически отстоящие дальше, чем синонимы [18, с. 23]. Необходимо отметить, что похожие на аналоги слова фигурировали не только в опросе респондентов, но и в выдаче сервиса поиска семантических ассоциатов *Rusvectors* для некоторых названий профессий — например, семантическими ассоциатами слова *парикмахер* являются слова *маникюрша*, *визажист*, *модистка*.

Обычно названия профессий, объединенных характером деятельности, не имеют общего гиперонима, то есть не являются когипонимами. Однако в некоторых сферах существуют слова, близкие к нему по функции, употребляющиеся всегда во множественном числе, чье грамматическое значение близко к собирательности. Это, например, такие формы, как *силовики*, *оборонщики*, *газовики*, *аграрии*, *нефтяники*, *авиаторы*, *медики*, называющие сферы или отрасли в целом, а не конкретных специалистов: *Если сейчас полиция может изымать из семьи детей, то по предложенному законопроекту **силовики** обязаны оказывать меры защиты, которые предусматривают временную передачу ребенка бабушкам, дедушкам и другим родственникам, а если это невозможно, то в соцучреждение* (Парламентская газета. 23.09.2021)¹. Такие слова могут быть новыми образованиями (*силовики*, *оборонщики*); в других случаях значение ‘сфера, отрасль в целом’ развивается у существительного во множественном числе, называющего ту или иную профессию из данной сферы, например, *лесники*, *геологи*, *устар. авиаторы*.

¹ Здесь и далее примеры употребления взяты из НКРЯ.

О потребности в таких общих наименованиях, в частности, для названий профессий по производству информации, говорит появление гиперонимов *телевизионщики, киношники, медийщики, радиийщики, книжники* и др. Некоторые из них являются неологизмами или словами, развившими новое значение; так, например, существует партнерство «Гильдия книжников», в названии которого использовано близкое к гиперониму слово для обозначения всех специалистов, занятых производством книг. Однако оно не является гиперонимом для обозначения любых профессий по производству информационных продуктов, поскольку, например, *редактор, верстальщик, дизайнер* не обязательно *книжники*.

Таким образом, связанными оказываются обозначения представителей профессий, занятых на разных этапах создания продукта или обеспечивающих разные аспекты одного процесса, при этом у них может не быть объединяющего наименования, близкого по функции к гиперониму. Опрос носителей русского языка показал сложность парадигматических связей рассматриваемой лексики. Это обусловлено усложнением самого денотата — профессиональной сферы.

2. В сфере производства, обработки и распространения информации семантические связи между названиями профессий утрачивают четкий характер особенно явно, так как профессиональные обязанности здесь становятся менее определенными. Данные процессы происходят в рамках появления новых типов, форматов содержания и, как следствие, новых видов деятельности и профессий. Для наименования соответствующих специалистов могут использоваться номинации, уже существующие в русском языке, и заимствоваться новые слова.

Так, в Большом толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова отмечаются два значения слова *редактор* (о человеке) — ‘тот, кто редактирует какой-л. текст’ и ‘руководитель издания (книги, журнала, газеты и т. п.), утверждающий его содержание’. При этом респонденты назвали в качестве связанных слова *монтажер, медийщик, сценарист, радиоведущий*, которые отражают новую специфику работы редактора в настоящее время — это обработка не только текстов, но и аудио-, видеоматериалов, так как редактор необходим при производстве кино, музыки, телепередач. Кроме того, респонденты назвали слова *рерайтер* (как полный синоним к *редактор*), *райтер, копирайтер* (как гипонимы к *редактор*), обозначающие специалистов не по редактированию, а по созданию текстов, что показывает появление у слова *редактор* новой

дополнительной семантики — ‘специалист, самостоятельно создающий как оригинальные, так и переработанные материалы’. Это подтверждается наличием популярной формулировки вакансии *пишущий редактор*. Лексическое значение слова *редактор* расширилось, менее четкими стали различия между разными значениями, что связано с существенными изменениями в редакционно-издательской деятельности в современном мире.

Аналогичный процесс происходит и со словом *тренер*. В Большом толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова приведено следующее толкование: «Специалист в каком-л. виде спорта, руководящий подготовкой спортсменов». Однако результаты опроса и анализ современных контекстов показывают, что слово расширяет значение и увеличивает количество семантических связей. Так, обнаруживаются сочетания *тренер по публичным выступлениям, тренер по отношениям, тренер личностного роста* и др., в которых существительное *тренер* означает не специалиста, имеющего отношение к спорту, а того, кто обучает и подготавливает специалистов в различных сферах. Возможным также становится беспредложное управление, в то время как в отношении названий видов спорта требуется предлог *по*: *тренер по футболу*.

Новое значение развивается и у слова *семинарист* — ‘ведущий семинаров’: *Также встреча преподавателей — это хороший повод для всех участников процесса поговорить между собой: лекторы могут обсудить планы с семинаристами, преподаватели параллельных курсов могут договориться о синхронизации, преподаватели последовательных курсов — о наполнении курсов* (Telegram-канал. Преподаватели департамента БДИП. 30.08.2022). Размывается семантика слова *эксперт*, ср. пример: *Будьте экспертом. Экспертам доверяют. Экспертов находят сами. Экспертов ценят высоко. Экспертность — это вовсе не оконченная докторантура, а всего лишь немного большие знания предмета, чем знания вашей целевой аудитории. И умение это преподнести.* (ВКонтакте. 28.09.2018).

В толково-дискурсивном словаре названий профессий семантические изменения, претерпеваемые лексемой, описываются в специальной дискурсивной зоне, содержащей примеры ее употребления с разными нюансами лексического и прагматического значения и в разных дискурсах.

3. Еще одним процессом, характерным для лексики, называющей профессии, является бурный рост количества неологизмов, в том числе заимствований, в сферах пиара, маркетинга,

инфобизнеса и пр. Так, среди связанных слов, приведенных участниками опроса, имеется большое количество неологизмов. В частности, респонденты указали названия профессий, появившиеся в XXI в.: *блогер, копирайтер, коуч, райтер, сторителлер, таргетолог, event-менеджер, PR-менеджер, SMM-менеджер, контент-менеджер* и др. Появление большого числа неологизмов в сфере производства и распространения информации подтверждается и максимальным числом слов, связанных со словом *журналист*, — 126.

Среди неологизмов выделяются слова, образованные по используемым в русском языке словообразовательным моделям. В образовании слов, связанных с наименованиями профессий, можно выделить преобладающие тенденции. Продуктивными становятся словообразовательные модели, отражающие как значимость соответствующих видов деятельности, так и их эмоциональное восприятие. Одной из крайне продуктивных новых словообразовательных моделей является модель с формантом *-олог*: *воронколог* ‘специалист по воронкам продаж’, *авитолог* ‘специалист по работе с сервисом коммерческих и некоммерческих объявлений Авито’ и даже *матрасолог* ‘маркетолог, специалист на рынке матрасов’. Особенность этой модели состоит в том, что до сих пор русские существительные на *-олог* типа *филолог, психолог, геолог, биолог, эпидемиолог* и пр. представляли собой заимствования из греческого, латыни и новых европейских языков (например, *филолог* — из греч. *philologos* от греч. *phileo* ‘любить’ и *logos* ‘слово’) или были полукальками (*вирусолог* — ср. нем. *Virologe*). Однако появившиеся в XXI в. названия профессий типа *воронколог* образованы полностью в русском языке. Необходимо также отметить словообразовательную модель усечения — например, *разраб* — ‘разработчик программного обеспечения’.

Данные лексические процессы связаны с интенсивной диверсификацией соответствующих профессиональных сфер, выделением в них множества отдельных направлений (например, событийного маркетинга и т. д.).

4. Следующие два процесса связаны со способами отражения гендера лица, называемого по профессии, и потребностью в таком отражении.

Рассмотрим процесс, связанный с существительными мужского рода 2-го склонения, называющими профессии, которые имеют ярко выраженные грамматические особенности в плане родовой принадлежности, точнее, ее динамических изменений.

Хотя эти существительные являются частью номинаций людей как таковых, но именно они претерпевают грамматический сдвиг от мужского рода к общему (женско-мужскому). Обычно этот сдвиг с синхронной точки зрения описывается как «смысловое согласование», то есть в данном случае согласование не по роду, а по гендерной принадлежности лица, о котором идет речь, когда это лицо — женщина: *депутат провела встречу с избирателями, 68-летняя доктор наук и т. д.*

У номинаций человека, имеющих другую семантику, такое употребление практически отсутствует, их род соответствует гендеру обозначаемого лица, ср.: *мой родственник — моя родственница, позвонил друг — позвонила подруга, москвич стал жертвой — москвичка стала жертвой и т. д.*, то есть для обозначения конкретного лица используется номинация мужского рода, если это мужчина, и номинация женского рода (феминитив), если речь о женщине.

Смысловое согласование единиц типа *доктор наук, блогер* в соответствии с гендером при обозначении женщин логично рассматривать как изменение грамматического рода этих единиц, потому что грамматический род русских существительных представляет собой согласовательные классы и изменение согласования является изменением рода. Процесс изменения грамматического рода у названий профессий идет уже больше ста лет [21], постепенно охватывая все большее количество номинаций, а также постепенно затрагивая согласование со словами разных частей речи, начиная с глагола и заканчивая полными прилагательными. Уже в 1980-е гг. такое согласование в именительном падеже признавалось нормативным для названий профессий, освоенных женщинами [Там же]. Сейчас оно затрагивает не только именительный, но иногда и косвенные падежи даже в ведущих СМИ, прежде всего с причастиями и с прилагательными типа *сорокалетняя*, где первая часть может быть выражена цифрами: *В Швеции из университета уволили профессора, мухлевавшую в статьях* (заголовок в *gazeta.ru*. Июль 2018); *Мы напросились в гости к одной из трех участниц эксперимента — Юлии Вафиной, 26-летней врачу-терапевту* (Труд-7. Сентябрь 2006). Такое согласование ненормативно, но, по всей видимости, не воспринимается читателями как неправильное.

В толково-дискурсивном словаре названий профессий возможность «промежуточного состояния» между мужским и женско-мужским родом отражена в зоне грамматического рода, где

предусмотрено четыре варианта помет: 1) «м. р.» (например, для существительного *певец*), 2) «ж. р.» (для феминитивов, например, *акушерка*), 3) «м. р., соглас. по ж. р.» (например, для существительного *антрополог*) и 4) «м. р., примеры согласования по ж. р. не найдены» (например, для существительного *китаист*).

Вариант 3 выбирался при наличии соответствующих контекстов в НКРЯ (в основном в подкорпусе центральных СМИ), например: *В Иране арестована антрополог парижского Института изучения политики* (Коммерсантъ. Июль 2019). Если такие контексты не были найдены, существительное относилось нами к варианту 1 или 4, причем различительным критерием между ними была выбрана возможность употребления номинации в роли сказуемого (*Она китаист*) или приложения к существительному *женщина* (*женщина-китаист*) — вариант 4 (ср. невозможное *Она певец* и *женщина-певец*, вариант 1).

Для варианта 3 в зоне грамматического рода приводятся примеры согласования по женскому роду изменяемых по родам слов разных частей речи.

Согласно исследованию ста номинаций, включенных в словарь, проведенному стажером проекта, студенткой НИУ ВШЭ Полиной Макаровой, 77 % этих существительных согласуются с глаголами женского рода без дополнительных указаний на женщину, например: «*Это предрассудки, которые, к сожалению, у нас укоренились*», — **добавила космонавт** (gazeta.ru. Ноябрь 2019). 50 % этих существительных аналогично согласуются с причастиями или прилагательными женского рода в именительном падеже, например: *17 мая стало известно, что в Чечне умерла беременная медик, заразившаяся коронавирусом* (Lenta.ru. Май 2020). 5 % этих существительных аналогично согласуются с причастиями или прилагательными женского рода в косвенных падежах, например: *Королева Великобритании Елизавета Вторая с истинно королевским негодованием осадил **фотографа, предложившую** ей во время съемки снять тиау, сообщают в четверг британские СМИ* (Известия. Июль 2007).

При этом в русском языке нет ни одного существительного 2-го склонения, полностью перешедшего в женско-мужской род, в отличие от некоторых существительных 1-го склонения типа *судья*, то есть этот процесс не является завершившимся, и уверенно прогнозировать грамматическое будущее этих слов невозможно.

С точки зрения семантических изменений это грамматическое изменение связано с утратой данными существительными

семантики мужского гендера и нацелено, во-первых, на возможность эксплицитного выражения женского гендера при использовании гендерно нейтральных названий профессий, а во-вторых, на установление симметрии между семантикой и грамматикой, значением и формой.

5. Вторая тенденция, связанная с отражением гендера лица, называемого по профессии, противоположна описанной выше и представляет собой более активное, чем в предыдущие десятилетия, использование гендерно маркированных обозначений профессий, или феминитивов с семантикой профессий, прежде всего под влиянием идеологических процессов, поскольку феминитивы рассматриваются в русском политическом дискурсе как средства политкорректности. С точки зрения семантических изменений существительных мужского рода, называющих профессии, это, наоборот, активизация, усиление в их значениях гендерной мужской семантики, уже ослабленной в той или иной степени у многих названий профессий мужского рода.

Тенденция активного образования и продвижения феминитивов характерна для номинаций людей с семантикой профессий (или близкой), так как именно в этой сфере феминитивы в последние сто лет стали периферийным способом обозначения лиц женского пола, утратили официальный статус, в основном стали разговорными единицами. Кроме того, идеологические процессы, о которых идет речь, нацелены именно на названия женщин по профессии.

Активизация употребления феминитивов проявляется по-разному в разных дискурсах. Наиболее заметно ее проявление в политкорректном феминистском дискурсе, разворачивающемся в основном в медиа соответствующей направленности, в том числе социальных медиа. Для него характерно использование феминитивов с политкорректными коннотациями, суффикс женскости которых проявляет свойства идеологемы (об этом термине см. [11, с. 12]); прежде всего это касается суффикса *-к(а)*, отчасти суффикса *-ин(я)*. Часть политкорректных феминитивов — это образования с суффиксом *-к(а)* за рамками традиционной для русского языка сферы его функционирования: от заимствований с безударным последним слогом *-ор/-ер/-ар/-арь* и пр. с безударным последним слогом [20], например, *авторка, редакторка*. Другие являются новыми образованиями по моделям, имеющимся в языке, например, *прокурорка, режиссерка* (ср. традиционное *фантазерка*), *социологиня* (ср. традиционное *богиня*).

Однако в ряде случаев у этих конкретных основ уже имелись феминитивы, образованные по другим моделям, ср. разговорное *режиссерша*: *Внук Шарли (маленький сын режиссерши Берко Немо Шиффман) — это не ребенок, а наказание: импульсивный, громкий и дерзкий* (Коммерсантъ. 15.11.2013). Суффикс *-ин(я)* использовался для образования феминитивов от заимствований на *-олог*, *-граф* задолго до возникновения политкорректного дискурса, например, *геологиня*, *географиня*, *филологиня* обнаруживаются в НКРЯ еще в 1960–1970-е гг., но как разговорные и шуточные единицы. Участники же современного политкорректного дискурса используют эти единицы как политкорректные, а не как разговорные и шуточные (хотя со стороны они могут продолжаться так восприниматься); кроме того, в данном дискурсе активно образуются новые такие феминитивы: *культурологиня* и т. д.

Некоторые политкорректные феминитивы на *-к(а)*, называющие профессии, являются старыми единицами, редкими или забытыми, иногда шуточными, обретшими в рамках политкорректного дискурса новую жизнь и новые коннотации: *поэтка*, *адвокатка*.

Таким образом, в русском языке появились названия профессий нового типа, маркированные не только гендерно, но одновременно и идеологически, и иногда у одного названия профессии сейчас имеется несколько гендерно маркированных вариантов с политкорректными коннотациями и без таковых: *поэт* — *поэтесса*, *поэтка*; *режиссер* — *режиссерша*, *режиссерка*.

Некоторые из политкорректных феминитивов характеризуются активной языковой экспансией, распространяются за рамки политкорректного дискурса, по мере чего их идеологические коннотации слабеют и утрачиваются, они становятся нейтральными единицами.

За рамками политкорректного дискурса активизация употребления феминитивов — названий профессий проявляется, в частности, в более свободном употреблении в медиа уже существовавших ранее феминитивов, например, *исследовательница*, *ученая*, *адвокатесса*, *директриса*, или же создаваемых по традиционным моделям, например, *разработчица*, *блогерша*, *журналистка*, *полицейская*.

Гендерно маркированные названия профессий, во-первых, включаются в толково-дискурсивный словарь названий профессий как самостоятельные словарные единицы, например, *журналистка*, *акушерка*, *повариха* и т. д., во-вторых, указываются в специальном разделе словообразовательной зоны, например,

в словообразовательной зоне описания лексемы *лектор* называются феминитивы *лекторша*, *лектриса*, *лекторка* (новое политкорректное).

Современное разнообразие коннотаций, нюансов прагматики и дискурсивного употребления феминитивов также отражается в толково-дискурсивном словаре названий профессий несколькими путями.

Во-первых, необходимо отметить, что специально для этого словаря мы разработали сложную систему из 20 помет. Эта система помет используется не только для феминитивов, поскольку в словарь в целом включаются различные неофициальные, экспрессивные, новые названия профессий. Кроме того, указываемые в зоне парадигматических связей синонимы (гипонимы, гиперонимы) включают маркированные единицы — устаревшие, новые, разговорные, канцелярские, профессиональные и пр., а в зоне словообразования приводятся экспрессивные производные слова. Однако наибольшее разнообразие маркированности проявляют именно феминитивы. Во-вторых, лишь небольшая часть феминитивов является в современном русском языке стилистически нейтральной, во-вторых, только феминитивы могут иметь политкорректные коннотации. Последнее отражается в толково-дискурсивном словаре названий профессий с помощью пометы *политкоррект.* (политкорректное) и применяется по отношению к таким единицам, которые употребляются преимущественно в политкорректном дискурсе, а за его рамками могут использоваться иронично и в качестве намека на этот дискурс. Использование некоторых феминитивов как шуточных или ироничных единиц, упомянутое выше, отражено в пометах *ирон.* и *шутл.*

Во-третьих, в ряде словарных статей имеется специальная дискурсивная зона. Мы ввели ее для случаев, когда ситуация с прагматикой названия профессии настолько сложна, что одних помет для ее отражения не хватает: когда слово по-разному употребляется в разных дискурсах, с разной окраской, разными нюансами лексического значения, а также когда такое дискурсивно-специфическое употребление диахронически меняется на протяжении существования слова. Дискурсивная зона представляет собой описание дискурсивных нюансов употребления слова, иллюстрируемое примерами. При этом если для существительных мужского рода дискурсивная зона опциональна, то для феминитивов — словарных единиц она является обязательной, поскольку употребление и восприятие практически всех таких единиц, как мы считаем,

в настоящее время является дискурсивно-обусловленным, и это явление необходимо показать и отразить.

* * *

Итак, лексику, обозначающую профессии, затрагивает ряд тенденций на разных уровнях языка: грамматическом, словообразовательном, собственно лексическом, синтаксическом (сочетаемость); процессы изменений охватывают и семантику этих слов, а также их парадигматические связи. Таким образом, эта лексико-семантическая сфера претерпевает в настоящее время активные многообразные изменения.

-
1. *Агорен А.* Новые названия профессий и должностей в русском языке // Преподаватель XXI век. 2019. № 2. С. 418–422.
 2. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. М., 1995. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 472 с.
 3. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
 4. *Бабенко Л. Г.* Интерпретация лексико-семантических множеств в контексте Уральской идеографической лексикографии // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посв. юбилею засл. деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М. ; Екатеринбург, 2016. С. 3–16.
 5. *Бабенко Л. Г.* Категоризация мира в зеркале идеографического словаря: роль человеческого фактора // Когнитивные исследования языка. 2016. Т. 1. С. 105–111.
 6. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб., 1998. 1534 с.
 7. *Воеводина Г. А.* Специфика наименований профессий и должностей в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70) : в 2 ч. Ч. 2. С. 84–86.
 8. *Голованова Е. И.* Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. 50 с.
 9. *Голованова Е. И.* Локативная характеристика деятельности в русских наименованиях лиц по профессии // Междунар. науч.-исслед. журн. 2017. № 4 (58). С. 28–31.
 10. *Голованова Е. И.* Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 27 (382). С. 60–65.
 11. *Гусейнов Г. Ч. Д. С. П.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2004. 130 с.
 12. *Кронгауз М. А.* Семантика. М., 2005. 351 с.

13. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие. М., 1982. 2-е изд. М., 1989.
14. Моисеев А. И. Наименование лиц по профессии (семантические основы наименований) // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1967. № 14, вып. 3. С. 135–139.
15. Моисеев А. И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке: структурно-семантический аспект. Л., 1968. 150 с.
16. Мокиенко В. М. О коннотативном потенциале традиционных названий некоторых профессий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24. С. 88–91.
17. НКРЯ.
18. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общ. рук-вом Ю. Д. Апресяна. М., 2003. 1417 с.
19. Соловьева М. А. Имена существительные — номинации лиц по профессии и роду занятий в русском языке XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2018. 22 с.
20. Фуфаева И. В. Авторша vs авторка, или «естественные» и «идеологические» феминативы в русском языке // Русский язык за рубежом. 2019. № 2 (273). С. 28–32.
21. Фуфаева И. В. Способы сообщения о женском гендере в медиатексте в целом и заголовке медиатекста в частности // Медиалингвистика : материалы докл. участников VII междунар. конф. СПб., 2023. С. 72–75.
22. Harnessing Automation for a Future That Works // McKinsey & Company : [website]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/digital-disruption/harnessing-automation-for-a-future-that-works> (accessed: 12.12.2022).

5.4. Компонентный анализ лексико-семантической группы *Politesse* во французском языке

В настоящее время категория вежливости является предметом научных дискуссий в лингвистике. Многие исследователи рассматривали разные аспекты данного вопроса, однако изучение лексико-семантических связей синонимов слова *politesse* во французском языке оставалось без должного внимания. Категория вежливости имеет большое значение для французского общества и лингвокультуры в целом, о чем свидетельствует разнообразие синонимов в языке для описания данного качества. Нам представляется интересным рассмотреть нюансы каждой единицы синонимического ряда *politesse* с целью дальнейшего понимания уместности использования того или иного слова в различных контекстах.

Большое количество работ посвящено изучению вежливости как категории или концепта в разных языках. Например, ученые П. Браун и С. Левинсон в работе “*Politesse. Some Universals in Language Usage*” рассматривают вежливость как умение правильно использовать интерактивные стратегии исходя из коммуникативной ситуации [10, с. 68]. Обобщение существующих знаний о данной категории представлено в исследованиях Т. В. Лариной «Категория вежливости и стиль коммуникации», М. Ю. Рябовой «Категория вежливости в межкультурной коммуникации: семантика извинений», где подробно описываются существующие точки зрения о вежливости [2; 4]. Также среди существующих трудов выделяются сопоставительные работы, где описаны сходства и различия проявления вежливости в разных языках. Например, это работы «Сопоставительное исследование содержания концепта “вежливость” в казахском, русском и английском языках» Н. П. Савойской, «Концепт “вежливость” как отражение нравственных норм в русской и немецкой коммуникативных культурах» А. Ю. Серебряковой, «Специфика вербальной репрезентации понятия “Вежливость” в русском языке и иврите» В. А. Пищальниковой, В. В. Киселева, «Лингвокультурологические особенности выражения категории вежливости в китайском и английском языках» С. Ю. Глушковой [1; 3; 5; 6]. Ряд исследователей затронули аспекты изучения вежливости во французском языке, а также углубились в семантику конкретных синонимов. Так, в статье «“*Savoir-vivre*” как один из основных концептов вежливости во французском языке» М. А. Токмачевой и Е. А. Медяника анализируется одно из синонимичных понятий ЛСГ *Politesse* — «*savoir-vivre*» [8].

Объектом нашего исследования является ЛСГ *Politesse* во французском языке, а предметом выступает семантическая степень близости лексем данной ЛСГ. Цель данного исследования заключается в определении степени отдаленности синонимичных слов от ядерного слова *politesse*. Достижение данной цели требует решения следующих задач:

1. Выявление и анализ сем отдельных слов ЛСГ *Politesse*.
2. Выделение общих сем между ядерным словом и каждой периферийной лексемой.
3. Иллюстрирование степени отдаленности синонимов от доминанты посредством лексико-семантического поля.

Выбор методов анализа сделан с учетом специфики материала и цели исследования. Для решения поставленных задач были использованы следующие общие и частные методы:

— описательный метод, позволяющий изучить и систематизировать литературу, касающуюся изучения различных аспектов категории вежливости;

— метод дефиниционного анализа;

— метод компонентного анализа, целью которого является разложение значения слов на минимальные семантические составляющие.

Лексика является наиболее подвижным и быстро меняющимся компонентом языка, который отражает изменения в культуре и обществе. В связи с этим, прежде чем перейти к анализу категории вежливости в живой речи, мы решили рассмотреть семантическую структуру французского слова *politesse* — ‘вежливость’, одно из первых упоминаний которого датируется 1578 г. [14].

Для достижения данной цели мы воспользуемся методом компонентного анализа, дающего возможность разложить значение слова «вежливость» на минимальные семантические составляющие (семы). В качестве предмета анализа возьмем ЛСГ слова *politesse*, которую представим в виде лексико-семантического поля [см. об этом: 9].

Во французском языке существует довольно много синонимов, обозначающих понятие «вежливость». Проработав материал трех французских синонимических и толковых словарей [11; 12; 14], мы выявили 12 слов, относящихся к ЛСГ *Politesse: courtoisie, égard, bienséance, affabilité, civilité, savoir-vivre, urbanité, correction, distinction, tact, aménité, politesse*.

Далее мы выяснили, что слова *courtoisie* (первое упоминание — конец XII в.), *bienséance* (1539 г.), *civilité* (1361 г.), *savoir-vivre* (1466 г.), *urbanité* (1370 г.), *égard* (XII в.), *correction* (XIII в.), *tact* (1354 г.), *aménité* (X в.) появились во французском языке раньше, чем слово *politesse* (XVI в.) [13]. Из этого можно сделать вывод, что они легли в основу понимания вежливости во французской лингвокультуре и определенные оттенки значения каждого из них составили понятие *politesse*.

В ходе нашего исследования данных слов было установлено, что полного синонима к слову *politesse* во французском языке нет, так как каждое слово, помимо общих совпадающих сем, имеет семы, отличающиеся от сем слова *politesse*. В результате проведенного компонентного анализа выявленных синонимов мы выделили семы для каждого слова и оформили полученные результаты в виде таблицы (табл. 6).

Окончание табл. 6

Семы	Слова											
	politesse	courtoisie	égard	bien-séance	civilité	savoir-vivre	tact	distinction	affabilité	aménité	urbanité	correction
<i>manière de vivre polie</i>	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>culture individuelle</i>	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
élégance et générosité	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
relations homme — femme	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
faveurs d'une femme	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
démonstration de politesse	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
caractère urbain	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
sentiments	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
douceur	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—

Доминантой данной ЛСГ мы считаем слово *politesse*, так как оно имеет в своей семантической структуре наибольшее количество сем. Кроме того, большинство слов, образующих данную ЛСГ, определяется в словарях через слово *politesse*.

Опираясь на данные словарей, мы пришли к выводу, что значение слова *politesse* во французском языке составляют семы *les relations humaines, usages sociaux, comportements, action, bons usages, culture intellectuelle et morale, manière d'agir, expression dans la langage, règles, manière de vivre polie* и *culture individuelle* (в таблице выделены курсивом). Они присутствуют и в значениях других слов, образующих синонимический ряд *politesse*. Рассмотрим далее подробнее, какие семы являются общими и дифференциальными.

Мы считаем, что сема *qualité* 'качество' является общей для всех исследуемых синонимов в данной ЛСГ, так как каждый из них называет внутренние качества человека. Следующая по значимости — сема *relations humaines* 'человеческие отношения' объединяет девять лексем, таких как *politesse, courtoisie, égard, bienséance, affabilité, civilité, tact, savoir-vivre* и *distinction*.

Кроме того, велико значение семы *usages sociaux* 'социальные обычаи', поскольку она связывает такие слова как *courtoisie, égard, bienséance, civilité, savoir-vivre, urbanité, tact*. Данное наблюдение указывает на то, что во все упомянутые выше слова заложен смысл обязательного следования общепринятым нормам, и на недопустимость отклонения от них. Однако интересно отметить, что сема *bons usages* 'хорошие обычаи' уже более узкая, так как несет в себе лишь позитивный смысл, и ее отражение можно увидеть в определениях слов *politesse, courtoisie, civilité*. О более точных и строгих проявлениях вежливости говорит сема *règles* 'правила', которая выделяется в словах *politesse* и *savoir-vivre* 'умение жить'. Ее наличие говорит о том, что смысл этих слов подразумевает выражение вежливости с опорой на какие-либо общепринятые регламентированные правила.

Далее стоит обратить внимание на сему *respect* 'уважение', которая сближает слова *courtoisie, égard, bienséance* и *distinction*. Согласно данным словарей, она входит только в три исследуемых нами слова, однако мы можем предположить, что фактически данная сема объединяет все слова ЛСГ *Politesse*, поскольку правила, нормы поведения в обществе и морали основываются на уважении, значит, эта сема имплицитно подразумевается, когда речь идет об истинной вежливости, исключая, возможно, только случаи формальной вежливости.

Затем рассмотрим подробнее сему *comportement* 'поведение', выделенную из определений слов *politesse*, *bienséance*, *correction* и *savoir-vivre*. Она указывает на то, что одним из аспектов значения этих слов будет определенно сложившийся образ взаимодействия с окружающим миром и людьми, то есть можно предположить, что проявления вежливости, приличия и корректного поведения будут всегда заметны окружающим. Для слов *politesse* и *bienséance* эта мысль доказывается наличием в них семы *action*, что свидетельствует о том, что вежливость и приличие отражаются в действиях. В дополнение к этому семы *action* и *manière d'agir* расширяют базу лексем, смысл которых соотносится с поведением человека, поскольку они выявляются в словах *égard* 'внимательность, почтение, уважение', *politesse*, *affabilité*, *civilité*.

Также стоит обратить внимание на то, что вежливость проявляется не только в действиях, поведении, но и в речи, что отражено в семантической структуре некоторых слов. Так, сема *expression dans la langage* 'выражение в языке' присуща словам *politesse*, *égard* и *bienséance*. Имеется в виду, что используются вежливые обороты речи, вежливая речь. Представляется интересным, что другие слова в соответствии с их семантическим значением не имеют подобных сем, однако мы считаем, что они являются неотъемлемой частью значения каждого слова, входящего в ЛСГ *Politesse*, поскольку вежливость ярче всего проявляется через речь.

Обратим также внимание на сему *culture intellectuelle et morale* 'моральная и интеллектуальная культура', которая нашла отражение в словах *politesse*, *égard*, *civilité*. Сема показывает, что понятие вежливости предполагает наличие у человека определенных нравственных качеств, а также указывает на возможность развития качества вежливости путем самообразования. Из этого можно предположить, что поначалу слова *politesse*, *égard*, *civilité* характеризовали людей просвещенных и образованных.

Последняя сема, образующая пересекающуюся область значения с другими лексемами, — *matière de goût* 'дело вкуса'. Она отличается от ранее рассмотренных сем тем, что учитывает не только общепринятые нормы, но и индивидуальные особенности каждого человека.

Перейдем к анализу сем, встречающихся лишь в определениях отдельных лексем. Так, слово *courtoisie* включает в свою семантическую структуру семы *raffinement*, *élégance et générosité*, *relations homme-femme*, *faveurs d'une femme*, которые не отмечаются

в значениях других слов. А если учесть, что это слово появилось во французском языке еще в XII в., а прилагательное *courtois* — в XI в., то можно высказать предположение, что формирование ЛСГ «Вежливость» во французском языке началось с этого слова.

Далее интересно рассмотреть лексему *civilité*, обладающую дифференцирующей семой *démonstration de politesse* ‘демонстрация вежливости’. Данный синоним слова «вежливость» в историческом плане развития лексики практически не изменил своего значения: и в XIV, и в XXI в. слово *civilité* имело и имеет семантику внешнего проявления вежливости, соблюдения норм, принятых в том или ином коллективе, допуская вероятность неискренности и чувства обязанности.

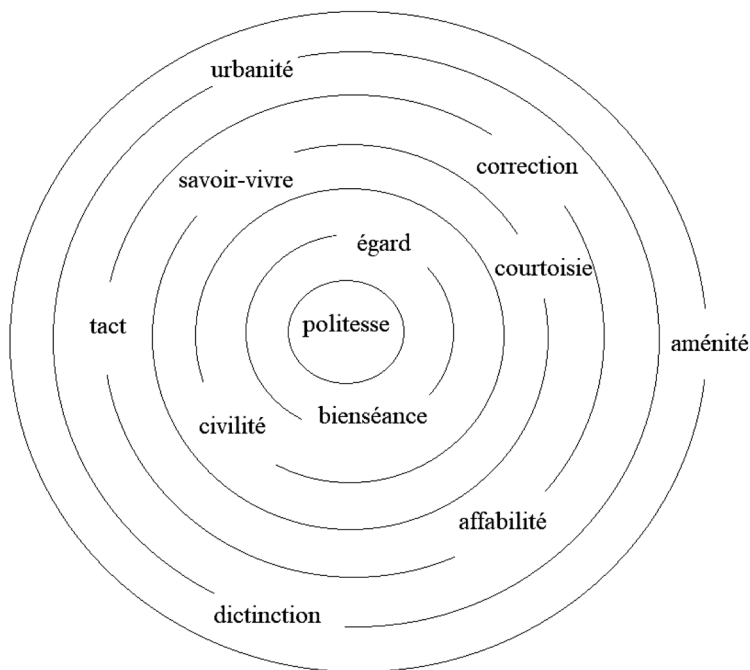
Слово *tact* также имеет семантическую особенность, выделяющую его из других синонимов. В его семантической структуре присутствует сема *sentiments* ‘чувства’, которая подразумевает наличие развитых интуитивных способностей и умение определять, в каких ситуациях следует быть тактичным и проявлять вежливость.

Лексема *aménité* включает в свою структуру дифференциальную сему *douceur* ‘нежность’, обозначающую проявление трепетного отношения к собеседнику. Ее наличие говорит о том, что слово *aménité* может характеризовать людей, искренне желающих быть вежливыми и добродушными по отношению к другим. Следовательно, можно предположить, что это качество в коммуникативной ситуации чаще будет проявляться у позитивно настроенного человека.

Важно отметить наличие дифференциальной семы *caractère urbain* ‘городской характер’ в слове *urbanité*. Учитывая тот факт, что в XIV в. слово *urbanité* означало «*politesse, courtoisie qu'on trouve parmi les gens du beau monde*» (вежливость людей высшего общества), можно сделать вывод, что его значение с тех пор осталось прежним, однако за счет меньших классовых различий в XXI в. оно может использоваться для описания всех людей, проявляющих вежливость [11].

Наличие подобных сем указывает на то, что, несмотря на синонимичность исследуемых лексем, у каждого слова есть свои семантические особенности, отличающие его от других слов группы, полных синонимов не существует.

Для наглядного восприятия проанализированных сем, а также для понимания фактической близости синонимичных слов к слову *politesse* во французском языке можно представить данную ЛСГ в виде лексического поля (рис. 3).

Рис. 4. Лексическое поле слова *politesse*

* * *

Итак, мы исследовали семантическую структуру слова *politesse* во французском языке, а также составили его лексическое поле. Подводя итог, стоит сделать некоторые выводы:

— слово *politesse* является интегральным, поскольку из всех лексем ЛСГ вежливости оно имеет нейтральное значение. Можно предположить, что другие синонимы, такие как *courtoisie*, *bienséance*, *civilité*, *égard*, могли быть ядерными в данном лексическом поле в предыдущих эпохах, однако сейчас многие из их из значений утратили свою актуальность за счет смены общественных устоев и обычаев;

— понятие вежливости во французском языке опирается на семы *les relations humaines*, *usages sociaux*, *comportements*, *action*, *bons usages*, *culture intellectuelle et morale*, *manière d'agir*, *expression dans la langage*, *règles*, *manière de vivre polie* и *culture individuelle*;

— семантическая структура слова *politesse*, вероятно, вобрала в себя часть семантического значения слов *courtoisie*, *bienséance*,

civilité, savoir-vivre, urbanité, égard, correction, tact, aménité, поскольку они появились раньше ядерного слова;

— во французском языке не существует полных взаимозаменяемых синонимов слова *politesse*, поскольку каждый из них имеет дифференциальные оттенки значений;

— ядерное слово *politesse*, согласно данным словарей, не имеет прямой семы «уважение», которая входит в определения многих синонимичных слов ЛСГ *Politesse*, однако ее значение прослеживается в ряде других сем: *usages sociaux, bons usages, culture intellectuelle et morale, règles, culture individuelle*.

Практическая значимость данной работы обуславливается тем, что результаты исследования могут быть использованы в ходе изучения французского языка для более точного выражения мыслей в процессе коммуникации и передачи необходимых оттенков значений. Кроме того, нам представляется перспективным изучение и сравнение изменений семантических отношений лексем ЛСГ «Вежливость» во французском языке в диахроническом аспекте.

1. Глушкова С. Ю. Лингвокультурологические особенности выражения категории вежливости в китайском и английском языках // Вестн. ВятГУ. 2011. № 2–2. С. 70–72.

2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление русских и английских культурных традиций. М., 2009. 512 с.

3. Пищальникова В. А., Киселев В. В. Специфика вербальной репрезентации понятия «вежливость» в русском языке и иврите // Вестн. ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2015. № 1 (25). С. 78–85.

4. Рябова М. Ю. Категория вежливости в межкультурной коммуникации: семантика извинений // Вестн. Север. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 131–138.

5. Савойская Н. П. Сопоставительное исследование содержания концепта «вежливость» в казахском, русском и английском языках // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии. Астана, 2009. С. 447–453.

6. Серебрякова А. Ю. Концепт «вежливость» как отражение нравственных норм в русской и немецкой коммуникативных культурах // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации. Тюмень, 2008. С. 281–282.

7. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1981. 430 с.

8. Токмачева М. А., Медяник Е. А. «Savoir-vivre» как один из основных концептов вежливости во французском языке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 4 (27). С. 76–81.

9. Эгамназаров Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Уч. зап. Худжанд. гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (54). С. 185–189.

10. Brown R., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987. 345 p.

11. Dictionnaire Le Robert : [website]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (accessed: 14.04.2023).

12. Dictionnaire Littré : [website]. URL: <https://www.littre.org/> (accessed: 15.04.2023).

13. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris, 1995. 822 p.

14. Larousse : dictionnaire français : [website]. URL: <https://www.larousse.fr/> (accessed: 14.04.2023).

15. Le dictionnaire français // Centre national de ressources textuelles et lexicales : [website]. URL: <https://www.cnrtl.fr/> (accessed: 14.04.2023).

Часть II

ДИСКУРС
И ДИСКУРСИВНЫЙ
АНАЛИЗ

Глава 6

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

6.1. Лингвокогнитивные особенности современной женской прозы (на материале произведений М. Степновой и Дж. Харрис)

Когнитивная лингвистика, получившая развитие в XX в., повлияла и на подходы к исследованию литературного текста. Когнитивная теория поддерживает идею о том, что художественные тексты являются сложными символами, которые отражают личное представление писателя о реальном мире. В своих произведениях писатель использует различные языковые средства, образы и сюжетные элементы, чтобы выразить свои мысли, идеи, эмоции и взгляды на окружающую действительность. Понимание художественного текста с точки зрения когнитивной теории включает в себя осознание когнитивных процессов как у писателя, так и у читателя. При создании произведения писатель задействует свои когнитивные способности, включая восприятие, воображение, память, мышление и эмоции, чтобы передать свои идеи и впечатления. Читатель, в свою очередь, активно участвует в процессе восприятия и интерпретации текста, включая свои когнитивные способности и представления о мире. Кроме того, когнитивная теория также рассматривает вопросы, связанные с категоризацией, концептуализацией и ментальными представлениями, которые играют важную роль в создании и понимании художественных текстов. Оригинальные идеи, метафоры, аналогии и символы используются писателем для создания многогранного текста, который позволяет передать сложные мысли и эмоции.

Однако стоит отметить, что интерпретация художественного текста индивидуальна и может различаться у разных читателей,

ибо мы все — уникальные индивидуальности с разным опытом и восприятием. Когнитивная теория помогает нам лучше понять, как мы обрабатываем и интерпретируем тексты, но она не является единственной или окончательной теорией, и другие подходы и перспективы также могут вносить вклад в понимание художественных произведений. Сама картина мира как «когнитивный уровень языковой способности личности» дает возможность понять сущность понятия художественной картины мира (индивидуальной авторской картины мира). «Именно личностные доминанты позволяют рассматривать художественный текст как определенную “когнитивную карту” и считать художественное произведение формой представления выражаемого содержания (смысла)» [1, с. 145]. Исходя из этого в данной главе мы попытались выявить и описать индивидуально-авторские концепты, формирующие лингвокогнитивный уровень художественного текста. Материалом исследования послужили произведения современных писательниц Марины Степновой [10] и Джоанн Харрис [13].

В современной литературе наблюдается активизация автороженщин, которые создают отдельный ее пласт. Выбор материала для рассмотрения обусловлен тем, что в произведениях данных авторов раскрывается их уникальный взгляд на мир, а также тем, что для стиля их повествования характерна высокая степень экспрессивности и художественной образности, которая проявляется в различных аспектах чувственного восприятия. Изучение когнитивных и функциональных характеристик языковой личности в художественных текстах женской прозы может дать новое понимание женского текста как особого дискурса, обладающего уникальными концепциями, связанными с гендерной проблематикой. Исследование художественных текстов М. Степновой и Дж. Харрис, рассматриваемых как самостоятельные дискурсы, подчеркивает их уникальную специфику. Они могут отразить особенности мировоззрения и призваны передать определенные социальные, гендерные и культурные константы. Изучение языка женской прозы является важной интересной областью исследования, которая позволяет расширить наше понимание языковых особенностей и культурных аспектов женской литературы.

Разработка вопроса о том, как процессы, происходящие в человеческой памяти, связаны с построением и пониманием языковых сообщений, поиском ключевых слов и концептов культуры, является одним из наиболее важных направлений когнитологии.

Коммуникация направлена на достижение взаимопонимания или на создание иллюзии такого понимания между участниками общения. Основой этого понимания является наличие общей когнитивной базы, то есть набора знаний, которыми обладают участники коммуникации. Когнитивная база включает в себя предположения и знания о мире, структуре языка, социокультурных нормах, обычаях и других аспектах, которые считаются общепринятыми. Через эту общность когнитивной базы участники коммуникации могут понимать друг друга и передавать информацию эффективно.

Важным элементом когнитивной базы являются концепты, которые представляют собой ментальные образования, объединяющие знания и смыслы в определенной сфере. Концепты имеют не только логическую структуру и содержание, но также содержат чувственно-восприимчивые и эмоционально-оценочные компоненты, что делает их более полными и образными. Они помогают нам воспринимать, анализировать и сопрягать информацию в процессе коммуникации.

Когнитивная база и концепты играют важную роль в понимании и интерпретации коммуникационных сообщений. Они позволяют нам узнавать и распознавать общие представления и нормы, что способствует согласованию и успешному взаимодействию в общении. «Если понятия мыслятся, то концепты переживаются» [9, с. 41]. «Концепт — это сложное ментальное образование, в составе которого можно выделить образный, понятийный и ценностный компоненты» [6, с. 17].

В науке существует множество толкований концепта (А. П. Бабушкина [2], Н. Н. Болдырева [3], А. Вежбицкой [4], В. И. Карасика [6], В. В. Красных [7], Ю. С. Степанова [9], И. А. Стернина [11] и др.). В данной работе мы опираемся на определение Е. С. Кубряковой, которая утверждает, что «концепт — это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [8, с. 90]. На наш взгляд, самым приемлемым является анализ языкового пространства в художественных текстах авторов-женщин с применением модели концептуального анализа Л. Г. Бабенко [1]. В рамках этой модели изучаются индивидуальность и субъективность художественных концептов, которые отражаются в тексте и способствуют формированию авторской концептосферы. Ассоциативность концептов в художественных текстах позволяет создавать множество

смысловых связей и открывает для читателя возможность интерпретировать произведение по-разному. Это делает художественные тексты богатыми и многозначными, позволяя каждому читателю находить свой собственный смысл и воспринимать произведение через призму собственного опыта и восприятия. Применение модели концептуального анализа Л. Г. Бабенко помогает исследователям выявлять и анализировать концептуальные кластеры, взаимосвязи и особенности картины мира автора. Это важный инструмент для понимания женской литературы и ее языкового пространства, которое отражает особенности женской гендерной идентичности, переживаний и реальности.

Изучение языковой сферы авторов-женщин с использованием модели концептуального анализа помогает нам глубже понять и увидеть их уникальный взгляд на мир и собственную женскую идентичность. Для исследования индивидуально-авторской картины мира авторов-женщин как составляющей художественного текста мы вслед за З. Р. Хачмафовой [12] основной единицей считаем текстовые когнитивно-перцептивные модули.

В результате анализа дискурса М. Степновой и Дж. Харрис мы выделили доминирующие темы: женская культура, образование женщины, профессия/карьера, домашний труд, материнство и воспитание детей, семья/дом. В рамках названных групп в художественных текстах женской прозы функционируют следующие концепты как единицы индивидуально авторского сознания и культурно-исторического опыта: *Женщина, Любовь, Мужчина, Жизнь*. Опираясь на исследуемый материал, мы можем утверждать, что указанные концепты отражают коллективную и индивидуальную картины мира, связанные с авторским переосмыслением действительности. Индивидуальные смысловые приращения автора, а также универсальные и национально-специфические черты, переосмысленные языковой личностью автора-женщины, составляют текстовые когнитивно-перцептивные модули, выделенные в художественном пространстве женской прозы.

Можно сказать, что указанные выше концепты, реализуемые как текстовые когнитивно-перцептивные модули имеют различные парадигматические, синтагматические и ассоциативные отношения в дискурсе М. Степновой и Дж. Харрис, которые ярко отражают представления о них современных авторов-женщин. Анализ произведений помогает выделить специфические черты и реконструировать ассоциативно-смысловые поля указанных

базовых лексем. Рассмотрим подробнее особенности функционирования данных единиц в дискурсе двух писательниц.

В текстовом пространстве М. Степновой концепт *Женщина* представлен лексемами *женщина, жена, мать, подруга, домработница*.

Женщина несет в себе свет. Она — источник света, она отражает свет, искать свет в других женщинах — найти свою женщину: *...И на пороге появилась **женщина, а вместе с ней — свет, такой яркий и плотный**, что Лазарь Линдт на секунду зажмурился. Свет был слишком живым и сильным, чтобы его можно было списать на банальную керосиновую лампу, которую Мария Никитична Чалдонова (по-домашнему — Маруся) держала в руках, так что Линдт долго-долго потом целые годы спустя ассоциировал жену Чалдонова и всю их семью именно с этим светом* [10, с. 42].

В индивидуально-художественной картине мира М. Степновой встречаются следующие текстовые перцептивно-когнитивные модули: женщина — удача, найти свою женщину — удача для мужчины; женщина — власть. Женщина любит властвовать, она ставит себя выше всех; женщина — механизм, который может работать четко и без остановки. Также в языковом пространстве М. Степновой женщина — машина-автомат, которая воспроизводит детей.

Из черт ее характера автор выделяет зависть женщин, особенно по отношению к друг другу: *Искусственные, поди, успокоила себя соседка, профессиональный товаровед и вдохновенная **завистница на заслуженной пенсии***. — *Соседка, завистница* [Там же, с. 18].

Женщина и мужчина противопоставляются. В текстовом пространстве М. Степновой женщина ставится выше мужчины, она умнее и сильнее: *Маруся была и умнее, и сильнее, и нравственно выше Чалдонова, но главное — она была совсем иной, лучшей человеческой породы* [Там же, с. 45].

Огромный пласт среди текстовых когнитивно-перцептивных модулей составляет материнство, отношения матери и ребенка. Материнские инстинкты — это дар, который дается свыше даже тем, у кого нет детей.

Возрасту женщины также уделяется большое внимание, и под ним подразумеваются не только физические изменения, но и изменения чувств, ощущений. Возраст — «одежда», он может идти к лицу. Возраст — «сумерки»: *на его памяти она только старела — легко, весело, самоотверженно, без мук. Ей был к лицу*

ее возраст, старый, навеки влюбленный муж, были к лицу эти душевные сумерки, текущие рвотой, молоком и медом [10, с. 81].

В дискурсе Дж. Харрис женщина сравнивается фарфором: *His grandmother was frail and elegant, like the china she loved and which adorned every available surface* [13, с. 17].

Женщина — верховная жрица: *Kerry never tired of these occasions, dropping names like confetti — Germaine and Will and Ewan — flitting from one prestigious guest to the other with the zeal of a high priestess* [Ibid., p. 20].

Женщина — земля: *This was a woman who tended her own farm, her vines. She was as stony as her land* [Ibid., p. 103].

Женщина имеет оболочку, под которой может скрыться: *She seemed enclosed in a capsule of isolation, profile turned towards the earth* [Ibid., p. 198].

Внешность женщины также составляет огромный пласт в языковом пространстве двух авторов. Особое внимание уделяется одежде, она закрывает не только тело, но и душу, а лицо женщины — отражение ее сущности: *Her mouth was beginning to regain its customary sour tuck* [Ibid., p. 209].

Это оболочка может быть и видимой, как твердая субстанция: *She was a large shapeless woman, who should have looked motherly but did not. Huge breasts rolling, hips like boulders, she looked curiously solid, the comfortable wadding of fat petrified into something harder than flesh. Beneath the brim of her straw hat her mouth turned downwards, as if in perpetual grief* [Ibid., p. 199].

Под этой оболочкой скрываются ум и очарование: *She smiled suddenly, and Jay caught an unexpected glimpse of the charm and intelligence beneath the rough exterior* [Ibid., p. 209].

В концептосфере обеих авторов-женщин центральное место занимает текстовый когнитивно-перцептивный модуль *Любовь*. В языковом пространстве М. Степновой можно наблюдать следующие его варианты: любовь — это супружеская жизнь, семья; любовь — свет: *Потому что не было на свете ничего нормальнее, яснее и проще его любви, и вся эта любовь была свет, и верность, и желание оберегать и заботиться. Просто быть рядом. Любовать. Слушать. Следить восхищенными глазами. Злиться. Ссориться. Обожать. Засыпать, изо всех сил прижав к себе. Прозасыпаться вместе. Никому и никогда не отдавать* [10, с. 83].

Любовь — щенок. Ассоциирование чувств с щенком часто встречается в текстовом пространстве М. Степновой. Вот один из примеров: *Это было прелестное чувство — нелепое*

и трогательное, как двухнедельный **щенок** с толстыми лапами и розовым голым пузиком [10, с. 186].

В текстовом пространстве Дж. Харрис на первый план выходит любовь матери к ребенку. Любовь между матерью и дочерью — это солнечный луч: *Their love was something which coloured the air between them like sunlight. The interchange between them was completely, perfectly silent* [13, p. 229].

Солнечный луч (любовь) падает на лицо: *Marise laughed silently, like her daughter. The expression illuminated her like sunlight through glass* [Ibid.].

Текстовой когнитивно-перцептивный модуль Жизнь в лексическом плане в дискурсе М. Степновой представлен такими лексемами как *жизнь, судьба, женская судьба, жить*. Жизнь — нечто отдельное от человека, с ней можно встретиться: *В 1985 году Лидочке исполнилось пять лет, и жизнь ее пошла под хвост. Больше они так ни разу и не встретились — Лидочка и ее жизнь, — именно потому обе накрепко, до гула запомнили все гладкие солоноватые влажные подробности своего последнего счастливого лета* [10, с. 7].

Судьба — одежда, ее можно примерить: *В другой раз она с наслаждением примерила бы на себя чужую, невозможную судьбу только для того, чтобы убедиться, как ладно и ловко скроена ее собственная* [Там же, с. 8].

Жизнь — пространство, точнее, квартира: *Лидочка послушно переступила порог собственной жизни* [Там же, с. 19].

Жизнь — простая вещь: *Маруся... раз и навсегда перестала волноваться по поводу таких простых и ясных вещей, как жизнь, увядание, смерть* [Там же, с. 81].

Жизнь — что-то невидимое, которое может проходить через человека: *Господи, да как быстро, как все неистово промелькнуло, вся жизнь — и уже не разглядеть, не вернуть самых интересных подробностей* [Там же, с. 133].

Жизнь оставляет следы — морщины: *Галочка, сияясь угадать, собрала на лбу мягкую складку (след будущей взрослой морщины, намек на грядущую смертную нерадостную жизнь)* [Там же, с. 169].

Жизни свойственны человеческие качества, она носит одежду: *Будто городской побирушка, юродивый старичок, пытающийся ухватить жизнь за неотвратно ускользящие юбки* [Там же, с. 203].

В концептосфере Дж. Харрис текстовой когнитивно-перцептивный модуль Жизнь, с одной стороны, имеет волшебные свойства, с другой, приравнивается к предметам обихода.

Жизнь — бутылка вина. Ее можно пить, закупоривать: *but then Jay was always like that, rushing at life as if it might never run dry, as if what was bottled inside him would last for ever, success following success in a celebration without end* [13, p. 324].

Судьба — волшебство: *It was destiny, he would have told her, it was the magic he had searched for twenty years to recapture* [Ibid., p. 227].

Интересным и неожиданным представляется следующий текстовой перцептивно-когнитивный модуль: жизнь — мусор. Ее можно выбросить: *It was a complex feeling, directed as much at himself and his foolish expectations as at Joe for letting this happen, or at the person who had stood at the top of the hill and dumped an old man's life into the gap, as if it were just rubbish to be disposed of* [Ibid., p. 326].

Текстовой когнитивно-перцептивный модуль *Мужчина* в дискурсах М. Степновой и Дж. Харрис раскрывается рядом с женщиной и в сравнении с женщиной. В дискурсе М. Степновой *мужчина — хозяин*.

Рассмотрим данный модуль в текстовом пространстве Дж. Харрис. *Мужчина* в нем — ребенок: *He had brought out her maternal instincts. She was going to redeem him, inspire him and, in return, he would write a wonderful book, a book which would illuminate lives and which would all be due to her* [13, p. 47]; *Kerry, stop talking like my mother* [Ibid., p. 48]; *Then stop behaving like a child. Why can't you just grow up, for God's sake?* *It was a perpetual refrain* [Ibid., p. 48].

Мужчина — аксессуар женщины: I was an accessory. It did you good to be seen with me. It's just like people who read poetry on the tube. People saw you with me and assumed you were a real intellectual, instead of a media wannabe without a single original thought in her head [Ibid., p. 207].

Мужчина — игрушка для женщины, вещь, которой можно владеть: Just as she didn't want my son.' Her eyes were hard. 'She took my son as she takes everything. To spoil. To play with. That's what my Rosa is to her now. Something to play with, to discard when she's had enough [Ibid., p. 230].

Любимая женщина для мужчины — стекло, в котором все видно: The way he was with her, you'd have thought she was glass [Ibid., p. 249].

Мужчина — животное: Jay felt prickly inside, fey one moment and the next blackly paranoid, saying the opposite of what he meant, reading mockery in everything that was said to him. He quarrelled repeatedly with Gilly about nothing. They made up, cautiously and incompletely, circling each other like wary animals, their intimacy broken [Ibid., p. 237].

* * *

В результате исследования выявлены особенности репрезентации когнитивного уровня текстов современной женской прозы, проанализированы особенности объективации текстовых когнитивно-перцептивных модулей в индивидуально-авторской картине мира дискурса прозы Марины Степновой и Джоанн Харрис. Сравнительный анализ произведений двух представительниц русской и английской литературы позволил выявить как общие, так и этнокультурные особенности дискурса современной женской прозы.

Концептосфера художественного текста отражает картину мира определенного автора. Важно понять, в каких языковых знаках реализуется художественная концепция, а также то, как она отражает сознание автора. В нашем исследовании художественный концепт определяется как часть авторского сознания, или авторской концептосферы М. Степновой и Дж. Харрис, которая выражена в их прозе. Требуется подчеркнуть, что художественный концепт также относится к сложному ментальному образованию, которое является особенностью индивидуального сознания.

-
1. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста : учебник для вузов. Екатеринбург, 2000. 534 с.
 2. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 103 с.
 3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2001. 122 с.
 4. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 776 с.
 5. *Грунина Л. П.* Когнитивный взгляд на художественный текст // Социально-экономические проблемы развития России : Региональный аспект. Кемерово, 2004. С. 144–146.
 6. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2004. 477 с.
 7. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2007. 440 с.
 8. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
 9. *Степанов Ю. С.* Словарь русской культуры. М., 1997. 824 с.
 10. *Степнова М.* Женщины Лазаря. М., 2022. 448 с.
 11. *Стернин И. А.* Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 55–67.

12. *Хачмафова З. Р.* Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков). Майкоп, 2010. 290 с.

13. *Harris J.* *Jigs and Reels*. London, 2006. 304 p.

6.2. Концепт ЛЮБОВЬ в рассказе С. Довлатова «Куртка Фернана Леже»

В данном разделе концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии изучается в общеязыковом пространстве и художественном дискурсе. Языковые концепты отражают характерные для национального сознания когнитивные признаки, представляют их универсальные и специфические для других языковых сообществ свойства. Художественные концепты воплощают специфику индивидуально-авторского восприятия мира, которое, с одной стороны, в определенной степени соответствует общему представлению языкового сообщества, к которому принадлежит автор, и, с другой стороны, отражает интерпретацию и оценку автора, его индивидуальную концептуализацию мира.

Как полагал Д. С. Лихачев, концепты отдельных значений слов зависят друг от друга и образуют некие целостности, которые называются концептосферой. Особое значение в создании и обогащении концептосферы национального языка принадлежит писателям и фольклору, именно поэтому концептосфера языка — «это, в сущности, концептосфера русской культуры» [11, с. 499–500]. В центре внимания данного исследования находится эмотивный концепт ЛЮБОВЬ, актуальный для произведений С. Довлатова и отражающий его картину мира через призму авторского восприятия.

В научной литературе концепт ЛЮБОВЬ описывается с позиций русской лингвокультуры. Данный концепт рассматривался с точки зрения его воплощения в поэтических текстах, в ракурсе этимологии слова, способов метафоризации, а также в этической и паремиологической парадигме [3–7; 9; 12; 15]. Выделялись такие его признаки или сопряженные с ним понятия, как *братство, жалость, жертвенность, добродетель, мир, уважение, приязнь, страсть, интимность, теплота, непредсказуемость, страдание, ревность*. Описывались разные виды и этапы формирования идеи любви: *Божественная любовь, земная любовь, любовь-жалость,*

любовь-совесть, любовь-идея [13; 14]. С точки зрения функционально-семантических признаков слов лексические выражения с эмотивным смыслом *любовь* присутствуют во всех классах эмотивной лексики: эмоциональное состояние (*влюбленность, страстный, очарованный*), становление эмоционального состояния (*влюбиться, очароваться, растаять*), эмоциональное воздействие (*влюбить, расположить, очаровать*), эмоциональное отношение (*обожание, любить, симпатизировать*), внешнее выражение эмоций (*поцелуй, ласковый, поухаживать*), эмоциональная характеристика (*любимец, ухажер, милый*), эмоциональное качество (*влюбчивость, обаяние, очаровательность*) [1].

Концепт представляет собой структурированную совокупность когнитивных признаков. Описание текстового концепта предполагает системное представление составляющих его единиц, назовем их: 1) основные — ядерные (базовые) и приядерные (конкретизирующие); 2) сопряженные (включенные); 3) прагматические ассоциативно-образные; 4) модально-оценочные когнитивные признаки. Они, соответственно, формируют ядро, приядерную зону, ближайшую и дальнейшую периферию ментальной сущности концепта [10, с. 14–21]. Разработанный Л. Г. Бабенко алгоритм концептуального анализа художественного текста [2, с. 111] позволяет структурировать когнитивное пространство отдельного произведения или всего творчества определенного автора.

Изучение концепта предоставляет возможность выявить особенности концептосферы художественного текста, национального языка, в целом представляющих своеобразие концептосферы данной культуры, что обуславливает актуальность темы. Цель данного исследования — выявление особенностей репрезентации и концептуализации чувства любви в рассказе С. Довлатова. Объектом изучения является эмотивное пространство художественного текста. Предмет исследования — лексическая репрезентация концепта ЛЮБОВЬ и его когнитивные признаки в рассказе «Куртка Фернана Леже». Метод изучения материала — концептуальный анализ, выявляющий разноуровневые когнитивные признаки концепта (ядерные, приядерные и периферийные), которые демонстрируют определенный актуальный для данного художественного текста смысловой сегмент концепта ЛЮБОВЬ.

Материалом для нашего исследования служит рассказ «Куртка Фернана Леже» из цикла «Чемодан», написанного С. Д. Довлатовым в эмиграции в 1980-е гг. Тексты Довлатова представляются нам интересными с точки зрения его стиля, для которого характерны

грустная насмешка над собой и окружающими, юмористический тон, комический эффект при описании событий, персонажей и их взаимоотношений, а также эмоциональная насыщенность текста.

Рассказ «Куртка Фернана Леже», как и другие рассказы из цикла «Чемодан», носит название предмета, который рассказчик привез в своем единственном чемодане в Америку в эмиграцию. Герой-рассказчик Сергей с детства дружил с сыном знаменитого актера Черкасова. Семья Черкасовых принадлежала к привилегированному социальному слою: имела квартиру на Кронверкской улице, дачу, домработниц. Дружба мальчиков Сергея и Андрюши возникла благодаря знакомству их матерей, которые вместе работали в театре. Разница двух семей в социальном статусе и материальном положении описывается в ряде контрастных изображений. Рассказ так и начинается: *Эта глава — рассказ о принце и нищем.* Далее идет параллельное сравнение жизни двух семей, например: *Андрюша был сыном выдающегося человека. Мой отец выделялся только своей худобой.* Или: *Черкасовы жили в правительственном доме на Кронверкской улице. Мы — в коммуналке на улице Рубинштейна.* Таких сопоставлений в рассказе насчитывается 18.

В тексте активно употребляются слова *любить/полюбить* (12 словоупотреблений) и близкие им по значению *нравиться/понравиться, симпатизировать, предпочитать, восхищаться, тянуться к кому-л., тянуть к кому-л., влечь к кому-л.* Они используются по отношению к людям в значении ‘испытывать чувство расположения, симпатии к кому-л.’ или по отношению к видам занятия в значении ‘чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л.’

Будучи еще мальчиком, Сергей остро ощущал разницу в отношениях домработниц к нему и к Андрюше: *Сами Черкасовы относились ко мне хорошо. А вот домработницы — хуже. <...> Я ощущал неравенство. <...> И все-таки я чувствовал обиду. Андрюша был главнее. Челядь побаивалась его как хозяина. А я был, что называется, из простых. И хотя домработница была еще проще, она меня явно недолюбливала. <...> Теоретически все должно быть иначе. Домработнице следовало бы любить меня. Любить как социально близкого. Симпатизировать мне как разночинцу. В действительности же слуги любят ненавистных хозяев гораздо больше, чем кажется. И уж, конечно, больше, чем себя.* Слова *относиться хорошо, любить, симпатизировать, относиться хуже, недолюбливать, ненавистный* автор использует для описания отношения домработниц к людям разных социальных статусов,

подчеркивая тем самым ощущение у рассказчика социального неравенства, осознающего при этом его парадоксы (*любят ненавистных хозяев*).

Слова *любить, полюбить, предпочитать, ненавидеть* в контексте рассказа употребляются при описании не искреннего предпочтения, а принужденного выбора. Читаем реплику мамы Андрюши: — *Какая ты счастливая, Нора! Твоему Сереже цирску протянешь, он доволен. А мой оболтус любит только шоколад...* На самом деле к такому предпочтению мальчика вынудило материальное положение семьи: *Конечно, я тоже любил шоколад. Но делал вид, что предпочитаю цирски. <...> В семь лет я уверял маму, что ненавижу фрукты. К девяти годам отказывался примерить в магазине новые ботинки. В одиннадцать — полюбил читать. В шестнадцать — научился зарабатывать деньги.*

Слова *любить, предпочитать, тянуться, тянуть, влечь* активно употребляются при сравнении деятельности двух мальчиков. При выборе видов занятий, друзей у мальчиков проявляются разные предпочтения. Например: *Он заканчивал английскую школу. Я — обыкновенную. Он любил математику. Я предпочитал менее точные науки.* При описании их друзей: *Среди моих преобладали юноши криминального типа. Андрей тянулся к мальчикам из хороших семей. <...> Наверное, живут в человеке социальные инстинкты. Всю сознательную жизнь меня инстинктивно тянуло к ущербным людям — беднякам, хулиганам, начинающим поэтам. <...> Я лет с двенадцати ощущал, что меня неудержимо влечет к подонкам. Неудивительно, что семеро из моих школьных знакомых прошли в дальнейшем через лагерь.*

Фрагмент разговора между Сергеем и мамой Андрюши показывает, что социальный статус не только предопределяет виды занятий человека, круг его друзей, но и вкусы в искусстве. Слова *кумир, любить, восхищаться* используются для выражения особого интереса к определенным объектам искусства: *Потом мы беседовали о литературе. Я мог бы, не спрашивая, угадать ее кумиров — Пруст, Голсуорси, Фейхтвангер... Выяснилось, что она любит Пастернака и Цветаеву. <...> Затем мы перешли на живопись. Я был уверен, что она восхищается импрессионистами. И не ошибся.*

После смерти Черкасова обстоятельства жизни семьи изменились. Черкасову уволили из театра, отобрали награды ее мужа. Знаменитые люди перестали ходить к ней в гости. Мамы Сергея и Андрюши часто говорили по телефону, жаловались на своих сыновей. При всем различии двух семей в жизненной судьбе

рассказчик начал говорить об их сходстве: *Короче, наши матери превратились в одинаково грустных и трогательных старух. А мы — в одинаково черствых и невнимательных сыновей. В своем раздумье о нищете и богатстве рассказчик рассуждает: Когда-то я служил в охране. Среди заключенных попадались видные номенклатурные работники. Первые дни они сохраняли руководящие манеры. Потом органически растворялись в лагерной массе. <...> Когда-то я смотрел документальный фильм о Париже. События происходили в оккупированной Франции. По улицам шли толпы беженцев. Я убедился, что поработанные страны выглядят одинаково. Все разоренные народы — близнецы... <...> Вмиг облетает с человека шелуха покоя и богатства. Тотчас обпачкается его израненная сиротливая душа... Слова одинаково, растворяться, масса, близнецы употребляются для описания хрупкости, изменчивости человеческой судьбы и неустойчивости материального благосостояния.*

О куртке Фернана Леже речь зашла только к концу рассказа. Сергей получил ее в подарок после возвращения Черкасовой из Франции. Та в поездке по Франции рассказала вдове известного французского художника о существовании Сергея, после чего вдова достала куртку мужа и отдала ее Черкасовой, сказав, что Фернан завещал ей «быть другом всякого сброда». Такое иронически-пренебрежительное выражение вдовы художника как вывод из рассказа Черкасовой Сергей не комментировал. Он дорожил этой курткой, несмотря на ее плохое состояние: *Я носил куртку лет восемь. Надевал ее в особо торжественных случаях. <...> О том, что куртка принадлежала Фернану Леже, знали немногие. Мало кому я об этом рассказывал. Мне было приятно хранить эту жалкую тайну.*

В этом фрагменте лексика любви эксплицитно не выражена, но контекст показывает, что куртка Леже для Сергея, романтика по характеру, имеет особое значение, причем не в материальном плане, а по причине уважения к художнику. Старая куртка художника как один из любимых предметов Сергея символически репрезентирует его жизненные ценности.

Таким образом, в рассказе С. Довлатова ключевые слова *любить, полюбить, нравиться, понравиться, относиться хорошо, симпатизировать, предпочитать, восхищаться, тянуть, тянуться, влечь, кумир* и противоположные им по значению лексемы *недолюбливать, ненавидеть, относиться хуже, надоест, ненавистный* выражают разную степень экспрессивности и интенсивности чувств и в целом формируют тематическое поле

«любовь». В результате анализа синтагматически сопряженных с ними слов выявляется когнитивно-пропозициональная структура «субъект любви — предикат любви — объект — источник любви», что образует ядро концепта.

Приядерная зона состоит из лексических репрезентаций когнитивно-пропозициональной структуры концепта *любовь*. Субъектами любви в рассказе С. Довлатова являются главные персонажи рассказа Сергей и Андрюша, а также мама Андрюши и домработницы Черкасовых. В позиции предиката оказываются глаголы *любить, полюбить, нравиться, понравиться, относиться хорошо, симпатизировать, предпочитать, восхищаться, тянуть, тянуться, влечь*. Объектами — источниками любви для Андрюши являются его друзья — мальчики из хорошей семьи, «честные, разумные и доброжелательные», которые внушали Сергею только ощущение неуверенности и тоски, «веселые, умные, добродушные физики», жена Даша из хорошей семьи, а также предметы предпочтения Андрюши — математика, шоколад. Для Сергея объектами любви являются друзья, которым он симпатизирует, — «юноши криминального типа», «ущербные люди — бедняки, хулиганы, начинающие поэты», «подонки», «сумасшедшие грязные претенциозные лирики», жена Лена из бедной семьи, а также такие предметы предпочтения, как чтение, ириски, а также «менее точные науки», которые противоположны любимому Андрюшей предмету, и наконец ключевой в этом рассказе объект — куртка Фернана Леже. Таким образом, через лексические репрезентации позиций субъекта, предиката и объекта-источника образуется мир персонажей, выясняются их отношения к этому миру и ценностные взгляды.

Ближайшая периферия в этом рассказе формируется прагматическими ассоциативно-образными когнитивными признаками. Такие признаки можно выделить из обстоятельственных слов по отношению к предикату любви, например: *Всю сознательную жизнь меня **инстинктивно** тянуло к ущербным людям — беднякам, хулиганам, начинающим поэтам. <...> Я лет с двенадцати ощущал, что меня **неудержимо** влечет к подонкам*. Или из когнитивных признаков, сопряженных с ментальными пространствами, которые ассоциативно связаны с концептом любви: *Мы не поссорились. Не испытали **взаимного разочарования**. Мы просто разошлись*.

Дальнейшую периферию составляют модально-оценочные когнитивные признаки. В рассказе читаем описание одного

из гостей Андриюши с употреблением эмоционально-оценочных лексем: *Ее спутник, Лаврентьев, выглядел хуже. У него были пышные волосы и мелкие черты лица — сочетание гнусное. Кроме того, он мне надоел. Слишком долго рассказывал о поездке в Румынию. Кажется, я сказал ему, что Румыния мне ненавистна...* Встречается также рассуждение о любви: — *Как ты думаешь, это грех — любить мужа больше, чем сына?* — не знаю. *Я думаю, у любви вообще нет размеров. Есть только — да или нет.*

* * *

Итак, анализ концепта ЛЮБОВЬ в рассказе «Куртка Фернана Леже» С. Довлатова выявил его индивидуально-авторские представления, воплощенные в системе персонажей рассказа, позволил представить когнитивные признаки в текстовом пространстве, значимые для создания концептосферы художественного текста. В анализируемом рассказе смысл концепта ЛЮБОВЬ отражается в склонности персонажей к разного рода занятиям, в предпочтениях в еде, в их выборе друзей, в отношениях между людьми, что образует общее представление о ценностных взглядах и жизненных судьбах главных героев.

Выполнение концептуального анализа других произведений писателя или творчества других авторов по той же модели дополнило бы представление о художественной картине мира в творчестве того или иного писателя. Значимость данного исследования заключается также в возможности сопоставить тот или иной концепт в произведениях разных писателей с целью выявления особенностей индивидуально-авторского восприятия мира.

1. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.

2. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. М. ; Екатеринбург, 2004. 464 с.

3. *Бабенко Л. Г., Бабенко В. Г.* Когнитивные технологии в филологии: концептуальный анализ художественного текста // *Вопр. когнитивной лингвистики.* 2019. № 4. С. 135–140.

4. *Балашова Е. Ю.* Любовь и ненависть // *Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина.* М., 2007. С. 111–129.

5. *Вильмс Л. Е.* Любовь // *Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина.* М., 2007. С. 102–111.

6. *Воркачев С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007. 284 с.

7. Дмитриева Н. М., Линтовская Н. М. Этический смысл концепта «любовь» в русской языковой картине мира (на материале словарей XI–XIX веков) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2016. № 7 (195). С. 44–49.
8. Довлатов С. Собр. соч. : в 3 т. / сост. А. Арьев. СПб., 1993. Т. 2. 384 с.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. 624 с.
10. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 1020 с.
11. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 493–505.
12. Салимова Л. М. О лингвокультурном концепте «любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32) : в 2 ч. Ч. 2. С. 173–175.
13. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2011. 232 с.
14. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 512 с.
15. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2004. 992 с.

Глава 7

МЕДИАДИСКУРС

7.1. Когнитивно-семиотическое моделирование контекстуального эллипсиса (на материале медиадискурса)

Когнитивно-семиотическое моделирование единиц — относительно новое актуальное междисциплинарное направление в языкознании. Рассмотрение контекстуального эллипсиса является частью более широкой проблемы феномена эллипсиса в когнитивно-семиотическом аспекте. Предмет данного исследования тесно соприкасается с психолингвистической проблематикой речепроизводства и речевосприятия и с вопросами когнитивной грамматики и лингвесемиотики. Когнитивно-семиотическое моделирование ориентировано на воспроизведение речемыслительной деятельности и алгоритмов манипуляций с языковыми знаками на естественном языке, а в перспективе возможно применение полученных с его помощью данных в компьютерной лингвистике для совершенствования автоматического поиска эллиптических предложений.

К сфере интересов когнитивной семиотики относятся форматы знаний, их речевые репрезентанты, когнитивные операции семиозиса и конструктивные правила сочетаемости знаков. В круг релевантных для данного исследования входят следующие вопросы: (1) как следует понимать эллипсис; (2) что такое контекст и контекстуальный эллипсис с когнитивно-семиотической точки зрения; (3) какими когнитивно-семиотическими моделями представлен эллипсис; (4) каковы когнитивные механизмы восстановления контекстуального эллипсиса.

Что же такое эллиптическое предложение?

Существует множество подходов к эллипсису и соответствующих классификаций. Традиционно эллипсис рассматривается статически, то есть как языковая структура, претерпевшая элиминацию некоторых компонентов, понятных (восстанавливаемых) из контекста или коммуникативной ситуации. Основаниями для классификаций эллипсиса при этом становятся источники его восстановления и синтаксические свойства элиминированного компонента. Эллипсис, легко восстанавливаемый из контекста, называется контекстуальным [27]. Различают, например, эллипсис в словосочетании и в предложении [27; 32].

Другие исследователи рассматривали эллипсис динамически, как речевой процесс. В. Киндт видит эллипсис как синтаксически неполносоставную или не соответствующую грамматическому стандарту эксплицитной выраженности языковую форму. Отличительной чертой эллипсиса при этом является возможность восстановления посредством синтаксических и семантических связей внутри высказывания [40, s. 43]. Возможность восстановления эллипсиса на основе семантико-синтаксических связей внутри высказывания, то есть на базе контекста, отмечается как дифференциальный признак. Понятие контекста, как мы видим, явно подразумевается, но эксплицитно не употребляется. Под контекстом мыслятся семантические и синтаксические связи между эксплицитно выраженными и элиминированными субзнаками в рамках одного знака или двух ближайших знаков (предложений). Определение эллипсиса как невыраженности тех фрагментов предложения, значение которых может быть восстановлено из контекста, встречается у Я. Г. Тестельца [34].

Контексту отводится существенная роль в концепции динамических моделей Е. В. Падучевой [24, с. 91]. С опорой на контекст ею выделяется анафорический эллипсис, который, в свою очередь, делится на анафорическое замещение и грамматический эллипсис. При анафорическом замещении полнозначное имя замещает местоимение, а при грамматическом эллипсисе некоторые элементы опускаются. В результате исследования автор приходит к выводу, что antecedentный эллипсис нечувствителен не только к падежу, но и к различиям между членами предложения [33]. Однако с данным выводом вступает в противоречие умозаключение исследователя о том, что при эллипсисе необходимость согласования по падежу определяется структурой контекста,

предопределяющего возможность эллипсиса. Совпадение форм актантов в эллиптированных сочинительных конструкциях остается дискуссионной темой. Например, Т. Ю. Кобзарева отмечает, что в русском языке эллипсис требует совпадения граммем падежа антецедента и эллиптированного элемента, но это требование ослабляется для винительного, родительного и дательного падежей беспредложных дополнений [15]. В немецком языке встречается преимущественно симметричная организация в сочинительных конструкциях с эллипсисом, хотя возможны региональные функциональные отличия [37]. Таким образом, эллипсис — это тип неполной конструкции, элиминированные элементы которой восстанавливаются из контекста или речевой ситуации.

Некоторые лингвисты, с чьим мнением мы согласны, рассматривают эллипсис как речевой процесс [32; 39]. Так, Л. Гоффманн под эллипсисом понимает также процедуру формулирования, то есть речепроизводства. По его мнению, систематически не вербализуются в эллиптических конструкциях элементы некой типовой пропозиции или актуальной речевой ситуации. Если редукция захватывает структурные элементы, происходит деграмматикализация [39, S. 91–92].

К. Я. Сигал в рамках своего исследования связывает понятие контекстуального эллипсиса с наличием антецедента. Антецедентный сочинительный (или координативный) эллипсис исследователь называет эллипсисом I. Исследование проводится на прототипических адъективно-субстантивных словосочетаниях. Эллипсис I возникает, по мнению исследователя, в словосочетаниях с опорой на антецедент в предшествующем словосочетании аналогичной модели, например: «Чужая душа — потемки, а кошачья и подавно... (А. Чехов)» [32]. Разновидности контекстуального антецедентного эллипсиса тесно связаны с контекстом, который выполняет возмещающую функцию, так как «появляется... в момент формирования фразы» [16, с. 210].

О. П. Реунова полагает, что эллиптические предложения являются специфичными самостоятельными структурными типами предложений, возникшими на основе закона речевой экономии [28, с. 103].

Тезис о существовании полных моделей предложения неизбежно наталкивает на мысль о наличии нулевых элементов, под которыми среди прочего понимаются и незамещенные позиции в эллиптических предложениях. Так, например, Л. С. Бархударов эллиптическими называет предложения, в которых по крайней

мере одна позиция представлена нулевым вариантом [3, с. 74]. Основным критерием эллиптичности одни исследователи считают признак синтаксической одновариантности восстановления незамещенной позиции без значительного искажения смысла [2], другие — наличие полного коррелята модели в современном языке [8].

Тезис о синтаксической одновариантности восстановления эллипсиса без значительного искажения смысла дискуссионный. Вследствие размытости границ понятий значительного и незначительного искажения смысла он может привести к разным выводам. Если допустить отход от строгой одновариантности, то обнаруживается, что семантическое восстановление эллипсиса, в отличие от синтаксического, может не всегда быть одновариантным. Например, при восстановлении эллиптированного глагола может быть ассоциативно привлечен целый синонимический ряд. Такой вид эллипсиса, при котором действие в речевом событии обозначается посредством наличия его характеристик и эксплицитных синтаксических связей, Л. Гоффманн называет эмпрактическим (*Empraktische Ellipse*) [см.: 39].

Возвращаясь к разговору о семантической вариативности, отметим наблюдение И. В. Камагиной, которая усматривает в ней отличие синтаксического нуля от эллиптирования глагола. В случае с нулевой единицей восстановление ее невозможно согласно нормам языка, а семантика глагольной нулевой единицы в русском языке сводится к значению бытия и наличия. Иными словами, синтаксические нули не зависят от контекста и не способны восстанавливаться с его помощью [10, с. 171–172].

Опыт классификации контекстуального эллипсиса

В рамках статистического подхода исследуются синтаксические модели эллипсиса. Отмечается, что контекстуальный эллипсис является частотным явлением не только в монологической, но и в диалогической речи. Виды эллипсиса выделяются на основе синтаксической роли элиминированного элемента. В диалогической речи обнаруживаются конструкции с элиминацией подлежащего, сказуемого. В однокомпонентных моделях элиминируются все члены предложения за исключением одного [2; 9; 17]. В немецком и английском языках различают эллипсис глагольной фразы (*VP-ellipsis*), гэппинг (*gapping*), псевдогэппинг (*pseudogapping*), эллипсис подлежащего (*N-ellipse*), эллипсис

правой периферии (*right heriphery ellipsis*), слусинг в виде эллиптированного косвенного вопроса (*sluicing*), диалогический эллипсис (*stripping*), фрагментирование (*fragments*), эллипсис сравнительных конструкций (*comparative deletion*), эллипсис сочинительных конструкций (*koordinative Ellipse*) [26; 34].

Е. Н. Саввина отмечает, что, хотя задача описания эллиптических конструкций на материале русского языка пока до конца не решена, в целом эллипсис подчиняется той же классификации с некоторыми позиционными особенностями, например, стриппинг и фрагментирование в структурном отношении более разнообразны, чем в германских языках. В русском языке фрагментируются вершины [см.: 30; 31]. Опираясь на одну только форму, нельзя адекватно описать ни синтаксис, ни семантику эллиптических конструкций [см.: 41]. Поскольку применение синтаксического подхода выявило крайнюю неоднородность конструктивных моделей эллипсиса, а четкие правила эллиптирования сформулировать не удалось, возникли вопросы к способам порождения или производства эллипсиса.

В настоящее время существуют две противоположные теории производства эллипсиса. Согласно одной из них, эллиптическая конструкция является редуцированной формой более сложной полной модели. Для редукции не существует специфических синтаксических правил и ограничений. Согласно другой концепции, эллиптические предложения являются полносоставными специфическими моделями. Эллипсис возникает в результате различных процессов. Одним из способов является опущение лингвистического материала, при этом элиминируются определенные отдельные элементы, обусловленные синтаксическими, семантическими и информационно-структурными условиями (контекстом).

Другим вариантом объяснения эллипсиса можно считать так называемое АТВ-перемещение, при котором передвигаются (элиминируются) идентичные компоненты симметричной сочинительной конструкции одинаковых категорий. Эллипсис зависит не только от грамматических факторов, но и от контекста. Чтобы правильно интерпретировать высказывание, недостаточно понять лексическое значение слов и грамматическое значение синтаксической конструкции. Важен весь контекст в целом. Только интеграция вышеперечисленных трех видов знаний в процесс понимания приводит к корректной интерпретации высказывания, будь оно полным или эллиптическим высказыванием, заключает П.-К. Бонитц [37, S. 13–14].

Контекстно зависимые эллипсисы можно разделить на структурно-зависимые и глобально зависимые. Глобальная зависимость обусловлена неизбежной связью любого высказывания с глобальными знаниями мира и прототипических ситуаций [41].

Можно заключить, что понятие контекста трактуется в научной литературе как узко, так и широко. Под значением контекста в узком смысле следует понимать эксплицитно выраженные семантико-синтаксические связи в тексте. Например, согласно ситуативной модели перевода Дж. Катфорда под контекстом понимается единство эксплицитно выраженных лексико-грамматических единиц, соответствующих лингвистически релевантным элементам ситуации и образующих текст [12, с. 73]. Данная модель исходит из того, что содержание всех языковых знаков отражает какие-то предметы, явления, отношения действительности. Эти предметы действительности, отражаемые в языковых знаках, и выступают в качестве денотатов. Носители языка, как правило, знакомы с распространенными стереотипными ситуациями действительности. Последние запечатлены в их памяти и образуют некий ментальный контекст для понимания отдельных элементов ситуации действительности.

Понятие контекста

С семиотической точки зрения мы полагаем, что контекстом может считаться окрестность знака (последовательность символов). Каждому знаку (в нашем случае — предложению) соответствует по крайней мере один символ (эксплицитно выраженный субзнак). Два субзнака/знака образуют некую последовательность, называемую окрестностью или контекстом [5, с. 86]. Когнитивная перспектива позволяет рассматривать контекст как формат структурированных знаний [4].

Таким образом, мы пришли к выводу, что под контекстом в широком смысле слова следует понимать некий структурированный когнитивный формат. Фокусируясь на объекте исследования — эллиптическом предложении как сентенциональном знаке, за когнитивные форматы мы принимаем различные структурированные последовательности субзнаков/знаков, существующих в ментальном пространстве в виде фреймов и концептов. Узлами фреймов являются языковые субзнаки, а ребрами — вербальные ассоциации различных типов. К вербальным ассоциациям мы еще вернемся.

Фреймы делят на глубинные [36] и поверхностные [10; 13], синтаксические и семантические, тематические, повествовательные. Глубинные фреймы представляют собой абстрактные инварианты, на базе которых могут генерироваться варианты. Глубинные синтаксические фреймы презентуются в речи посредством позиционных моделей синтаксического концепта. Одни исследователи структуру синтаксического фрейма отождествляют со структурой пропозиции [35]. Другие трактуют синтаксический фрейм как позиционную схему, репрезентирующую синтаксический концепт.

А. Р. Рюкова предлагает выделять восемь глубинных синтаксических концептов, базирующихся на соответствующих позиционных моделях [29]. Семантические фреймы представляются в дискурсе языковыми знаками различного уровня: знаменательным словом, словосочетанием, фразеологическими оборотами. Поверхностный уровень концептуального семантического фрейма представляют семантические значения эксплицированных в дискурсе языковых знаков. Глубинный уровень представляют те понятия, которые связаны с актуализированными в дискурсе концептуально.

Тематический фрейм включает в себя различные события, объединенные одной темой и позволяющие установить ассоциативные связи предметов на основе имеющихся сценарных отношений [12, с. 126]. Повествовательный же фрейм — это некая логическая дискурсивная структура формы типичных рассказов и объяснений, позволяющая моделировать тематический фрейм [6; 13].

Семантические компоненты значений связываются между собой в нашей когниции посредством вербальных ассоциаций. Впервые мысль о единстве психологической основы ассоциаций и семантических компонентов значений сформулировал Д. Диз [см.: 38]. Он показал, что в сетевой модели памяти каждый узел соответствует понятию и связан с другими узлами-понятиями.

Типы вербальных ассоциаций

Вербальные ассоциации мы рассматриваем как связующие нити между эксплицированными и элиминированными слотами в рамках одного фрейма. В дискурсе слоты представлены в виде субзнаков. В научной литературе описываются вербальные ассоциации трех видов: логические, психологические и лингвистические.

Отмечено, что эти виды часто переплетаются между собой ввиду сложности языкового мышления, которому присущи и логика, и индивидуальное психологическое восприятие, и языковая системность. Предпринимается попытка вписать виды вербальных ассоциаций в существующие языковые отношения грамматической и лексической сочетаемости и связать их с представлениями об организации физического мира (мира вещей) [23].

Наибольшее распространение в последнее время получили так называемые лингвистические ассоциации. Различают вербальные ассоциации синтагматического и парадигматического характера [см.: 18; 43]. Они основаны на грамматической сочетаемости. Синтагматические вербальные ассоциации обладают потенциалом более или менее устойчивой семантико-синтаксической сочетаемости, поскольку принадлежат к разным частям речи (синтаксемы, фраземы, свободные словосочетания), например: *возле памятника / neben dem Denkmal; одни (люди) — другие (люди) / einige (Leute) — andere (Leute); доброго дня — (guten) Tag* и т. д.¹ В скобках указаны слова, часто подвергающиеся элиминации ввиду устойчивости синтагматической ассоциации.

К этой же группе, как мы считаем, относится и так называемый идиоматический эллипсис. Слова, связываемые парадигматическими ассоциациями, принято относить к одной части речи, например: *Господь — Спаситель / Gott — Erlöser*. Связаны они исключительно семантически. Однако тезис о принадлежности слова-стимула и слова-реакции в парадигматических ассоциациях одной части речи является весьма спорным моментом, ведь к одной и той же теме могут относиться разные части речи. А. П. Клименко предложил третий тип вербальных ассоциаций — тематические ассоциации типа *друг — дорога* [14]. Чтобы преодолеть это противоречие, Г. А. Мартинович предлагает к типу синтагматических ассоциаций по смежности добавить тематические (по его терминологии — детерминационные) [20]. Появление одного члена ассоциации регулярно ведет к появлению другого ее члена [20].

Наиболее признанной, но далеко не единственной считается классификация вербальных ассоциаций Дж. А. Миллера. Основаниями для нее служат следующие критерии: 1) контраст

¹ Приведенные в главе примеры взяты из российских и немецких периодических изданий «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Der Spiegel», «Stern».

(большой — маленький), 2) сходство (забота — доброта), 3) подчинение (цветок — роза), 4) соподчинение одному объекту на основе сходства какого-либо признака (стакан — чашка), 5) обобщение (прутик — метла), 6) ассонанс (небо — зеленое), 7) часть — целое (лицо — нос), 8) дополнение (смех — залиvistый), 9) эгоцентризм (одиночество — никогда), 10) предикация (ручей — журчит) [42].

Вербальную ассоциацию мы определяем как связь, образующуюся при определенных условиях между двумя или более субзнаками (понятиями), относящимся к определенным фреймам, семантическим и синтаксическим.

Обзор научной литературы демонстрирует предпосылки к когнитивно-семиотическому моделированию эллипсиса, поскольку это является научной лакуной, а восстановление эллипсиса все еще остается острой дискуссионной темой. Вместе с тем тема весьма актуальна не только в теоретическом, но и в прикладном аспекте в сфере корпусной лингвистики.

Ход и результат полевого исследования

Целями данного исследования являются описание когнитивно-семиотических моделей контекстуального эллипсиса, выявление когнитивных связей элиминированных субзнаков с различными форматами языковых знаний и способов их установления. Объектом исследования стали эллиптические предложения немецкого и русского медиадискурса. Предмет исследования — когнитивно-семиотические связи элиминированных субзнаков с ментальными форматами языковых знаний и когнитивные способы восстановления эллипсиса в дискурсе.

Наша гипотеза заключалась в следующем: существуют ментальные форматы знаний, на базе которых в дискурсе актуализируется некоторое речевое событие. В дискурсе оно представляется в виде сентенционального знака (окрестности), состоящего из субзнаков. Структуру речевого события можно обнаружить и представить в различных когнитивных форматах: в виде концепта, фрейма, пропозиции и позиционной схемы. При пересечении этих форматов в дискурсе может возникнуть языковая избыточность, которая приводит к эллиптированию избыточных субзнаков. Но они подразумеваются, поскольку присутствуют в известных носителях языка ментальных форматах. Следовательно, выявление когнитивных связей эллиптированных и эксплицированных субзнаков, актуализирующих речевое событие, прольет свет

на способы восстановления эллипсиса и в перспективе сделает возможным параметрическое описание эллиптированного сентенционального знака как особой языковой единицы.

В ходе настоящего полевого исследования были использованы теоретические и эмпирические методы: синтаксический, пропозициональный, контекстуального анализа, фреймовый, описательный, сопоставительный и метод лингвокогнитивного моделирования способов восстановления контекстуального эллипсиса, позволяющий установить семанτικο-синтаксические связи элиминированного субзнака в дискурсе.

Сначала отбирались примеры контекстуального эллипсиса по формальному признаку наличия элиминированных субзнаков, восстанавливаемых из контекста. Затем примеры классифицировались согласно когнитивным форматам языковых знаний четырех уровней: предметный (коммуникативный), семантический, синтаксический (конструктивный), дискурсивный (прагматический). Внутри этих групп был проведен анализ контекстуальных связей элиминированных и эксплицированных элементов с семантическими и синтаксическими фреймами.

Мы выделяем предметный, семантический, синтаксический (конструктивный) и прагматический (дискурсивный) уровни. Предметный уровень — это мир вещей и событий, проецируемый в ментальную сферу. На предметном уровне формируется предметная ситуация. Когнитивными форматами на семантическом уровне являются пропозиция, семантические фреймы и другие структурированные семантические связи. Синтаксический или конструктивный уровень представляет более или менее устойчивые семиотические конструкторы (субзнаки), меньшие, чем предложение, но большие, чем слово, как лексического, так и грамматического характера, например, фраземы, синтаксемы, аналитические формы. Прагматический или дискурсивный уровень — это платформа для экспликации высказывания. Способ формулировки и полнота высказывания зависят от жанровых особенностей дискурса. Каждому уровню соответствует как минимум один когнитивный формат. Так, когнитивным форматом предметного уровня служат денотативная ситуация и речевое событие, семантического — лексикон, пропозиция, семантические фреймы и синтаксические концепты, синтаксического — комбинации не менее двух неоднородных субзнаков, например, синтаксемы, биномы, фразеологические выражения, сентенциональные комплементы. Репрезентантом прагматического уровня

является автономный сентенциональный знак (высказывание), составленный из неавтономных субзнаков. Семиозис высказывания проходит через все вышеперечисленные четыре условных уровня когниции. На некоторых этапах компоненты когнитивных форматов знания о речевом событии пересекаются. В этом случае в результате языковой экономии происходит их элиминация. Таким образом возникает эллипсис. Контекстуальный эллипсис мы рассматриваем как сентенциональный знак, генерируемый на базе семантического и синтаксического уровней когниции, а именно семантических и синтаксических фреймов.

Каждый субзнак сентенционального знака, выраженный знаменательной частью речи, представляет собой семантический концепт с вертикальными парадигматическими семантическими связями. Сам сентенциональный знак представляет собой синтаксический концепт, репрезентируемый позиционной схемой. Его компоненты образуют между собой горизонтальные семантико-синтаксические связи.

Элиминированные компоненты эллипсиса могут восстанавливаться посредством вербальных ассоциаций с полными формами репрезентантов когнитивных семантических и синтаксических форматов.

Мы выделяем антецедентный и неантецедентный контекстуальный эллипсис. Антецедентный эллипсис встречается в концепт-схемах различного синтаксического оформления: в сочинительных и сравнительных конструкциях, в сверхфразовых единствах. В сочинительных и сравнительных конструкциях он возникает при синтаксическом параллелизме. В целях языковой экономии элиминируются один или несколько тождественных элементов высказывания. Как правило, элиминируются знаменательные части речи, но иногда и незначительные, например, предлоги (1) и (2).

(1) *Это сегодня крайне важно **для** всех нас, [для] Русского мира, [для] нашей великой тысячелетней цивилизации.*

(2) *Vor wenigen Tagen belegte Ihn der Schweizer Radsportverband rückwirkend zum 1. April **mit** einer Sperre von einem Jahr und [mit] einer Geldstrafe...*

Принцип восстановления элиминированного компонента как в сочинительных, так и в сравнительных конструкциях основывается на ассоциации по тождественности. Такие ассоциации релевантны как для неравных (3), (4), так и для равных сравнений.

(3) *Die Gläubigen **sind** oft weiter, als die Kirchen [sind].*

(4) *Эксперты рынка недвижимости пришли к выводу, что **квартиры** в северной столице **дорожают** быстрее, чем [квартиры дорожают] в Москве...*

Частотным случаем antecedentного эллипсиса является элиминация имени с сохранением местоимения при нем. В качестве таких местоимений в немецком языке чаще всего встречаются неопределенный артикль *ein*, отрицательное местоимение *kein*, указательные и неопределенные местоимения *diese, einige, andere, manche*, а в русском — неопределенные (*некоторые, одни/другие*), как в примерах (5) и (6).

(5) *Um die Pflegeversicherung zu entlasten, verlangte Müntefering eine längere **Lebensarbeitszeit**. Diese [Lebensarbeitszeit] betrage derzeit rund 59 Jahre...*

(6) ***Некоторые** [люди] уже потеряли работу или [некоторые люди] потеряют ее в ближайшее время.*

Элиминация существительного при сопровождающем слове (местоимении или артикле) является настолько частотным явлением, что нередко не рассматривается как эллипсис. Существительное может элиминироваться и при прилагательном. Иногда такие случаи рассматривают как субстантивацию. В немецком языке согласно орфографическому правилу написания существительных с заглавной буквы на письме всегда понятно, имела ли место субстантивация. В случае субстантивации об элиминации существительного и об эллипсисе речь не идет, поскольку происходит переосмысление знака, а именно эксплицированная часть синтаксемы берет на себя функцию элиминированной, а последняя подразумевается. В устной речи и в русском языке все не так однозначно. Однако в примере (6) из поверхностной семантической структуры явствует, что элиминируется субзнак, означающий одушевленное лицо, человека. При восстановлении мы интерпретируем элиминированный субзнак обобщенно, хотя возможна и конкретизация, не искажающая смысл высказывания, не выходящая за рамки тематического фрейма, например, *пенсионеры, ветераны* и т. д. Если элиминированный субзнак не встречается в соседней окрестности, такой тип эллипсиса не может считаться antecedentным, а отнести его следует к семантико-фреймовым.

Неantecedentный эллипсис мы делим на конструктивный (грамматический) и семантико-фреймовый. Конструктивный эллипсис образуется и, соответственно, восстанавливается на синтаксическом уровне с опорой на готовые языковые схемы аналитических форм глагола, то есть парадигматически. В проведенном

полевым исследовании эмпирического материала встречается элиминация аналитических форм немецкого глагола и составного именного сказуемого. В немецких печатных СМИ чаще всего наблюдаются три вида конструкций с элиминированной частью сказуемого: конструкции статива (7), составные именные сказуемые типа *N + sein + N* (8) и пассива (9). Вследствие своей облигаторности и формальной грамматической обусловленности вспомогательный глагол всегда мыслится и в случае элиминации восстанавливается посредством парадигматической дополняющей ассоциации с моделью конструкции в языковом сознании носителей языка однозначно. Данная группа выделена только на материале немецкого языка, для русского языка она нехарактерна вследствие его преимущественной синтетичности.

(7) *Episkopalkirche in USA [ist] tief zerschnitten.*

Грамматическая дополняющая ассоциация отсылает к аналитической форме статива *zerschnitten sein* синтаксического уровня. Спрягаемая форма глагола синтаксически согласуется с подлежащим, что является облигаторным в немецком языке.

(8) *Anderen Verlagen [ist/wird] um Rückkehr empfohlen.*

(9) *Glaube — [ist] ein Produkt der Chemie?*

Подвидом неантецедентного конструктивного эллипсиса является эллипсис соположения. Он распознается посредством дополняющей ассоциации в границах концепта «бытие объекта» в соответствии с позиционной схемой *что (кто) — есть — где — когда* (10). Стимулом дополняющей ассоциации мы считаем синтаксему *возле памятника*. Незамещенная позиция предиката восстанавливается ассоциативно.

(10) *Возле памятника с утра до вечера [находится/толпится и т. д.] народ.*

erlösen

(11) *Gott hilft [sich] aus der Verzweiflung [retten].*

В высказывании (11) заключены две пропозиции, ядром первой является матричный глагол² *helfen*. Ядром второй — элиминированный инфитив *sich retten*. Восстановление подразумеваемого инфинитивного глагола осуществляется благодаря двум видам ассоциаций: вертикальной парадигматической ассоциации *Gott — erlösen*, предикационной (по Дж. А. Миллеру), и горизонтальной синтагматической ассоциации соположения [22]. Оба вида связи зафиксированы в Wordassociations.net [44]. На основании

² Подробнее о матричной и инфинитивной пропозициях см.: [1].

выявленных вербальных ассоциаций мы можем обратиться к актуализированному посредством позиционной схемы синтаксическому концепту, поскольку именно ассоциации выявляют содержание концепта и в индивидуальном, и в коллективном сознании [25]. Вторая пропозиция презентуется инфинитивным оборотом, семантически вписывающимся в концепт «самостоятельное перемещение объекта». Агнс перемещается из начального пункта (*aus der Verzweiflung*) в конечный. При этом в коммуникативный фокус попадает только начальный пункт. Остальные элементы элиминируются, но имплицитно присутствуют благодаря когнитивной опоре на синтаксический фрейм, репрезентируемый позиционной схемой *wer — rettet — wen — aus etwas*.

Замечено, что для немецкого языка элиминация смыслового глагола в составном глагольном сказуемом является обыденным явлением в некоторых строго ограниченных семантических комбинациях матричного и инфинитивного глагола. Обнаружено две такие комбинации: способствовать перемещению кого-то из начального пункта в конечный (11) и иметь навыки говорения (и письма) на каком-либо языке, например, (12).

(12) *Ich kann Deutsch [sprechen].*

Пример (13) представляет собой два простых предложения, объединенных концепт-схемой:

(13) *Ein Freund von mir war verletzt. [Er hat/bekam] Eine klaffende Kopfwunde.*

Восстановление эллипсиса во втором предложении, с нашей точки зрения, является неодновариантным, поскольку единственный эксплицированный элемент имеет форму именительного падежа, тождественную винительному в немецком языке. В формальном плане это предложение может рассматриваться и как экспрессивное назывное. Но поскольку мы исходим из стратегии «от смысла к форме», а не наоборот, то склоняемся к аккузативной форме эксплицированного существительного *Kopfwunde*, достигаемого путем логического развертывания. Тип эллипсиса в примере (13) нельзя дефинировать однозначно, поскольку восстановление осуществляется несколькими путями. Один из элиминированных субзнаков (*ein Freund — er*) восполняется синтагматически, в этом случае мы говорим об антецедентном эллипсисе. Для восстановления прочих коммуникативно значимых компонентов описываемой предметной ситуации приходится прибегнуть к семантико-фреймовому парадигматическому способу, обратившись к фреймо-слотовой структуре, исходя из слота *ранение*. Ментально

предвосстановленная предметная ситуация на завершающем этапе «вписывается» слушающим в наиболее прогнозируемую позиционную схему: *wer — bekommt — was*.

По нашим наблюдениям, семантико-фреймовый способ восстановления эллипсиса в большинстве случаев предполагает вариативность, которую мы отразили в примерах (13) и (14) в квадратных скобках. Поскольку между конструкциями, представленными в виде предложений в описываемых примерах, отсутствует параллелизм, предполагается наличие альтернативных способов выражения мысли, проявляющееся как на лексическом, так и на синтаксическом поверхностном уровне, но глубинный смысл семантического фрейма остается неизменным.

(14) *Взрослым преподавать легче. <...> С детьми [дело обстоит / работать] сложнее.*

В результате проведенного полевого исследования выявлены следующие когнитивно-семиотические модели эллипсиса: синтагматическая и парадигматическая, смешанная. Синтагматическая модель восстанавливается горизонтально на основе связей с эксплицированными субзнаками, в частности, с антецедентом. Она представлена следующими подтипами антецедентного эллипсиса: сочинительный, сравнительный, эллипсис в сверхфразовых единствах. Восстановление происходит посредством ассоциации тождественности антецедента и элиминированных компонентов, как в (1), (3), (5). Элиминированный субзнак восстанавливается из соседней окрестности.

Парадигматическую модель образует неантенцедентный эллипсис. Данная модель представлена двумя подтипами: это конструктивный и семантико-фреймовый эллипсис. Парадигматическая модель восстанавливается вертикально через дополняющие ассоциации соположения. Они связывают эксплицированные части высказывания с элиминированными в устойчивые коллокации в рамках определенного фрейма. Воспроизводимые коллокации могут носить как грамматический характер в аналитических формах, так и лексико-семантический, например, (5): *некоторые [люди]*. При актуализации в дискурсе определенного фрейма достаточно частичной экспликации устойчивой коллокации для адекватной интерпретации отсылки (11), (12), (14). Устойчивые коллокации, по нашему мнению, занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологическими выражениями. Именно тенденция к воспроизводимости активизирует ассоциацию дополняющего соположения.

* * *

Проведенное исследование контекстуального эллипсиса на материале немецкого и русского медиадискурса продемонстрировало возможность и перспективы нового когнитивно-семиотического подхода к анализу эллипсиса. Выявлены три основные модели эллипсиса по способу восстановления. Обнаружены когнитивные способы связи эллиптированных и эксплицированных субзнаков эллипсиса. Связь устанавливается с помощью ассоциаций тождественности и дополняющего соположения. Ближайшими перспективами данного исследования являются уточнение и формализация способов представления семантико-синтаксической структуры эллиптического предложения и его параметрического описания для проведения полномасштабного сопоставительного анализа.

-
1. *Алексеева Е. А., Борисов О. В.* Семантические отношения между матричной и инфинитивной пропозициями (на материале французского языка) // *Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 20 (4). С. 5–15.
 2. *Бабок С. Э., Палто Н. А.* Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 марта 2018 г. / БГУ, ф-т социокультур. коммуникаций ; редкол.: Е. А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 7–12.
 3. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975. 240 с.
 4. *Болдырев Н. Н.* Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // *Проблемы современной филологии : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1.* Мичуринск, 2000. С. 37–45
 5. *Гинзбург Б. Л.* Знаковые проблемы психолингвистики // *Основы теории речевой деятельности : коллект. моногр. / под ред. А. А Леонтьева.* М., 1974. Гл. 7. С. 81–105.
 6. *Григорьева В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография. Тамбов, 2007. 288 с.
 7. *Давыдова М. М.* Прагматические характеристики эллипсисов (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 22 с.
 8. *Зеликов М. В.* Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб., 2005. 447 с.
 9. *Калиновская А. Ю.* Способы достижения эквивалентности перевода эллиптических предложений в русском и немецком языках (на материале современных пьес) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
 10. *Камагина И. В.* Эллипсис и сходные синтаксические явления в современном русском языке // *Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2015. № 1. С. 168–173.

11. Камалова А. А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск, 1998. 325 с.
12. Катфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода: об одном аспекте прикладной лингвистики. М., 2004. 208 с.
13. Кетенчиев М. Б. Простое предложение в общей и карачаево-балкарской лингвистике // Вестн. КБИГИ (KBHR Bul.). 2013. № 1 (20). С. 63–68.
14. Клименко А. П. Третий тип словесных ассоциаций и виды семантической связи между словами в системе // Романское и германское языкознание. Вып. 5. Минск, 1975. С. 42–58.
15. Кобзарева Т. Ю. Восстановление грамматических эллипсисов // Родной язык. 2022. № 2. С. 89–119.
16. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. 2-е изд. М., 2005. 152 с.
17. Ларькина А. А. Эллипсис в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 24 с.
18. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977. 192 с.
19. Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб., 1997. 72 с.
20. Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филол. науки. 1989. № 3. С. 39–45.
21. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопр. психологии. 1990. № 2. С. 143–146.
22. Морель М.-А., Арсеньева В. А. Синтаксис и застывшие формы. Морфосинтаксические закономерности свободных ассоциаций в эксперименте по созданию «Ассоциативного словаря французского языка» // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 83–92.
23. Николаева Е. Н., Белова С. С. Тренин Е. М. Вербальная ассоциация и эмоциональное слово: психологический и психофизиологический анализ эмоциональной значимости слов : словарь парадигматических ассоциаций и словарь совпадений ассоциативных полей слов различной эмоциональной значимости : монография : [в 2 ч.]. СПб., 2014. Ч. 1. 1979 с.
24. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 608 с.
25. Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2021. Т. 23, № 2. С. 541–550.
26. Путинцева А. А., Ковригина Л. Ю., Шилин И. А. Автоматическая классификация эллиптических конструкций в русской спонтанной речи // CEUR Workshop Proceedings. 2018. Т. 23. С. 120–138.
27. Рассошенко Ж. В. Эллиптические высказывания и их употребление в политическом дискурсе // Английский язык на гуманитарных факультетах: теория и практика : сб. науч. и науч.-метод. тр. Т. 4, вып. 4. 2010. С. 112–120.
28. Реунова О. И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск, 2000. 229 с.
29. Рюкова А. Р. Структурная схема предложения как средство вербализации синтаксических концептов // Вестн. Башкир. ун-та. 2009. Т. 14, № 4. С. 1435–1438.

30. *Саввина Е. Н.* Синтаксический и семантический эллипсис в русских сравнительных конструкциях : дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 221 с.
31. *Саввина Е. Н.* Сравнительные и сочинительные конструкции в русском языке: их сходства и различия // *Metody formalne w opisie językow slowianskich / ed. Z. Saloni.* Białystok, 1990. S. 221–230.
32. *Сигал К. Я.* Эллипсис как речевой процесс (на материале словосочетаний) // *Вопр. психолингвистики.* 2016. № 1 (27). С. 209–217.
33. *Тестелец Я. Г.* Падеж как признак идентичности при эллипсисе в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. «Диалог».* М., 2011. С. 656–667.
34. *Тестелец Я. Г.* Эллипсис в русском языке: теоретический и описательный подходы : докл. на конф. «Типология морфосинтаксических параметров» : [электронный ресурс]. М., 2011. 20 с. URL: <https://antonzimmerling.wordpress.com/2011/11/> (дата обращения: 01.02.2022).
35. *Токарева И. А.* Структурно-семантическая модель семантико-синтаксического фрейма // *Казан. лингвистич. журн.* 2022. № 4. С. 547–558.
36. *Чэнь С.* Анализ метафорического фрейминга в политическом дискурсе России (на материале текстов выступлений Владимира Путина в Международном дискуссионном клубе «Валдай») // *Полит. лингвистика.* 2023. № 3 (99). С. 214–224.
37. *Bonitz P.-K.* Subjektellipsen in Koordinationstrukturen. Theoretische Fundierung und empirische Erkenntnisse : diss. zur Erlangung des Philosophischen Doktorgrades. Göttingen, 2013. 276 S.
38. *Deese J.* The structure of associations in language and thought. Baltimore, 1965. 216 p.
39. *Hoffmann L.* Ellipse im Text // *Text — Verstehen: Grammatik und darüber hinaus / ed. by E. H. Blühdorn, B. Waßner, U. Waßner.* Berlin ; N. Y., 2006. P. 90–107.
40. *Kindt W.* Theoretische und methodische Grundlagen der Ellipsenmodellierung Ergebnisse einer systematischen Betrachtung // *Die Ellipse: neue Perspektiven auf ein altes Phänomen / Ed. M. Hennig; Linguistik — Impulse & Tendenzen, B. 52.* Berlin, 2013. S. 39–106.
41. *Klein W.* Ellipse // *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung.* 1. Halbband. Berlin, 1995. S. 763–799
42. *Miller G. A.* Language communication. N. Y. : Toronto ; London, 1951. 298 p.
43. *Whorf B. L.* Language, mind and reality // *ETC: A Rev. of General Semantics.* 1952. Vol. 9, № 3. P. 167–188.
44. *Wordassociations.net* : [website]. URL: <https://wordassociations.net> (accessed: 01.08.2023).

7.2. Роль человека в формировании бесконфликтной коммуникации (на примере русскоязычных и англоязычных видеороликов)*

В данном разделе приводятся результаты изучения роли человека в формировании бесконфликтной коммуникации. Его актуальность определяется связью, устанавливаемой между языком и человеком, что позволяет исследовать антропоцентрическую сущность языковых явлений. Актуальность заключается также в том, что разные типы дискурсов рассматриваются с позиции не прямого конфликта, а вербальной нормативной коммуникации, поэтому выявляются факторы и механизмы, затрудняющие бесконфликтную коммуникацию между ее участниками и способы ее достижения в процессе речевого взаимодействия.

В рамках бесконфликтного дискурса заявленная тема недостаточно изучена, в этом и проявляется научная новизна проекта, руководителем которого является Н. Н. Болдырев. В основном внимание ученых сосредоточено на изучении конфликтной коммуникации (В. С. Третьякова, Н. А. Белоус, А. Т. Анисимова, В. Фигар и др.).

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить факторы, мешающие человеку как инициатору вербальной коммуникации достичь бесконфликтного взаимодействия с другими коммуникантами. Объект исследования — бесконфликтное речевое общение в рамках разных типов дискурсов. Предмет исследования — языковые единицы, формирующие нежелательные смыслы и затрудняющие бесконфликтную коммуникацию. Из поставленной цели формируются следующие задачи: 1) проанализировать содержание видеороликов на русском и английском языках; 2) выявить когнитивные и языковые механизмы, прежде всего затрудняющие процесс понимания речи собеседника; 3) определить факторы бесконфликтного общения в разных типах дискурсов. Методы изучения материала — концептуально-дефиниционный и контекстуально-репрезентативный виды анализа. Рассматривается специфика разговорного, профессионального, рекламного и кинодискурса,

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00067).

в контексте которых формируется потенциально конфликтная интерпретация языковой семантики.

Разговорный дискурс — живая речь, направленная на регулирование социализации и индивидуализации личности, для которой характерны сиюминутность, спонтанность, вежливость и т. д. [16]. В. И. Карасик выделяет два вида личностно-ориентированного дискурса: бытовой и бытийный. Бытовой дискурс обладает «свернутым характером, [в нем] используется разговорная форма речи, [он] диалогичен; в бытийном дискурсе раскрывается внутренний мир говорящего, общение носит развернутый и монологический характер, его важнейшей характеристикой является стремление к точности обозначения понятий» [10, с. 240, 243]. По словам автора, коммуникативная точность «зависит от контакта между отправителем и получателем речи». Так, текст представляет собой «процесс текстопорождения и текстовосприятия, а результат текстовой деятельности характеризуется единой темой, целостным содержанием, общим смыслом текстопорождения» и др. [Там же, с. 243].

Профессиональный дискурс — «язык, созданный профессионалами со специальным обучением, чтобы выполнять действия на рабочем месте. <...> Язык, используемый профессионалами, имеет важное значение для профессиональной идентичности, несоответствие между ними является главным препятствием, требующим преодоления со стороны профессионалов в процессе вторичной социализации» [13, с. 146, 149].

Рассматривая кинодискурс как знаковую систему, С. С. Зайченко отмечает, что он «относится одновременно к оптическим и слуховым знаковым системам; является необиологической естественной семиотикой, характеризуется поликодовостью, сложным многоуровневым характером, то есть он имеет подсистему знаков, образующих некую иерархию; способен взаимодействовать с окружающей средой; выполняет ряд функций (эмотивная, эстетическая и т. д.)» [9, с. 85]. «Рекламный дискурс является прагматическим дискурсом, так как в нем актуализируются определенные коммуникативные стратегии. Эффективность коммуникации посредством рекламы состоит в том, насколько удалось воздействие на адресата» [12, с. 199].

Безусловно, человек играет важную роль в процессе установления концептуального взаимодействия. Именно от него зависит, будет ли оно эффективным или нет. Активизация вербальной коммуникации обусловлена определенными интенциями

коммуникантов. Бесконфликтное взаимодействие понимается как «учет и преодоление не только разных точек зрения, мнений и интенций, но и конфликта знаний и опыта с точки зрения совпадения их по объему и способам структурирования у разных коммуникантов, а также в плане соответствия механизмов формирования и понимания смыслов» [6, с. 32]. Для достижения бесконфликтности коммуниканты должны стремиться к речевому взаимодействию в норме, исключая ненормативную лексику, ошибки, например, в произнесении слов, употреблении языковых единиц, содержащих нежелательную импликацию/инференцию, а также разнонаправленность процессов фокусирования [7, с. 22]. Нарушению концептуального взаимодействия также способствует недостаточное владение профессиональными знаниями или навыками, иностранными языками и т. д.

Представляя человека инициатором коммуникации, влияющим на степень ее конфликтности или бесконфликтности, целесообразно изучить роль человеческого фактора в языке. Идеи антропоцентричности языка были выдвинуты рядом ученых (В. фон Гумбольдтом, Э. Бенвенистом, Ю. Н. Карауловым и др.). Согласно В. фон Гумбольдту, «язык — это не просто средство общения людей, он заложен в природе человека и необходим для развития его духовных сил, формирования мировоззрения» [8, с. 51]. Стремясь подчеркнуть уникальную сущность языка как антропологического феномена, ученый отметил, что интеллектуальная активность языка проявляется в том, что он «превращает мир в мысли» [Там же, с. 8]. Э. Бенвенист, изучая субъективность языка, рассматривал ее как проявление в человеке фундаментального свойства языка; по его наблюдению, «язык служит эффективным способом коммуникации, направленным на передачу вопросов, приказов, сообщений, моделирующим у собеседника соответствующее поведение» [3, с. 292]. Идеи антропоцентризма также проявляются в концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, который считает, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю, т. е. к человеку, к конкретной языковой личности» [11, с. 7]. В основе человеческого общения находится «взаимная нуждаемость, то есть общение существует не само по себе, а связано с тремя типами коммуникативных потребностей — коммуникативной, интерактивной, перцептивной. Первая направлена на установление контакта между людьми; вторая подразумевает обмен информацией; третья связана с пониманием другой личности» [Там же, с. 214–215].

С точки зрения современного когнитивного подхода, эффективность коммуникации определяется высокой степенью осмысленности со стороны как адресанта, так и адресата, в чем и проявляется бесконфликтная коммуникация [7, с. 24]. Антропоцентрическая сущность языка также заключается в его интерпретирующей функции, отраженной в языковой картине мира, которая передает то, как человек конструирует мир в своем сознании [4, с. 8].

Кроме того, роль человека в формировании смыслов интерпретирующего характера репрезентируется в его выборе когнитивных и языковых механизмов, активно участвующих в формировании бесконфликтной коммуникации [5, с. 41]. К ко г н и т и в н ы м м е х а н и з м а м относят перспективизацию, конкретизацию, генерализацию, аппроксимацию, сравнение, интеграцию, метафору, метонимию, метафонию, инференцию, эвфемизацию; к я з ы к о в ы м м е х а н и з м а м — словообразование, игру слов, делексистализацию, инверсию, риторический вопрос, усилительные частицы и др. [5].

Неосознанное или неоправданное использование когнитивных и языковых механизмов может приводить к формированию конфликтных ситуаций. Одним из ведущих когнитивных механизмов, активизирующих конфликтную интерпретацию языковой семантики, считается р а з н о в е к т о р н о е ф о к у с и р о в а н и е, или ф о к у с н ы й д и с с о н а н с, вызывающий несовпадение выделяемых адресантом и адресатом информации смысловых фокусов [6, с. 24].

Рассмотрим языковой материал, на базе которого формируется «потенциально конфликтная коммуникация», а также выявим способы ее нейтрализации, то есть определим, какие когнитивные и языковые механизмы требуют особого осмысления при их употреблении с целью достижения бесконфликтной коммуникации.

В нижеприведенном примере говорящий создает конфликтную интерпретацию используемой языковой единицы в результате недостаточного владения русским языком как иностранным. Так, в видеоролике коммуникант, приходя в аптеку, задает вопрос: *Персики в огороде есть у вас?*, который вызывает неоднозначную реакцию у фармацевта. Под «персиком в огороде» говорящий подразумевал «перекись водорода». Ввиду ф о н е т и ч е с к о г о и с к а ж е н и я адресат понимает «под персиками в огороде» следующее: *персик* — это сочный мясистый плод с пушистой кожицей и крупной косточкой; *огород* — участок земли возле дома для выращивания овощей [19]; на уровне языка конфликтогенность

нейтрализуется за счет риторического вопроса «Перекинь водорода?..»

Нарушение бесконфликтной коммуникации отмечается среди носителей, говорящих на одном и том же иностранном языке, без учета особенностей речи коммуниканта. Так, в одном из кинодиалогов полицейские не понимают речь обвиняемого из-за его бормотания, но при этом не показывают этого, пытаются сохранить бесконфликтную коммуникацию с обвиняемым за счет когнитивного механизма эвфемизации (*I appreciate your position but...*) и разнообразных языковых средств (*Right, Thank you*), а для установления концептуального взаимодействия используют действие когнитивного механизма конкретизации, направленного на уточнение речи обвиняемого и одного из сотрудников полиции.

Accused: (mumbles unintelligibly).

Policeman 1: Right. (turns to Buttermen and Walker). What did he say?

Policeman 2: He said... (mumbles only slightly more intelligibly).

Policeman 1: (turns to Buttermen) What did he say?

Policeman 3: He said, "an hedge is an hedge, he only chopped it down because it spoilt his view, and what's Reaper moaning about?"

Policeman 1: Right. Look, I appreciate your position Mr Webley but you can't go around chopping down other people's hedges without permission.

Accused: (mumbles unintelligibly).

Policeman 2: (mumbles only slightly more intelligibly).

Policeman 3: Yes, I suppose.

Policeman 1: Thank you.

Accused: (mumbles unintelligibly).

Policeman 2: (mumbles only slightly more intelligibly).

Policeman 3: All right.

Фокусный диссонанс также способствует формированию потенциально конфликтной коммуникации. Так, в другом видеоролике, в котором мужчина говорит по телефону, сопровождая свою речь неординарными действиями, представлен следующий диалог:

— Go on “My Office”.

— OK.

— Open the file.

— Did you see the **window**?

— Hmm... no.

— *There is a window.*

— *Yeah.*

— *Open the **window** (открывает окно).*

— *OK.*

— *Upload the file to the **cloud** (пытается дотянуться до облаков).*

Лексические единицы *window* и *cloud* обладают как первичными, так и вторичными значениями (ср.: *window — a space in the wall of a building; one of the work areas that the screen can be divided into; cloud — mass of water vapour that floats in the sky; the network of remote servers that is used in cloud computing [17]*), конфликтная ситуация формируется из-за того, что собеседники вложили разные смыслы в вышеуказанные единицы языка, и это привело их к недопониманию, на контекстуальном уровне это поддерживается неосознанной игрой слов.

Активизация фокусного диссонанса наглядно репрезентирована в следующем диалоге, где коммуникант общается с техническим специалистом, что формирует конфликтную интерпретацию семантики, которая на уровне языка поддерживается игрой слов, а также лексическим повтором:

— *Double-click on “My **computer**”.*

— *I can `t see your **computer**.*

— *No, click on “My Computer” on your computer.*

— *How can I click on your computer from my computer?*

— *There is an icon labeled “My **computer**” on your computer.*

Double-click it.

— *What is your computer doing on my computer?*

— *Double-click on “Your computer”.*

— *Which icon do I have to click?*

— *“My computer!”*

— *Tell me where do you live? I will go to your house to click on your computer.*

— *Oh, my God!..*

Отметим, что действие когнитивного механизма конкретизации позволяет смягчить конфликтную ситуацию. Так, технический специалист поясняет, что “My computer” подразумевает ярлык на экране компьютера, а не сам компьютер (ср.: *computer — an electronic machine that can store and work with large amounts of information [20]*).

Интересными случаями для анализа представляются речевые ситуации, взятые из той или иной профессиональной сферы человека.

Так, в следующем примере продавец-консультант пытается познакомить потенциального покупателя с ароматом, однако нестандартные, но весьма оригинальные ассоциации формируют негативные впечатления о рекламируемом объекте. В речи используются следующие неоправданные метафорически переносы: *могильная крапива, экзотический сорняк, солнечно-горский срубленный пен* → *аромат*.

В следующем примере конфликтогенность коммуникации обусловлена недостаточной профессиональной грамотностью врача при осмотре пациента, что затрудняет постановку его диагноза:

— Больной, на что жалуетесь?

— Вы знаете, доктор, что-то здесь в боку постоянно тянет.

— Сердце.

— Сердце? Сердце все-таки, извините, вроде бы здесь (указывает на левую сторону грудной клетки).

— Ой (смеется), *сердце там, где часы. Это мы проходили. Так, а что же у Вас там-то болит?..*

Некомпетентность врача репрезентируется когнитивным механизмом инференции, активизация которого позволяет коммуниканту сделать неосознанные выводы о том, что сердце находится там, где часы, так как для них характерно наличие ритма (ср.: сердце — полый фиброзно-мышечный орган; функционируя как насос, обеспечивает движение крови в системе кровообращения [19]; часы — прибор для определения времени в пределах суток [12]).

Ниже представлен диалог из рекламного ролика между водителем такси и пассажиром, известной личностью. Незнание водителем португальского языка порождает его недопонимание при общении с пассажиром, который попросил сделать музыку потише на иностранном языке, при этом сопровождая свои слова жестами для установления концептуального взаимодействия со вторым коммуникантом, в ответ водитель такси делает музыку еще громче. Для снижения степени конфликтогенности применяется когнитивный механизм аппроксимации «чуть-чуть потише»:

— Здравс... Наталья?

— Да.

— Орейро?

— В гостиницу, пожалуйста.

— Да, хоть в Буэнос-Айрес... (Включает музыку и начинает петь).

— (Говорит на португальском языке).

— *Что?*

— *Чуть-чуть потише.*

— *A, si, si (делает музыку громче)...*

Рассмотрим потенциально конфликтную коммуникацию между клиентом кафе и продавцом в следующем примере:

— *Excuse me. Look. I ordered one good burger with nothing on it.*

— *That`s what I gave you.*

— *No, you gave me a **bun**. Just a **bun**. Look. There is no meat in here.*

— *But you said you wanted nothing on it.*

— *Yes, but I expected a meat patty!*

— ***Dude**, a meat patty is something. You said “nothing”. Fiz! Is a meat patty something or nothing?*

— *Uh. Something.*

— *I win.*

— *Alright, **that rips it**. I am reporting your name to the manager!*

— *The manager already knows my name.*

— *Oh, I`ll see you in Hell!*

— *Ok, see you there!*

Конфликт формируется в результате их недопонимания относительно заказа клиента. В результате продавец продает бургер без мясной котлеты. Негодование отражается в лексическом повторе “bun”, идиоме “that rips it”, а также в восклицательных предложениях, репрезентирующих злость и агрессию посетителя кафе. Снижению конфликтности способствуют дружеское обращение продавца (“Dude”), этикетные междометия “Excuse me” и эвфемизация “I’ll see you in Hell — Ok, see you there”.

* * *

Таким образом, формирование бесконфликтной коммуникации зависит от самого человека. Ее нарушению способствует ряд факторов: недостаточное владение иностранным языком, особенности речи коммуниканта, вызывающие разного рода фонетические искажения, отсутствие профессиональных знаний и навыков, а также неосознанное использование того или иного когнитивного механизма — фокусного диссонанса, концептуальных метафор, инференции. Выявлено, что когнитивные механизмы конкретизации, аппроксимации, эвфемизации нивелируют конфликтную интерпретацию речевых ситуаций. Что касается языковых механизмов, они могут как нейтрализовывать конфликт (например, риторический вопрос, общеупотребительные

выражения, этикетные междометия и обращения), так и усиливать его (например, игра слов, лексический повтор, идиома, восклицательные предложения).

1. Анисимова А. Т. Лингвистические проекции конфликта: дескриптивный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 212 с.
2. Белоус Н. А. Функциональные особенности конфликтного дискурса // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 152–157.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 446 с.
4. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопр. когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.
5. Болдырев Н. Н. Интерпретирующие функции вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. Вторичные структуры в языковой картине мира. 2022. № 1 (48). С. 19–75.
6. Болдырев Н. Н. Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 31–35.
7. Болдырев Н. Н. Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 21–26.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 396 с.
9. Зайченко С. С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (11). С. 82–86.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
12. Картаслов.ру : [сайт]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 15.07.2023).
13. Кочемасова Д. Р., Воронина Е. Б. Профессиональный дискурс // Вестн. Марий. гос. ун-та. 2018. Т. 12, № 3. С. 146–151.
14. Куликова Е. В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 197–205.
15. Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика. 2004. С. 112–120.
16. Харченко В. К. Современная повседневная речь. М., 2010. 178 с.
17. Figar V. Emotional Appeal of Conceptual Metaphors of Conflict in the Political Discourse of Daily Newspapers // In Facta universitatis Serbia. Series: Linguistics and literature. 2014. Vol. 12 (1). P. 43–61.
18. CD : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 19.07.2023).
19. Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me> (дата обращения: 17.07.2023).
20. TBD : [сайт]. URL: <https://www.britannica.com> (дата обращения: 22.07.2023).

7.3. Нарратив как средство дискурсивного воздействия СМИ на формирование оценки событий (на материале корпуса англоязычных текстов, посвященных делу ЮКОСа)

Язык является посредником не только в познавательной деятельности субъекта, но и в выражении его отношения к познаваемому объекту. Увеличение числа каналов коммуникации, развитие гражданского общества и становление общественного мнения одним из ключевых структурных элементов политического дискурса обусловили психологическое воздействие СМИ на формирование оценок аудитории.

Уголовное дело в отношении совладельцев нефтяной компании ЮКОС стало одной из самых резонансных тем как в русскоязычных, так и в иностранных СМИ за счет его политического контекста и внимания к развитию страны, пережившей распад государственности, переход к рыночной экономической системе и социальные конфликты. Представляется обоснованным изучение текстов англоязычных СМИ, посвященных этой теме, появившихся в связи с необходимостью полноценного освещения вопроса для иностранной аудитории.

Актуальность исследования состоит в необходимости изучения способов воздействия СМИ на отношение реципиентов к освещаемым событиям, которая обусловлена важнейшей ролью СМИ в репрезентации реальности для массовой аудитории.

В рамках исследования нами выдвигается тезис, что материалы СМИ построены на нарративной структуре и с помощью корпусного анализа возможно установить нарратив события, постулируемый любой анализируемой категорией СМИ (в зависимости от политических взглядов, территориальной принадлежности, отношений с властью и др.).

Психолингвистический подход рассматривает процесс осмысления текста через опору индивида на существующие схемы знаний о мире. В своей типологии В. П. Белянин, занимавшийся исследованиями художественных текстов, утверждает, что наличие любого языкового элемента в тексте обусловлено лингвистическими и психологическими закономерностями [2]. И само содержание повествования не просто существует, а оказывается связанным различными способами со структурой, формой и целями его письменной или устной презентации [3]. Таким образом, структуру

любого текста можно рассматривать через типы акцентуации человеческого сознания. В роли организующего центра текста выступает его эмоционально-смысловая доминанта — «система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психологической основой... вербализации картины мира в тексте» [2, с. 54]. Соответственно, реципиент отражает существующий мир, но не полностью. Все это служит обоснованием существования категории нарратива и коррелирует с функциональной деятельностью СМИ — формированием информационной картины мира.

Как отмечали Й. Брокмейер и Р. Харе, «нарративы представляют собой формы, внутренне присущие нашим способам получения знания, которое структурирует наше восприятие мира и самих себя. <...> Мы изначально имеем дело не с некой репрезентацией, но с неким специфическим способом конструирования и установления реальности» [3].

В широком смысле под нарративом понимается любой повествовательный текст, излагающий адресату события, но, в отличие от дескриптивного (описательного) или экспозиторного (объяснительного) типа, имеет сюжет. Согласно Х. Уайту, «историку противостоит настоящий хаос уже состоявшихся событий, из которых он должен выбирать элементы для своего рассказа. <...> Он создает его, включая одни события и исключая другие, выделяя одни и затемняя третьи. Этот процесс исключения, выделения, подчинения проводится им ради создания рассказа определенного рода. Это и означает, что он “осюжетивает” свой рассказ» [25].

Сюжет, в свою очередь, по мнению Ю. М. Лотмана, «представляет собой мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных форм искусства человек научился различать сюжетный аспект реальности, то есть расчленять недискретный поток событий на некоторые дискретные единицы, соединять их с какими-либо значениями (то есть истолковывать семантически) и организовывать их в упорядоченные цепочки (истолковывать синтагматически). Выделение событий — дискретных единиц сюжета — и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью — с другой, составляет сущность сюжета» [9, т. 1, с. 243].

Нарративный материал становится объектом точки зрения при освещении событий путем необходимой обработки и оформления в историю. Согласно выбранной точке зрения производится

отбор определенных моментов из множества элементов события. Так, в основе любой истории лежит принцип фактуального повествования: «Невозможно о чем-либо рассказывать, не применяя к безграничному множеству фактов определенной точки зрения и ограничивая тем самым их количество» [11, с. 122].

Тексты, основанные на реальном сюжете, позволяют анализировать не фактуальные данные о событиях, то есть не то, что излагает автор, а «то, как он осмысливает и преподносит информацию значимому другому — своему собеседнику» [5].

По В. Лавову, в структуру нарратива входят следующие компоненты:

- 1) тезисы — краткое изложение для слушателя существа происшедших событий, о которых пойдет речь;
- 2) ориентация — время, место, ситуация, участники события;
- 3) комплекс действий — последовательность событий;
- 4) оценка — значимость и смысл действий, отношение к событиям и действиям;
- 5) резолюция — разрешение ситуации;
- 6) кода — возврат к настоящему времени [15].

В рамках исследования мы определяем нарратив как повествовательную логику, задающую рамки для представления темы, презентуя достаточно фактологической информации для внешне объективного всестороннего освещения события, которая, будучи при этом гибкой структурой, позволяет автору влиять на итоговое восприятие благодаря заложенным имплицитным и эксплицитным инструментам дискурсивного воздействия.

Нарративная процедура «творит реальность», утверждая как ее относительность (отсутствие претензий на адекватность), так и свою независимость от полученного смысла [4], а строение текста облегчает процессы его воспроизведения и восприятия, происходящие при актуализации читателем конвенциональных знаний о схеме повествовательных текстов [8].

Нарратив создается многофакторно и многосторонне, читатель интерпретирует его в соответствии со своими фоновыми знаниями и готов «заполнять соответствующие жанровые клетки своим извне привносимым в произведение смыслом» [1, с. 70], но также и автор составляет его в соответствии со своими целевыми установками, поэтому интерпретировать высказывание нарративного текста можно только с учетом характера нарратора и обстоятельств, в которых было сделано данное высказывание [см. об этом: 6].

Тексты СМИ призваны воздействовать на реципиентов путем указания на факты и представления событий с определенной позиции, а аудитория воспринимает не саму реальность, а репрезентацию реальности под определенным углом. Медиа создают повестку дня и тем самым направляют внимание аудитории, нарратив же не воспроизводит описываемые события, а показывает, в каком направлении следует думать о событиях, придавая им определенную эмоциональную окраску [7].

При восприятии политического нарратива особенно важна личность его автора для понимания его интенции, политических взглядов и истинной мотивации сообщения, так как «речевая структура идеологических текстов во многом определяется авторской позицией» [10, с. 22].

В дискуссии о политическом нарративе определяется, что нарратив имеет четырехчленную матрицу (описание некоего аспекта реальности, его объяснение, аргументированность или обоснованность предложенного вывода, интерпретация фрагмента реальности); каждый из ее элементов может выдвигаться на первый план в разных типах текста в зависимости от интенции авторов, расширяя возможность воздействия. Такое изложение событий воспроизводит как минимум мироощущение героя нарратива, как максимум — аргументирует интеллектуальную позицию или систему его убеждений, тем самым превращая эту позицию и эту систему информации в некий политический акт.

Огромное количество материалов, посвященных как экономической ситуации в России в целом, так и непосредственно делу ЮКОСа, позволяет утверждать о заинтересованности западных СМИ в российском дискурсе. Естественным образом уголовное дело против активно сотрудничавшего с иностранными компаниями руководства ЮКОСа не могло остаться без внимания англоязычного информационного поля.

Для формирования у аудитории определенной картины мира относительно этого уголовного дела и предоставления определенного среза реальности СМИ вынуждены предлагать соответствующую «историческую справку». То, какими связанными понятиями она наполняется, какие слова для этого подбираются и в каком контексте описывается приватизация Михаилом Ходорковским ЮКОСа, и будет впоследствии влиять на расположение ситуации в рамках дихотомии «справедливо — несправедливо». Следовательно, представляется необходимым рассмотреть создаваемый нарратив дела ЮКОСа, а также

выделить эмотивы, составляющие эмотивный код текстов и, соответственно, самого нарратива.

В качестве источников текстов для составления корпуса нами были выбраны крупные англоязычные СМИ, так как именно в них обнаруживается наиболее привлекательный материал для изучения за счет дистанцирования от описываемых событий, а значит, и необходимость создавать для реципиента картину события.

Корпус составляют тексты *BBC*, *Bloomberg*, *Forbes*, *The Economist*, *The New York Times (NYT)*, *Wall Street Journal (WSJ)*, материалы *The Peterson Institute for International Economics (PIIE)* и др. за 2003–2005 гг.

Анализируя корпус текстов англоязычных СМИ, мы можем выделить создаваемый нарратив в соответствии с указанными в теоретической части компонентами.

1. Тезисы. **JSTOR**: *The Yukos affair is in line with the recent aggressive policy pursued by Russian president Putin against the oligarchs who control important sectors of the Russian economy* [26]; **Bloomberg**: *Khodorkovsky's arrest on charges of fraud, tax evasion, and forgery has brought all that into question. Many believe the campaign against him is politically motivated because he has been a sharp critic of Putin's policies* [12]; **The Economist**: *Why the arrest of the country's biggest businessman bodes ill for Russia* [24].

2. Ориентация. **BBC**: *The campaign against Yukos was ratcheted up a notch on Wednesday when prosecutors sought to lift immunity protecting Vasily Shakhnovsky, a major Yukos shareholder who was recently elected to Russia's upper house of parliament. Platon Lebedev, a Menatep partner and major Yukos shareholder, has been under arrest since July...* [17]; **NYT**: *In 2002, Menatep disclosed that its core shareholders were Mr. Khodorkovsky, with 9.5 percent, and his associates. <...> The top shareholders held stock representing 53.7 percent of Yukos before the share dilution related to the Sibneft merger. But earlier this year, Menatep transferred its ownership structure to eight offshore trusts, with no individuals disclosed as the ultimate beneficiaries* [13]; **Bloomberg**: *Plenty of signs have emerged that investment in Russia has taken a hit with the Yukos affair, which began with the arrest of one of Khodorkovsky's key associates in July. An Exxon-Mobil investment in Yukos, which many believed was imminent in mid-October, has now been postponed as a direct result of Khodorkovsky's arrest* [12].

BBC: *2003 — Mr Khodorkovsky gets into his first public row with the Kremlin, disagreeing over state control of the pipeline industry.*

He complains publicly about corruption, and begins openly funding various opposition parties, including the communists.

July, 2003 — Platon Lebedev, a major Yukos shareholder, is arrested and accused of having illegally acquired shares in Apatit, a fertiliser company, in 1994. Mr Khodorkovsky is questioned and released two days later.

16 July, 2003 — Russian tax authorities say they are to audit Yukos's books, as the investigation into the Apatit deal is dramatically widened. Yukos's offices are raided and records taken away.

25 October, 2003 — Mr Khodorkovsky is arrested, flown to Moscow and charged with various counts of fraud of tax evasion.

30 October, 2003 — The Russian authorities freeze the 44 % stake in Yukos owned by Menatep Bank, Mr Khodorkovsky's main investment vehicle. Previously, Yukos had announced a \$2bn dividend to shareholders — an attempt to extract money from the firm ahead of any possible confiscation [22].

Bloomberg:

Who's Who in the Yukos Affair
VLADIMIR PUTIN Russian President. Has been publicly ambivalent about the Yukos affair, although supportive of the law enforcement agencies. Most believe the campaign against Khodorkovsky couldn't have happened without his knowledge and backing.
MIKHAIL KHODORKOVSKY CEO of Yukos, its largest shareholder, and Russia's richest man. Khodorkovsky was arrested on Oct. 25 and charged with seven counts of tax evasion and embezzlement, allegedly costing the state over \$1 billion in lost revenues. Khodorkovsky claims that all the charges against him and Yukos are politically motivated.
IGOR SECHIN AND VIKTOR IVANOV Two Kremlin aides. Old colleagues of Putin from KGB and St. Petersburg days. Seen as the key figures in the Kremlin coordinating the campaign against Yukos.
ALEXANDER VOLOSHIN Putin's chief of staff and a spokesman for the Kremlin in the Yukos affair. Seen as having links to "the family" of senior businessmen and politicians who got their start under Boris Yeltsin. This group is at odds with the <i>siloviki</i> —a rival Kremlin faction seen as the instigators of the Yukos affair.
MIKHAIL KASYANOV Russia's Prime Minister. Has been publicly critical of the investigations into Yukos, sparking speculation of splits within the ruling elite.
<small>Data: BusinessWeek</small>

Рис. 5. Graphic: Who's Who In The Yukos Affair [14]

3. Комплекс действий. В рамках данного нарратива можно утверждать о сочетании ориентации и комплекса действий

в одних предложениях. **Bloomberg:** *Simply put, Khodorkovsky is being punished because he broke the pact that Putin struck with the oligarchs in 2000 soon after he came to power: If the oligarchs steered clear of politics, Putin would allow them to keep the lucrative assets they amassed during the chaotic rule of Boris Yeltsin [18].*

4. Оценка. **NYT:** *Many experts say that the Kremlin is making an example of Mr Khodorkovsky to other “oligarchs” who, in the 1990’s privatization period, paid pennies on the dollar in government auctions [13]; **The Wall Street Journal:** Newspapers warned about the return of Soviet-style despotism, while opinion pages even raised the specter of Nazi Germany. Such wild speculation and hyperbole are in marked contrast with the response of those more familiar with the situation. The State Department confined itself to a tactful warning to Kremlin hard-liners not to take the attack on Big Business too far. Mr. Khodorkovsky’s fellow tycoons have been conspicuous in not standing up for him. Russian newspapers (for the most part owned by those very tycoons) have excoriated the Putin administration for giving too much power to ex-KGB men (the so-called siloviki), but they have refrained from the more fantastical scenarios dangled by their Western colleagues [20]; **Bloomberg:** Putin’s wrath seems targeted at Khodorkovsky and Yukos, rather than being the first volley in a broad attack on Russia’s business elite or market economy. <... > If Khodorkovsky is the target today, then who might be next, the thinking goes. Many other Russian corporations are also owned by “oligarchs” like Khodorkovsky, who made fortunes overnight in sweeping privatizations of state assets in the 1990s. This means they also face the risk that they could unexpectedly become targets of similar actions by the authorities [12]; **The Economist:** Compete or die. The arrest of Mr Khodorkovsky is thus bad news for Russia’s future. But would it have been right to leave him and the other oligarchs who benefited obscenely from the flawed privatisations of the 1990s untouched? The best approach is not to reopen those dodgy privatisations, still less to fling more of the oligarchs in jail. Such measures now would serve only to create uncertainty and instability, the last things Russia needs [24]; **Bloomberg:** Why, then, have the Russian authorities — presumably with backing from Putin — arrested Khodorkovsky on charges of fraud and tax evasion and dumped him in a Moscow prison cell, triggering the biggest business crisis in Russia since the financial meltdown of 1998? [12]; **The Economist:** The trouble with this thinking is that the tacit trade-off of stability and growth against freedom and human rights may no longer work. This is because an increasingly dictatorial Mr Putin may not deliver his side of the bargain. His harassment of Mr Khodorkovsky*

and other oligarchs has already seen a sharp resumption of capital flight out of Russia [24].

Отдельно можно выделить линию оценки именно иностранными акторами коммуникации. **Bloomberg:** *The scandal had sent a disastrous signal to foreign investors, and the only question was how far Russian stocks would plummet* [12]; **The Economist:** *The run-up to the Duma and presidential elections could see more investors running from what already bore all the hallmarks of being an overbought market* [24]; **NYT:** *American officials say they are worried about the implications of Mr. Khodorkovsky's arrest, which stoked fears that state assets privatized after the 1991 collapse of the Soviet Union would be renationalized* [13]; **Bloomberg:** *That makes them risky partners for foreign investors, too* [12].

5. Резолюция — разрешение ситуации. **NYT:** *Of the six top Yukos shareholders, two are in jail, three are in exile for fear of being prosecuted and Mr. Shakhnovsky has already been sentenced* [13]; **The Economist:** *He even began to hint at political ambitions of his own, with rumours starting to circulate that he might run for president in 2008. It was surely this political meddling that triggered the arrest of one of Mr Khodorkovsky's closest associates in July, and that has now led to his own arrest* [24]; **BBC:** *After 12 days of summing up the trial, the judges find Mikhail Khodorkovsky and Platon Lebedev guilty of six charges including tax evasion and sentence them to nine years in prison each* [21].

6. Кода. **BBC:** *The events which have been left off the charge sheet speak volumes about the current situation Russia. There are some stones which the authorities still think are best left unturned* [19]; **Bloomberg:** *There is talk of a compromise with big business, with companies accepting higher taxes in exchange for firmer property rights. And foreign investors have notoriously short memories* [12]; **BBC:** *President Vladimir Putin also replaced his chief of staff Alexander Voloshin on Thursday, sparking fears of a political battle that could lead to wider commercial instability* [16].

Отдельно стоит отметить, что интервью с самим М. Ходорковским в разгар дела ЮКОСа также выстраивается интервьюером в формате нарратива:

1. Тезисы:

Pro-American energy magnate Mikhail Khodorkovsky of oil giant Yukos is under a fierce legal attack. Why? He offers some answers here.

2. Ориентация, комплекс действий (в данном контексте можно говорить о совмещении двух элементов нарратива):

Q: This crisis for your business empire seemed to begin with the arrest of your partner, Platon Lebedev, on July 2. Is that right?

A: The crisis started earlier, about three months ago, when the General Prosecutor's office held a meeting at which they discussed the issue of pressing us. There were some representatives from other [government] bodies. Three weeks later, Mr. Lebedev was arrested.

3. Оценка:

Q: It sure looks like you're being squeezed. What do you think is the driving motive?

A: There are some people in law-enforcement bodies who traditionally dislike independence [from the state] in any organizations, whether they be commercial or nonprofit or political parties. They dislike huge and independent business, and they consider that their task is to bring us to heel. They don't realize that they are damaging the country.

4. Резолюция:

Q: So how do you get your head out of the vise?

A: The only place I can go to complain is the President. I have asked for permission for a meeting, but we haven't met yet.

5. Кода:

Q: So you're not planning to flee the country, as did the oligarchs Vladimir Gusinsky and Boris Berezovsky back in 2000 when they faced a similar kind of pressure?

A: No. I won't let [the authorities] hope [21].

Все тексты, составляющие корпус исследования, характеризуются наличием эмотивного кода как средства воздействия внутри нарратива: эксплицитные и имплицитные негативные конструкции используются приоритетным образом в отношении действий власти, а позитивные — в отношении ЮКОСа и лично Ходорковского.

Презентуемые образы власти и М. Ходорковского также стали важными элементами нарратива, определяющими отношение аудитории к событиям. Во всех текстах прослеживается следующий паттерн: Ходорковский* — успешный бизнесмен, дружественный для западного бизнеса, филантроп, политический деятель, способствует развитию гражданского общества в России. В деле ЮКОСа он выступает жертвой и мишенью, средством для запугивания олигархов. Рассматривая архетипические образы, можно сделать вывод о том, что в созданном СМИ образе Ходорковского преобладают позитивные коннотации, в совокупности составляющие образ несправедливо наказанного, жертвы, показательного примера для остальных. В некоторых аспектах можно отнести общий паттерн к архетипу борца за справедливость.

* Физ. лицо, выполняющее функции иноагента в России.

В корпусе текстов СМИ отсутствуют эксплицитные обвинения и артикуляция явно негативного образа власти, а образ президента Путина неоднозначен. Можно установить, что архетипический паттерн выстраивается вокруг образа Путина как «царя-кормильца»: это обусловлено указаниями на контроль всех процессов, назначение и снятие с должностей и т. д. С одной стороны, можно отметить критические высказывания, с другой стороны, впечатление выравнивается указаниями на положительные публичные заявления — то есть негативный образ власти у реципиентов формируется за счет имплицитного контекста, используемых эмотивов и противопоставлений действий власти и образа Ходорковского, а не артикуляцией негативного отношения к власти.

Несмотря на то, что власть в большинстве контекстов субъектна, негативные действия часто артикулируются в пассивном залоге, представляются как действия непосредственных исполнителей либо описываются метафорическими оборотами. Присутствует и имплицитное указание на внутренний кризис власти.

Таким образом, на основе проанализированного корпуса текстов мы можем составить общий постулируемый нарратив события: несмотря на отдельных симпатизирующих главе ЮКОСа чиновников (упоминания Волошина, Касьянова), государство (в большинстве случаев власть не институционализована, а субъектна — в лице главы государства) инициирует дело о неуплате налогов накануне объединения двух крупных негосударственных нефтяных компаний, в то время как реальной причиной являются политические амбиции Ходорковского. Допросы и задержания его и его партнеров (упоминания Лебедева, Шахновского) используются для запугивания. При этом часто налоговые преступления упоминаются в контексте доводов стороны обвинения. **Bloomberg:** *There are currently seven different investigations pending against Yukos and its subsidiaries, with possible charges ranging from tax evasion to complicity in murder, while one of the company's major shareholders has been languishing in a Moscow jail since July on charges of embezzlement. Yukos denies all the charges, saying they are politically motivated* [12].

Или же указывается на их несостоятельность. **PIIE:** *The actual accusations were long nebulous, but eventually Khodorkovsky was charged with tax fraud. Yukos was the largest private taxpayer in Russia, although it minimized its profit taxes by legally registering its subsidiary companies in low-tax regions in Russia* [23].

При превалировании негативных коннотаций нельзя не сказать об общей тенденции к артикуляции однозначно негативного образа власти. Прослеживается паттерн: дело ЮКОСа трактуется как политический кризис и опасность для иностранного капитала, что в совокупности ставит под угрозу российский рынок. При этом сам президент высказывался за участие иностранных инвесторов и компаний, и атака именно на ЮКОС больше представляется как личная история, завязанная на политических амбициях, чем как история, связанная со становлением ЮКОСа как нефтяного гиганта, неподконтрольного государству.

Такая картина мира упрощает взаимоотношения государства и бизнесмена, англоязычные СМИ высказывают поддержку без прямых обвинений первого лица государства, однако в большинстве случаев имплицитно формируют у читателей негативное впечатление, предлагая простую версию ситуации с достаточно четким позитивным героем.

Таким образом, на примере выявления нарратива дела ЮКОСа у англоязычных СМИ мы подтвердили тезис о том, что на основе анализа корпуса текстов СМИ с определенной выборкой по интересующему критерию (в нашем случае — англоязычных медиа) представляется возможным установить общую картину события и интенцию данной категории СМИ в воздействии на аудиторию. Соответственно, нарратив может использоваться как средство дискурсивного воздействия, потому как любой дискурс можно представить в структурном виде, предлагаемом нарративной конструкцией, которая за счет обязательных элементов, рассмотренных в этом разделе, позволяет создать у реципиента чувство полного понимания темы и воздействовать на него уже другими языковыми средствами. Также использование нарративной структуры в текстах помогает систематизировать сложные неизвестные события в привычные для читателя, зачастую упрощенные модели реальности, внутри которых уже оказывают влияние имплицитные и эксплицитные инструменты.

2. *Белянин В. П.* Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). М., 2000. 248 с.
3. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / *Вопр. философии.* 2000. № 3. С. 29–42.
4. *Джеймсон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014. 414 с.
5. *Евстигнеева Н. В., Обременко О. А.* Модели анализа нарратива // *Человек. Сообщество. Управление.* 2007. № 4. С. 95–107.
6. *Женетт Ж.* Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 1. 472 с.
7. *Качанов Д. Г.* Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // *Меди@льманах.* 2021. № 3. С. 20–29.
8. *Кудрявцева З. Г.* Структурирование нарратива конфликта в медийной коммуникации // *Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика.* 2021. Т. 18, № 3. С. 68–75.
9. *Лотман Ю. М.* Происхождение сюжета в типологическом освещении // *Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры : [в 3 т.].* Таллин, 1992. Т. 1. 479 с.
10. *Цветова Н. С.* Категория автора в интенциональном поле медиатекста // *Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. ст. / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова.* СПб., 2012. С. 17–24.
11. *Шмид В.* Нарратология. М., 2003. 312 с.
12. A Fear Rises in Russia // *Bloomberg* : [website]. 27.10.2003. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2003-10-27/a-fear-rises-in-russia> (accessed: 26.08.2023).
13. A New Twist in Russia's Yukos Oil Affair // *The New York Times* : [website]. 16.04.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/04/16/business/a-new-twist-in-russia-s-yukos-oil-affair.html> (accessed: 21.08.2023).
14. Graphic: Who's Who In The Yukos Affair // *Bloomberg* : [website]. 09.11.2003. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2003-11-09/graphic-whos-who-in-the-yukos-affair> (accessed: 22.08.2023).
15. *Labov W.* Speech Actions and Reactions in Personal Narrative. Analyzing Discourse: Text and Talk. Washington, DC, 1987. P. 219–247.
16. Russia Braces for Yukos Fallout // *BBC* : [website]. 2003. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/business/3229515.stm> (accessed: 21.08.2023).
17. Russia Freezes Yukos Shares // *BBC* : [website]. 2003. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/business/3227447.stm> (accessed: 21.08.2023).
18. Russia: A Big Chill For Business? // *Bloomberg* : [website]. 09.11.2003. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2003-11-09/russia-a-big-chill-for-business> (accessed: 22.08.2023).
19. Russia's Oligarchs: Their Risky Routes to Riches // *BBC* : [website]. 2004. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/business/3927523.stm> (accessed: 21.08.2023).
20. The Khodorkovsky Affair // *The Wall Street J.* : [website]. 2003. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB106902650092018000> (accessed: 21.08.2023).
21. The Oligarch Who Came in from the Cold // *Forbes* : [website]. 2002. URL: <https://www.forbes.com/forbes/2002/0318/110.html?sh=7b6cda473dc1> (accessed: 21.08.2023).
22. Timeline: The Rise and Fall of Yukos // *BBC* : [website]. 2005. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/business/4041551.stm> (accessed: 21.08.2023).

23. US-Russia Economic Relationship: Implications of the Yukos Affair // The Peterson Institute for International Economics : [website]. 2007. URL: <https://www.piie.com/commentary/testimonies/us-russia-economic-relationship-implications-yukos-affair> (accessed: 20.08.2023).

24. Vlad the Impaler // The Economist : [website]. 30.10.2003. URL: <https://www.economist.com/leaders/2003/10/30/vlad-the-impaler> (accessed: 26.08.2023).

25. *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, 1973. 480 p.

26. YUKOS Affair: Putin Attacks Russia's Oil Barons // JSTOR : [website]. 2003. URL: <https://www.jstor.org/stable/4414309> (accessed: 26.08.2023).

Глава 8

ПОЛИДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

8.1. Ключевые слова политического момента в словаре, корпусе, дискурсе

Поскольку язык находится в тесном взаимодействии с жизнью общества, его историческим, научно-технологическим, политико-идеологическим развитием, в речевой обиход входят лексика и фразеология, отражающие реалии времени, отвечающие духу того периода, когда они возникают. Т. В. Шмелева назвала такие факты языка «ключевыми словами текущего момента» [36]. То, что лексика отражает эпоху, отметил и М. А. Кронгауз: «Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг изменился... Слова появляются по отдельности, группами, а иногда и очень большими группами. Последнее самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество» [15, с. 14]. Нет сомнений, что по словам *колхоз*, *совнарком*, *пятилетка* мы узнаем советскую эпоху; единицы *консенсус*, *гласность*, *перестройка* маркируют горбачевский период; о трех пережитых в последние десятилетия периодах — «бандитском, профессиональном, гламурном» — упоминает и М. А. Кронгауз [Там же].

Очевидно, что эпохальным в языке был ковидный период, который актуализировал целый пласт медицинской лексики (*коронавирус*, *ковид*, *вакцина*, *маска* и под.) и породил множество «пандемийных» креатем¹, лексических и фразеологических (*беззумие*, *карантикулы*, *ковидиот*; *На Бога надейся, а руки помой*;

¹ Термин «креатема» используется в работах Н. Ф. Алефиренко [2], Н. А. Купиной [18], Т. В. Устиновой [31], В. И. Шаховского [34; 35] и др.

Дружба — дружбой, а полтора метра врозь; Переболела — гуляй смело и мн. др. [28]. Е. И. Голованова, С. И. Маджанова также назвали пласт «пандемийной» лексики «словарем эпохи» [7, с. 48].

В настоящее время общество находится под серьезным впечатлением от технологического развития, что выдвигает на первый план лексику IT-сферы: *искусственный интеллект, нейросеть, ChatGPT, генерировать* и др. [25]. Однако есть и другая сфера — социально-политическая, которая также формирует определенный пласт актуальной лексики, отражающей состояние современного общества.

Ключевые слова политического момента

В современном международном политическом и медийном дискурсах (об отсутствии жесткого разграничения этих дискурсов см. [33, с. 28]) наблюдаются актуализация некоторых специальных слов (терминов разных научных сфер) и развитие у данных единиц новых дискурсивно обусловленных значений: *турбулентность, многополярность, санкции, спецоперация, релокация* и нек. др. Заметим, что термин «дискурсивно обусловленное значение» не тождественен иному — «контекстуальное значение», поскольку он предполагает не только собственно текстовое окружение единицы. Дискурсивно обусловленное значение той или иной единицы формируется поступательно, с течением времени и под влиянием внешней (здесь — политической) ситуации; это значение транслируется в целом ряде текстов одной проблематики; развитие дискурсивно обусловленных значений осуществляется, как правило, у целой группы семантически и ситуативно связанных слов. Рассмотрим некоторые единицы и проследим движение их семантики в зависимости от употребления в разных дискурсах — научном и политическом, в том числе медийном.

РЕЛОКАЦИЯ как слово политического момента

Слово *релокация* в русскоязычном дискурсе впервые упоминается в научных публикациях и выступает как общенаучный термин. Он употребляется в статьях по медицинской проблематике, при этом реализует общее значение «перемещение/смещение чего-л.» (ср.: *релокация кровотока из желудка в аорту*). В нулевые годы XX в. (с 2001 по 2010 г.) в РИНЦ наблюдаем 49 упоминаний в научных текстах; с 2011 по 2022 г. можно свидетельствовать

о росте употребления единицы «релокация» в научных публикациях (при этом в 2011 г. зафиксировано 24 текста с упоминанием изучаемой единицы, в 2021 г. — 163 текста). Научные области, к которым относятся тексты с лексемой *релокация*, самые разные: естественнонаучные и гуманитарные (ср., например: *релокация подземных ядерных взрывов*; *релокация — переселение индейцев из резерваций в города*; *релокация квалифицированного персонала*; *релокации текста*; *релокация культуронима*; *внутрифирменная управленческая релокация* и др.). Таким образом, данное слово не являлось частотным в русском языке до 2021 г. и употреблялось в научном дискурсе как общенаучный термин.

В СМИ, по данным НКРЯ, в частности газетного подкорпуса, первое упоминание датируется 2005 г., с этого момента до 2021 г. зафиксировано 53 контекста. Данное слово употребляется в основном в сфере экономики и торговли, бизнеса и финансов (*релокация бизнеса*, *релокация офиса*, *релокация сотрудников*, *релокация ресурсов с долгосрочных депозитов на более короткие*, *релокация ресурсов между банками*, *релокация комплектующих для производства между странами*), в сфере миграционной политики (*релокация трудовых мигрантов*, *релокация беженцев*); реже — в иных сферах, например, в военной (*релокация стратегических объектов*, *релокация объектов Минобороны*). Слово *релокация* используется, таким образом, как единица профессионального языка. Единица фиксируется в правовых документах, в которых их авторы или составители предлагают формулировки ее терминологического значения, ср.: «1) трудоустройство работника (участника программы релокации) в другое общество, входящее в контур управления компании, связанное с переездом из одного города в другой; 2) осуществление комплекса мероприятий по организации переезда и адаптации на новом месте работы; 3) организация переезда, обустройства и проживания для работников и их семей; 4) действия, направленные на обеспечение отрасли достаточным количеством высококвалифицированного персонала путем распределения трудового ресурса в регионах» [4, с. 105].

В 2022 г. в поисковой системе *Google* обнаруживается более миллиона контекстов со словом *релокация*; более десятка тысяч контекстов — у слова *релокант*; появляются и жаргонные элементы: *релок*. Так, в 2022 г. слово прочно входит в медиа- и политический словарь (ср. некоторые примеры: *релокация частных лиц*, *релокация семьями*, *релокация в зрелом возрасте*, *релокация*

верующих). В контекстах при этом актуализируется смысловой компонент «геополитическая ситуация» (ср.: *О релокации в Казахстан — от местного жителя. Сейчас многие... задумываются о переезде в другую страну из-за геополитической ситуации в регионе*).

Употребляясь уже не как научное слово, не как единица профессионального языка, но как слово «политического момента», релокация и словообразовательные дериваты этой единицы (релокант, релок) приобретают оценочное значение, как правило, негативное, сочетаясь с отрицательно окрашенными единицами (ср.: *Депутат Госдумы предложил ввести в законодательство термин «недружественные релоканты», а заодно и продумать санкции в отношении таких граждан; Володин назвал релокантов «бездельниками», которые «начали скитаться по миру, никому не нужны и думают, что в Магадане найдут пристанище»*), выступая в объектном значении при глаголах с семантикой юридического наказания (ср.: *Госдума в связи с возвращением в Россию релокантов приняла протокольное поручение установить и привлечь к ответственности лиц, публично дискредитировавших Вооруженные силы РФ; На фоне войны в Израиле, куда многие россияне уехали после начала боевых действий на Украине, российские политики вернулись к рассуждениям о будущем релокантов в случае их возвращения на родину. Председатель Госдумы... пригрозил некоторым из них «Магаданом»*). Таким образом, единица релокация, которая изначально представляла собой термин латинского происхождения² и являлась единицей исключительно научного дискурса, переключаясь в политический дискурс (вероятно, не без влияния общеупотребительного англоязычного *relocation* [см. об этом подробнее: 37]), приобрела более конкретное значение «перемещение лиц в связи с геополитической ситуацией» и негативную оценочную коннотацию (заметим, что терминологическая единица оценочного компонента не имеет).

² Re-loco, —, —, are 1) ставить на место, вправлять (articulum CA); 2) вновь арендовать (aliquid Dig); loco, avi, atum, are [locus] 1) помещать, размещать, представлять, располагать...; re- (red-) приставка, выражающая: 1) обратное действие (re-dire); 2) возобновление, повторность (re-ponere, re-cognoscere); 3) противодействии (re-sistere); 4) противоположное действие (re-probare) [9]. Иными словами, буквально *relocation* переводится как *перемещение, повторное размещение, размещение вновь или под*.

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ как слово политического момента

Д. Б. Абдурахманов, отмечая латинское происхождение слова *турбулентность* (от лат. *turbulentus* ‘бурный’ или ‘беспорядочный’), подчеркивает, что этот термин «прочно утвердился в научной и особенно публицистической литературе и стал использоваться для характеристики современных беспорядочных и противоречивых процессов в экономике, социальной сфере и политике» [1, с. 17; см. об этом также: 37]. Действительно, данная лексическая единица принадлежит языку специальной сферы, в частности гидрометеорологии. В «Словаре метеорологических терминов» представлено значительное число терминов, связанных с процессами хаотичного движения воздушных или водных потоков: *турбулентность*, *турбулентное движение*, *атмосферная турбулентность*, *термическая турбулентность*, *макротурбулентность*, *мезотурбулентность*, *микротурбулентность* и под. Научное определение турбулентности таково: «состояние капельной жидкости или газа, характеризующееся турбулентным движением и вытекающими из него следствиями» [32, с. 496].

Слово *турбулентность* в современных лексикографических источниках фиксируется с пометами *спец.* или *физ.*, ср.: «ТУРБУЛЕНТНЫЙ, -ая, -ое [от лат. *turbulentis* — бурный беспорядочный]. *Спец.* Характеризующийся неупорядоченным хаотическим движением частиц по сложным траекториям, в результате которого происходит сильное перемешивание между слоями движущейся жидкости или газа» [6]; «турбулентный, -ая, -ое [нем. *turbulent*, фр. *turbulent* < лат. *turbulentus* бурлящий; беспорядочный]. *физ.* Вихревой. Турбулентное течение (жидкости, газов)» [31]; *турбулентный* — «беспорядочный, вихревой (о движении частиц жидкости или газа)» [13]. Вторичное значение слова, связанное с социальными процессами, в словарях не фиксируется (не отмечается эта единица и в «Медиасловаре ключевых слов текущего момента *DataSlov*» [40]). Однако в современном политическом и медийном языке лексема *турбулентность* используется весьма часто. Под влиянием английского языка русскоязычная единица приобретает значение, которое не фиксируется в словарях русского языка³. Вот некоторые примеры из НКРЯ и современных СМИ:

³ Развитие дискурсивно обусловленного значения у единицы *турбулентность* в русском языке произошло, вероятно, под влиянием английского, где переносное значение у прилагательного *turbulent* фиксируется. Ср. данные *Cambridge Dictionary*:

На дворе стоял **турбулентный** двадцатый век с его повальной модой на революции, и мода эта не обошла стороной, казалось бы, вечную тайскую монархию; Иранский парламентарий... заявил, что более тесная увязка между Тегераном и Пекином, которые имеют много общих интересов в **турбулентной** Западной Азии, показывает, что мир меняется; Кризисность, по всей видимости, является оборотной стороной прогресса, когда он приобретает экспоненциальный и **турбулентный** характер; Рынок — объект с **турбулентной** динамикой; 2003 год будет для него более стабильным по сравнению с предыдущими **турбулентными** годами Змеи и Лошади [20].

Прилагательное **турбулентный** характеризует, как видно из приведенных контекстов, социальные, экономические, политические процессы, лишённые спокойствия, стабильности, уравновешенности. Таким образом, слово активно входит в политический и медийный язык современности при характеристике политического и экономического положения дел в мире и/или каком-либо регионе. При этом слово сосуществует наряду с другими синонимическими единицами: *нестабильность*, *неопределённость*, *дисбаланс*, *беспорядочное/хаотичное движение* и др., ср: «Рост технологического и цифрового разрыва, сохраняющаяся **турбулентность** мировых финансовых рынков, глобальное сокращение инвестиционных потоков, **нестабильность** цепочек поставок, усиление протекционистских мер и других барьеров в международной торговле, последствия глобального изменения климата и пандемии COVID-19 усугубляют **нестабильность** и **неопределённость** в мировой экономике и создают дополнительные вызовы для экономического роста» [23].

Слова одного семантического поля (*дисбаланс*, *турбулентность*, *нестабильность*, *неопределённость*) репрезентируют в политическом дискурсе концептуальный смысл отсутствия спокойствия. Это, во-первых, отражает денотативную ситуацию современной политической реальности; во-вторых, «позволяет субъектам политической деятельности создавать в институциональном

turbulent adjective (SITUATION/TIME)

A turbulent situation, time, etc is one in which there are a lot of sudden changes, arguments, or violence.

бурный, беспокойный

a turbulent relationship

turbulent adjective (AIR/WATER)

Turbulent air or water moves very strongly and suddenly [39].

дискурсе (особенно международном) идеологическую основу для формирования новой концепции мироустройства» [10, с. 182], которая гарантирует стабильность и равновесие в современном мире.

В связи с формированием новой концепции мироустройства в современном русскоязычном полит- и медиадискурсе переосмысляются некоторые единицы языка, в том числе терминологические, усиливаются деривационные процессы — семантические и словообразовательные. Так, слово *полюс*, имеющее статус математического, физического, географического термина, приобретает новое дискурсивно обусловленное значение, в широкое употребление входят единицы *многополярность*, *многополярный мир*, *биполярный мир*, *биполярка* (не в медицинском значении) и др.

ПОЛЮС как слово политического момента

Словарная единица восходит к греческому корню, ср.: $\pi \acute{o} \lambda o \varsigma$, \acute{o} ($\pi \acute{\epsilon} \lambda \omega$), ось, ос. земная и небесная; полюсь (сѣверный и южный); вооб. небо. 2) солнечные часы (по др. астрономическiй инструментъ, показывающiй перемѣну времянь года) [8, с. 1023]. Далее слово попадает в латинский, ср.: *polus, i m* (*греч.; лат. Vertex*) 1) полюс: р. (тж. р. *glacialis* или *gelidus*). *О северный полюс; р. australis О южный полюс*; 2) небесный свод Асс, Н, О; *поэт. небо (polo dimovere umbram V)*; 3) полярная звезда *Vtr.* [9, с. 781].

Собственно латинский корень иной — «*vertex, icis m* (от: *verto* — поворачивать, обращать...): 1) водоворот; вихрь, смерч; 2) центр вращения неба, небесный полюс (*sublimis V; astrifer Sil*); 3) темя, макушка; 4) голова; 5) высочайшая точка, вершина; верхушка; 6) высота, возвышенность; 7) высшая ступень, верх» [9].

В русский язык в географическом/астрономическом значении входит именно греческий корень, ср.: «полюсь — *Греч.* 1) Одинъ изъ двухъ концевъ оси, около которой земной шаръ въ 24 аса образуется. Полюс сѣверный. Полюс южный. 2) Такъже называется вообще одинъ изъ двухъ концевъ оси, на которой обращается какое либо сферическое тѣло, или какой либо кругъ. Полюсы экватора, эклиптики, меридiана» [26]. С этим значением (конечная точка воображаемой земной оси на севере и юге) связаны вошедшие в научный оборот интернациональные термины (в первую очередь физики и астрономии):

— *полюс мира* («точки пересечения оси мира с небесной сферой» [5, с. 117]). Полюса наблюдаются у разных планет

(в том числе Земли⁴), у галактики (в том числе Млечный путь), ср.: «Северный полюс Галактики находится в созвездии Com ($a = 12\text{ h }49\text{ m}, 6 = +27,4^\circ$), а южный — в созвездии Scl ($a = 0\text{ h }49\text{ m}, S = -27,4^\circ$)» [17, с. 173]; «Суточное вращение небесного свода отражает вращение земного шара вокруг своей оси. Для наблюдателя в северном полушарии Земли суточное движение звезд происходит против часовой стрелки вокруг одной точки неба, остающейся неподвижной. Это северный полюс мира. На южном небе это будет южный полюс мира, а движение звезд происходит “по часовой стрелке”» [Там же]; «При касательных покрытиях звезд в областях вблизи северного и южного полюсов Луны можно наблюдать многократные покрытия звезды верхушками лунных гор» [Там же, с. 320];

— *полюс эклиптики* — «точка пересечения небесной сферы перпендикуляром к плоскости эклиптики, то есть к большому кругу небесной сферы» [Там же, с. 233], по которому происходит видимое годичное движение Солнца (*Северный полюс эклиптики, Южный полюс эклиптики*); ср.: «Солнце движется среди звезд со скоростью примерно 1° в сутки навстречу суточному движению небесной сферы (с запада на восток). Это является отражением обращения Земли вокруг Солнца. Видимый путь Солнца среди звезд называется эклиптической... Эклиптика — большой круг небесной сферы, к которому в нашу эпоху экватор наклонен на угол $\epsilon = 23^\circ 27'$ » [Там же];

— *магнитные полюса Земли*⁵ (*Северный магнитный полюс, Южный магнитный полюс, Полюс недоступности*) — это «условные точки на земной поверхности, в которой силовые линии магнитного поля Земли направлены строго под углом 90° к поверхности» [17, с. 229]; магнитные полюса не совпадают с географическими полюсами, более того, их не два, а четыре, расположены магнитные полюса диаметрально противоположно

⁴ 1885–1891 гг. — открытие движения земных полюсов и его периодичности (Ф. Кюстнер, Германия; С. Чандлер, США).

⁵ Норвежский исследователь Кристофер Ханстин (1784—1873) опубликовал в 1819 г. трактат «Исследования магнетизма Земли», в котором были собраны почти все наблюдения магнитного поля, сделанные к тому времени, и была высказана мысль о существовании четырех магнитных полюсов (предполагалось, что два новых полюса должны быть где-то в Сибири и в юго-восточной части Тихого океана; два первичных полюса — на далеком севере Канады и в восточной Антарктике). Мысль Ханстина о четырех магнитных полюсах появилась в истории не впервые. Достоверно известно, что более чем за сто лет до него Г. Галлей, изучая известные к тому времени магнитные данные, пришел к аналогичному выводу [см. подробнее: 12, с. 10].

географическим, ср.: «Магнитные полюса непрерывно движутся по земной поверхности. Причиной их перемещения являются глубинные процессы в ядре Земли» [17, с. 229]; «истинный северный магнитный полюс, т. е. то место, где силовые линии магнитного поля Земли “выходят на поверхность”, располагается как раз в южном полушарии, а истинный южный магнитный полюс, где они “уходят под землю” — в северном. Но так уж исторически сложилось, что южный магнитный полюс для удобства стали называть северным, и наоборот» [12, с. 4];

— *поляризация света* — «упорядоченность в ориентации векторов электрической напряженности и магнитной индукции световой волны в плоскости, перпендикулярной световому лучу» [5, с. 118];

— интернациональный термин электродинамики *электрический диполь* (диполь — букв. из греч.: двухполюсность) обозначает совокупность двух равных по абсолютной величине разноименных точечных зарядов, находящихся на некотором расстоянии друг от друга;

— интернациональный термин сферической тригонометрии *полюсы сферы* обозначает плоскость, проходящую через центр сферы, эта «плоскость... пересекает ее по большому кругу, всякая иная секущая плоскость дает в пересечении малый круг. Два больших круга пересекаются в двух диаметрально противоположных точках, которые делят круги пополам. Точки на сфере, равноотстоящие от всех точек большого круга, называются полюсами этого большого круга. Они лежат на расстоянии 90° от большого круга на концах диаметра. Три точки сферы, не лежащие на одном большом круге и соединенные дугами больших кругов, образуют сферический треугольник» [17, с. 215];

— интернациональный термин географии *полюсы географические* — это «точки пересечения воображаемой оси вращения Земли с земной поверхностью; точки поверхности Земли, которые не участвуют в ее суточном вращении... (северный полюс находится в Арктике, южный — Антарктиде)» [24].

Семантические компоненты (1) ‘наличие двух противоположных, но взаимообусловленных точек’; (2) ‘пересечение точек плоскости (поверхности) и некоей линии (оси) под углом 90° ’; (3) концентрация каких-либо явлений/проявлений — ключевые в определении разных значений термина *полюс* в физике и астрономии, электродинамике и тригонометрии, а также в географии. Они же становятся основой для развития вторичных значений,

в нашем случае — таких значений, которые обусловлены дискурсивной (политической) ситуацией.

Рассмотрим терминологическое значение единицы *полюс* в лингвистических словарях, наиболее полно его разнообразие отражено в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: «Полюс, полюса, м. (*греч.* polos, букв. ось). 1. Одна из двух воображаемых точек пересечения поверхности земли с осью ее вращения. Северный полюс. Южный полюс; 2. Точка пересечения неподвижной оси с поверхностью вращающегося тела (*мат.*). Полюс прямой относительно конического сечения; 3. Один из двух противоположных концов электрической цепи (*физ.*). Положительный полюс. Отрицательный полюс; 4. Один из двух противоположных концов магнита или электромагнита (*физ.*). Магнитный полюс (точка пересечения земной поверхности с магнитной осью земли, где магнитное наклонение равно 90°); 5. *перен.* Сторона, конец, крайняя точка чего-н., нечто, совершенно противоположное другому. Полюс богатства и полюс нищеты (в капиталистическом обществе); 6. Полюс мира (*астр.*) — одна из двух точек пересечения небесной сферы с осью мира» [30].

Менее подробно, но тоже с упоминанием терминологической разницы значений в физике и географии, единица представлена в словаре А. П. Евгеньевой (МАС): «Пóлюс, -а, м. 1. Точка пересечения воображаемой оси вращения Земли с земной поверхностью. Северный полюс. Южный полюс. 2. *Чего или какой.* Точка, место наибольшего проявления чего-л. Полюс холода (область наиболее низких температур). Полюс ветров. 3. *Физ.* Один из двух противоположных концов электрической цепи. Положительный полюс. Отрицательный полюс. || Один из двух противоположных концов магнита или электромагнита. 4. *Перен.* Что-л. совершенно противоположное другому» [27]. Заметим, что МАС указывает также на развитие переносного значения отвлеченной от конкретного денотата противоположности.

В словаре отмечаются единицы, производные от *полюс*: «пóлюсный, -ая, -ое. Прил. к полюс (в 1, 3 и 4 знач.). Полюсный лед. Полюсный ток; *поляриза́ция*, -и, ж. *Физ.* Зависимость электрических, магнитных и других свойств тел и процессов от их расположения и направления в пространстве. Поляризация волн. Электрохимическая поляризация; *поляриза́тор*, -а, м. Устройство для получения линейно поляризованного оптического излучения; *поляризова́ть*, -зую. -зуюшь; прич. страд. прош. поляризо́ванный, -ван, -а, -о; сов. и несов., перех. *Физ.* Вызвать

(вызывать) поляризацию. Поляризовать световые лучи. Поляризовать электромагнит; *полярник*, -а, м. Участник полярной экспедиции, зимовщик полярной станции; *полярно*. Нареч. к полярный (в 3 знач.). Полярно разные характеры; *полярность*, -и, ж. 1. Физ. Свойство по прил. *полярный* (во 2 знач.). 2. Противоположность. Полярность мнений; *полярный*, -ая. -ое; -рен, -рна, -рно. 1. *только полн. ф.* Находящийся на полюсе (в 1 знач.), в районе полюса. Полярные острова. Полярные льды; 2. Физ. Связанный с наличием положительных и отрицательных зарядов (полюсов). Полярные группы атомов. Полярные соединения; 3. Совершенно противоположный. Полярные качества» [27]. При этом, как видно из примеров, в научной терминологии употребляются оба прилагательных: *полюсный* и *полярный*; в значении противоположности используется только прилагательное *полярный*.

Важно, что в МАС фиксируется значение ‘точка, место наибольшего проявления чего-л.’, что будет в дальнейшем способствовать развитию нового дискурсивно обусловленного значения (это значение приводится в некоторых более современных словарях, например в БТСРЯ [6], но не фиксируется, например, в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой, ср.: «Полюс, -а., м. 1. Точка пересечения оси вращения Земли с земной поверхностью. 2. Точка пересечения неподвижной оси с поверхностью вращающегося тела. 3. Один из двух противоположных концов электрической цепи или магнита. 4. *перен.* Нечто противоположное чему-либо другому» [13]).

Отметим, что во всех перечисленных словарях у единиц *полюс*, *полюсный*, *полярный* не фиксируется значение, связанное с политической обстановкой в мире⁶. Лишь в словаре Т. Ф. Ефремовой у прилагательного *биполярный* есть упоминание о политическом контексте употребления слова, но на уровне метаданных: «Имеющий два полюса (обычно об устройстве миропорядка, о мировой системе)» [13].

⁶ Единица *биполярный* используется также в отечественной и зарубежной психиатрии как медицинский термин в словосочетании *биполярное расстройство*. Ср.: “Bipolar disorder (BP) is responsible for the loss of more disability-adjusted life-years than all forms of cancer or major neurologic conditions such as epilepsy and Alzheimer disease, primarily because of its early onset and chronicity across the life span” [41]. В лингвистических словарях медицинский термин не фиксируется.

Словарь «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 94» фиксирует наречие *биполярно* со значением «при наличии двух центров, лагерей сосредоточения влияния в мире» [21]. Годом ранее в словарных материалах имелось прилагательное *биполярный* в сочетании *биполярный мир* без формулировки значения, но с иллюстрацией (ср.: *Бойня в Иране зримо ознаменовала собой кончину традиционного биполярного мира, построенного на балансе двух сверхдержав, и начало новой эры в мировой политике*) и стилистической пометой *газ.-публ.* [Там же]. Таким образом, с 1990-х гг. в. у лексемы *полюс* формируется новое дискурсивно обусловленное значение ‘экономический и политический центр’, которое развилось, в свою очередь, от вторичного: ‘точка, место наибольшего проявления чего-л.’ Однако в упомянутых выше словарных материалах нет прилагательных *однополярный*, *биполярный*, *многополярный*, но фиксируется лексема *многоцентризм* в следующем значении: «Наличие многих центров (самостоятельных в политическом, экономическом и других отношениях» [Там же]. Оно, однако, не закрепляется в языке международной политики. Нет прилагательных *однополярный*, *биполярный*, *многополярный* также в БТСРЯ, словаре Т. Ф. Ефремовой [13], последующих словарях серии «Новое в русской лексике», опубликованных вплоть до 2022 г. Существительное *полюс* и его адъективные дериваты не упоминаются в «Медиасловаре ключевых слов текущего момента Dataslov» [40].

По данным НКРЯ [20], в современном медийном дискурсе лексема *полюс* и ее адъективные дериваты *однополярный*, *биполярный*, *многополярный* в новом значении активно используются с 1995 по 1997 г. Приведем некоторые примеры из газетного подкорпуса (Центральные СМИ) с единицей *полюс* в значении ‘центр политического и экономического развития’ (*Манипулируя различными конфликтными системами, Россия обретает возможность вести полноценный стратегический диалог с каждым из двух полюсов нынешней глобальной системы, в иных случаях предотвращая вероятный конфликт между ними* [Там же]); а также с прилагательными *однополярный*, *биполярный*, *многополярный* и *многополюсный* (*Турция воспринимает себя не просто как один из полюсов многополярного мира, но и как лидера исламского мира; Два полюса климатической политики; После распада СССР мир стал однополярным; Сейчас борются две тенденции: тенденция к созданию монополярного и многополярного мира; Ведь в результате развала биполярной системы проигравшими оказались*

самые разные страны и регионы). Таким образом, в современном политическом и медийном дискурсе сформировались новые значения у существительного *полюс* ('экономический и политический центр') и прилагательных *однополярный*, *биполярный*, *многополярный* ('характеризующийся существованием одного/двух/нескольких политических и экономических центров/полюсов'), ср.: *Николаевск-на-Амуре превращают в полюс роста; Третий полюс мира. Анкара вместе с Москвой может выйти на уровень третьего полюса; Турция воспринимает себя не просто как один из полюсов многополярного мира, но и как лидера исламского мира; Два полюса климатической политики; После распада СССР мир стал однополярным* [20]).

Менее частотны в политическом дискурсе современности прилагательные *многополюсный*, *полицентричный*, *мультицентричный* (ср.: *Финансовой олигархии, оседлавшей США, не нужен многополюсный мир, не нужны три ключевые валюты, не нужны различные модели развития; Сталкиваются две мощные тенденции: глобализация и регионализация, стратегии однополюсного и многополюсного миров; Россия рассматривает Африку как важную опору полицентричной системы мироустройства, которая формируется взамен биполярному и однополярному миру; Россия и Венесуэла... идут вместе в рамках строительства мультицентричного и многополярного мира* [Там же]). Эти прилагательные вытесняются элементом *многополярный* из оказавшейся политически востребованной триады: *однополярный* — *биполярный* — *многополярный мир*.

Вхождение терминологической единицы в политический язык позволяет словам *полюс* и *полярный* активно участвовать в создании метафорических образов. Так, метафорически переосмысливается выражение *полюс холода*: *Полюс холода. В каждом случае Евросоюз и Россия как бы размещены на разных полюсах* [Там же]. Наиболее частотна в современных контекстах строительная метафора, мир воспринимается как здание, дом, имеющий свой фундамент, опоры и даже ключи от входной двери (ср.: *США строят не многополярный мир, а многоэтажный дом, в котором найдется место далеко не всем; Укрепляя экономический фундамент многополярного мира, страны БРИК объективно содействуют созданию условий для международной безопасности; В восстановлении силы России — ключ к многополярному миру и стабилизации международной обстановки*). Встречаются также иные метафоры: спортивная (ср.: *Вашингтон использует Москву*

и Пекин в качестве боксерской груши для повышения своих внутри-политических очков перед американцами), инструментальная (ср.: ...с другой — КГБ и его партнеры в странах Варшавского договора, что выступало геополитическим противовесом, уравнивало коромысло биполярного мира), морбиальная (ср.: Агония однополярного мира превращается в беспорядочный политический шантаж; Это эмоциональный шаг, связанный с синдромом однополярного мира, который переживает эта великая страна Америка) и нек. др.

Примеры из НКРЯ свидетельствуют о формировании у слов полюс, полярный, однополярный, биполярный, многополярный дискурсивно обусловленного значения 'характеризующийся существованием одного/двух/нескольких политических и экономических центров'. Важно подчеркнуть, что рассматриваемые единицы, в прошлом терминологические, в политическом дискурсе активно участвуют в создании метафорических образов, что невозможно в ситуации с употреблением терминов.

* * *

В настоящее время прослеживается тенденция к освоению политическим и медийным дискурсом терминологической лексики, то есть единиц узкоспециальной сферы (обще- или частнонаучной: гидрометеорологической, физической, математической, географической и т. д.). На примере таких лексем, как *релокация*, *турбулентность*, *полюс*, *полярный*, было показано, что, попадая в политический контекст, слова сохраняют некоторые семантические компоненты термина и на этой основе развивают новые дискурсивно обусловленные значения. Так, у слова *релокация* сформировалось значение 'добровольный, временный переезд / перемещение человека / группы лиц в связи с изменением геополитической ситуации в стране без разрыва связи с родиной, близкими, с местом работы, без утраты возможности на скорейшее возвращение'; у единицы *турбулентность* появилось значение 'отсутствие баланса, равновесия в развитии политики и экономики современного мира'; слово полюс приобрело новое значение 'политический и экономический центр (под.: *полюс холода*, *магнитный полюс*, где наблюдается концентрация определенных физических явлений)'. НКРЯ позволяет благодаря своим технологическим возможностям зафиксировать актуальные значения ключевых слов текущего момента (в словаре данные слова или новые их значения не зафиксированы). Вхождение специальной лексики в политический словарь и утрата ею терминологического

статуса позволяют словам приобретать оценочные коннотации и участвовать в создании метафорических образов.

Особого внимания в этом ключе заслуживает вопрос о причинах актуализации именно научной лексики в политическом и медийном дискурсе. Можно предположить, что данные процессы обусловлены желанием политиков завуалировать истинный смысл некоторых происходящих явлений, чему весьма способствует такое языковое явление, как эвфемизация [см.: 3; 14; 16; 19 и др.]. Ю. С. Баскова отмечает: «Способность эвфемизмов манипулировать реципиентом определяется рядом факторов: во-первых, эвфемизмы скрывают истинную сущность явления за счет создания нейтральной или положительной коннотации; во-вторых, реципиент обычно не успевает вычленив эвфемизмы из контекста и осмыслить их, так как обилие информации в современном социуме затрудняет ориентацию в языковом материале и его критическую оценку; в-третьих, чтобы присвоить слову статус эвфемизма, надо идентифицировать табулируемый денотат, скрывающийся за этим словом, иначе эвфемизм не будет “распознан”; в-четвертых, малая часть реципиентов знакома с данным лингвистическим явлением; не зная сути явления, невозможно понять, как осуществляется манипулятивное воздействие» [3, с. 5]. По мнению исследователей, эвфемизация является одним из типичных приемов современных политиков, позволяющих манипулировать общественным сознанием: «Политические эвфемизмы в современных СМИ выполняют в основном две функции — смягчения речи и камуфлирования смысла, речевого манипулирования» [19, с. 25].

Можно, вероятно, говорить и о других факторах, влияющих на процессы расширения сфер употребления узкоспециальной лексики, — лингвистических и нелингвистических. Во-первых, этим процессам способствуют наблюдающаяся сегодня размытость и общедоступность информационных полей. Социально-политические явления исследуются учеными (социологами, экономистами, политологами, специалистами в области международных отношений), которых нередко привлекают в СМИ для комментирования и объяснения происходящих в настоящее время процессов, что может объяснять вхождение научной лексики в медиасловарь. Во-вторых, не все новые слова скрывают известные ранее явления. Думается, что ключевые слова эпохи фиксируют именно новые факты, что демонстрирует, например, единица *многополярный мир*, поскольку теория полицентричного мироустройства в настоящее время еще только формируется [см. об этом: 11].

Это объясняет и наличие синонимов *многополярный*, *мультиполярный*, *многополюсный*, *полицентричный*. Новизну социальных процессов отражает также единица *релокант*, которая отличается по семантике от слов *эмигрант* (то есть уезжающий навсегда за пределы родной страны), *мигрант* (перемещающийся с разными целями внутри страны или из одной страны в другую), *экспат* (лишенный гражданства и выдворенный за пределы страны). Таким образом, в современных политическом и медийном дискурсах наблюдается тенденция к вхождению в них специальной научной лексики, развивающей на основе отдельных компонентов терминологической семантики новые дискурсивно обусловленные значения. Такие лексические единицы фиксируют новые явления политической жизни общества, становясь ключевыми словами политического момента.

1. Абдурахманов Д. Б. Политическая турбулентность в условиях глобализации: поиски теоретического концепта // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 3. С. 17–20.

2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматические механизмы косвенной номинации // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 4. С. 5–13.

3. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 24 с.

4. Белослудцев А. Н., Дзюба Е. В. Релокация как социально-экономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26, вып. 2. С. 97–123.

5. Болсун А. И., Рапанович Е. Н. Словарь физических и астрономических терминов. Минск, 1986. 223 с.

6. БТСРЯ.

7. Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 28–47.

8. Греческо-русский словарь / сост. А. Д. Вейсман ; Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина. Репр. 5-го изд. 1899 г. М., 1991. 691 с.

9. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. 1096 с.

10. Дзюба Е. В. Политический код в лексике «текущего момента» // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения : материалы III междисциплинар. науч. конф. М., 2023. С. 180–186.

11. Дробинин А. Ю. Актуальные тенденции мирополитического развития и интересы России // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 46–57.

12. Дьяченко А. И. Магнитные полюсы земли. Вып. 24. Сер.: Библиотека «Математическое просвещение». М., 2003. 48 с.
13. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : [в 2 т.]. М., 2000.
14. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов : Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. М., 2007. 320 с.
15. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. 232 с.
16. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2. С. 28–49.
17. Куликовский П. Г. Справочник любителя астрономии / под ред. В. Г. Сурдина. Изд. 5-е, перераб. и полн. обновл. М., 2002. 688 с.
18. Купина Н. А. Креатема СТРАННЫЙ в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Лингвистика креатива — 3 / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2014. С. 223–233.
19. Морозов М. А. Политические эвфемизмы как средство манипулирования в современной публицистике // Мир русского слова. 2015. № 1. С. 24–29.
20. НКРЯ.
21. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 93 / под ред. Т. Н. Буцевой ; Ин-т лингвистич. исслед. РАН. СПб., 2008. 453 с.
22. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 94 / под ред. Ю. Ф. Денисенко ; Ин-т лингвистич. исслед. РАН. СПб., 2006. 400 с.
23. Нью-Делийская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России : [офиц. сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5963> (дата обращения: 02.10.2023).
24. Орлов А. Я. Служба широты // Орлов А. Я. Избр. тр. : в 3 т. Киев, 1961. Т. 1. 356 с.
25. Плотникова А. М. Нейросеть как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 2. С. 45–54.
26. Словарь Академии Российской. СПб., 1973. Ч. 4. М–Р.
27. Словарь русского языка : в 4 т. / ИЛИ РАН / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.
28. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников и др., М. Н. Приемьшева (отв. ред.). СПб., 2021. 550 с.
29. Современный словарь иностранных слов / под ред. Л. П. Крысина. М., 2012. 416 с.
30. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
31. Устинова Т. В. Неконвенциональное словообразование в поэтической речи: опыт лингвокогнитивного моделирования читательской рецепции : монография. Екатеринбург, 2017.
32. Хромов С. П., Мамонтова Л. И. Метеорологический словарь. Л., 1974. 620 с.
33. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М., 2006. 256 с.
34. Шаховский В. И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопр. психолингвистики. 2016. № 28. С. 324–333.
35. Шаховский В. И. Креатемы как индикатор бесконечных потенциалов языкового развития // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2 (3). С. 162–171.

36. Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.

37. Baranov N. Trends of Social Development in a Turbulent World : International Conference Paper // Актуальные проблемы международной политической географии = Topical Issues of International Political Geography (TIPG-2022) : [электронный ресурс]. URL: <https://tipg.spbstu.ru/en/> (accessed: 02.10.2023).

38. Belosludtsev A., Dziuba E., Solopov D., Solopova O. The term “Relocation”: Meaning, Form and Function in Russian and English: international conference paper // Актуальные проблемы международной политической географии = Topical Issues of International Political Geography (TIPG-2022) : [электронный ресурс]. URL: <https://tipg.spbstu.ru/en/> (accessed: 02.10.2023).

39. Cambridge Dictionary : [website]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/turbulent?q=+turbulence> (accessed: 02.10.2023).

40. DataSlov : медиасловарь ключевых слов текущего момента : [сайт]. URL: <https://dataslov.ru/slovník/> (дата обращения: 05.04.2023).

41. Merikangas K. R., Jin R., He J. P. et al. Prevalence and Correlates of Bipolar Spectrum Disorder in the world Mental Health Survey Initiative // JAMA : journal. 2011. Vol. 68. P. 241–251.

8.2. Лексика идеографической сферы «Цифровое общество» в словаре и дискурсе

В современных толковых словарях неологизмы, связанные с охватившими в последние годы весь мир процессами цифровизации, постепенно приобретают словарную фиксацию. В идеографических словарях в настоящее время эти единицы не выделяются в самостоятельную тематическую (семантическую, денотативно-идеографическую) сферу в силу ряда причин.

Во-первых, идеографический словарь не всегда включает новые слова и значения, обнаруживая закономерную осторожность относительно единиц, которые могут иметь неузуальный характер, быть ограниченными в сфере употребления.

Во-вторых, выделение единиц в самостоятельную идеографическую сферу должно быть мотивировано существенными причинами, которые хорошо сформулированы Л. Г. Бабенко, характеризующей толково-идеографический словарь существительных: «Синописис этого словаря организован с учетом когнитивных функций существительных и их роли в формировании наивной картины мира: его структура ориентирована на универсальные антропологические представления о действительности, основанные на процессе освоения, осознания и ословаривания человеком

окружающей действительности» [2, с. 19]. Следовательно, выделение группы единиц в самостоятельную тематическую область связано с процессами лексической категоризации мира, когда за идеографической сферой стоит определенная концептуальная область.

В-третьих, в идеографическом словаре крупные объединения слов (например, денотативно-идеографические сферы в словаре существительных), имеющие отношение к социальной сфере жизни человека, опираются на определенные социальные институты (медицину, строительство, религию и т. д.). Лексика и фразеология цифрового общества оказываются негомогенными в этом отношении, они пронизывают многие сферы, например: человек (*цифровые аборигены, миллениалы, виртуальная личность*), интеллект (*искусственный интеллект, нейросеть*), образование (*онлайн-лекция, дистанционное обучение*), техника (*веб-сервис, софт, кибербезопасность*), СМИ (*мессенджер, фиджитал*), общие социальные понятия (*цифровизация, цифрократия*).

Прилагательное «цифровой» (и его аналог «диджитал») характеризуется семантической диффузностью и приобретает широкую сочетаемость, которую Е. В. Маринова называет комбинаторной экспансией [11]. Высокая словообразовательная активность единиц гнезда с доминантой «цифра» служит показателем значимости этой сферы для жизни современного общества. В последний год нарастает частотность единицы «нейросеть» в цифровом, а не в биологическом значении, в 2023 г. слово «нейросеть» оценивалось как слово года. Исследованию семантики этой лексической единицы в словаре и дискурсе была посвящена наша работа, представленная в [13].

Несмотря на перечисленные факторы, определяющие сложность выделения лексики, связанной с процессами цифровизации, в отдельный идеографический класс, следует сформулировать и аргументы в пользу выделения такого идеографического класса слов.

Система семантических классов слов, представленных в идеографических словарях русского языка, не является застывшей и не подверженной никаким изменениям. Это хорошо заметно при осмыслении той динамики в выделении идеографических сфер, которая прослеживается при сопоставлении серии идеографических словарей русского языка под редакцией Л. Г. Бабенко. Например, в ТИСРГ [15] появляется ЛСГ глаголов издательской деятельности и распространения информация (глаголы *афишировать,*

выдавать, выказывать, выпускать, выходит, издавать, информировать, оповещать и др.), которая отсутствовала в справочнике «ЛСГ русских глаголов». В ТИСРС под редакцией Л. Г. Бабенко [5] представлена 41 денотативно-идеографическая сфера, отображающая самые разные аспекты существования человека: от физиологии до различных социальных институтов. Степень детализации денотативно-идеографических сфер и особенно групп и подгрупп может варьироваться.

Как пишет Л. Г. Бабенко, отмечающая тенденции в современной науке, «к настоящему времени в русле идеографической лексикографии сформировалась и получила развитие когнитивно-дискурсивная идеографическая лексикография, основанная на интеграции различных подходов: системно-структурного, функционально-семантического и функционально-синтаксического, деривационно-семантического, лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного при различных вариантах их комбинации и актуализации. При этом, с одной стороны, во всех словарях сохраняются базовые для идеографической лексикографии принципы, такие как системность, иерархичность, вариативность, пересекаемость рассматриваемых множеств единиц, с другой стороны, разрабатываются и используются новые научные направления и методологии с доминированием когнитивно-дискурсивного подхода с его “поворотом” в сторону комплексного рассмотрения единиц языка и речи, с усилением человеческого фактора в лексикографии, с актуализацией разработки проблемы языковой картины мира, отображения знаний о мире средствами языка, роли человека в формировании и хранении знаний о мире» [4].

Когнитивно-дискурсивный подход к выделению классов слов предполагает учет множества обстоятельств: динамики лексической системы, приводящей к появлению новых слов и значений, развития вторичных, в том числе метафорических значений, влияния особенностей категоризации мира на языковую категоризацию. Влияние цифровых технологий на самые различные системы, в которые включен человек, не требует специального обоснования. Параллельно процессам цифровой экспансии формируется и тот язык, с помощью которого мы отображаем цифровую реальность. Безусловно, система таких единиц находится на этапе становления, наряду с терминами компьютерных наук возникает большое количество коллокаций, связанных с представлениями о цифровом мире как некоем аналоге реального мира.

Так возникают *цифровая личность, цифровая среда, цифровое сотрудничество, цифровая медицина, цифровое право, цифровой художник, цифровая экономика, цифровая дипломатия* и др., то есть фактически возникает аналог «цифрового мира», иногда называемый цифровым двойником.

Созданный Е. В. Мариновой, Е. А. Волочек «Тематический словарь терминологии цифрового общества» построен по принципу, частично пересекающемуся с принципами тезаурусов [12]. Авторы разделяют все термины на термины общей тематики и термины разных предметных областей. На следующей ступени иерархии термины различных предметных областей разделены на пять разрядов: алгоритмизация, безопасность, датификация, сетевизация и сферы цифровой трансформации жизни, к которым отнесены политика, экономика, финансы, социальная сфера и искусство. К обозначенным сферам можно было бы добавить область цифровой науки, в первую очередь цифровых гуманитарных наук, или цифровой гуманитаристики, терминология которой складывается в последние годы. Словарь фиксирует также синонимы данной терминосистемы в специальной зоне словарной статьи, например синонимами к слову «бесконтактный» названы слова *дистанционный, удаленный, онлайн*. В качестве заголовочной единицы в этом словаре могут выступать аббревиатуры, а также составные наименования, что вполне закономерно для терминологического словаря. Кроме того, в этом словаре многие единицы приобретают интересующее авторов терминологическое значение только в контексте с прилагательным «цифровой», например:

Документ. *Цифровой документ.* Зафиксированная на цифровом носителе информация, которая записывается, сохраняется, передается и предоставляется в приемлемой для человека форме с помощью цифровых технологий и устройств [12].

Полагаем, что в данном случае форма представления информации не меняет сущностных особенностей документа, поэтому нет необходимости включать данное слово в идеографическую сферу «Цифровое общество», данное значение входит в группу «Документ» денотативно-идеографической сферы «Социальные отношения».

Наполнение сферы «Цифровое общество» в идеографическом словаре должно осуществляться за счет единиц, которые имеют самостоятельные значения, семантически привязанные

к цифровой среде, расширение этой сферы за счет коллокаций со словом «цифровой» правильно для терминологического словаря, но не оправдано задачами идеографического словаря, поскольку такие единицы будут дублировать слова других сфер.

Сопоставление IT-терминологии, которой посвящены диссертационные исследования и отдельные статьи [1; 9, 16], позволяет говорить о медиатизации многих терминов, которая ведет к некоторым сдвигам в их значении. Например, слово «интерфейс», имеющее вполне определенное специальное компьютерное значение, за рамками профессионального дискурса начинает обозначать пространство взаимодействия между людьми и машинами, а также подходящее оформление какого-либо сайта или иного цифрового объекта (*дружественный интерфейс*). В метафорических контекстах эта единица обозначает коммуникацию, взаимодействие (*А если Ольга не сумеет построить интерфейс с ребенком, что я буду делать?* (Волга. 2016)) или внешний вид (*Интерфейс — это отделка, стены, пол, сантехника в доме* (Огонек. 2014)).

Идеографический словарь русского языка, безусловно, не ставит задачи отражения терминологии, хотя отдельные единицы с пометами «спец.» или пометами, указывающими на привязку к конкретной терминосистеме (медицинские, юридические термины), включаются в такие словари, как и в традиционные толковые словари русского языка. Проблема медиатизации IT-терминов также приобретает особое значение в связи с достаточно широким распространением технологий искусственного интеллекта, проникновением этих технологий в разные сферы жизни и, следовательно, увеличением частотности терминологических единиц, их употреблением за пределами профессионального дискурса. Например, единицы профессионального дискурса проникают в сферу наименований профессий. В результате обработки данных сайта вакансий «Ищу работу» [7] нами были выявлены наименования новых профессий в сфере IT-технологий и образования в области IT: *педагогический дизайнер бесплатных продуктов, тьютор IT-модулей, куратор образовательных чатов, фасилитатор*. Количество «цифровых» профессий, как известно, увеличивается, так как благодаря современным технологиям искусственного интеллекта некоторые из традиционных профессий, связанных с выполнением механических, автоматизированных действий останутся невостребованными.

Итак, подытожим аргументы в пользу выделения денотативной сферы «Цифровое общество» в идеографическом словаре.

На наш взгляд, высокая частотность слов данной сферы, медиатизация IT-терминов, значимость цифровизации для жизни современного общества делают необходимым не просто лексикографическое представление слов, но и выделение этого класса в качестве самостоятельной сферы идеографического словаря.

Обращение к синопису (своду) идеографической классификации русской лексики, представленному в Универсальном идеографическом словаре русского языка [2], позволяет по аналогии с иными сферами выделить в структуре рассматриваемого синописа следующие ДИГ:

1. Общие понятия цифрового общества. Ключевыми в этой группе являются слова словообразовательного гнезда «цифра» (*цифровой, цифровизация, оцифровать, оцифровка*), а также синонимические англоязычные заимствования *диджитал, диджитальный, дигитальный*. Особый статус имеют единицы *онлайн* и *офлайн*, используемые и как отдельные слова, и как части сложных слов. При этом обнаруживается расширение семантики слова «офлайн», которое перерастает компьютерное значение и начинает называть тип коммуникации вне различных информационно-телекоммуникационных систем, реальное общение (*Проведем семинар офлайн, из разговорной речи*).

2. Человек цифрового общества. В первую очередь в эту группу слов относятся наименования профессий в области IT-технологий. К наиболее очевидным относятся слова *программист* и разговорное *айтшник*, но круг таких единиц, безусловно, может быть расширен за счет включения таких наименований профессий, как *разработчик, аналитик, архитектор [сайтов], датасайнтист*. В эту же группу необходимо включить единицы, связанные с обозначением поколений: *миллениал, зуммер* (как представитель нового поколения). Следует сказать, что эти единицы в словарях не получили в настоящее время словарной фиксации, как и другие наименования поколений, однако новому поколению посвящены работы социологов и специалистов в сфере медиакоммуникаций. А. С. Сумская и С. А. Свердлов называют миллениалов и зуммеров представителями цифрового поколения на основании вовлеченности этих людей в цифровые СМИ, обосновывают выделение этого поколения в существующей классификации на основании именно признака, связанного с цифровизацией общества [14].

3. Цифровые средства массовой и межличностной коммуникации. В эту группу следует включить

слова *интернет*, *соцсеть*, *мессенджер*, *сайт*, *страница*, *почта*, *канал*, *лайк*, *аккаунт* и др. Следует отметить, что, несмотря на наличие некоторого разнообразия в написании, в настоящее время орфографическими словарями установлено написание *мессенджер*. Написание со строчной буквы слова *интернет* также закреплено словарями как вариант нормы и может быть рассмотрено как уже кодифицированное орфографическое написание, определяющее нарицательный характер существительного. Частотность употребления некоторых слов в разговорной речи в последнее время возрастает, но для их словарной фиксации следует наблюдать за их использованием. Например, распространение технологий дистанционного общения, обусловленное сначала временем коронавирусных ограничений, а впоследствии факторами удобства онлайн-встреч, сделало достаточно популярной единицу *созвон* для обозначения онлайн-встречи, однако трудно пока делать прогнозы относительно ее частотности и необходимости закрепления в словаре. Очевидно, что значение этого слова расширяет смысловые рамки, заданные внутренней формой слова, и начинает обозначать любое коммуникативное взаимодействие в дистанционном формате, а не только общение посредством мобильного телефона (*Команда готова на созвон; Предлагаю вам синхронизироваться на созвон, где Катя подробнее расскажет о предстоящих планах, из рабочего чата*).

4. Технологии цифрового общества. Это наиболее объемная группа единиц, включающая в себя все то, что касается технологий искусственного интеллекта: *нейросеть*, *нейросетка*, *генерировать*, *сгенерировать*, *генерить*, *сгенерить*. Еще один любопытный факт, связанный с трансформами этого слова, это редукция компонента *нейро-* и аналогия нейросетей и любых других сетей. Слово «сеть» в современном языке претерпело серьезные трансформации, прочно получив «прописку» в сфере интернет-терминологии (*сеть Интернет, корпоративные сети*). Сопоставление семантической структуры слов «сеть» и «сетка» позволяет обнаруживать их существенные отличия: например, «сетка расписания», но «сеть железных дорог». В результате можно говорить о существенном расхождении ЛСВ симплекса и диминутива, если слово «сетка» вообще можно считать диминутивной формой. Отсылка к первому значению слова, употребляемому чаще в форме множественного числа, предопределяет образные характеристики нейросетей как вместилищ разнообразного знания.

5. Поведение в цифровом обществе. Лексика поведения представляет собой обширный класс слов, преимущественно глагольных, однако применительно к сфере цифровой среды можно обозначить виды агрессивного цифрового поведения, которое обычно обозначается при помощи англоязычных заимствований: *троллинг*, *кибербуллинг*, *газлайтинг*. Количество таких единиц достаточно велико, однако многие из этих слов не имеют широкого распространения, поэтому вопрос их словарной фиксации остается открытым, например: *доксинг* — получение и распространение личной информации о человеке без его согласия, *аутокибербуллинг* — цифровое самоповреждение. С поведением также связаны важнейшие понятия безопасности и отсутствия безопасности в цифровой среде (*фейк*, *фейкинг*, *постправда*), хотя сфера информационно-мировоззренческой безопасности затрагивает не только различные цифровые трансформации. Множество таких единиц представлено в монографиях Е. И. Галяшиной, В. Д. Никишина «Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа» [6] и Л. Р. Комаловой «Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии» [8].

Дискурсивные особенности «цифровой» лексики и фразеологии ярко проявляются в публицистике протестного в отношении распространения цифровых технологий характера, а также в современной художественной литературе, где искусственный интеллект становится главным героем произведения (романы А. Горбуновой «Ваша жестянка сломалась», К. Буржской «Пути сообщения» и др., построенные на развернутой метафоре человеко-машинной коммуникации).

Е. В. Маринова пишет об общей идее «антицифровых» номинаций — «идеи несвободы (*цифровое рабство*, *цифроматрица*, *цифрофашизм*, *цифровой концлагерь*, *цифколонизовать*, *цифрократия* и др.). По-видимому, именно в ограничении личной свободы как со стороны «цифрового государства», так и со стороны “человекоподобной техники” критически настроенные в отношении цифрового общества медиаавторы видят основную гуманитарную угрозу как в ближайшем будущем, так и в дальнейшей перспективе» [10, с. 33].

Анализ контекстов позволяет выявить несколько метафорических моделей, которые оказываются достаточно распространенными и позволяют отразить дискурсивный образ слов исследуемой идеографической сферы.

1. Метафорическая модель цифровизации как болезни, вируса. Даже в контекстах, отрицающих статус цифровой усталости как болезни, видно использование единиц этого семантического поля (*поразить, вирус, страдать*): «*Информационная усталость*» или, в современных реалиях, «*цифровая усталость*» — не болезнь, не расстройство личности, не особенность психики. Этой дефиниции не встретить в медицинских справочниках и рекомендациях ВОЗ. Тем не менее, от нее страдают миллионы людей. В пандемию это состояние со скоростью вируса поражало «новых удаленщиков». <...> И что можно противопоставить очередной «болезни поколения»? (vc.ru). Развитием этой метафоры является метафорическое словосочетание *цифровая гигиена*, также приобретающее устойчивый характер. К наименованиям психологических синдромов и психических болезней способно присоединяться прилагательное *цифровой* (*цифровое выгорание, истощение, слабоумие, цифровая деменция*), что также является свидетельством его мощной экспансии. Анализ контекстов с данным прилагательным показывает чрезвычайно широкий диапазон согласующихся с ним существительных фактически из всех сфер жизни человека. Казалось бы, лексика эмоций будет не способна сочетаться с этим прилагательным, однако и это предположение оказывается неверным, см., например: *В новой лекции расскажем о том, что такое цифровое горе, как меняется поведение людей в онлайн-среде по отношению к горю и почему появляются плакальщицы нового образца* (Библиотечный центр «Екатеринбург»), *Цифровое счастье — это состояние высшего удовлетворения, которое транслируется людьми в Интернете и основано на влиянии разных критериев, уточнил директор РОЦИТ Сергей Гребенников в ходе форума «Культура счастья» («Ридус»).*

2. Метафорическая модель цифровизации как переедания, потребления чего-либо вредного. Хотя пищевая метафора востребована в дискурсивных практиках и ей посвящена обширная научная литература, однако лексика, называющая продукты питания или вкус продукта, не используется для обозначения цифрового потребления. В основе метафоры лежит признак вреда, который приносит цифровизация, а избавление от этого вреда связано с соблюдением здорового образа жизни: *цифровая диета, цифровой детокс*. Например: *...Как проходит моя жизнь в цифровом хмелю (социальные сети); Такой детокс принимает разные формы. Люди уходят из онлайн*

с вечера пятницы до вечера субботы (это называется цифровой шаббат), чтобы насладиться общением с семьей (Тюменские известия). Несоблюдение правил метафорически представлено как цифровое ожирение или при помощи инфоксикации (словообразовательной контаминации единиц «информация» и «интоксикация»).

3. Метафорическая модель цифровой среды как зоны, куда человек погружается. В неологизмах *думскороллинг* или *думсёрфинг* эта метафора не ощущается, так как не всегда осознается внутренняя форма слов, а общежаргонные единицы *зависнуть*, *залипнуть* хорошо отражают ориентационные метафоры нахождения где-либо. При описании способов преодоления цифровой усталости используется метафора удаления лишнего, ненужного (*цифровая уборка*). Информация также предстает как физический объект, способный давить на человека (*информационная перегрузка*), создавать некомфортную звуковую среду (*информационный шум*).

* * *

Как видно из приведенных примеров, метафорическая экспансия широкого круга лексических единиц для описания негативных последствий воздействия на человека элементов цифровой среды оказывается способом когнитивного конструирования двух миров, как будто бы противопоставленных друг другу: мира реального и мира цифрового. Исходные сферы метафорических моделей, используемых для концептуализации цифровой среды, обладают общим семантическим признаком вреда, приносимого душевному и физическому здоровью человека, его благополучию. Трансформации гуманистических ценностей, являющиеся неизбежным результатом распространения технологий искусственного интеллекта, являются объектом рефлексии, что хорошо показывают представленные контексты. Таким образом, влияние цифровых технологий на жизнь современного человека столь велико, что лексика современного цифрового общества должна быть включена в идеографические словари русского языка.

2. *Бабенко Л. Г.* Синопис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург, 2015. С. 22–42.

3. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Науч. диалог. 2020. № 9. С. 9–47.

4. *Бабенко Л. Г.* От полипарадигмальности — к интеграции парадигм: Уральская семантическая школа в контексте лингвистики конца XX — начала XXI в. // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 23–28.

5. БТСРР.

6. *Галяшина Е. И., Никишин В. Д.* Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа. М., 2023. 424 с.

7. Ищу работу : [сайт]. URL: <https://www.hh.ru> (дата обращения: 07.02.2023).

8. *Комалова Л. Р.* Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. 2-е изд., стер. М., 2020. 277 с.

9. *Комлева И. Л.* Принципы формирования русской компьютерной терминологии : автореф. ... канд. филол. наук. М., 2006. 52 с.

10. *Маринова Е. В.* Идея несвободы в новообразованиях русскоязычного антицифрового дискурса // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения : сб. материалов ежег. 62-го междунар. науч. форума, Санкт-Петербург, 28 июня — 01 июля 2023 г. / отв. ред. А. А. Малышев : в 2 т. СПб., 2023. Т. 1. С. 32–34.

11. *Маринова Е. В.* Русский язык цифрового общества: семантика, сочетаемость, прагматика ключевых слов // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 24–28.

12. *Маринова Е. В., Волочек Е. А.* Тематический словарь терминологии цифрового общества : проспект / отв. ред. С. В. Лесников. СПб., 2023. 200 с.

13. *Плотникова А. М.* *Нейросеть* как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 2. С. 45–54.

14. *Сумская А. С.* «Аналоговое» и «цифровое» поколение аудитории СМИ: роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиапрактик // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 3 (189). С. 32–48.

15. ТИСРГ.

16. *Южмина Е. А.* Адаптация англоязычных компьютерных терминов к лексической системе русского языка : автореф. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 25 с.

8.3. Использование системного потенциала единиц языка при их актуализации в речи

Использование потенциала единиц языка при их выходе в речь — это универсальный лингвосемиотический принцип выражения смысла, который может быть раскрыт потому, что «есть язык и выраженные в нем базовые, или исходные значения, а также принципы их распределения» [8, с. 31], ибо наряду с системой языка система речи (дискурс в широком значении) как подсистема входит в единую систему речевой деятельности. По закону, действующему в системе, система речи «должна быть *единой* и в то же время *множественной* (курсив наш. — Авт.)» [1, с. 105], в силу чего ее составляющие — речевые знаки (дискурсивные компоненты) — как и знаки языка, должны обладать речевым потенциалом, природа которого определяется системным потенциалом единиц языка, с одной стороны, и контекстом речевого акта в широком смысле, с другой. Главное — «все, что происходит в речи, определяется проблемами, поставленными языком» [1, с. 9].

Языковой и речевой семиозис как компоненты единой системы взаимосвязаны и взаимозависимы. Языковой семиозис, будучи актом виртуализации (концептуализации), представляет собой акт кодирования смысла/смыслов и формирование значения/значений на его/их основе. Речевой семиозис (актуализация) — это акт использования языковых форм и значений в речи для выражения и передачи смысла [5, с. 21]. Языковой семиозис включает механизмы генезиса знаков в системе языка, обусловленные, с одной стороны, результатом познания универсума носителями языка, включая внутренний универсум, и результатом их использования в речи — с другой. Речевой семиозис определяется закономерностями употребления знаков языка в речи, которые (закономерности) подчинены принципу речевой реализации системно-языкового потенциала знаков языка [Там же, с. 10]. Отличие языкового (системного) потенциала единицы языка от дискурсивного потенциала речевой единицы состоит в том, что системный (языковой) потенциал знака языка, выражаясь метафорически, это то, что языковой знак знает, умеет и способен реализовать, а дискурсивный потенциал речевой единицы — это то, чему единица речи способна научиться и что она способна «придумать», сотворить. Разумеется, системный потенциал знака

языка и дискурсивный потенциал знака речи состоят в отношениях взаимозависимости [5, с. 22]. Дело в том, что значение формы в системе языка достигнуто полностью, тогда как контекстное значение остается не достигнутым до конца, но составляет основу потенциала языковой единицы, который использует речь при актуализации нужных значений для выражения определенного смысла [1, с. 83]. Таким образом, роль языка в речемыслительной деятельности и в речевом семиозисе состоит в представлении для единиц речи большего или меньшего выбора контекстных значений на основе имеющихся в системе форм значений языковых единиц [5, с. 21].

Вот примеры использования семантического потенциала лексической единицы внутри одного текста, когда комический эффект достигается «конфликтом» разных значений одного и того же слова, то есть когда два различных десигната имеют один и тот же десигнатор: *Врач — пациенту: — Как ваше **состояние**? — Благодаря вам, доктор, мое **состояние** значительно уменьшилось!*

В данном примере речевой семиозис дискурсивных компонентов *состояние* в вопросе врача и *состояние* в реплике пациента заключается в механизме актуализации различных значений лексемы *состояние*: в первом случае — ‘состояние здоровья’, во втором — ‘финансовое состояние’.

В следующем примере для создания комического эффекта использована метафора-дериват: — *Где твой муж? — Дома со своим **четвероногим другом**. — Я не знала, что вы обзавелись **собакой!** — Это вовсе не собака, а **диван...***

Известная метафора *четвероногий друг (собака)* становится средством особой окказиональной номинации — метафорой-десигнатором излюбленного ленивцами-лежебоками предмета мебели — дивана. Данная метафора по отношению к метафоре-оригиналу может быть охарактеризована как метафора метафоры, поскольку в ней каждый компонент сам по себе — метафора соответствующего компонента оригинала. Степень метафоричности метафоры-деривата усиливается в силу того, что ее денотат — неодушевленный предмет. Сему одушевленности в десигнативное значение метафоры-деривата вносит, во-первых, системный семантический потенциал существительного *друг*: ‘тот, кто дружит и положительно активен в этом действии-состоянии’, то есть ‘верен и доброжелателен’. Во-вторых, системный семантический потенциал прилагательного *четвероногий*, которое в сочетании с существительным *друг* формирует дискурсивное значение *существо*

с четырьмя ногами, ибо первичное, то есть основное значение слова нога — ‘часть тела (конечность) живого существа (человека или животного)’, и в метафоре-оригинале *четвероногий друг* оно употреблено именно с этим значением. Так десигнат метафоры-деривата *четвероногий друг*, денотатом которой является *диван*, в силу системного семантического потенциала ее компонентов актуализирует сему одушевленности и обрастает ироничным дискурсивным значением ‘незаменимый друг мужа, некое домашнее существо, с которым он неразлучен’.

Мини-текст *Блондинка устроила ДТП. Приехавший гаишник говорит ей: — Права? Блондинка отвечает: — Ну конечно я права!* представляет собой пример синтаксического использования частеречного потенциала существительного *права* и прилагательного *права*. Дискурсивный компонент-существительное *права* составляет отдельную клаузу в форме либо эллиптического предложения с опущенным императивом *предъявите*, либо вопросительного предложения без вопросительного слова *где*, и в обоих случаях — с опущенными детерминативами к существительному *права*: (*ваши*) *водительские*. Но более вероятна речевая актуализация предложения в односоставной именной форме, где реализуется потенциал имени существительного как части речи с внутренней инцидентией, определяющей его двусоставный концептуально-семантический объем, ибо в семантике существительного есть третье лицо — референт заключенного в нем признака (подразумеваемый субъект) [7, с. 14]. Оно может также эксплицироваться в речи в случае «артикулирования» имени детерминативами, выполняющими функцию его актуализаторов: *ваши права*. Заметим, что местоимение 2-го лица мн. числа содержит сему 3-го лица: *вы = ты + он (она)*; *ты + они (она)*. Использование местоимения 2-го лица ед. числа в функции речевого актуализатора и актуализатора имплицитного значения 3-го лица имени существительного в русском языке (*твои права*) также возможно в силу того, что оно не является приглагольным показателем лица, как, например, французское *tu*, и способно употребляться как автономная от глагола единица. Это свойство позволяет местоимениям 1-го и 2-го лица ед. числа формировать в речи отдельную самостоятельную клаузу (*Я?! Бежать?; Ты?! Раскайся?*), где сема 3-го лица легко эксплицируется методом реконструкции: *Это я-то?!; Это ты-то?!* [6, с. 269].

Однако вернемся к процитированному примеру. Дискурсивный компонент *права* в вопросе автоинспектора употреблен

с конкретным вещественным значением — ‘документ, удостоверяющий право на вождение автомобиля’ и формирует отдельную клаузу. В реплике блондинки дискурсивный компонент *права* — прилагательное и употреблено в предикативной функции именного сказуемого при субъекте-подлежащем *я*. *Права* (прилагательное) — омоним формы *права* (существительное), которые путает (точнее, предпочитает не замечать между ними разницы) капризная, избалованная и недалекая блондинка, уверенная в том, что она всегда права, приписывая себе признак правоты выражением *Ну конечно я права!*

В следующем мини-тексте иронично-комическое смысловое содержание создается посредством использования системного потенциала структурно-семантической модели предложения: *Звонок ветеринару: — Сейчас к вам придет моя теща со старой собакой. Так вы сделайте ей укол какого-нибудь самого сильного яда, чтоб [она] не мучилась и сразу померла... — Ветеринар: — А собачка одна найдет дорогу домой?* Объем смыслового содержания процитированного мини-текста и его комизм достигаются посредством использования системного потенциала регулярной, то есть закрепленной в системе языка структурно-семантической модели предложения для вложения в нее не соответствующих этой модели и ее компонентам функций и смыслового содержания, влекущих искажение пропозициональных отношений. В данном случае семантико-синтаксическое моделирование (назовем так этот прием) вносит смысловой конфликт в субъект-объектные отношения. Синтаксическая функция дискурсивного компонента *со старой собакой* диффузна: это косвенное дополнение сказуемого *придет со старой собакой*, но он может мыслиться и как определение при именном подлежащем *теща со старой собакой*, что влечет трансформацию концептуально-семантической модели предложения. Поэтому *теща со старой собакой* — субъект-подлежащее первого предложения при сказуемом *придет* — мыслится антецедентом местоименного субститута *ей* во втором предложении. Иными словами, *теща со старой собакой* — субъект-вершитель основного действия *теща... (придет)* — становится объектом запрашиваемого действия от ветеринара (*сделайте ей укол... яда*), а дискурсивный компонент *собака* как одушевленное существительное мыслится субъектом-подлежащим в последующей реплике ветеринара. Поскольку предполагаемое действие ветеринара представляется направленным на объект предшествующего предложения — на *её* (то есть *тещи*) умерщвление, главное действующее

лицо — субъект — вершитель основного действия (*теща*) как субъект действия *найдет дорогу домой* уже не мыслится.

Системный потенциал местоименных субститутов довольно часто используется в речевом семиозисе для актуализации семантических трансформаций и смысловых приращений. Приведем пример мини-текста, состоящего из двух фраз: *Он был в прекрасной **спортивной форме**. Правда, на пузе она уже не застегивалась*. Основное значение выражения *прекрасная спортивная форма* — ‘идеальное здоровое тело’. Поэтому в первой фразе дискурсивный компонент *в прекрасной спортивной форме* воспринимается именно с этим значением, тем более что он актуализирован в привычном контексте, то есть включен в клишированную конструкцию *быть в прекрасной спортивной форме*. Дискурсивный компонент второй фразы *она* — местоименный субститут именной группы *в... спортивной форме* — в контекстном сочетании с дискурсивным компонентом *не застегивалась* расчленяет смысл клишированной конструкции первой фразы, в силу чего *прекрасная спортивная форма* получает прямое предметное значение ‘спортивный костюм’, и носитель признака *он* — ‘моложавый с идеальным телом’ превращается в ‘располневшего бывшего спортсмена, которому его прекрасная старая спортивная форма уже мала’.

В речевом семиозисе может быть актуализирован культурно-и/или ситуативно-ассоциативный компонент семантического потенциала единицы языка, когда ее дискурсивное значение может достигать значительного объема в случае наполнения десигната контекстными коннотациями, которые, как правило, сопровождаются семантическими приращениями, сдвигами и трансформациями — импликатурами, намеками и т. п.: *Врач говорит новому русскому, сломавшему руку: — Придется наложить вам гипс. — На кой мне твой гипс?! Накладывай **мрамор** — я заплачу!..* В данном примере дискурсивные компоненты *гипс* и *мрамор* актуализированы в ассоциативно-смысловой оппозиции «дешевый — дорогой»: *мрамор* ассоциируется с дорогими архитектурными формами и с мраморными статуями, а *гипс* — с их гипсовыми копиями или дешевой архитектурной лепниной. Маргинальные семы *дешевый* и *дорогой* находятся на периферии, почти за пределами семантики лексем *гипс*, *мрамор*, и выявляются только в их оппозиции (*гипс* — *мрамор*). Но возможность такой их актуализации в речи, как в процитированном мини-тексте, свидетельствует о том, что в семантическом потенциале данных лексем они есть, и в данном

случае наблюдается расширение объема десигната языкового знака посредством семантического приращения в речевом знаке маргинальных сем. Комический смысловой эффект усиливается фоновым представлением о «новом русском» как о представителе нового социокультурного слоя, недалеком и малограмотном, но неожиданно и подчас случайно разбогатевшем, для которого все вокруг измеряется деньгами.

Заметим, что при реализации в речи культурно- и/или ситуативно-ассоциативного потенциала единиц языка, как правило, они (единицы языка) используются прежде всего в качестве компонентов (слов) фреймовых структур, когда их контекстное значение определяется структурно-семантическими связями с другими слотами фрейма.

Рассмотрим пример использования ситуативно-ассоциативного потенциала единиц языка в тексте анекдота советского времени:

На госэкзамене в мединституте.

Лежат два скелета. Председатель комиссии спрашивает выпускников:

— Что вы можете про них сказать?

Выпускники молчат.

— Ну чему же вас учили все эти шесть лет?

Голос с места:

— Неужели Маркс и Энгельс?

Механизм создания комического смысла заключается в сращении двух фреймовых структур когнитивно-семиотической модели данного мини-текста: госэкзамен по анатомии в мединституте и политизация программы высшего образования в СССР. Два скелета — слоты первого фрейма, Маркс и Энгельс — второго. При сращении фреймов происходит смещение значений слотов, что и приводит к семантическому сдвигу: слот *два скелета* из фрейма *госэкзамен по анатомии в мединституте* срастается со слотом *Маркс и Энгельс* из фрейма *политизация программы высшего образования в СССР*, в силу чего десигнативное значение дискурсивного компонента *два скелета* смещается от *наглядные пособия по анатомии человека до останки отцов коммунистического учения Маркса и Энгельса*. Оба эти значения в семантическом потенциале лексемы *скелет* есть.

Когнитивно-семиотическую модель следующего мини-текста формируют два сращенных фрейма — *неравный возрастной брак* и *брак по расчету*, где использован семантический потенциал

числительных как актуализаторов имплицитного существительного:

Новый русский — богатому другу:

— *Представляешь, я влюбился! Но ей 25, а мне 65! Как ты думаешь, мои шансы увеличатся, если я скажу, что мне 55?*

— *Твои шансы увеличатся, если ты скажешь, что тебе 75!*

Слоты первого фрейма — *молодая невеста и старый жених*; слоты второго — *молодая невеста и богатый жених*. В основе обоих фреймов — конфликтная ситуативная модель, требующая успешного разрешения для того, чтобы брак стал для молодой невесты желанным: сократить разницу в возрасте (первый фрейм); намекнуть на недолговечность брака (второй фрейм). При актуализации дискурсивных компонентов *65 (лет)*, *55 (лет)*, *75 (лет)* их десигнаты не только включают соответствующие возрастные значения и количественные различия между ними (*больше/меньше; старше/моложе*), но и содержат имплицитную информацию: ‘жених 55 лет моложе жениха 65 лет, а значит, ближе по возрасту и желанней для невесты; богатый жених 75 лет старше богатого жениха 65 лет, а значит, у невесты больше шансов в скором времени остаться молодой и богатой вдовой’.

В качестве способа представления информации в опосредованном (непрямом) выражении фоновых смыслов широко используется импликация, особенно в рекламных слоганах, представляющих собой яркий пример высказываний-текстов, где посредством ограниченного объема десигнатора решается задача кодирования значительного и значимого объема десигната. В структурном отношении рекламный слоган — это малая текстовая форма, которая представлена минимальным объемом актуализированных в речи языковых единиц. Несмотря на максимально ограниченный объем, слоган включает все этапы текстового семиозиса (актуализации текста). Его текстометрические характеристики (дискурсивные параметры) — целостность, связность, фреймово-матричный способ организации, принцип использования потенциала единиц языка при их выходе в речь и т. д. — соответствуют категориальным текстовым универсалиям. Ими определяется статус данной речевой единицы как текста — совершенного комплексного сентенционального знака, предназначенного для выражения целостного и значительного по объему смыслового содержания [5, с. 31; 4, с. 208–209].

Слоган рекламной кампании автомобиля BMW X6 — «купе с внедорожными замашками» *Подуим. Ринг. Купе без*

правил. — включает три клаузы, в которых для формирования необходимого смыслового содержания каждой клаузы в отдельности и смыслового целого всего текста использован потенциал (1) клаузометрических параметров текста, (2) семантико-синтаксический потенциал структурной модели клауз, (3) семантический объем лексических единиц, (4) их частеречный потенциал.

Текст процитированного слогана структурирован в форме парцелированной конструкции, где каждый парцеллят представлен отдельной клаузой, автономный предикативный характер которой усиливает ее полная парцелляция — отделение от соседствующей текстовой единицы. Три формирующие текст клаузы — это результат актуализации предложений в форме неполных синтаксических конструкций. Согласно лингвосемиотической формуле целого, $A + B = 1$ [1, с. 87; 9, с. 31], где А — структурный, а В — смысловой компонент, минимум выражения (А) обеспечивает максимальную выразительность (В). Частеречный потенциал именных форм клауз позволяет использовать их для актуализации однословных назывных высказываний [3, с. 100–103], а семантико-синтаксические валентности данных единиц дают возможность адресату мысленно разворачивать эти высказывания в полные сентенциальные знаки и даже в последовательность сентенциальных знаков. При этом неполнота выражения определяет синтаксическую импликацию полного сентенциального знака (знаков), структура которого/ которых легко восстановима адресатом по контексту, хотя в его воображении она может быть представлена несколькими вариантами: *BMW X6 как подиум (вариант: это подиум), как ринг (вариант: это ринг), он как купе без правил (вариант: это купе без правил). Существенную роль в виртуальной реконструкции семантико-синтаксической структуры сентенциального знака играет частеречный потенциал парцеллятов — именных клауз. *Подиум, ринг, купе* как имена существительные обладают внутренней инцидентией, то есть содержат сему 3-го лица, в силу чего их концептуально-семантическая схема двусоставна: опора, 3-е лицо — сигнификат, потенциальное подлежащее; вклад — референт сигнификата, потенциальное сказуемое [1, с. 21; 2, с. 6]. Именно поэтому в речи имена существительные самодостаточны для выражения предикативности, то есть для формирования самостоятельной клаузы в составе текста.

Наконец, существенную роль в актуализации необходимого содержания текста процитированного слогана играет

семантический потенциал каждой лексемы при формировании ее дискурсивного значения.

Основное значение лексемы *подиум* — ‘возвышение в виде длинной узкой платформы для показа моды’. В данном случае это значение использовано для приращения и трансляции смысла: ‘проезжая по улицам города в BMW X6, вы всегда, как на подиуме, будете объектом восхищения для окружающих, ибо стильная и совершенная форма кузова вашего автомобиля никого не оставит равнодушным’.

Ринг — ‘огражденная канатами площадка, место боя при тренировках и соревнованиях по боксу’. Процитированный слоган отсылает к значению *ринг* — ‘место для сильных brutальных мужчин, готовых побеждать’, а клауза *Ринг* транслирует смысл ‘в BMW X6 у вас не будет соперников, так как окружающие всегда будут видеть вас сильным, победителем’.

Смысловое значение клаузы *Купе без правил* формируют входящие в нее дискурсивные компоненты. Слово *купе* происходит от французского *coûré* — *обрезанный*, которое в силу фонетического сходства и контекстной смысловой ассоциации с *couplé* — *спаренный, сдвоенный* обозначает кузов автомобиля, у которого две двери (а не четыре, пять), и куда входит только два человека (*couple* — *пара*), что характерно для спортивных машин. BMW X6 — это крупногабаритный и мощный кроссовер (до 625 л. с.), и спортивным автомобилем его можно назвать в основном благодаря форме кузова. Десигнативное значение дискурсивного компонента *купе* в клаузе *Купе без правил* — *спортивный*.

Без правил. В любом виде спорта есть обязательные правила, то есть определенные ограничения. В управлении автомобилем тоже есть правила, соблюдение которых обеспечивает безопасность во время движения. *Без правил* — значит ‘без ограничений, свободно’. Следовательно, смысл клаузы *Купе без правил* — ‘спортивная форма кузова в сочетании с ходовыми качествами BMW X6 даст вам почувствовать себя свободно и уверенно при выполнении самых виртуозных виражей’.

Таким образом, минимум выражения в сочетании с семантическим потенциалом языковых единиц запускает механизм наращивания смыслового объема в воображении адресата, и в мини-тексте слогана *Подиум. Ринг. Купе без правил* имплицирован смысл: ‘Проезжая по улицам города в BMW X6, вы всегда, как на подиуме, будете объектом восхищения для окружающих, ибо стильная совершенная форма кузова вашего автомобиля никого

не оставит равнодушным. Вы избавитесь от соперников, потому что окружающие всегда будут видеть вас сильным, победителем, а спортивная форма кузова в сочетании с ходовыми качествами BMW X6 позволит вам почувствовать себя свободно и уверенно при выполнении самых виртуозных виражей'.

Здесь, однако, следует обратить внимание на то, что декодирование смысла текста в той или иной степени зависит от фоновой (затекстовой) информации (прагматической пресуппозиции). В случае с рекламными текстами, а тем более с текстами рекламных слоганов такая информация может играть решающую роль для декодирования смысла. Также необходимо подчеркнуть, что, во-первых, фоновые смыслы выявляются на всех уровнях начиная от грамматики и заканчивая метатекстовой семантикой. Во-вторых, для верного понимания имплицитности как лингвистической категории важно учитывать то, что при имплицитном представлении информации невербальное восприятие опирается на вербальное и что именно конкретные единицы текста (слова, синтаксические конструкции и их композиции) служат опорой при декодировании имплицитных смыслов, поскольку они их и кодируют, хотя основная (первичная) функция данных единиц может быть иной [4, с. 207].

Интересен случай использования системного потенциала служебного слова — артикля — в международном имиджевом слогане автомобильного концерна «Volkswagen»: *Das Auto. Это машина!* В немецком языке определенный артикль среднего рода *das*, как и определенные артикли во многих европейских языках, где имя артикулировано, происходит от указательного местоимения. Этимологом артикля *das* является демонстратив *thaz*, который уже в древневерхненемецком мог употребляться как протоартикль. В современном немецком языке потомками формы демонстратива *thaz* являются также местоимения *das* (это, который) и *daß* (это, что), употребляющиеся прежде всего с указательным значением. В определенном артикле среднего рода ед. числа *das* сема указания выражена достаточно ярко как в силу этимологии, так и в силу ассоциации с родственными омонимичными демонстративами *das* и *daß*. Именно поэтому в слогане *Das Auto Das* мыслится в большей степени не как артикль, а как демонстратив. Его указательное значение в устной форме слогана подчеркивается фонетическим расчленением единства «имя + артикль» посредством паузы перед существительным и ударения на первом компоненте (*das*). В письменной форме восприятию компонентов слогана как отдельных

речевых единиц, особенно носителями других языков (это международный имиджевый слоган), способствует принятое в немецкой орфографии написание имен существительных с заглавной буквы. Таким образом, речевая единица из однокомпонентной номинативной «артикулированное имя существительное» преобразуется в духкомпонентную предикативную «указательное местоимение в функции подлежащего + имя существительное в функции предикатива». При этом имя существительное *Auto* воспринимается как неартикулированное, в силу чего получает большую семантико-синтаксическую самостоятельность, и смысловое содержание мини-текста расширяется: *Вот это — машина!* Или: *Вот это — настоящая машина!* Точней: *Вот это и есть настоящая машина!*, включая подтекст: не то что все остальные.

Слоган французской парфюмерно-косметической компании «Lancôme» — это одно междометие *Ô (O!)*: «*Ô*» (*Lancôme*). Как уже было отмечено, содержание текста расширяется по мере сужения плана его выражения. Актуализация содержания посредством междометия — это яркий пример, когда «выразительность полностью поглощает выражение» [1, с. 88]. Какое же содержание закодировано в приведенном слогане компании «Lancôme»? Междометие *ô! (o!)* похоже на междометие *oh! (o!, ox!)*, и зачастую они употребляются в схожих на первый взгляд контекстах: *Oh mon Dieu!* — *О боже мой!* Различие между ними в том, что междометие *oh* широко употребляется в конструкции *oh mon Dieu* в функции составной частицы в выражениях типа: *Oh mon dieu, où sont mes lunettes?* — *Боже мой, где же мои очки?* Но если говорящий взывает к Богу или к какому-либо другому одаренному силой существу, в том числе к силам природы, он употребит в вокативной конструкции междометие *ô*: *Ô mon Dieu! Donne-moi de la force!* — *О, Бог (Боже) мой! Дай мне сил!* *Ô ciel! Où est mon amour?* — *О, небо (о, небеса)! Где моя любимая?* Приведенные примеры показывают, что междометие *ô* — это атрибут по преимуществу возвышенного стиля. В слогане «*Ô*» (*Lancôme*) оно кодирует крайнюю степень восхищения перед «Lancôme» и перед всем, что связано с компанией «Lancôme» — перед ее продукцией и перед теми, кто ею пользуются, то есть являются посвященными в волшебный мир «Lancôme». Атмосфера как бы наполняется ароматами от «Lancôme», в воображении адресата рисуются изящные футляры с элитной косметикой и лица очаровательных женщин с безупречным макияжем. Обратим внимание на то, что слоган легко запоминается в силу ассоциативной связи

между орфографией междометия и орфографией названия компании: символ *ô* появился во французских словах с утраченным в слоге согласным в качестве его компенсации. В данном случае в слоге «замолчал» согласный *s*: *-cosme* > *-côte*. *Lancosme* (этимон *Lancôte*) означает ‘состояние взрыва эмоций, потребность во взрыве эмоций’ и соответствует русскому ланкеизм (ланцеизм). В этом смысле междометие *ô* является идеальным десигнатором данного значения. Наряду с этим *ô* как редкий символ придает названию компании особость, узнаваемость, которая в слогане «*Ô*» (*Lancôte*) повторяется в междометии. Поэтому восприятие междометия *ô* по ассоциации оживляет в воображении *Lancôte* уже без упоминания о компании. При этом содержание данного слогана-междометия может быть дополнено целым рядом ассоциаций, порождаемых воображением адресата, и обусловленных субъективными факторами.

* * *

Привлеченный к анализу речезыковой материал — комические и рекламные мини-тексты — позволил показать механизмы и принципы использования потенциала единиц языка при их актуализации в речи. Представлены примеры, где для формирования и реализации дискурсивного потенциала речевых единиц применяются приемы выбора возможностей единиц разных уровней системы языка: отбор контекстных значений из семантического объема и валентностей лексических единиц и их сочетаний, использование их структурно-семантических и категориально-функциональных свойств как частей речи, как синтаксических структур и как когнитивно-семиотических моделей структурирования текста.

Таким образом, роль языка в речемыслительной деятельности и в речевом семиозисе состоит в представлении для единиц речи большего или меньшего выбора контекстных значений на основе имеющихся в системе форм значений языковых единиц. Порождение речевого знака (речевой семиозис) инициируется выбором из совокупности системно-языковых значений и форм, необходимых в конкретном речевом акте для успешной реализации коммуникативных целей и/или полноценного выражения информации.

Речевой потенциал речевого знака указывает на то, что его дискурсивное значение может достигать значительного объема в случае наполнения десигната контекстными коннотациями, провоцирующими семантические приращения, сдвиги

и трансформации (имплицатуры, намеки и т. п.). В целом природа и принципы речевого семиозиса определяются фундаментальными законами функционирования и развития естественного языка и речевой деятельности.

-
1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. 218 с.
 2. Скредина Л. М. Систематика языка и речевой деятельности. Л., 1981. 39 с.
 3. Турбина О. А. История формирования французского классического предложения. Челябинск, 2023. 188 с.
 4. Турбина О. А. Когнитивно-семиотическая модель рекламного слогана // Текст, дискурс, нарратив: современные тенденции и перспективы исследования : материалы междунар. науч. конф., 1–3 октября 2020 г. Тяньцзинь ; Волгоград, 2020. С. 207–219.
 5. Турбина О. А. Семиозис эмогенного текста // Эмогенный текст / под ред. О. А. Турбиной. Челябинск, 2018. С. 7–83.
 6. Турбина О. А. Языковое представление пространства по оси лица: концептуализация и категоризация // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 267–270.
 7. Турбина О. А., Ифатуроту А. О. Категоризация и концептуализация значений лица/персональности посредством местоимения *wɔ̃n* в языке йоруба // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2023. Т. 20, № 3. С. 12–22.
 8. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. 240 с.
 9. Pottier B. Linguistique générale : Théorie et description. Paris, 1974. 340 p.

8.4. Количественные характеристики вокабуляра русско-норвежского пиджина в сопоставительно-типологическом освещении

В современной креолистике весьма популярными объектами исследования являются пиджины и креольские языки, сформировавшиеся на основе западноевропейских языков — английского, французского, нидерландского, иберороманских (португальского и испанского). Между тем, такие пиджины и креолы обладают общей типологической схожестью, которая отражается в том числе и на лексическом уровне. С точки зрения типологии количественных соотношений в вокабуляре такие языки содержат в подавляющем большинстве лексику, которая восходит преимущественно к языку-лексификатору (ярким примером здесь являются англо-креольские языки Океании, в частности, ток-писин).

Таким образом, по справедливому замечанию В. И. Беликова, пиджины, сложившиеся на основе русского языка, представляют собой важный уникальный объект исследования, поскольку они являются результатом контакта между разносистемными языками [1]. Кроме того, их типологические характеристики в ряде случаев отличаются от характеристик пиджинов и креолов, которые сформировались на основе европейских языков. Одним из таких русских пиджинов является руссенорск, или русско-норвежский пиджин.

Руссенорск неоднократно описывался в литературе, посвященной пиджинам, креольским и контактным языкам. Так, одно из первых описаний словарного состава и грамматики было дано норвежским славистом О. Броком еще в конце 20-х гг. — начале 30-х гг. XX в. Позднее, уже в 80-х гг. XX в., значительное число этих материалов было представлено в книге И. Брок и Э. Яра [9]. Эта работа представляет собой один из источников настоящего исследования наряду с исследованиями С. С. Лунден, в которых также описывались лексические и грамматические особенности руссенорска, а также анализировалась его история [17; 18]. Руссенорск, наряду с другими пиджинами, сложившимися на русской основе, анализируется в книге Е. В. Перехвальской [6], а также в обзорной работе Д. Штерна [21], а вместе с прочими пиджинами Евразии, имеющими «нестандартную» языковую основу, в работе Э. Гранта [15].

Особняком стоит статья Ф. Кортландта 2000 г., в которой он, рассматривая соотношение между русским и норвежским компонентами в данном пиджине, приходит к выводу, что тот не представляет собой отдельного самостоятельного идиома, а является всего лишь специальным регистром или вариантом норвежского языка, чем-то вроде «языка для иностранцев» [16, с. 126]. В рамках данного исследования, однако, мы будем придерживаться более традиционной точки зрения, согласно которой руссенорск представляет собой отдельный контактный идиом, поскольку как по своим грамматическим характеристикам, так и по семантическим свойствам он достаточно далеко отстоит как от русского, так и от норвежского языков.

Основной целью исследования является изучение количественных параметров словарного состава руссенорска в сопоставлении с другими контактными идиомами, которые формировались и развивались в аналогичных контактных ситуациях. Объектом исследования, таким образом, является вокабуляр русско-норвежского

пиджина, предметом исследования — его количественные характеристики в сопоставлении с прочими контактными идиомами аналогичного генеза. Задачами настоящей работы являются, во-первых, выявление тех источников, из которых наследуется словарный состав руссенорска, во-вторых, подсчет соотношения между лексическими единицами различного происхождения в словарном составе этого пиджина и, в-третьих, сопоставление полученных характеристик с аналогичными типологическими характеристиками некоторых других контактных идиомов. Основным методом, используемым в данной работе, является метод межъязыкового сопоставления на уровне лексики, при необходимости использовались также методы количественного подсчета.

Нужно сказать несколько слов об особенностях формирования и дальнейшего развития руссенорска. По происхождению он является торговым пиджином. Его формирование явилось результатом контактов русских и норвежских рыбаков, торговцев и моряков на севере Норвегии в районах Тромсё, Хаммерфеста, Вардё и Вадсё в период сезонной летней торговли, которая была известна под названием поморской [3, с. 70–71], а также на территории России, относящейся к северной части современной Мурманской области. По этой причине естественным будет наблюдать преобладание в словарном составе лексических единиц русского и норвежского происхождения.

С типологической точки зрения руссенорск можно отнести к редуцированным пиджинам. Формальная типология данного пиджина близка к нормам изолирующего строя. В руссенорске практически нет синтетического словоизменения [2, с. 289]: так, у существительных отсутствуют падежное словоизменение и изменение по формам числа, у глаголов не выражаются синтетически категории времени, аспекта и модальности.

Во многих случаях в руссенорске применяются аналитические средства передачи тех или иных граммем: часто для этого используются вспомогательные части речи или вспомогательные конструкции, а также синтаксические средства (например, порядок слов). Одной из немногих грамматических категорий глагола, выражаемых на морфологическом уровне, является категория переходности/непереходности, которая маркируется при помощи суффикса *-om-*. Другой такой категорией является категория наклонения [Там же, с. 289]: немаркированное общее наклонение и побудительно-повелительное наклонение, которое выражается аналитически.

В руссенорске, как и в других пиджинах — и редуцированных, и расширенных, присутствуют те же части речи, которые есть и в языках «обычного» генеза (см. вопрос о составе и количестве частеречных категорий в исследовании Е. В. Перехвальской [4, с. 94–105]). В руссенорске есть имена существительные, глаголы, количественные слова, к которым можно отнести как лексические единицы, обладающие семантикой прилагательного, так и те, что обладают семантикой наречия, поскольку противопоставление прилагательных и наречий в руссенорске отсутствует [2, с. 290].

Имеются также демонстративы, вопросительные слова, предлоги и союзы. Особую категорию составляют местоименные слова, которых насчитывается всего два: местоимения первого и второго лица единственного числа [Там же], причем у каждого из них есть как русский, так и норвежский дублет. Среди вспомогательных частей речи следует выделить полифункциональный предлог *po/раа/ра/ра́*, который выполняет в руссенорске различные функции: он передает значения посессивности, инструментальности, в некоторых случаях может передавать значения локативной семантики, служить комплементатором и т. д. Случаи использования других предлогов русского и норвежского происхождения отмечаются крайне редко [Там же, с. 290–291].

По своим характеристикам, связанным с тем, как представлены в нем элементы естественного семантического метаязыка, руссенорск, как и любой другой пиджин или креол, принципиально не отличается от языков «нормального» генеза (см. исследования Р. Стэнвуда, посвященные этой тематике [19; 20]). Между тем, отличия между руссенорском и другими языками на уровне наличия либо отсутствия отдельных лексем, входящих в культурную лексику и даже в ряде случаев в базовый вокабуляр, видны отчетливо, поскольку многие лексические единицы, которые встречаются в языках «обычного генеза», для руссенорска не характерны. Это может объясняться условиями формирования и дальнейшего развития этого контактного идиома, а также особенностями коммуникации носителей руссенорска, в частности, теми условиями, в которых протекает коммуникация, и ее тематическим содержанием.

Части речи в руссенорске выделяются преимущественно на основании семантического критерия, а также синтаксического, но в меньшей степени. Существенную роль играет также то, к какой частеречной категории относится та или иная единица

в языке-лексификаторе. Приведем здесь следующий пример (1) (здесь и ниже глоссирование выполнено автором):

Moja njét skaff-om govedina pa den vekkel
 1SG NEG есть-TR мясо/говядина на DEM неделя
 На этой неделе я не ем мяса [9, с. 108].

В этом примере полужирным шрифтом выделен транзитивный глагол *skaffom*, а имена существительные *vekkel* и *govedina* — подчеркиванием. Несмотря на то, что, кроме глагольного маркера транзитивности, в руссенорске нет других формальных средств различения между частеречными классами, можно легко определить, к какой части речи относится каждое слово, исходя из их семантики и из контекста коммуникации. Так, лексическая единица *govedina* довольно прозрачным образом восходит к русскому слову *говядина*, а лексическая единица *vekkel* имеет, скорее всего, норвежское диалектное происхождение. Эти единицы наследуют как свою лексическую, так и частеречную семантику из языка-лексификатора. То же самое можно сказать и про глагол *skaffom*, который восходит к устаревшему норвежскому глаголу *skaffe*. Но в период активного функционирования руссенорска это слово употреблялось в норвежском морском жаргоне в значении ‘принимать пищу’, ‘есть (на корабле)’.

Следующий пример (2) демонстрирует отсутствие различий между частями речи в руссенорске на поверхностном уровне формальных показателей. Эти различия обнаруживаются только при обращении к лексической семантике данных лексических единиц, а также — в данном примере — и к их синтаксической функции:

Kanske tvoja vil glåss tsjai?
 MOD 2SG хотеть стакан чай
 Хочешь ли ты стакан чая [выпить]? /
 Может быть, ты хочешь [выпить] стакан чая? [9, с. 112].

Из этого примера можно видеть, что, несмотря на отсутствие формальных различий между классом имен и классом глаголов, принадлежность того или иного слова к определенной части речи можно установить исходя из их семантических и синтаксических характеристик.

В частности, в этом примере можно видеть отклонение от порядка слов SOV в пользу порядка слов SVO, которое также

достаточно часто отмечается в руссенорске [2, с. 292]. Такой вывод мы можем сделать на основании того, что вторую позицию в данном высказывании занимает лексическая единица *vil* ‘хотеть’, ‘желать’, восходящая к аналогичному норвежскому глаголу *vil* с тем же значением.

Имена существительные (выделены подчеркиванием) имеют, в свою очередь, довольно прозрачную норвежскую либо в целом германскую и русскую этимологию. Так, слово *tsjai* ‘чай’ происходит, очевидно, от соответствующей русской лексической единицы *чай*. Лексическая единица *glåss* ‘стакан’ либо восходит непосредственно к немецкоязычному источнику, либо связана с норвежским словом *glass*, значение которого — ‘стакан’, ‘стекло’ (последнее также, по-видимому, представляет собой немецкоязычное заимствование).

В следующем примере (3) различия между частями речи руссенорска не выражены на поверхностном уровне, а обнаруживаются также только при обращении к семантике этих лексических единиц, при этом обнаруживается частичное несовпадение в частеречной принадлежности между руссенорским и норвежским языком (глаголы и существительные отмечены так же, как и в предыдущих двух примерах):

Tvoja kanålja; moja på polismann spræk
 2SG негодяй 1SG с/на полицейский говорить
 Ты негодяй, я позову полицейского [9, с. 112].

Данный пример содержит два имени существительных — *kanålja* и *polismann*, а также один глагол *spræk*. Последний имеет достаточно прозрачную норвежскую этимологию, восходя при этом к существительному *språk* со значением ‘язык’. Таким образом, глагол *spræk* в руссенорске представляет собой пример частеречного конверсива, поскольку его переход из одного класса частей речи в языке-лексификаторе (имена) в другой класс (глаголы) в руссенорске никак не отражается на поверхностном уровне.

Такая особенность руссенорска отмечена и в исследовании В. И. Беликова, который пишет о том, что в руссенорске к числу глаголов формально могут быть отнесены некоторые лексические единицы, этимон которых возможно представить как процесс, но которые заведомо не являются глаголами в соответствующем языке-лексификаторе [2, с. 289].

Что касается имен существительных, то первое из них — *kanålja* — также довольно прозрачно восходит к русскому пейоративу *каналья*, а *polismann* представляет собой, скорее всего, англоязычное заимствование (от *policeman*), которое пришло в руссенорск через английский морской жаргон или какой-то иной морской пиджин с англоязычной основой.

Таким образом, вышеприведенные примеры наглядно демонстрируют уже давно подмеченную исследователями особенность руссенорска — приблизительно одинаковое соотношение между лексическими единицами русского и норвежского происхождения [2, с. 288]. Так, в работе Э. Гранта приводится следующее соотношение между вокабуляром норвежского и русского происхождения: 47 и 38 % соответственно, оставшаяся часть приходится на прочие языки [15, с. 202].

В число таких языков входят следующие: английский (в том числе английский морской жаргон), нидерландский, нижненемецкий, шведский, финский и саамский [2, с. 288; 15, с. 202–201]. Интересной особенностью лексических единиц, восходящих к двум последним языкам (которые относятся к финно-угорским), является то, что они используются в основном для наименования различных видов рыб [15, с. 203], то есть слова такого происхождения относятся в большей мере к культурной лексике.

Проиллюстрируем еще раз эту особенность руссенорска на предложении из примера (2). Здесь буква N означает, что источником данной лексической единицы является норвежский язык, а буква R — русский (4): *Kanske^N tvoja^R vil^N glåss^N tsjai^R?* [9, с. 112].

Очевидно, что соотношение лексических единиц норвежского и русского происхождения в этом примере равно 3 : 2. Приблизительно такое же соотношение получается при анализе вокабуляра руссенорска в целом, в частности, в тех процентных соотношениях в словарном составе руссенорска, что приводятся выше. На этом основании можно сделать вывод, что соотношение между норвежским и русским компонентами словарного состава руссенорска колеблется в диапазоне от 1,2 до 1,5 (здесь нужно иметь в виду, что руссенорск был достаточно вариативен, и у него, по всей вероятности, был и русский, и норвежский этнолект).

Говоря о руссенорске, нельзя не упомянуть о таких явлениях, как так называемые этимологические дублеты и двойная этимология, которые неоднократно были описаны в литературе (см., в частности, исследования Д. Штерна [21] и В. И. Беликова

[2, с. 288–289]). Сущность первого явления заключается в том, что в руссенорске существуют слова с одинаковым значением, но происходящие из различных языков — русского и норвежского соответственно. Так, в статье Д. Штерна приводится следующий пример: в руссенорске отмечено слово *stara*, очевидно, восходящее к русскому *стар/старый*, в то же время присутствует и лексическая единица *gammel* с аналогичным значением ‘старый’, но уже норвежского происхождения [21].

Сущность двойной этимологии заключается в том, что одна и та же лексическая единица находит подходящие этимологии как в русском, так и в норвежском [2, с. 289]. Здесь можно привести такие примеры: слово *kruski* ‘кружка’ имеет прозрачную связь как с русским *кружка*, так и с норвежским *krus* (значение то же), слово *ljugot* ‘лгать’ связано, очевидно, как с русским *лгать*, так и с норвежским *lyve* ‘лгать’, ‘обманывать’ [Там же]. Наличие этимологических дублетов усложняет структуру вокабуляра русско-норвежского пиджина.

В связи с приведенными выше типологическими особенностями вокабуляра руссенорска возникает закономерный вопрос: обнаруживаются ли подобные свойства еще у каких-либо контактных идиомов? Оказалось, что данный вопрос имеет положительный ответ.

Примером контактных идиомов со свойствами вокабуляра, аналогичными свойствам руссенорска, являются баскские пиджины, существовавшие, по всей видимости, вплоть до XVIII в. К ним относятся баскско-скандинавский пиджин и баскско-алгонкинский пиджин. Их история кратко описана в работе Э. Гранта [15, с. 205–206]. Их появление и развитие были связаны с развитием баскского китобойного промысла в северной Атлантике [7, с. 4]. Баскско-скандинавский пиджин в некоторых исследованиях называют еще баскско-исландским пиджином [12], баскским морским пиджином [7, с. 1–2].

Основным лексикографическим источником по баскско-скандинавскому пиджину является глоссарий, опубликованный и прокомментированный Н. Деном [10]. Сведения по баскско-алгонкинскому пиджину более скудны, однако часть ценных наблюдений и материалов по его лексикону приводится в статье П. Баккера [8]. Исходя из анализа этих материалов можно сделать ряд оценок и наблюдений.

Так, словарный состав баскско-скандинавского пиджина, несмотря на название последнего, практически не обнаруживает

следов северогерманского влияния: в статье Х. И. Уальде отмечена всего одна лексема с сомнительной исландской этимологией [12, с. 428]. Больше половины лексических единиц в нем имеют баскское происхождение, среди них в том числе представлены и романские заимствования в баскский, оставшаяся часть восходит к различным романским и германским языкам (английскому, немецкому, нидерландскому, французскому, испанскому) [Там же]. Возможно, в формировании словарного состава баскско-скандинавского пиджина приняли участие и какие-то еще романские и германские языки и диалекты.

Таким же образом был устроен и баскско-алгонкинский пиджин [8, с. 121–122, 135–139]: чуть больше половины зафиксированных лексических единиц в нем восходят к баскскому языку, чуть больше трети — к романским языкам (французскому и испанскому), оставшаяся доля — к алгонкинскому языку микмак (возможно, и к другим алгонкинским языкам атлантического побережья Северной Америки). Э. Грант упоминает среди источников словарного состава этого пиджина еще и гасконский язык [15, с. 206], который обычно рассматривается как один из провансальских диалектов.

Здесь можно привести несколько примеров из баскских пиджинов, наглядно демонстрирующих их вышеуказанную особенность. Буквой В здесь обозначаются слова баскского происхождения, буквой R — романского, буквой G — лексика, происходящая из различных германских языков, А — слова алгонкинского происхождения.

Баскско-скандинавский пиджин:

for^G mi^G presenta^R for^G yu^G biskusa^B eta^R sagarduna^B
 SUB 1SG дать OBJ 2SG пирог и сидр
 ‘Я дам тебе пирога и сидра’;

for^G you^G mala^R gissuna^B
 SUB 2SG плохой человек
 ‘ты плохой человек’ [10, с. 386].

Баскско-алгонкинский пиджин:

ania^B kir^A capitana^{R?}
 брат 2SG капитан
 ‘Брат, ты капитан?’;

endia^B *chave*^R *normandia*^B

много знать француз

‘Французы о многом знают’ [8, с. 139].

Обращает на себя внимание, что в приведенных примерах есть лексические единицы баскского происхождения, которые были первоначально заимствованы в баскский из романских языков. Таково слово *normandia*, которое, скорее всего, попало в баскский из французского, сюда же относится и слово *biskusa* из баскско-скандинавского пиджина, которое представляет собой старое романское заимствование, восходящее в конечном счете к старофранцузскому *bescuit* ‘пирог’.

Аналогичными типологическими свойствами вокабуляра обладает и чинукский жаргон. Он представляет собой контактный идиом, который ранее был широко распространен на тихоокеанском побережье Северной Америки. Чинукский жаргон длительное время был языком торговой и деловой коммуникации, сложившись в значительной мере под влиянием межплеменного торгового обмена, а также торговли местного индейского населения с поселенцами европейского происхождения [11, с. 3–9]. Таким образом, по происхождению он также представляет собой торговый пиджин.

История развития чинукского жаргона и его дальнейшей эволюции подробно описана в монографии Дж. Холтона [11], а также в грамматическом очерке Э. Гранта [14]. Он сложился на основе как местных индейских языков, так и европейских языков (английского и французского). В настоящее время он представляет собой постепенно угасающий частично креолизованный язык.

Существует несколько лексикографических источников, которые отображают лексический состав чинукского жаргона. Среди них можно выделить словарь Дж. Гиббса, составленный в середине XIX в., который отражает актуальное на тот момент времени состояние вокабуляра чинукского жаргона [13]. Из источников, репрезентирующих современное состояние чинукского жаргона, можно назвать словарь Г. Ценка, Т. Джонсона и С. Хэмилтон, который отражает уже позднюю, частично креолизованную стадию развития чинукского жаргона, подвергшегося значительному влиянию английского, а также в меньшей степени французского языка [22].

Выбор словаря Дж. Гиббса в качестве источника лексикографического материала для настоящего исследования обусловлен тем, что в указанный период чинукский жаргон активно использовался как торговый пиджин в коммуникации аборигенного индейского населения как с населением европейского происхождения, так и между собой. Ниже представлены данные по вокабуляру чинукского жаргона в том виде, в каком он был зафиксирован в середине — второй половине XIX в.:

- слова чинукского происхождения — 221 ед.;
- слова английского происхождения — 67 ед.;
- слова французского происхождения — 94 ед. (в том числе из канадского варианта французского языка);
- слова вакашского происхождения (преимущественно нутка, включая различные диалекты этого языка) — 24 ед.;
- слова салишского происхождения (чихалис, нискуолли) — 39 ед.

Единичные слова в чинукском жаргоне восходят к алгонкинским (оджибве, кри, чиппева), калапуйянским, сахаптинским и др. индейским языкам.

Таким образом, лексические единицы, происходящие из английского и французского языков, составляют больше 60 % по количеству, взятому от общего числа лексических единиц, ведущих происхождение из чинукских языков. Общая доля лексических единиц чинукского происхождения в списке базовой лексики чинукского жаргона, по данным Э. Гранта, 53 %, лексики, ведущей происхождение из европейских языков, 28 % (канадский вариант французского — 12 %, английский язык — 16 %) [14]. Вместе с тем нужно учесть, что чинукский жаргон был и остается очень вариативным идиомом, поэтому в отдельных его вариантах количество лексических единиц европейского происхождения может быть значительно больше. Из этого можно сделать вывод, что лексика европейского происхождения значительно преобладает в сравнении с лексическими единицами из прочих аборигенных языков (за исключением собственно чинукских), что также сближает характеристики этого идиома с руссенорском.

В указанном выше словаре Г. Ценка и его соавторов почти половина приведенных там лексических единиц имеет английское и французское происхождение. Оставшийся процент лексики приходится в большей мере на слова чинукского происхождения, кроме того, отмечено небольшое количество лексических единиц

салишского и вакашского происхождения, а также незначительное количество лексических единиц, которые восходят к прочим индейским языкам северо-западной части тихоокеанского побережья Северной Америки.

Этап развития чинукского жаргона, который отражен в отмеченном выше словаре, отражает позднюю стадию его развития, когда его вокабуляр, подвергшись влиянию со стороны английского языка, уже претерпел существенные изменения, что приблизило процент лексики индейского и европейского происхождения в этом языке к примерно равным долям. О сильной релексификации чинукского жаргона со стороны английского языка говорится и в статье Э. Гранта [14].

Вместе с тем нужно отметить, что в более старых, относящихся к началу XX в. материалах по чинукскому жаргону в ряде случаев лексические единицы европейского происхождения встречаются относительно редко. Как правило, это характерно для различных фольклорных, сказочных и мифологических нарративов, а также для некоторых публицистических текстов и текстов проповедей. Фрагменты такого текста, взятые из работы Э. Гранта, приведены ниже (здесь глоссы также принадлежат Э. Гранту). Буквой А обозначены англицизмы, лексика индейского происхождения никак не маркируется:

Kahkwa nika wawa kopa mesika talkie Sunday^A
 так 1SG язык/речь к 2PL вчера воскресенье
 'Об этом я говорил вам в прошлое воскресенье'

Okoke sun^A nika tikegh wawa kopa mesika kopa okoke papeh^A
 этот день 1SG хотеть речь к 2PL к этот бумага
 'Сегодня я хочу рассказать вам об этом изображении'

Jesus^A get-up^A; yaka klatawa
 Иисус встать 3SG идти
 'Иисус воскрес, и Он ушел (с места погребения)' [14].

Из вышеприведенных примеров можно увидеть, что число англицизмов в отдельных вариантах чинукского жаргона (условно их можно назвать «фольклорно-мифологическим регистром» и «духовным регистром») немногочисленно и в нем преобладает лексика индейского происхождения.

Подводя итог данного исследования, можно отметить следующее. Приблизительно пропорциональное равенство компонентов вокабуляра различного происхождения в каждом из вышеприведенных контактных идиомов объясняется условиями их формирования и функционирования. Все они по происхождению представляют собой торговые пиджины. Соответственно, в отличие от «классических» креольских языков, в тех языковых ситуациях, в которых данные пиджины формировались и развивались, обе стороны были в равной мере заинтересованы в коммуникации для достижения собственных целей (преимущественно коммерческих). Равенство сторон коммуникации объяснялось экстралингвистическими особенностями самих языковых и коммуникативных ситуаций, в которых данные пиджины использовались: меновая торговля, рыболовный и китобойный промысел и т. д. Обе стороны вынуждены были в той или иной мере осваивать и стараться понять язык другого либо других участников коммуникации.

При этом, однако, усвоение языка других коммуникантов происходило не в полной мере, в результате чего образовывался своеобразный «интеръязык» (в терминологии Е. В. Перехвальской [5, с. 331]). Получившийся идиом в означенной коммуникативной ситуации интерферировал с родным языком участников коммуникации. В итоге формировался контактный язык, вокабуляр которого содержал приблизительно равные доли лексики, наследуемой из каждого языка участников коммуникации (соответственно, являвшихся лексификаторами для вновь возникшего пиджина). Можно предположить, что найденные соотношения между источниками словарного состава будут релевантны и для других контактных идиомов (преимущественно торговых пиджинов), развивавшихся в аналогичных языковых ситуациях.

Сокращения, используемые в глоссах

1SG — первое лицо единственного числа

2SG — второе лицо единственного числа

3SG — третье лицо единственного числа

2PL — второе лицо множественного числа

DEM — демонстратив

MOD — модальная частица

NEG — показатель отрицания
OBJ — объектный показатель
SUB — субъектный показатель
TR — показатель переходного глагола

1. *Беликов В. И.* Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект : сб. ст. М., 1997. С. 90–108.

2. *Беликов В. И.* Русско-норвежский пиджин // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. М., 1994. Вып. 1. Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. С. 287–294.

3. *Клонова О. Ю.* Процессы пиджинизации и усвоения иностранного языка // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2007. Сер. 9. Вып. 2. С. 70–73.

4. *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. СПб., 2008. 363 с.

5. *Перехвальская Е. В.* Русско-китайский пиджин и русский «интеръязык» // Acta Linguistica Petropolitana : тр. Ин-та лингвистич. исслед. РАН. 2013. Т. 9, № 3. С. 331–345.

6. *Перехвальская Е. В.* Исследования по русским пиджинам : сб. ст. М. ; Берлин, 2014. 224 с.

7. *Bakker P.* A Basque nautical pidgin: a missing link in the history of *fu* // J. of Pidgin and Creole Languages. 1987. Vol. 2 (1). P. 1–30.

8. *Bakker P.* “The Language of the Coast Tribes is Half Basque”: A Basque-American Indian Pidgin in Use between Europeans and Native Americans in North America, ca. 1540-ca. 1640 // Anthropological Linguistics. 1989. Vol. 31, № 3/4. P. 117–147.

9. *Broch I., Jahr E. N.* Russenorsk — et pidginspråk i Norge : (Tromsø-studier i sprekviteskap, III). Oslo, 1981. 164 s.

10. *Deen N. G. H.* Glossaria duo Vasco-Islandica // Anuario Del Seminario De Filologia Vasca Julio De Urquijo. 1991. Vol. 25 (2). P. 321–426.

11. *Holton J.* Chinook jargon: the Hidden Language of the Pacific Northwest. San Leandro, 2004. 147 p.

12. *Hualde J. I.* Icelandic Basque pidgin // Anuario Del Seminario De Filologia Vasca Julio De Urquijo. 1991. Vol. 25 (2). P. 427–437.

13. *Gibbs J.* A dictionary of Chinook Jargon or trade language of Oregon. N. Y., 1863. 44 + XIV p.

14. *Grant A. P.* Chinuk Wawa // The Survey of Pidgin and Creole Languages : 3 vols. / eds. S. M. Michaelis, P. Maurer, M. Haspelmath. Oxford, 2013. Vol. 3. Contact Languages Based on Languages from Africa, Asia, Australia, and the Americas.

15. *Grant A. P.* Pidgins and Creoles in Eurasia. The Consolation of Philology // The Routledge Handbook of Pidgin and Creole Languages / ed. U. Ansaldo and M. Meyerhoff. Abingdon, 2020. P. 199–213.

16. *Kortlandt F.* On Russenorsk // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik 2000. Vol. 54 (1). P. 123–127.

17. *Lunden S. S.* Russenorsk revisited. Oslo, 1978. 33 s.

18. *Lunden S.* Tracing the Ancestry of Russenorsk // Slavia Orientalis. 1978. № 27/2. P. 213–217.

19. *Stanwood R. E.* On the Adequacy of Hawai'i Creole English. Dallas, 2014. 353 p.
20. *Stanwood R. E.* The Primitive Syntax of Mental Predicates in Hawaii Creole English: a Text-Based Study // *Language Sciences*. 1997. Vol. 19, №. 3. P. 209–217.
21. *Stern D.* Russian Pidgin Languages // *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* / ed by. M. L. Greenberg and L. Grenoble. Brill, 2020.
22. *Zenk H. B., Johnson T., Hamilton S. B.* Chinook Jargon (Chinook Wawa) Etymologies // *Univ. of British Columbia Working Papers in Linguistics*. 2010. Vol. 27. P. 270–348.

Часть III

КОРПУС
И КОРПУСНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 9

ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ И РАЗМЕТКИ КОРПУСОВ

9.1. Специфика разметки мультимодального корпуса эмоциональной речи¹

В этом разделе рассматривается специфика разметки мультимодального корпуса эмоциональной речи. В 1995 г. Розалинда Пикард обозначила появление такого направления развития искусственного интеллекта, как аффективные вычисления (affective computing) [15]. Аффективные вычисления — это междисциплинарная область на стыке информатики, психологии и когнитивной науки, которая базируется на идее критически значимой роли эмоций в процессах восприятия, познания и мышления. Данная идея проецируется на развитие искусственного интеллекта: чтобы взаимодействие человека с компьютером стало таким же естественным, как взаимодействие двух людей, необходимо, чтобы компьютер был способен распознавать и выражать присущие человеку эмоции.

Технологии распознавания эмоций обладают значительным потенциалом применения в тех областях, где часть задач, которые традиционно требовали межличностного взаимодействия, сегодня решаются с помощью интерактивных систем. Так, например, данная технология используется при создании эмоциональных роботов-ассистентов для сфер здравоохранения [6] и образования. Такие роботы способны считывать эмоциональное состояние пользователя и подстраиваться под него, что позволяет качественно улучшить опыт взаимодействия человека с компьютером. Другие

¹ В работе использованы результаты проекта «Текст как Big Data: моделирование конвергентных процессов в языке и речи цифровыми методами», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

области применения описываемых технологий включают разработку чат-ботов и голосовых помощников.

Для создания систем автоматического распознавания эмоций применяются технологии машинного и глубинного обучения. Интерес к данной сфере растет, но сложность эмоции как особого психического процесса делает поиск наиболее эффективных подходов непростой задачей, решение которой остается актуальным. Наиболее перспективным на данный момент является мультимодальный подход, который подразумевает одновременный учет информации, полученной по разным каналам (голос, текст, изображение). Однако единого мнения насчет способов сочетания такой информации при построении архитектуры модели в настоящий момент нет. Корпус данных в этой задаче является важным ресурсом как для теоретического исследования, так и для разработки прикладного продукта [11, с. 296]. Размеченный по модальностям корпус эмоциональной речи может стать основой для изучения эмоциональных манифестаций человека, в частности, для взаимодействия модальностей (миимики, голоса, текста), что, в свою очередь, представляет интерес для разработки усовершенствованных систем распознавания эмоций.

Ранние работы в области автоматического распознавания эмоций посвящались исследованию способов их детектирования на основе одной модальности, как правило, аудиоданных или статичных изображений. Эти направления развиваются и сейчас [3; 12; 16]. Использование только одного типа данных позволяет быстрее собрать и разметить корпус для тренировки модели (или использовать уже собранный другими исследователями ранее), а также избежать сложностей с объединением признаков, извлеченных из разных типов данных, на этапе разработки архитектуры модели. Такие системы успешно применяются для решения некоторых специфических задач, например, для мониторинга качества работы сотрудников колл-центров, когда для анализа доступны только аудиоданные. Однако следующим этапом в развитии технологий распознавания эмоций стали системы, использующие мультимодальные данные [17]. Найти объяснение, почему компьютер успешнее определяет эмоции человека, если ему доступна совокупность аудио-, видео- и текстовой информации, можно, обратившись к некоторым психологическим основаниям проявления и распознавания эмоций человеком.

Первые исследования, проводившиеся в рамках теории базовых эмоций, были сосредоточены на универсальных способах

мимического выражения эмоциональных состояний [7]. Однако такой подход, при котором эмоция определяется только с опорой на статичные изображения стереотипных выражений лица, встретил немало критики. Очевидно, что эмоция выражается далеко не только за счет движений мышц [9, p. 134]. Д. Келтнер и соавторы отмечают, что в современной психологической науке внимание направлено на изучение эмоций как мультимодального феномена [10, p. 471]. Исследования демонстрируют, что интеграция информации, получаемой из разных каналов восприятия, положительно сказывается на точности распознавания эмоций человеком по сравнению с ситуацией, когда доступна информация, получаемая только по одному каналу (например, только мимика или интонация). При этом изучение вклада разных модальностей в формирование эмоции рассматривается как перспективное направление, исследования в котором, по предположению указанных авторов, продолжают демонстрировать неравноценность разных модальностей в выражении и распознавании эмоций [Ibid., p. 473]. Так, например, результаты одного из исследований распознавания людьми радости, грусти и злости по данным аудио и видео в отдельности и аудиовизуальным данным вместе показали, что для точного распознавания грусти одних аудиоданных для человека оказалось недостаточно и для ее успешной идентификации требовалась полная аудиовизуальная информация, в то время как злость наиболее успешно распознавалась по аудиоканалу [8].

Очевидное преимущество использования мультимодальных данных для развития технологий автоматического распознавания эмоций продиктовало необходимость создания мультимодальных корпусов эмоциональной речи. Немалое число датасетов для этой задачи собрано на английском языке, среди них IEMOCAP [4], MOUD [14], CMU-MOSEI [2] и др. На русском языке подобные корпуса еще не нашли широкого распространения (нам известен, например, мультимодальный корпус А. А. Котова [11]).

Существуют разные подходы к сбору данных и аннотации таких корпусов. Один из подходов состоит в записи на видео актеров, которые произносят определенный текст с заданной эмоцией (так называемые *simulated emotion databases*). Недостатки такого подхода заключаются в том, что сыгранные эмоции значительно отличаются от естественных, а эмоциональное выражение оказывается вырванным из контекста [5]. Процедура сбора данных для частично естественных корпусов (*semi-natural emotion databases*) все еще подразумевает наличие контролируемых условий, однако

в таком случае актеры отыгрывают спонтанные или прописанные монологи и диалоги в заданном коммуникативном контексте. Корпуса естественных эмоций (natural emotion databases) не подразумевают намеренного провоцирования эмоциональной реакции. Источниками данных для таких корпусов являются сериалы, ток-шоу, интервью, подкасты и т. д.

Одним из основных подходов к аннотации эмоциональных корпусов является дискретный (или категориальный). Он подразумевает присвоение фрагменту видео единой категориальной метки, отражающей эмоцию, например радость, грусть, удивление и т. д. В большинстве существующих эмоциональных корпусов эта метка автоматически распространяется на все модальности [4; 13]. Однако одна метка может не отражать особенностей проявления эмоции по разным каналам: так, при выражении легкого удивления мимика может оставаться нейтральной, а наибольший вклад будет вносить интонация; нейтральный по содержанию текст может обрести эмоциональную окраску за счет мимики и тона голоса. В связи с этим нами предлагается подход, при котором аннотируемый фрагмент получает несколько эмоциональных меток в отдельности по каждой из модальностей в дополнение к единой метке, то есть осуществляется мультимодальная аннотация. Подобный подход был применен в работе [18] при создании корпуса для анализа тональности на материале китайского языка, однако в данной работе мультимодальная аннотация проводилась только по шкале «позитивный — негативный», эмоциональная аннотация не применялась. Мультимодальный подход к разметке эмоционального корпуса отвечает изложенным выше особенностям эмоций как психического процесса и тенденциям в их изучении, а также расширяет пространство возможных решений в области разработки моделей автоматического распознавания: данные корпуса с такой разметкой могут использоваться как для разработки унимодальных систем (когда используются только аудио-, или видео-, или текстовые данные, извлеченные из корпуса), так и для экспериментов с комбинациями мультимодальной информации при разработке новых архитектур моделей.

Целью данного исследования являлась апробация мультимодального подхода к разметке эмоционального корпуса на материале имеющегося у нас набора видеоподкастов на тему бодипозитива. В ходе исследования решались следующие задачи:

1. Определить критерий для разделения видеозаписей на фрагменты.

2. Установить набор категориальных эмоциональных меток, которые будут использоваться для аннотации.

3. Осуществить мультимодальную разметку и обработать результаты.

4. Проанализировать результаты разметки и выявить закономерности во взаимодействии модальностей при проявлении эмоций.

Использованный в исследовании набор данных представляет собой видеозаписи интервью, где участники эмоционально выражают свое мнение на тему бодипозитива. Поскольку в процессе записи интервью направленное влияние на эмоции участников не оказывалось, он относится к корпусам естественной эмоциональной речи. Корпус включает девять видеозаписей общей длительностью 39 мин. Видеозаписи были разделены на фрагменты, каждый из которых содержит одно высказывание (всего 332 фрагмента). Разделяя видео на фрагменты по высказываниям, мы делаем допущение, что в рамках одного законченного высказывания эмоция говорящего остается относительно стабильной. Далее каждый фрагмент был представлен в четырех формах: только аудио; только видео (без звука); только текст высказывания; полный фрагмент (видео со звуком).

Для аннотации был выбран описанный выше категориальный подход с заранее заданным набором возможных эмоциональных меток: «радость», «грусть», «злость», «отвращение», «удивление» и «страх», которые традиционно относят к базовым [7], а также нейтральная эмоция. Безусловно, количество эмоций, которые возможно различить по специфическим шаблонам их проявления, гораздо больше шести (насчитывается около 22 [9, с. 138]), однако при создании корпуса важно соблюсти баланс полноты и точности: слишком большое количество эмоциональных меток может привести к низкой согласованности между разметчиками [4, р. 349].

Мультимодальная аннотация каждого фрагмента осуществлялась тремя аннотаторами. Сначала каждый аннотатор определял эмоцию полного фрагмента (видео со звуком), после чего эмоциональная метка присваивалась отдельно по каждой модальности — визуальной, интонационной и вербальной. Во время разметки для восприятия была доступна только аннотируемая в конкретный момент модальность. Итоговые метки для каждого из четырех представлений фрагмента присваивались на основании мнения трех разметчиков по принципу большинства.

Для измерения степени согласия между аннотаторами была рассчитана каппа Флейсса (Fleiss kappa). Ее значение κ составило 0,296 для аннотаций полного фрагмента и 0,264 — для аудио, что говорит о незначительном согласии между разметчиками; значение каппы для визуальной модальности оказалось самым низким: $\kappa = 0,108$; наибольшая согласованность достигнута для текста: $\kappa = 0,429$ (табл. 7).

Таблица 7

Статистика по количеству меток каждой эмоции

Эмоция	Полный фрагмент	Только аудио	Только видео	Текст
Радость	30	17	33	23
Грусть	20	15	2	10
Злость	20	8	8	6
Отвращение	3	1	1	3
Удивление	7	15	22	19
Страх	0	0	0	0
Нейтральная	222	253	213	260
Согласие не достигнуто	30	23	53	11

Мы видим, что большинство фрагментов были отнесены разметчиками к категории эмоционально нейтральных, а по значительному числу фрагментов согласие достигнуто не было: в таких фрагментах три аннотатора распознали три разные эмоции. Отметим, что наибольшее количество таких случаев наблюдается в определении эмоции по визуальной модальности (53 фрагмента, $\kappa = 0,108$), при этом визуальные фрагменты получили меньше всего нейтральных меток. Для текста наблюдается обратная ситуация: количество нейтральных меток максимальное, и согласованность наиболее высокая ($\kappa = 0,429$). Исходя из такого распределения можно предположить, что, по крайней мере, в рамках рассматриваемого корпуса текст зачастую остается лексически нейтральным, а эмоция формируется за счет того, как этот текст произносится говорящим (то есть наибольший вклад вносят невербальные проявления и интонация). Высокая рассогласованность в оценке невербальных проявлений и наименьшее (по сравнению с другими модальностями)

число нейтральных меток могут указывать на высокую значимость невербального канала в выражении и распознавании эмоций, но при этом на неспецифичность мимических выражений и жестов и отсутствие их однозначного соответствия с конкретной эмоцией. Эмоция страха не была найдена ни в одном фрагменте, поэтому далее в анализе она не рассматривалась.

На основе полученной разметки мы предприняли попытку проследить возможные закономерности во взаимодействии визуальной, интонационной и вербальной модальностей в проявлении эмоций. Полное совпадение мультимодальных меток было выявлено для 146 фрагментов (из 332), из них 140 — нейтральная эмоция, 1 — удивление, 4 — радость и 1 — грусть. В аннотациях остальных единиц наблюдается согласованность между метками хотя бы в двух модальностях.

В качестве основной, наиболее репрезентативной метки мы рассматривали эмоцию, определенную в ходе просмотра полноценного видеофрагмента, и провели сравнение мультимодальных меток с ней, а также мультимодальных меток друг с другом. Ниже приведены результаты подсчета частоты совместной встречаемости основной эмоциональной метки, присвоенной полному фрагменту (по горизонтали), с метками отдельных модальностей (по вертикали) в процентах (табл. 8–10).

Таблица 8

*Совместная встречаемость эмоций
в аннотациях полного фрагмента и аудиомодальности*

Полный фрагмент / только аудио	Нейтральная	Радость	Грусть	Злость	Удивление	Отвращение
Нейтральная	88 %	0,9 %	2,3 %	0,5 %	3,2 %	0 %
Радость	56,7 %	40 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Грусть	40 %	0 %	50 %	0 %	0 %	0 %
Злость	35 %	0 %	0 %	30 %	10 %	0 %
Удивление	57 %	0 %	0 %	0 %	42,8 %	0 %
Отвращение	66,7 %	0 %	0 %	0 %	0 %	33,3 %

Так, например, всего 30 фрагментов были отнесены к эмоции радости (см. табл. 7), из них 56,7 % получили метку «нейтральная

эмоция», когда оценка производилась только с опорой на голос говорящего, а для 40 % основная эмоциональная метка и аудиометка совпали (табл. 7, строка 2).

Таблица 9

*Совместная встречаемость эмоций
в аннотациях полного фрагмента и визуальной модальности*

Полный фрагмент / только видео	Нейтральная	Радость	Грусть	Злость	Удивление	Отвращение
Нейтральная	76,2 %	4,1 %	0 %	1,4 %	4,1 %	0,5 %
Радость	26,7 %	46,7 %	0 %	3,4 %	10 %	0 %
Грусть	50 %	5 %	5 %	0	15 %	0
Злость	50 %	10 %	0 %	10 %	10 %	0 %
Удивление	42,9 %	28,6 %	0 %	0 %	28,6 %	0
Отвращение	100 %	0	0	0	0	0

Таблица 10

*Совместная встречаемость эмоций
в аннотациях полного фрагмента и текста*

Полный фрагмент / только текст	Нейтральная	Радость	Грусть	Злость	Удивление	Отвращение
Нейтральная	89,6 %	3,6 %	0,45 %	0,9 %	3,2 %	0,9 %
Радость	46,7 %	50 %	0 %	0 %	3,4 %	0 %
Грусть	65 %	0 %	35 %	0 %	0 %	0 %
Злость	45 %	0 %	5 %	20 %	20 %	0 %
Удивление	14,3 %	0 %	0 %	0 %	71,4 %	0 %
Отвращение	33,3 %	0 %	0 %	0 %	0 %	66,7 %

Мы обратили внимание на факт пересечения эмоции злости с удивлением по всем рассматриваемым модальностям. Наибольшее число пересечений наблюдается между основной меткой полного фрагмента и аннотацией текста: текст 20 % фрагментов, отнесенных к злости, был маркирован эмоцией удивления. Рассмотрим следующее предложение: *Мне очень смешно от того, что*

плюс-сайз модели на самом деле типа выглядят как нормальные женщины, но почему-то они считаются плюс-сайз. Действительно, в данном предложении мы обнаруживаем вербализацию удивления: использование говорящим слова *почему-то* указывает на непонимание причин описываемой ситуации, при этом эксплицитное выражение общего к ней отношения (*мне очень смешно от*) позволяет исключить возможность отнесения предложения к грусти. Однако как полный видеофрагмент, содержащий данное высказывание, так и аудиомодальность в отдельности были маркированы разметчиками как злость. В предложении *Вот я ходила, между прочим, по Зеленогорску, и люди первый раз видели косынку, понимаете?* разметчики также распознали удивление, маркированное вопросительной структурой, обращенной к собеседнику как бы в поиске подтверждения удивительности факта. Интонация, с которой говорящий произнес данное предложение, также получила эмоциональную метку «удивление», а вот невербальное поведение по видео без звука, как и полный видеофрагмент, были размечены как «злость». В качестве еще одного примера рассмотрим следующее предложение: *Ну, короче, я не понял смысла рекламы, реклама должна продавать товар, товара никакого нет, что она продает?* В нем также присутствует вопросительная структура, завершающая цепочку рассуждений говорящего и указывающая на удивление и непонимание, но, как и в предыдущих примерах, высказывание, рассмотренное в мультимодальном контексте, распозналось разметчиками как злость.

Итак, предложенный подход к разметке позволил отследить некоторые особенности взаимодействия между модальностями: предложение может содержать вербальные маркеры, довольно однозначно указывающие на определенную эмоцию (в проанализированных выше случаях — удивление; вербальным маркерам других эмоциональных классов посвящена работа [1]), однако при их рассмотрении в контексте коммуникации и в совокупности с невербальными сигналами (интонация, жесты и мимика) последние могут оказаться более значимыми факторами для определения эмоционального состояния говорящего, что можно рассматривать как подтверждение идеи о неравнозначном влиянии разных модальностей на восприятие эмоций.

Ниже представлена статистика совпадения эмоциональных меток попарно между всеми анализируемыми модальностями (табл. 11). Из данного анализа были исключены пересечения нейтральных меток, так как они представляют наименьший интерес.

Таблица 11

Статистика совпадения мультимодальных меток

Параметры	Полный фрагмент	Только текст	Только аудио	Только видео
Полный фрагмент	—	41,25 %	38,75 %	23,75 %
Только текст	41,25 %	—	26,25 %	11,25 %
Только аудио	38,75 %	26,25 %	—	22,5 %
Только видео	23,75 %	11,25 %	22,5 %	—

Заметим, что реже всего одинаковые эмоции читались одновременно в тексте и невербальном поведении: 11,25 % из 80 эмоциональных фрагментов. Такая статистика в совокупности с рассмотренными выше случаями пересечения злости и удивления указывает направление для дальнейшего анализа: вероятно, в некоторых проявлениях эмоций наблюдается рассогласованность вербального и невербального каналов, когда они рассматриваются по отдельности, что, однако, не вызывает у реципиента диссонанса, поскольку, когда ему доступна вся совокупность мультимодальной информации, она позволяет ему трактовать эмоцию однозначно. Значит, один или несколько каналов оказываются более значимыми, чем другие. Для получения более детальных выводов о закономерностях взаимодействия вербальных и невербальных сигналов при выражении разных эмоций требуется анализ более объемного корпуса эмоциональных видеозаписей.

Результаты апробации метода мультимодальной разметки также указали на возможные способы совершенствования процедуры сбора и аннотации эмоционального корпуса. Большое число нейтрально маркированных фрагментов и невысокая согласованность между тремя разметчиками могут являться следствием использования набора данных, максимально отражающего естественную речь, при сборе которого направленного воздействия на эмоции не осуществлялось. С одной стороны, такие данные представляют наибольший интерес как для изучения эмоциональных проявлений человека, так и в качестве материала для обучения моделей автоматического распознавания, которые в практическом применении столкнутся именно с естественными, а не по-актерски сыгранными эмоциями. По результатам разметки нейтральное состояние в таких записях очевидно преобладает, что говорит о необходимости более тщательного предварительного

отбора заведомо эмоциональных отрывков до этапа аннотации. Однако в таком случае сложно исключить вероятность предвзятого отбора, опирающегося на индивидуальное представление и ощущение, что может опять же сказаться на репрезентативности корпуса. Решением этой проблемы, на наш взгляд, может стать разработка процедуры сбора эмоционального корпуса, которая обеспечит баланс между контролируемостью условий и спонтанностью, естественным характером проявления эмоций. Массив полученных в текущем исследовании эмоционально нейтральных фрагментов может составить основу для расширенного новыми данными корпуса.

Рассогласованность аннотаторов, скорее всего, является следствием смешанного характера естественных эмоциональных проявлений. Для отражения данной особенности спонтанных эмоций стоит рассмотреть использование множественных эмоциональных меток, которые присваиваются фрагменту в порядке их значимости, или же замену категориальных меток на оценки вероятности присутствия той или иной эмоции, что, однако, может значительно усложнить обработку и обобщение полученных данных.

* * *

Таким образом, апробация мультимодального подхода к разметке корпуса эмоциональной речи показала перспективы его использования для изучения закономерностей взаимодействия модальностей при выражении и восприятии эмоций. Из полученных данных можно предположить, что для эмоции злости большую значимость имеют интонация и мимика, нежели прямое вербальное выражение. При этом также стоит обратить внимание на выявление параметров разграничения злости и удивления. На основании результатов проведенного исследования планируется разработать и опробовать процедуру сбора корпуса эмоциональной речи, которая позволит получить более репрезентативные данные, осуществить его мультимодальную разметку и подтвердить или опровергнуть выдвинутые в данной работе предположения.

2. *Bagher Zadeh AA, Pu Liang P. et al.* Multimodal language analysis in the wild: CMU-MOSEI dataset and interpretable dynamic fusion graph // Proceedings of the 56th annual meeting of the association for computational linguistics : [2 vols.]. Melbourne, 2018. Vol. 1. Long Papers. P. 2236–2246.
3. *Bharti D., Kukana P.* A Hybrid Machine Learning Model for Emotion Recognition From Speech Signals // 2020 International Conference on Smart Electronics and Communication (ICOSEC). Trichy, India, 2020. P. 491–496.
4. *Busso C., Bulut M. et al.* IEMOCAP: Interactive Emotional Dyadic Motion Capture Database // Language Resources and Evaluation. 2008. Vol. 42 (4). P. 335–359.
5. *Busso C., Narayanan S.* Recording audio-visual emotional databases from actors : A closer look // In Proceedings of the Second International Workshop on Emotion: Corpora for Research on Emotion and Affect, International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2008). Marrakech, 2008. P. 17–22.
6. *Doctor F., Karyotis C., Iqbal R., James A.* An Intelligent Framework for Emotion Aware E-Healthcare Support Systems // In 2016 IEEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI). 2016. P. 1–8.
7. *Ekman P. E, Davidson R. J.* The Nature of Emotion: Fundamental Questions. Oxford, 1994. 496 p.
8. *Kadiri S. R., Alku P.* Subjective Evaluation of Basic Emotions from Audio-Visual Data // Sensors. 2022. Vol. 22 (13). P. 1–13.
9. *Keltner D., Sauter D., Tracy J., Cowen A.* Emotional Expression: Advances in Basic Emotion Theory // J. of Nonverbal Behavior. 2019. Vol. 43 (2). P. 133–160.
10. *Keltner D., Tracy J., Sauter D. A., Cordaro D. C.* Expression of emotion // Handbook of Emotion. N. Y., 2016. P. 467–482.
11. *Kotov A., Budyanskaya E.* The Russian Emotional Corpus: Communication In Natural Emotional Situations // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежег. междунар. конф. «Диалог» : в 2 т. Вып. 11 (18). М., 2012. Т. 1. Основная программа конференции. С. 296–307.
12. *Lee M. C., Chiang S. Y., Yeh S. C. et al.* Study on Emotion Recognition and Companion Chatbot Using Deep Neural Network // Multimedia Tools and Applications. 2021. 9. P. 14001–14018.
13. *Livingstone S. R., Russo F. A.* The Ryerson Audio-Visual Database of Emotional Speech And Song (Ravdess): a Dynamic, Multimodal Set of Facial and Vocal Expressions in North American English // PLOS One. 2018. № 13 (5). P. 1–35.
14. *Pérez-Rosas V., Mihalcea R., Morency L.-P.* Utterance-Level Multimodal Sentiment Analysis // Proceedings of the 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics : [2 vols.]. Sofia, 2013. Vol. 1. Long Papers. P. 973–982.
15. *Picard R. W.* Affective Computing // M.I.T. Media Laboratory Perceptual Computing Section Technical Report. 1995. P. 1–26.
16. *Savchenko A. V.* Facial Expression and Attributes Recognition Based on Multi-Task Learning of Lightweight Neural Networks // SISY 2021 — IEEE 19th International Symposium on Intelligent Systems and Informatics, Proceedings. Inst. of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2021. P. 119–124.
17. *Shiqing Zhang, Yijiao Yang et al.* Deep Learning-Based Multimodal Emotion Recognition From Audio, Visual, and Text Modalities: A Systematic Review of Recent Advancements and Future Prospects // Expert Systems with Applications. 2024. № 237, Part C. P. 1–23.

18. Wenmeng Yu, Hua Xu et al. CH-SIMS: a Chinese Multimodal Sentiment Analysis Dataset with Fine-Grained Annotation Of Modality // In Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Online : Association for Computational Linguistics, 2020. P. 3718–3727.

9.2. Распознавание речи в корпусе аудиозаписей торговых представителей: проблемы, решения и исследовательские перспективы²

В настоящее время автоматическое распознавание речи окружает нас повсюду — мы пользуемся распознаванием голосовых сообщений в социальных сетях, с помощью него обращаемся к голосовым помощникам и даже можем ввести текст для перевода при помощи голоса. Эта относительно молодая область обработки естественного языка (natural language processing или NLP) зародилась в 1950-е гг., однако качество ее инструментов значительно улучшилось с развитием машинного обучения [2].

Несмотря на повсеместное использование автоматического распознавания речи, существует не так много моделей, позволяющих решать эту задачу на материале русского языка. Например, если на платформе *Hugging Face* для английского языка загружено 673 модели распознавания речи, то для русского языка — 130, почти в пять раз меньше [8]. Особую трудность при распознавании речи создает словообразование русского языка. Из-за наличия приставок, суффиксов и окончаний необходимо иметь большой распознаваемый словарь, что приводит к снижению точности и скорости работы. В русском языке отсутствует жестко заданный порядок слов, что также создает технические трудности. Как следствие, модели с хорошими показателями точности на английском языке могут не показать тех же результатов для русского языка [1].

Более того, часто решение задачи автоматического распознавания речи необходимо не только для расшифровки бытового дискурса, но и в более специфических коммуникативных областях, где возникают эргонимы, профессиональный сленг и жаргон. Например, многие компании уже используют технологии

² В работе использованы результаты проекта «Текст как Big Data: моделирование конвергентных процессов в языке и речи цифровыми методами», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

автоматического распознавания речи для аналитики телефонных звонков, автоматизации работы колл-центров, создания скриптов совещаний — в каждой из этих сфер специфическая исключительно для данной сферы лексика создает серьезные трудности для модели и провоцирует ошибки.

Первые работы по моделям автоматического распознавания речи были опубликованы в 1960-е гг. В них уже тогда началось обсуждение эффективности применения марковских моделей. В дальнейшем основы теории были развиты Л. Е. Баумом и его коллегами [4], а затем применены на практике компанией IBM и Ф. Елинеком [9].

Широко скрытые марковские модели начали применяться только в конце 1980-х гг. В 1990-х гг. *Hidden Markov Models* (HMM) были улучшены с помощью комбинации HMM и нейронных сетей, что привело к улучшению точности распознавания речи [15]. Однако HMM имеют некоторые недостатки, включая ограниченность в моделировании долгосрочных зависимостей и сложность в подборе оптимальных параметров модели. В последние годы наиболее эффективными методами стали глубокое обучение и рекуррентные нейронные сети, которые позволяют достигать высокой точности распознавания речи на английском языке [7].

Автоматическое распознавание речи становится все более популярным и среди представителей бизнеса, поскольку помогает решить аналитические задачи и сэкономить производственные ресурсы. Так, при помощи автоматического распознавания речи можно быстро обрабатывать диалоги продавцов с их клиентами, выполнять саммаризацию полученного текста, категоризировать запись при помощи поиска специфичных для области ключевых слов и определить эмоцию при помощи тона [6].

Целями данного исследования являются обзор существующих для русского языка методов автоматического распознавания речи и анализ эффективности их применения для маркетинговой коммуникации (речи торговых представителей дистрибьюторской компании). Материал — 1500 записей диалогов между торговыми представителями дистрибьюторской компании и их клиентами (примерно 12 ч 24 мин), которые были предоставлены компанией-партнером. Предмет исследования — специфика моделей автоматического распознавания речи для русского языка и особенности их реализация в отрасли маркетинга.

Были поставлены следующие задачи:

— Изучить основные методы автоматического распознавания речи, существующие для русского языка.

— Выявить особенности реализации автоматического распознавания речи в маркетинге, осветить трудности и перспективы развития.

— Оценить эффективность применения автоматического распознавания речи в маркетинге.

Для достижения поставленных задач использованы следующие методы: сравнительный анализ моделей и технологий автоматического распознавания речи для русского языка; пилотный анализ трудностей и ошибок, возникающих в процессе автоматического распознавания аудиозаписей диалогов торговых представителей и их клиентов.

В настоящее время большинство дистрибьюторских компаний работает по системе B2B (buyer-to-buyer), то есть для продвижения дилерской продукции торговым представителям компании необходимо непосредственно лично коммуницировать с клиентами. Наша компания-партнер записывает диалоги между торговыми представителями и клиентами — пункт о записи указан в договоре о трудоустройстве, однако на сегодняшний момент эти записи никак не используются для повышения качества обслуживания и увеличения продаж или изредка обрабатываются с привлечением человеческих ресурсов. На данный момент проект находится на первом этапе — мы анализируем и сравниваем различные модели для распознавания речи торговых представителей.

Отметим несколько специфических черт датасета: аудиозапись начинается, когда торговый представитель заходит в приложение для составления накладной на своем рабочем планшете, что может создавать несколько проблем для дальнейшего распознавания речи:

1. В аудиофайле отсутствует речь. Например, если торговый представитель находится в офисе и включает приложение, то аудио начинает записываться, хотя торговый представитель не коммуницирует с клиентом.

2. Нерелевантные данные. Приложение на планшете торгового представителя может быть включено в машине по пути на заказ, когда он говорит по телефону с подругой о знаках зодиака, или дома, когда он делает уроки с детьми. Такие данные также не являются репрезентативными для нашего исследования.

3. Аудиофайл пустой. В датасете также оказались файлы с нулевым весом. Как объяснили представители компании, такое может происходить, если торговый представитель самостоятельно отключил доступ к микрофону на рабочем планшете. На финальных этапах проекта программа должна распознавать такие файлы

и отправлять предупреждения торговому представителю, поскольку своими действиями он нарушает трудовой договор.

4. В аудиофайле много шумов. Поскольку представители дистрибьюторской компании выезжают непосредственно на точки, то часто в там может быть шумно, может играть музыка, а торговый представитель может прикладывать планшет к пуховику.

Для решения этих проблем мы выполнили предобработку данных, и подобные аудиозаписи не попали в рабочий датасет. Аудиофайлы, не имеющие веса, были удалены при помощи модуля `os.path.getsize` (был использован для определения веса файла, если вес был равен нулю, то файл удалялся при помощи `os.remove`). В решении проблемы с аудиофайлами, в которых отсутствует речь, и с «шумными» аудиозаписями мы использовали библиотеку *Librosa*. Она позволяет извлекать различные характеристики звука, такие как частоты, темп, тон, громкость и многое другое. Одной из основных функций библиотеки является удаление записей, не содержащих речь.

Функция `librosa.effects.trim()` позволяет обрезать аудиофайлы, удаляя части записи, которые не содержат речь. Функция `librosa.effects.de_noise` позволяет убрать шумы из звукового файла. Она основана на методе удаления шума из изображений, называемом “Wavelet denoising” [12].

В рамках исследования нам было интересно понаблюдать, как модели автоматического распознавания речи работают для разных категорий записей, содержащихся в нашем датасете. Были выделены следующие признаки категорий:

1. Гендер: торговый представитель — женщина или торговый представитель — мужчина.
2. Ситуация: диалог по телефону или личный диалог с клиентом.
3. Качество аудио: плохая или хорошая слышимость.

Для решения задачи автоматического распознавания речи были рассмотрены четыре модели: *Google Speech Recognition*, *VK*, *NEMO*, *Whisper*.

Google Speech Recognition представляет собой одну из самых популярных моделей распознавания речи, разработанных компанией *Google*. Модель *Google Speech Recognition* начиная с 2020 г. использует разработку *Conformer Speech Model*. Эта технология комбинирует сверточные нейронные сети (*Convolution neural network*) и модели-трансформеры (*Transformer models*) для лучшего распознавания речи.

Аудиокодер сначала обрабатывает входные данные с помощью слоя субдискретизации, а затем с помощью ряда других согласующихся блоков. Однако отличительной особенностью модели является использование *Conformer blocks* вместо *Transformer blocks*. Такой блок состоит из четырех модулей, сложенных вместе: модуль прямого распространения (*feed-forward module*), модуль самовнимания (*self-attention module*), сверточный модуль (*convolution module*) и второй модуль прямого распространения (*second feed-forward module*) [5]. Стоит также учитывать, что использование модели платное: пользователи могут распознавать бесплатно не более 60 мин каждый месяц.

VK, также известная как *ВКонтакте*, ведет активные исследования в области распознавания речи и предлагает собственную модель для этой цели. С начала 2020 г. *VK* ведет разработку собственной технологии, а с сентября 2022 г. эта технология появилась в свободном доступе. Для распознавания можно выбрать одну из двух моделей: нейтральную для разборчивой речи и спонтанную для речи со сленгом и ненормативной лексикой [3].

NeMo (Neural Modules) — это открытая библиотека, разработанная компанией *NVIDIA*, которая предлагает гибкий мощный фреймворк для разработки и обучения моделей распознавания речи. В рамках исследования мы опробовали модель *QuartzNet*, которая основана на архитектуре *Jasper*. Она представляет собой сверточную модель, обученную при помощи СТС (*Connectionist Temporal Classification*). Модель представляется наиболее перспективной для исследования, поскольку позволяет изменять словарный запас, используемый в процессе декодирования СТС. Этот метод изменяет только декодер и оставляет неизменными модули кодирования и предварительной обработки [10].

Также нами была опробована модель *Whisper* от *OpenAI*. *Whisper* — это система автоматического распознавания, обученная на основе 680 тыс. часов многоязычных и многозадачных контролируемых данных, собранных из Интернета. По словам разработчиков, использование такого большого разнообразного набора данных приводит к повышению устойчивости к акцентам, фоновому шуму и техническому языку. Входной звук разбивается на 30-секундные фрагменты, преобразуется в логарифмическую спектрограмму, а затем передается в декодер. Декодер обучается предсказывать соответствующую текстовую подпись, смешанную со специальными токенами, для выполнения таких задач, как идентификация языка, временные метки на уровне фраз, многоязычная транскрипция речи [14].

Для оценки эффективности моделей распознавания речи мы воспользовались показателем WER — он рассчитывает частоту ошибок в словах. Этот метод использует расстояние Левенштейна — метрику, измеряющую по модулю разность между двумя последовательностями символов [11]. Именно WER считается отраслевым стандартом для распознавания речи.

Метрика рассчитывается по формуле

$$WER = \frac{S+D+I}{N} = \frac{S+D+I}{S+D+C},$$

где S — количество замен, D — количество удалений, I — количество вставок, C — количество корректных слов, N — количество слов в исходной строке.

В рамках исследования мы рассмотрели все четыре модели для наших данных без дообучения. Интересно, что некоторые модели распознают не только речь торгового представителя (чего было бы достаточно для задачи), но и речь его собеседника, поэтому мы посчитали два средних показателя WER — для распознавания только речи торгового представителя и для распознавания речи как торгового представителя, так и его собеседника (рис. 6).

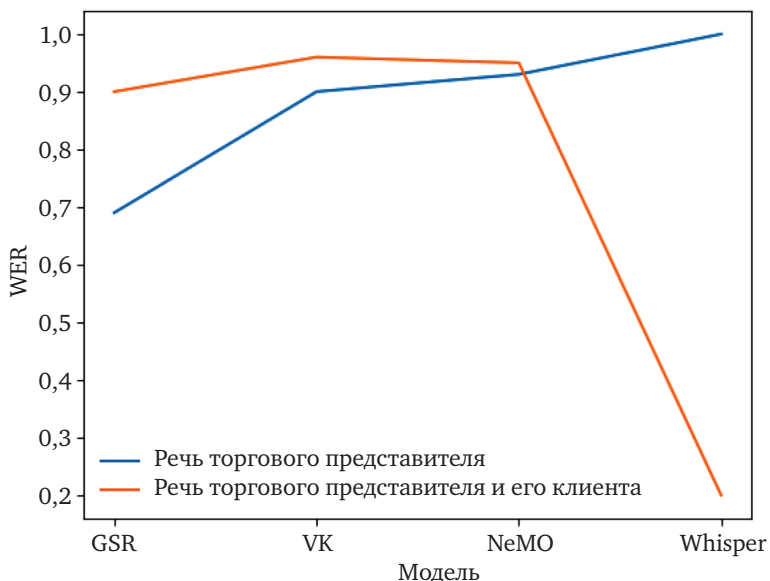

Рис. 6. Сравнение WER для выбранных моделей автоматического распознавания речи

Таким образом, модель *Whisper* оказывается самой эффективной при распознавании диалогической речи ($WER = 0,27$): ей удается хорошо распознать не только торгового представителя, но и его клиента. Поскольку этот факт может расширить границы применения транскрипта для дистрибьюторской компании, в рамках исследования мы остановились именно на этой модели.

Далее мы рассмотрели примененную нами модель на различных категориях записей в датасете. В качестве эталона точности автоматического распознавания речи, как правило, используют показатель основной истины (*ground truth*). GT — это 100 % точная транскрипция, обычно предоставляемая человеком, которую мы используем для сравнения и измерения точности транскрипта, полученного при автоматическом распознавании речи [13]. Например, при сравнении *ground truth* и транскрипции, созданной *Whisper*, для разговора «вживую» с хорошей слышимостью получаем довольно низкий средний показатель $WER = 0,25$. Рассмотрим один из примеров.

(1) *Ground truth*: *Вот говорили вот в пятницу у нас **планерка** была, что вот-вот-вот-вот придет, пока нету. Сейчас задам вопрос. Может быть сегодня она и будет. Света, Акконд когда придет? Куда на приход поставит-то этого? Так, сейчас с Аккондом чуть-чуть попозже давайте. Может быть, он сегодня вечером придет и тогда я хоп мы с вами и добавлю. Ну запишу, что нужно. Прямо свеженькие если конфетки будут. Так... Ага, есть. Угу. Угу. Есть. Так. Есть ответ. Да, сейчас еще скажу, что есть по снежке. Тоже еще. Есть черная смородина один килограмм, может не прийти. Тоже кто-то выбил. Еще абрикос и апельсин. Угу. Угу. В глазури есть? Зебра? Есть. Еще какой зефир есть? Яблоко весовое, розовенькое кольцо тоже вкусное. Мармелада куча, да? Так, с кофе есть, да, печенье? Вот оно. По Рахату, по карамелькам еще есть куча, да? Конфеты? У нас зима, конфет нет — одна карамель. А у меня тоже нету барбариса — он пришел, его же быстро разобрали. Я тогда пока заявку вашу отправляю.*

Whisper: *Мы говорили в пятницу, вот у нас **планировка** была, что вот-вот, вот-вот, придет, пока нету. Сейчас, погодам, просто вот. Может быть, сегодня она и будет. Итак, он когда придет у нас? Когда на приход поставят его? Может быть, он сегодня вечером придет, я тогда с вами, хоп, я ей добавлю. Ну, запишу, что нужно. Прямо свеженький, если конфетки будут. Так, ага, есть. Угу, есть. Есть. Так. Есть **атлет**. Да, сейчас скажу, что есть по Снежке, тоже еще. Есть черная смородина, да, один килограмм,*

может не прийти, вдруг уже кто-то выбил. Есть еще абрикосы, апельсин. Угу. Угу. Еще. Глазурь. Есть. Вебра. Есть. Еще какой зефир есть? Яблоко есть весовое. Розовенькое кольцо вот это вот, тоже вкусное. Все тогда. Мармелада куча, да? Угу. Так, кофе есть, да, печенье? Вот так. Парохату по карамелькам пока есть, да, еще куча. Конфеты? У нас зима, конфет нет. Одна, одна карамель. А у меня тоже нет Барбариса, он пришел, его же быстро очень разобрали. Я тогда пока заявку вашу отправляю.

В данном примере *Whisper* справился практически со всеми словами профессионального сленга — например, «снежка», однако проблемы возникли с названиями торговых марок «Акконд» (модель пропустила) и «Рахат» (в оригинале было «по рахату», *Whisper* же указал «Парохату»). Также модель неправильно распознала некоторые другие слова. Например, «ответ» («атлет»), «зебра» («вебра») или «планерка» («планировка»). Что касается распознавания телефонного разговора с хорошей слышимостью, то получаем довольно высокий средний показатель WER — 2,5. Это происходит потому, что модель начинает распознавать речь не только торгового представителя, но и его собеседника. Рассмотрим на примере.

(2) Ground truth: *Нет, у нас Рахат будет приход только к первому февралю. Да. Сейчас пока только карамель есть в наличии. Так. Угу. Угу. Так, ага, поставила. Поставила. Нету, нету. Угу, есть. Угу. Ага, есть. Поставила. Нет, к 1 февралю. А как появится — я там сама буду обзванивать всех. И фруктовая есть еще, и Рахат в шоколаде есть. Угу. Хорошо.*

Whisper: Маша, здравте, я тут звоню, вы висите на телефоне. Так, сейчас хотела заявочку от Вас. Толпинку, конфетки не появились? Нет, у нас РАХАТ будет приход только к первому февралю. К первому февралю? Да. Так. Сейчас пока только карамель есть в наличии. Ага. Так. Ну, давайте еще по ставкам я смотрю свои. Зефирка, есть ли зефирное место? Угу. Контех, пряник, домино, место? Так, ага, поставила. Контех, пряник, мятный, место? Поставила. Так. Мармелад, железный сахар и 250 грамм РАХАТовский. Нету, нету. А кубик, мармелад кубика с РСИ 3 вкуса. Угу. Есть. Да, место? Угу. Кленое молоко на топленом молоке, которое печенье. Ага, есть. Поставила. Так, казахстанский бокс 20 граммовый не появился, да? Нет, к 1 февралю. Ну, как появится, я уже там сама буду обзванивать всех. Ага. Так, сейчас по карамели спрошу еще. Карамель, а фруктовая есть или шоколадная РАХАТовская? И фруктовая есть еще, и РАХАТ в шоколаде есть. Ага. РАХАТ

в шоколаде хватает? Фруктовая, фруктовая... Да, фруктовая, в принципе, тоже достаточно. Пока сейчас посмотрю, запасы еще, наверно, есть. Так. Ну, в принципе, пока хватает. Угу. А мы сейчас еще на следующей неделе будем смотреть. Хорошо. Ну, все, парень, отправляйте на завтрак.

В этом примере модель хорошо справилась с названием компании «Рахат» и более того — с прилагательным «рахатовский», которое употребила клиентка. Однако стоит заметить, что если распознавание речи торгового представителя не вызывает трудностей у модели, то речь клиентки распознается хуже. Наша гипотеза состоит в том, что речь клиентки слишком шумная из-за помех динамика телефона. Отдельно стоит отметить, что модель не нормализовала ошибочное склонение названия месяца («к первому февралю») или разговорную форму «здрасьте», что объективно демонстрирует стилистику диалога и кажется интересным объектом дальнейшего лингвистического изучения.

Далее мы рассмотрели показатели эффективности автоматического распознавания речи для записей с плохой слышимостью, сделанных во время личного разговора клиента и торгового представителя. Здесь мы получили средний показатель значительно хуже, чем для таких же записей с хорошей слышимостью. Средний WER составил 0,85. Рассмотрим пример:

(3) Ground truth: *Так, сейчас скажу, что есть. Надо поставить на весы, сфотографировать сколько там будет вес. Чтоб вес было тоже видно на весах. А. Да, вон там? Так есть банан, есть манго. Манго. М-м. Угу.*

Whisper: *Так, сейчас скажи всем есть, не без разницы чем. Надо мне это, сфотографировать на виске, сколько там будет весить. Чтоб вес видно было тоже на весах. А, да, вот там. Так, есть банан, есть манго. Манго. Так, больше ничего нету, да? Ни курики, ни... Ну и вот, значит. А, манго.*

Здесь особенно интересным кажется то, что речь собеседника из-за шума записи распознается очень обрывочно и из скрипта не всегда понятно, кому именно принадлежит реплика. Таким образом, записи личных разговоров с плохой слышимостью являются одними из самых проблемных в нашем датасете.

Сложной задачей для расшифровки также являются записи телефонных разговоров с плохой слышимостью. У них самый высокий средний показатель WER — 2,9. Рассмотрим пример:

(4) Ground truth: *Ну наверно да. Овсянку ничего такого не надо сладкого? Есть. Ананасы — вот я что забыла. ??.* Кузя.

5 штук. Угу. Пурумпумпумпум. Подушки эти надо? Да? А сухари? Ну все.

Whisper: капитаны прикоснется к нашим. На среду, скорее всего, на среду, да? Пряник? Нет. Кузя. А, кузя у вас есть. Смотри, поставь. Пять штук. Пять поставь. И кислинку еще надо дала. Кислинка у Алины, а здесь кузя. Кузя? Да, кузя. Подушки эти надо? Не надо. Не надо. Мы так долго подавали. Сухари? Да. Все. Все.

Интересно, что тут модель хорошо распознала все встречающиеся названия торговых марок и жаргонизмов: «кислинка», «Кузя», «подушки». Однако в целом модель так же, как и в случае с плохой слышимостью, очень обрывочно распознает речь собеседника, что может создавать трудности при дальнейшей обработке скрипта.

В рамках исследования рассматривалась еще одна гипотеза — что речь мужчин будет распознаваться лучше, чем речь женщин, из-за более низких частот мужского голоса. Однако это оказалось не совсем так. Средний показатель WER при хорошей слышимости и личном разговоре для мужчин составил 1,3, в то время как для женщин — 0,2. Подробные данные по остальным категориям представлены на рис. 3. Однако стоит заметить, что полученные данные являются репрезентативными исключительно для нашего датасета, поскольку выборка женских голосов получилась гораздо больше, чем мужских, так как женщин — торговых представителей в компании больше.

Таблица 12

Соответствие среднему показателю WER и категории аудиозаписи

Слышимость	Тип разговора	Пол говорящего	Средний WER
Хорошая	Личный	Ж	0,2
Хорошая	По телефону	Ж	2,3
Хорошая	Личный	М	1,3
Хорошая	По телефону	М	2,9
Плохая	Личный	Ж	0,8
Плохая	По телефону	Ж	2,6
Плохая	Личный	М	1,9
Плохая	По телефону	М	3,1

В табл. 12 приведены сочетания категорий аудиозаписей и их средний WER. Как мы видим, лучше всего модель *Whisper* распознает личный диалог торговых представителей — женщин с их клиентами, в которых практически нет посторонних шумов. А хуже всего — речь мужчин, которые говорят по телефону, а шумы мешают распознаванию.

* * *

Таким образом, в данном исследовании был выполнен краткий обзор существующих для русского языка методов автоматического распознавания речи, а также проведен анализ коэффициента правильности их распознавания для записи устной речи торговых представителей дистрибьюторской компании. Согласно полученным результатам, на данный момент самой эффективной для распознавания речи, осложненного профессиональным жаргоном и сленгом, является модель *Whisper* от *OpenAI*. При этом лингвистический анализ показал, что сложнее всего модели справиться с профессиональным сленгом и с наименованиями марок, поэтому логичным продолжением исследования кажется дообучение модели на пользовательском словаре. Также, посчитав метрику WER, мы выяснили, что самыми трудными для автоматического распознавания речи оказались записи телефонных разговоров плохого качества торговых представителей-мужчин. Для решения этой задачи в будущем будут рассмотрены методы предобработки и шумоподавления для улучшения качества.

1. Ронжин А. Л., Карпов А. А., Ли И. В. Система автоматического распознавания русской речи SIRIUS // Искусственный интеллект. 2005. № 3. С. 590–601.

2. Тампель И. Б. Автоматическое распознавание речи — основные этапы за 50 лет // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. Т. 15, № 6. С. 957–968.

3. Читать не надо слушать: как работает распознавание речи ВКонтакте // Habr : [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/companies/vk/articles/579412/> (дата обращения: 15.10.2023).

4. Baum L. E., Petrie T. Statistical Inference for Probabilistic Functions of Finite State Markov Chains // Ann.Math.Stat. 1966. Vol. 37. P. 1554–1563.

5. Conformer: Convolution-Augmented Transformer for Speech Recognition // ArXiv.org : [website]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2005.08100.pdf> (accessed: 15.10.2023).

6. *Hegdepatil P., Davuluri K.* Business Intelligence based novel Marketing Strategy Approach using Automatic Speech Recognition and Text Summarization // 2nd International Conference on Computing and Data Science (CDS). N. Y., 2021.
7. *Hinton G., Deng L. et al.* Deep Neural Networks for Acoustic Modeling in Speech Recognition: The Shared Views of Four Research Groups // IEEE Signal Processing Magazine. 2006. Vol. 29 (6). P. 82–97.
8. Hugging Face : [website]. URL: <https://huggingface.co> (accessed: 15.10.2023).
9. *Jelinek F.* A Fast Sequential Decoding Algorithm Using a Stack // IBM J. Res. Develop. 1969. Vol. 13. P. 675–685.
10. *Kriman S., Beliaev S. et al.* QuartzNet: Deep Automatic Speech Recognition With 1d Time-Channel Separable Convolutions // ArXiv.org : [website]. URL: <https://arxiv.org/abs/1910.10261> (accessed: 15.10.2023).
11. *Levenshtein V. I.* Binary Codes Capable of Correcting Deletions, Insertions and Reversals // Sov. Phys. Dokl. 1966. Vol. 6. P. 707–710.
12. Librosa : [website]. URL: <https://librosa.org/doc/latest/index.html> (accessed: 15.10.2023).
13. Measure and Improve Accuracy // Google Cloud Speech-to-Text : [website]. URL: <https://cloud.google.com/speech-to-text/docs/measure-accuracy> (accessed: 15.10.2023).
14. *Radford A., Kim J. W. et al.* Robust Speech Recognition via Large-Scale Weak Supervision // Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning. [S. l.], 2023. P. 28492–28518.
15. *Young S., Evermann G. et al.* The HTK book. Cambridge, 2006. Vol. 3. 346 p.

Глава 10

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

10.1. Исследовательский потенциал корпуса советских песен: эмоциональная тональность и география песенных текстов через призму компьютерных технологий¹

В данном разделе речь пойдет о текстах популярных советских песен. Несмотря на кажущуюся развлекательность песенного жанра, его можно сравнить с некоторой «культурноносной» жилой в недрах массового сознания советского человека. А. Н. Веселовский отмечал, что песня, по-видимому, выросла из синкретичного жанра народного обряда, «из эмоциональных кликов древнего хора и коротеньких формул разнообразного содержания как выражение “коллективной эмоциональности”, “группового субъективизма”» [1, с. 291]. Иными словами, песня по самому своему происхождению становится квинтэссенцией социальности и эмоциональности одновременно. Синкретичный по своей природе, этот жанр призван манифестировать нечто сродни «социальному настроению» — эмоциональному отношению к тому, что стоит на пути, что мешает или, напротив, помогает воплощению желаемого в жизнь, по мнению социальной группы [7].

В рамках устоявшихся социальных практик и политических устройств для того, чтобы состояться как таковая, песня требует многих институциональных усилий для преодоления фильтров социальной системы на своем пути: нетабуированный поэт должен написать текст, известный композитор — музыку, популярный

¹ В работе использованы результаты проекта «Текст как Big Data: моделирование конвергентных процессов в языке и речи цифровыми методами», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

исполнитель — сделать запись на студии, наконец, песня должна попасть в трансляцию на радио, телевидение, начать продаваться на материальных носителях и т. д. [6]. Легкомысленно было бы полагать, что в таких условиях песня остается исключительно выразителем коллективного настроения, не становясь продуктом идеологии. Все больше исследований свидетельствуют о тесной связи музыки и политики, где песня служит инструментом в политической и идеологической борьбе — как государства, так и различных социальных групп и сообществ [9; 12; 15].

В то же время характеристики и динамика песни как лингво-социального явления определяются не только целями и идеологическими установками правящих элит, но, вероятно, и большим количеством иных культурных, социальных и экономических факторов, некоторые из которых отмечены в существующей литературе. Так, например, изменение песенных характеристик рассматривается как продукт культурной эволюции, копирования «успешных» песен последующими музыкантами [10], а также изменения жанровых и тематических предпочтений широкой публики [13; 14; 24].

Исходя из данных теоретических посылок нами был собран корпус текстов советских песен, записанных и поступавших в продажу под лейблом фирмы «Мелодия» — государственного монополиста в области музыкальных изданий в советское время. Цель нашего исследования — используя компьютерные инструменты текстового анализа, выявить некоторые тренды в формировании социального настроения, легитимировавшегося, то есть активно продвигавшегося государством в разные периоды существования Советского государства. В данном разделе мы приводим результаты применения двух методов компьютерного анализа текстовых данных — сентимент-анализа и ГИС-технологий. Структура раздела опирается на следующую логику: мы опишем наш корпус, дадим краткую характеристику метода сентимент-анализа и обсудим получившиеся результаты, затем опишем метод определения геолокации именованных сущностей в тексте и вновь продемонстрируем некоторые результаты.

Описание корпуса

Данные о треках лейбла «Мелодия» извлекались с сайта discogs.ru. Так как на нем отсутствуют тексты песен (треков), они были дополнительно скачаны с сайта *TextyPesenok* и присоединены

к датасету, после чего он был отфильтрован так, чтобы остались только треки, для которых есть текст. В итоге датасет включал в себя следующую информацию:

- `df_id` — ID трека в таблице;
- `year` — год записи альбома;
- `track_title` — название трека;
- `artists_text` — автор(ы) трека;
- `genres` — жанр(ы);
- `styles` — поджанр(ы);
- `extraartists` — дополнительные участники релиза (художники, редакторы, авторы текста, авторы музыки и т. д.);
- `lyrics_text` — текст песни.

Итоговый датасет составил 6060 песен.

На рис. 7 отображено распределение песен по годам (5311 песен, основные реперные точки — 1960-е, 1980-е, 2000-е гг., для остальных год не был указан).

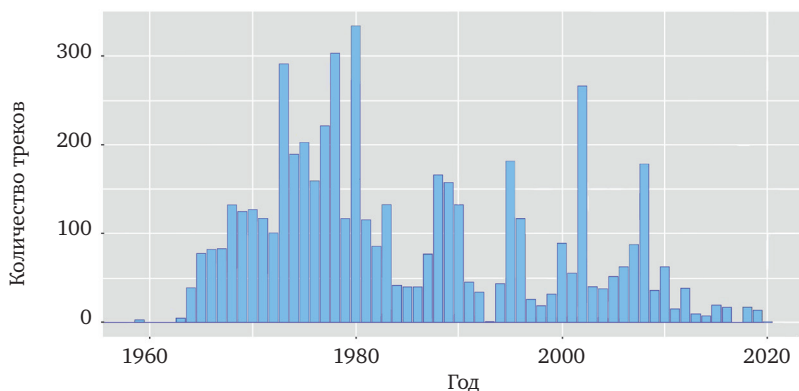

Рис. 7. Распределение песен корпуса по годам

Как можно заметить, материал ограничен периодом 1959–2020 гг. При этом его распределение неравномерно: так, в корпусе существуют пробелы (1960–1962, 1993, 2017 гг.), и, наоборот, некоторые периоды представлены значительно большим количеством песен (1973, 1978, 1980 гг.). В целом можно сказать, что песни корпуса в основном относятся к советскому периоду — это подтверждает и показанное на рис. 8 распределение треков по периодам.

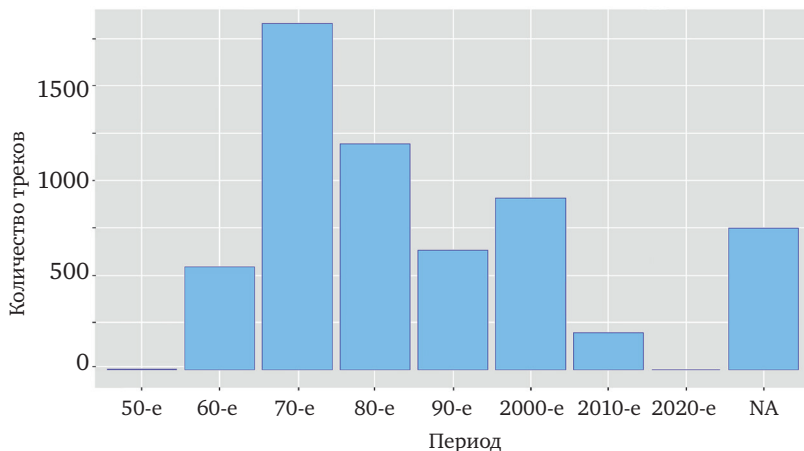

Рис. 8. Распределение песен корпуса по десятилетиям

Мы видим, что большая часть песен относится к периоду 1970–1980-х гг. Помимо этого, среди треков встречается значительное количество песен 2000-х гг. — они составляют основную долю постсоветской части корпуса. Наконец, в корпус практически не вошли песни 1950-х и 2020-х гг.

Что касается жанров, информация о них имеется для всех песен. Распределение треков по жанрам отображено ниже (рис. 8).

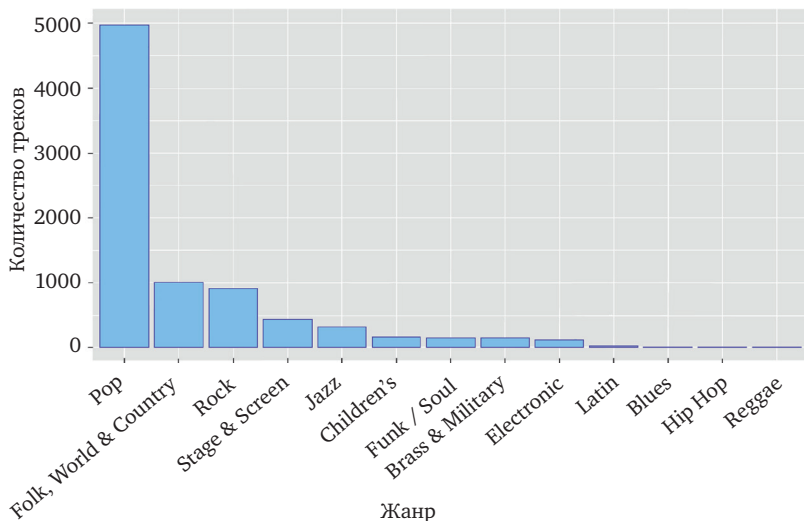

Рис. 9. Распределение песен корпуса по жанрам

Всего в корпусе представлены 13 категорий жанров. Жанровое распределение в корпусе также неравномерно: на первом месте — песни в жанре «поп» (популярная эстрада, 80 %), народная и этническая музыка и кантри и рок занимают 2-е и 3-е места по частотности. Корпус, таким образом, включает по большей части поп-музыку, а также народную музыку (или фолк) и рок.

Всего в корпусе представлено 1162 исполнителя. При этом для многих из них имеется крайне малое количество треков. В частности, одной песней представлено более половины списка — 602 исполнителя. Еще меньшее количество имеет по крайней мере пять песен (среднее количество на исполнителя) — это 259 исполнителей. В то же время существуют исполнители, представленные значительным количеством треков. Ниже представлены данные об исполнителях, которым принадлежит наибольшее число песен (табл. 13).

Таблица 13

Исполнители, которым принадлежит наибольшее число песен

Ранг	Исполнитель	Количество песен в корпусе
1	Владимир Высоцкий	346
2	Муслим Магомаев	129
3	Людмила Зыкина	100
4	Майя Кристалинская	99
5	София Ротару	94
6	Иосиф Кобзон	90
7	Алла Пугачева	81
8	Александр Вертинский	72
8	Леонид Утесов	72
10	Эдита Пьеха	68
10	Александр Розенбаум	68

Как можно заметить, список возглавляют известные советские исполнители. Это позволяет заключить, что большую часть выборки составляют песни известных исполнителей советской музыкальной сцены.

Сентимент-анализ текстов песен

Сентимент-анализ — широко известный сегодня метод анализа текстовых данных. Первые работы, апеллирующие к термину «сентимент-анализ», были опубликованы еще в начале XX в. [10–12], однако можно сказать, что только в последние годы появились валидные инструменты для получения адекватных результатов, в том числе для русского языка [5; 15].

Под сентиментом в компьютерных лингвистических исследованиях понимается интенсивность выраженной в тексте субъективной оценки говорящим некоторой ситуации, объекта или его аспектов по шкале «хорошо — плохо». Так, под позитивной тональностью понимается общая удовлетворенность положением дел, например: *Мне фильм понравился: крутой сюжет, классные актеры, вдохновляющий саундтрек.*

Негативная тональность отражает неудовлетворенность ситуацией, положением дел: *Скукотаища невероятная — настоящая мьяльная опера. пожалела, что пошла.*

Нейтральная тональность — это такой способ выражения мнения, который не дает возможности сделать однозначный вывод об общей оценке положения дел говорящим: *Это фильм про приключения двух друзей, приехавших в отпуск. Оказавшись на море, они знакомятся с подружками Леной и Катей. Любовных сцен в фильме мало, но зато много моря и панорамных съемок.*

Хотя приведенные выше контексты с разными тональностями относятся к интернет-дискурсу, сегодня сентимент-анализ успешно применяется и к художественным [13], и к академическим текстам [14], поэтому его применение считаем вполне обоснованным и для анализа песенных текстов.

Для решения задачи определения сентимента обычно применяется один из трех методов: на основе словарей, правил или при помощи предобученных на размеченных датасетах моделей. В нашем случае применялась модель *FastText*, обученная на датасете *RuSentiment*, который состоит из постов социальной сети *ВКонтакте*. Эта модель позволяет классифицировать тексты как позитивные, нейтральные или негативные, а также определяет речевые акты, неявные случаи или «шумные тексты» [23]. Определение сентимента было сформулировано как задача классификации.

Обработка текстов производилась при помощи скрипта на языке *Python* с использованием библиотек *dostoevsky* (содержит

модель *FastText*) [23], *rumystem3* [Ibid.] и *nltk* (предобработка текста для создания частотных словарей) [Ibid.]. Они будут представлены далее. Ниже показано распределение текстов корпуса по полярности (табл. 14, рис. 10).

Таблица 14

Полярность текстов корпуса

Полярность	Количество текстов
Позитивная	1 665
Нейтральная	1 354
Негативная	2 725

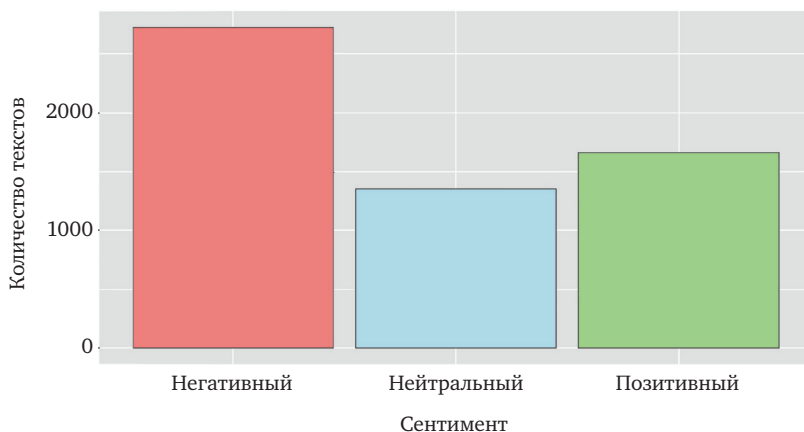

Рис. 10. Изменения полярности текстов корпуса

Как можно заметить, большую часть корпуса составили песни с негативной тональностью — их количество практически вдвое превышает количество позитивных и негативных текстов. Это различие может быть связано с тематикой песен: так, среди популярных сюжетов часто встречаются любовные, в том числе и повествующие о несчастной любви или расставании; помимо этого, песни как лирический жанр, вероятно, во многом меланхоличны по характеру.

Для того, чтобы проверить, о чем чаще всего идет речь в песнях с негативной и позитивной тональностью, для них был составлен частотный словарь. Ниже показаны 15 наиболее частотных слов (табл. 15).

Таблица 15

Наиболее частотные по тональности слова

Ранг	Позитивная лемма	Частотность	Негативная лемма	Частотность
1	Любовь	1 768	Любовь	1 609
2	Любить	1 200	Земля	1 369
3	Сердце	1 009	День	1 297
4	Песня	997	Год	1 085
5	Друг	926	Знать	1 063
6	День	816	Ночь	1 000
7	Слово	688	Сердце	977
8	Жизнь	679	Мочь	976
9	Свет	649	Идти	960
10	Счастье	619	Слово	957
11	Знать	616	Друг	932
12	Земля	592	Любить	898
13	Год	583	Становиться	846
14	Звезда	566	Сказать	838
15	Небо	564	Жить	832

Для песен обеих тональностей темы любви и времени оказываются общими; слово *любовь* при этом наиболее частотно и для позитивных, и для негативных песен. Однако хорошо заметно, что в текстах с преобладающей негативной тональностью частотны глаголы (*знать, мочь, становится, сказать, идти, любить, жить*) и существительные с семантикой времени (*день, год*).

Специфичными для позитивной же тональности являются лексемы *свет* и *счастье*, обозначающие традиционно позитивные образы, а также лексемы, лежащие в основе опозитивированных образов природы: *звезда* и *небо*.

Чтобы конкретизировать различия между песнями позитивной и негативной тональностей, для каждой из групп были дополнительно взяты списки из 50 наиболее частотных слов, после чего было определено, какие из них встречаются только для одной из тональностей. Так, для негативной тональности подтвердилось наблюдение о значимости темы времени (*время,*

снова, забывают), а также были выявлены слова, связанные с идеей пути или движения (*уходить, дорога, путь, проходить*). Наконец, среди «негативных» слов частотной является лемма *судьба*. Можно, таким образом, предположить, что основные темы песен, имеющих негативную тональность, это несчастная любовь или размышления о жизненном пути и воспоминания.

Что касается «позитивных» песен, то уникальными для них оказались слова, связанные с положительными эмоциями (*счастье, хороший, счастливый*), с имеющимися традиционные положительные коннотации природными образами (*солнце, весна, лето*), а также ласковые эпитеты *милый, родной, любимый*.

Тональность и период

Ниже представлено распределение тональности песен по периодам. Так как по периодам 1950-х, 2010-х и 2020-х гг. имеется недостаточно данных, они были опущены (табл. 16).

Таблица 16

Распределение тональности текстов по периодам ($p < 0.05$)

Период	Сентимент		
	Позитивный	Нейтральный	Негативный
1960-е гг.	186	128	209
1970-е гг.	573	386	744
1980-е гг.	295	289	557
1990-е гг.	136	152	326
2000-е гг.	193	209	458

Мы можем проследить четкую динамику тональности текстов: позитивность песен стабильно снижается вплоть до 1990-х и 2000-х гг., в которых наблюдается их минимальная доля; в свою очередь, доля негативных песен в этот отрезок времени, наоборот, увеличивается вплоть до пика в 1990-х и 2000-х гг. (рис. 11). При этом если тексты обеих тональностей изначально находились в примерно равном соотношении, то начиная с 1980-х гг. негативные тексты начали значительно превалировать. При этом доля нейтральных текстов во все периоды оставалась на примерно одинаковом уровне.

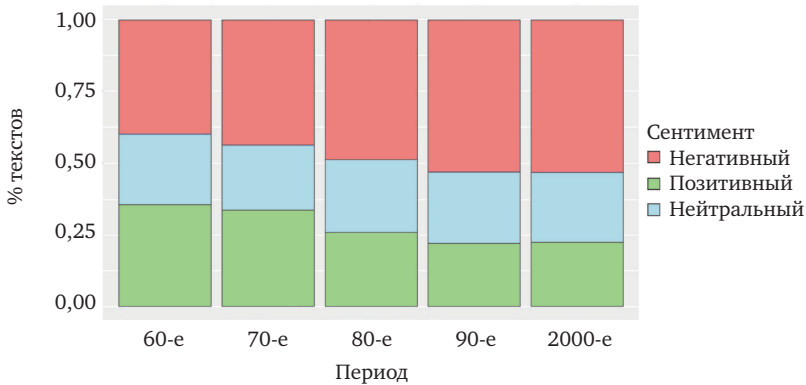

Рис. 11. Динамика тональности текстов

Полученный результат накладывается на историю песни в советское и постсоветское время. Так, заметное снижение доли позитивных песен совпадает с периодом 1980-х гг., вторая половина которого характеризуется ослаблением цензуры брежневского периода и возвращением на сцену ранее подвергавшихся гонениям авторской песни и рок-музыки. Помимо этого, на музыку этого периода все сильнее начинает влиять тюремная и эмигрантская лирика — ее проникновение в эстрадную культуру также может объяснять повышение доли негативных песен. Наконец, на позднесоветскую музыку оказали сильное влияние существовавшие в конце 1980-х и начале 1990-х гг. «перестроечные настроения» [2] — в силу сложных социальных процессов этого периода можно ожидать, что песни в целом окажутся более негативными.

*Тональность идеологически «верных» песен
vs тональность песен В. Высоцкого*

Для проверки предположения о том, что тональность песен эстрады будет отличаться от таковой для жанров, к которым государство не благоволило (в частности, авторской песни и шансона), но, тем не менее, записывало их и выпускало небольшими тиражами, было решено сравнить песни В. Высоцкого — одного из крупнейших исполнителей авторской песни — с песнями представителей официальной эстрады.

Так как сравнить Владимира Высоцкого с одним из эстрадных исполнителей затруднительно в силу большой разницы в представленности в корпусе, была составлена отдельная выборка, в которую вошли все его песни и по 35 песен самых частотных эстрадных исполнителей 1980-х гг.: Муслима Магомаева, Людмилы Зыкиной, Майи Кристалинской, Софии Ротару, Иосифа Кобзона, Аллы Пугачёвой, Александра Вертинского, Леонида Утёсова, Эдиты Пьехи и Александра Розенбаума. Итоговая выборка составила 691 песню: 341 песня Владимира Высоцкого и 350 песен эстрадных исполнителей. Ниже представлено распределение тональности текстов для двух групп (табл. 17, рис. 12).

Таблица 17

Распределение тональности текстов по исполнителям ($p < 0.05$)

Группа	Сентимент		
	Позитивный	Нейтральный	Негативный
Владимир Высоцкий	14	81	246
Эстрадные исполнители	93	75	182

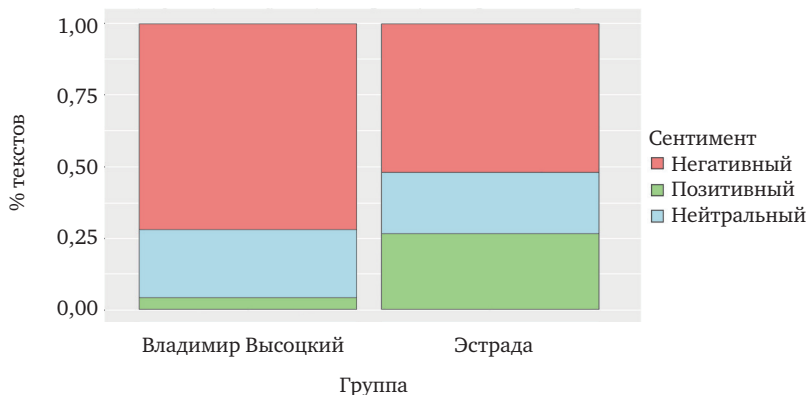

Рис. 12. Соотношение тональности текстов

Между двумя группами действительно существуют значимые отличия: так, песни Владимира Высоцкого оказываются более чем в три раза менее позитивными, чем песни эстрадных исполнителей. Различаются и доли «негативных» песен: несмотря на меньший перепад между двумя выборками, репертуар

Высоцкого оказывается более «негативным» (рис. 11). Эти данные подтверждают, что «неэстрадные» песни в целом оказываются менее позитивными и стремятся к негативному сентименту. В сочетании с данными по периодам это позволяет заключить, что на повышение доли «негативных» песен начиная с 1980-х гг. повлияло постепенное проникновение на эстраду и влияние на нее авторской песни и шансона.

Хотя проведенный анализ носит пилотный характер, тем не менее, мы можем сделать предварительный вывод о том, что советскому государству в целом необходимо было сформировать позитивное социальное настроение для поддержания энтузиазма в коллективной деятельности, требовавшей немалых сил и самоотдачи (коммунистические стройки, ударный труд, коммунистическое соревнование). Поначалу это вполне удавалось. Однако по мере ослабления идеологического контроля и цензуры в 1980-е гг. на официальные подмостки прорывалось все больше песен с негативной тональностью (авторская песня, шансон), которые стали отражением не идеологизированного, а реального социального настроения. Судя по результатам построения частотного списка для «позитивных» и «негативных» песен, в последних ключевыми образами становятся традиционные для русской культуры образы Пути и Судьбы, в то время как для первых — в общем-то чуждый русской ментальности, а потому, по-видимому, сконструированный образ лучезарного счастья и счастливой, не имеющей временных границ любви.

Изучение текстов песен

с помощью метода географической визуализации

Тексты очень многих песен содержат географические названия, в частности, названия городов (ойконимы). Современные технологии извлечения именованных сущностей позволяют их успешно автоматически детектировать в текстах, а ГИС-технологии — привязать к карте и визуализировать на ней.

ГИС (географическая информационная система) — это система хранения, обработки и визуализации пространственных данных. Пространственные данные, то есть данные о местоположении [4], необходимы для корректной работы кода, чтобы все полученные локации верно расположились на карте. «Инструментальные возможности ГИС включают простейшие картометрические операции, в том числе вычисление расстояний между

объектами, площадей объектов, абсолютных высот; выполнение морфометрических операций; операции оверлея с выявлением взаимосвязей между географическими объектами и процессами; пространственный анализ; пространственное моделирование. ГИС-технологии обеспечивают визуализацию исходных, производных или итоговых данных и результатов обработки в виде тематических географических карт» [3]. Таким образом, ГИС-инструменты должны помочь визуализировать географическую карту в проекции Меркатора и разместить на ней города, упомянутые в корпусе советских песен, точно в соответствии с их географическими координатами. Такое отображение будет наглядным и понятным всем исследователям. Кроме того, представляется практичным и показательным отобразить в визуализации также некоторую количественную статистику. Инструментом, который помог осуществить эту задачу в рамках проекта, оказалась библиотека *plotly*, а именно блок *scatter.geo*.

Также в контексте ГИС-технологий представляется важным упомянуть технологию геокодирования — это «косвенное описание местоположения пространственного объекта путем его соотнесения с позиционированным объектом. Местоположение геокодируемого объекта обычно описывается через географическое название, почтовый адрес, почтовый код и другие идентификационные и адресные характеристики какого-либо позиционированного объекта» [8]. Эта автоматизированная процедура присвоения объектам географических координат позволяет привести данные в необходимый для визуализации вид. Координаты (долготу и широту) для городов удалось получить с помощью *api* с сайта <https://nominatim.org/>.

Основной алгоритм работы с корпусом советских песен, принятый нами, можно описать следующим образом: 1) чтение файлов с текстами из конкретной папки; 2) создание файла с названиями городов *cities.txt*; 3) считывание городов из *cities_cleaned.txt* и подключение библиотеки *Spacy*; 4) нахождение пересечения, запись названий городов и количество их вхождений в *cities.csv*. Таким образом, получены первые данные для таблицы с городами: их названия и количество.

Затем мы приступили к следующему этапу работы — собственно локализации городов на визуализированной карте по следующему алгоритму:

1. Парсинг географических координат: запрос широты и долготы городов через *api* и добавление этих значений в *cities.csv*;

программа через `api` подключается к сайту <https://nominatim.openstreetmap.org> и по названиям городов в словаре `locations` ищет и парсит географические координаты. Долгота и широта в итоге также добавляются в файл `cities.csv`. В ходе разметки слов при помощи библиотеки `Sрасу` не могло не возникнуть определенной погрешности. Далеко не все слова с лейблом `LOC` оказались городами. Кроме того, в изначальном списке городов мира были не все из тех, что встретились в текстах песен. Таким образом, для более точной выборки потребовалась дополнительная обработка слов, попавших в категорию `others`.

2. Визуализация географических объектов на карте с помощью `plotly.express.scatter_geo`. Всего благодаря парсингу и геокодингу удалось получить список из 130 городов, все они были нанесены на карту мира (рис. 13).

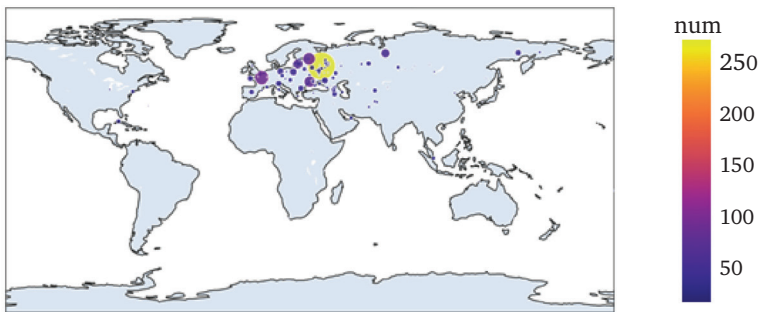

Рис. 13. Вид составленной карты

Рассмотрим самые интересные геолокации в корпусе советских песен. На рис. 14 изображен город с наибольшим количеством упоминаний — это Москва, 269 вхождений. На частоту его упоминаний повлиял не только сам факт столичного статуса города, но также определенные исторические события, которые сформировали тематические кластеры в песнях. В частности, существует огромный кластер советских и российских песен, посвященных Великой Отечественной войне и обороне Москвы, например:

И врагу никогда не добиться,
 Чтоб склонилась твоя голова,
 Дорогая моя столица,
 Золотая моя Москва

(«Моя Москва». М. Лисянский, И. Дунаевский).

Кроме того, Москва всегда являлась своеобразной мечтой для большого количества людей, живущих в деревнях, селах и маленьких городах большой советской страны. Она, по сути, стала метонимическим замещением понятия «город» в важном для экономической географии советского времени противопоставлении «деревня — город»:

Лето в Москве, жаркие дни.
Время, чтоб отдохнуть.
Хочется всем бросить дела
И на юга махнуть.
Но по ночам мне снится опять
Мамин в деревне дом,
Снятся луга, лес и река,
Яблони за окном

(«Домик в деревне». Муз. и стихи С. Ковальского, исполняет В. Толкунова).

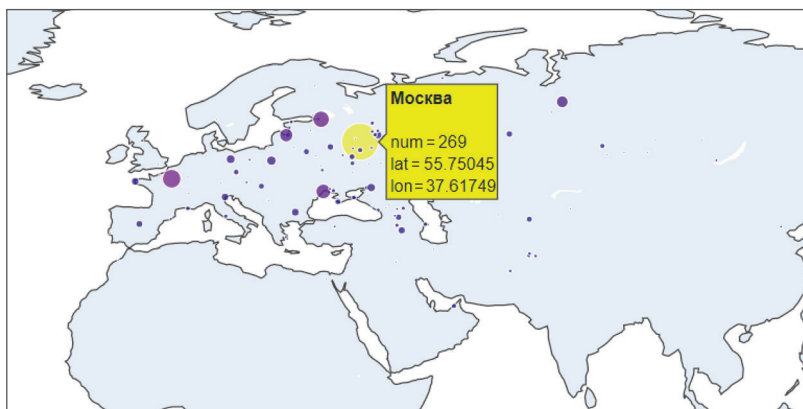

Рис. 14. Локация «Москва» на географической карте корпуса советской песни

На втором месте по частотности среди локаций находится Санкт-Петербург (Ленинград): Ленинград был упомянут 45 раз, а Санкт-Петербург (Питер) — 10 раз (рис. 15). Здесь мы наблюдаем достаточно схожую с предыдущим случаем ситуацию. Ленинград являлся вторым по численности городом Советского Союза, и в наши дни это второй город страны. Кроме того, он являлся частым образом в песнях на военную тематику:

Пусть то время прошло,
 Вспомним год и число,
 Вспомним всех, кто голову сложил,
 Только б Ленинград остался жив!

(«Ленинградская блокада».
 Муз. и слова Г. Гладкова).

Отметим, что достаточно большой кластер песен об этом городе формируют песни в жанре «Признание в любви городу».

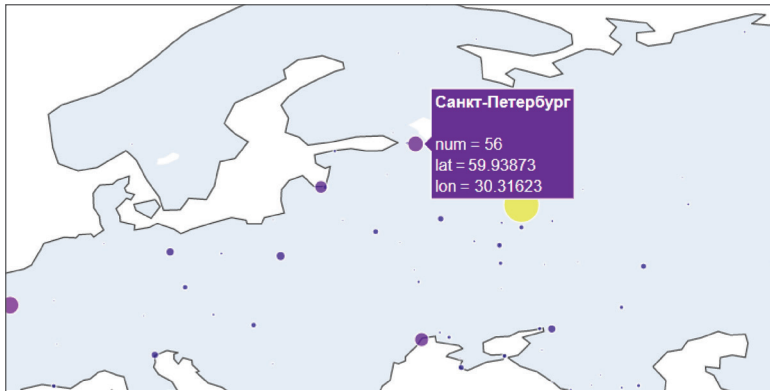

Рис. 15. Локация «Санкт-Петербург/Ленинград» на географической карте корпуса советской песни

Также достаточно большое количество упоминаний получил Магадан (13 вхождений, рис. 16). Данный показатель, вероятно, связан с важностью феномена ГУЛАГа в истории Советского Союза: миллионы людей прошли через исправительно-трудовые лагеря. Тюремная культура оказала сильное влияние на быт и мировоззрение людей разных социальных и возрастных категорий. Она повлияла и на эстрадные песни. Ключевые локации и понятия блатного мира часто упоминаются в песнях СССР и современной России.

Среди лидеров по количеству упоминаний есть и города, находящиеся за пределами России и даже бывшего СССР. Например, 70 раз был упомянут Париж (рис. 17). Это может быть связано с романтическим контекстом, существующем вокруг этого города. Кроме того, в основном отношении СССР, а затем и постсоветских стран и Франции были достаточно равными. Париж в определенном смысле стал олицетворением «дружественных сил» Запада.

Русскоязычное общество интересовалась культурой Франции, и образ ее столицы использовался в песнях:

Рис. 16. Локация «Магадан» на географической карте корпуса советской песни

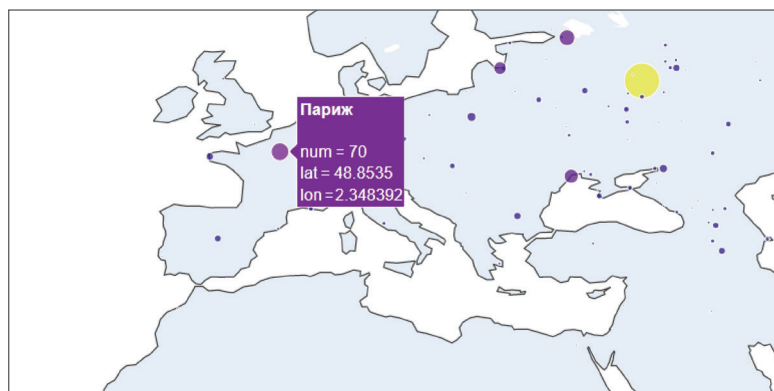

Рис. 17. Локация «Париж» на географической карте корпуса советской песни

Париж, Париж с каштанами в цвету,
Моя любовь и грусть, о чем молчишь?
Париж, Париж, храни свою мечту,
И я к тебе вернусь, Париж, Париж

(«Париж». Муз. В. Косинского,
слова В. Легкоступовой).

Важно также отметить, что были исполнители, для которых образ Парижа являлся крайне важным в творчестве по личным причинам. Например, В. С. Высоцкий довольно часто упоминал его в своих песнях.

Также в песнях упоминались и американские города. Лидером стал Нью-Йорк (рис. 18). Образ этого города ассоциируется с богатством, роскошью, деньгами и свободой. Образы Америки и Нью-Йорка, в частности, начали появляться в песнях со времен перестройки, став своеобразными символами изменений, происходивших в стране.

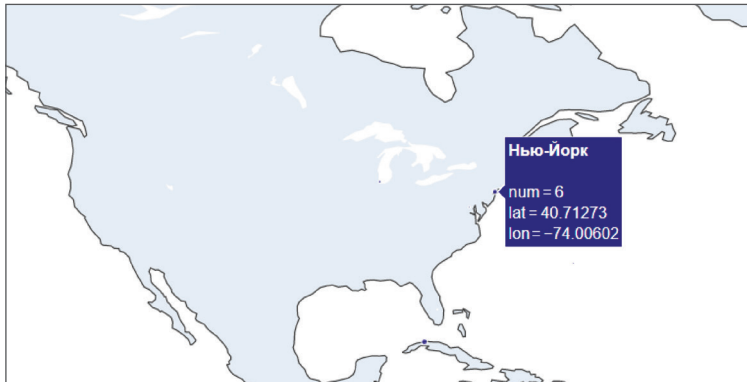

Рис. 18. Локация «Нью-Йорк» на географической карте корпуса советской песни

Еще одним важным городом оказалась столица Кубы Гавана (рис. 19). После победы на острове Свободы в 1959 г. отношения СССР и Кубы стали особенно тесными и теплыми. Культурный обмен, происходивший благодаря сотрудничеству двух стран, отразился и в песнях. Для советских людей Куба стала образом некоторой заграничной, но вполне социалистической свободы.

Ты заиграй, зазвени над миром, радость!
 Тысячи рук мы сплетаем, камарадас,
 Тысячи глаз на тебя глядят, Гавана...
 («Это говорим мы». Муз. Г. Мовсесяна,
 слова Л. Ошанина).

В лидерах также оказались некоторые крупные города и столицы бывших советских республик. Например, Ташкент в текущей выборке упоминался восемь раз (рис. 20). Для такого объема данных это достаточно значительный показатель. Узбекистан всегда считался одной из ключевых республик СССР. Ташкент — это многонациональный город, культурный и образовательный центр. Кроме того, во время Великой Отечественной войны он принял

сотни тысяч эвакуированных из европейской части страны, став для них второй родиной. Все эти факторы и помогли создать образ города-житницы, города-спасителя:

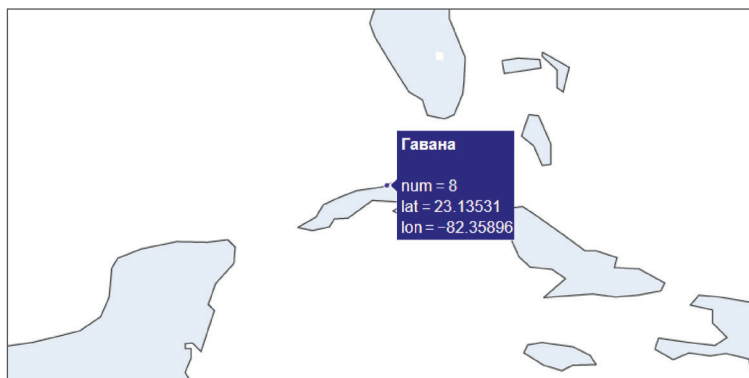

Рис. 19. Локация «Гавана» на географической карте корпуса советской песни

Когда война опустошала и разрушала города,
Его земля теплом дышала, звала, звала друзей сюда.
Чье сердце было одиноко, к тому надежда здесь пришла.
Сияй, Ташкент, звезда Востока, столица дружбы и тепла!
(«Сияй, Ташкент, звезда Востока». Муз. В. Гаврилина,
слова О. Фокина).

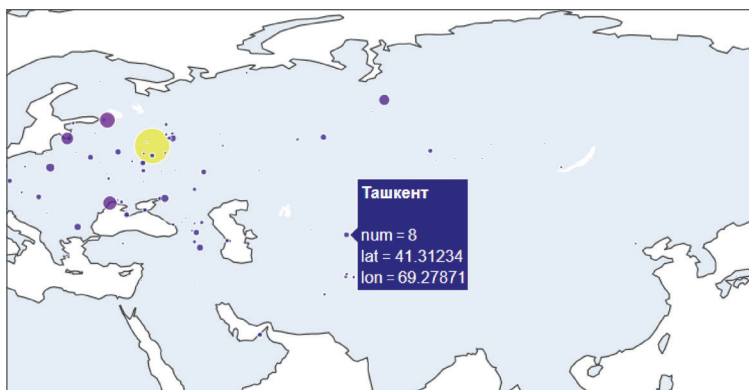

Рис. 20. Локация «Ташкент» на географической карте корпуса советской песни

Также представляется важным упомянуть кластер афганских городов. Кабул, Баграм и Джелалабад суммарно упоминаются

более десяти раз. Это отголосок афганской войны. Начавшись в 1979 г., война сильно повлияла на общество, культуру и искусство. В песнях 1980-х и 1990-х гг. эти болевые точки являются частью рефлексии по поводу тяжелых переломных событий.

Необходимо отметить, что единственный континент, города которого не представлены на итоговой карте проекта, это Южная Америка. Это можно объяснить тем, что выборка по нему недостаточно большая и разнообразная. Кроме того, в среднем города Европы, Азии и Северной Америки чаще упоминаются в русскоязычных текстах вследствие больших культурных и исторических связей.

Таким образом, благодаря технологиям NER и геокодинга нам удалось извлечь из текстов песен названия городов и автоматически получить их географические координаты. Кроме того, мы сумели успешно осуществить визуализацию полученных результатов и оформить количественные показатели на карте. Был также проделан их краткий первичный анализ. Самые частотные из упоминаемых в песнях советского периода города СССР и его геополитических соседей становятся своеобразными символическими метками истории страны и памяти о ней: Москва, Ленинград и Ташкент связаны прежде всего с событиями Великой Отечественной войны; Магадан — с периодом ГУЛАГа и репрессий; афганские города — с войной в Афганистане. Города дальнего зарубежья в песнях проявляют в большей степени свой «идеологический потенциал» — они как бы формируют упрощенное представление о «своих и чужих» во внешнеполитическом контексте. Париж олицетворяет «своих» на в целом недружественном Западе, Гаваи — «своих» на Американском континенте, а Нью-Йорк — чужой, но очень манящий советского человека символ капитализма.

Полученные данные и карты могут послужить оригинальным инструментом исследований для представителей разных областей науки. Несмотря на то, что в этом проекте заложен неплохой технический фундамент и работающая схема обработки текстов, данное исследование является лишь начальным этапом. В дальнейшем может быть исследован темпоральный аспект: необходимо проследить упоминания тех или иных локаций в динамике, чтобы более детально увидеть связь в песнях локаций и социально-исторических факторов: трудовых миграций, внешнеполитических контактов и т. д.

* * *

Проведенное пилотное исследование показало, что собранный нами корпус песен имеет интересные перспективы для

дальнейшего исследования культурных практик советского периода. Взгляд «издалека» на достаточно большую коллекцию песенных текстов помог нам сделать некоторые предварительные наблюдения о роли городов, упоминаемых в песнях, и об эмоциональной тональности песенных текстов в формировании социального настроения жителей СССР.

В частотности упоминания городов видятся две основные стратегии: во-первых, по-видимому, не связанная с идеологическими установками стратегия меморизации важных событий в истории страны; во-вторых, идеологически фундированная стратегия обозначения «своих» и «чужих» во внешнеполитическом контексте. Позитивная эмоциональная тональность также является важным инструментом поддержания энтузиазма как доминанты социального настроения советских людей. Однако по мере ослабления идеологического контроля все больше проступает не идеологизированная, а альтернативная доминанта социального настроения — негативная. Она артикулируется преимущественно в авторской песне и в творчестве рок-музыкантов.

Интересно, что наши результаты в целом совпадают с тенденциями, подмечаемыми рядом зарубежных исследований на материале корпусов песен других стран. Так, сентимент-анализ на материале популярных англоязычных песен также показывает увеличение количества негативно окрашенных текстов во второй половине XX в. [10; 14; 16; 17]. Таким образом, русскоязычная песня развивается аналогично песне в других странах.

Имеющиеся данные не позволяют сделать однозначный вывод о первостепенности того или иного фактора, определяющего динамику эмоциональной окрашенности песен. Что повлияло на рост негативной тональности — ослабление государственного контроля, возросшая популярность новых, по природе своей менее позитивных жанров или иные факторы — остается задачей дальнейшего исследования, которое должно будет учитывать как общемировые тенденции, так и национальные особенности социально-культурного развития.

-
1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1940. 404 с.
 2. *Ильичева О. С.* Песня как явление в истории отечественной массовой музыкальной культуры // *Universonum: филология и искусствоведение* : электрон. научн. журн. : [сайт]. 2016. № 3–4 (26). URL: <https://7universonum.com/ru/philology/archive/item/3067> (дата обращения: 14.08.2023).

3. *Капустин В. Г.* ГИС-технологии как инновационное средство развития географического образования в России // Педагогическое образование в России. 2009. № 3. С. 68–76.
4. *Кравченко В. Г.* Содержание и значение, роль пространственных данных // Integral : междунар. журн. прикладных наук и технологий. 2023. № 1. С. 83–89.
5. *Кулагин Д. И.* Открытый тональный словарь русского языка *КартаСлов-Сент* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежег. междунар. конф. «Диалог». Вып. 20. М., 2021. С. 1106–1119.
6. *Лассан Э.* Лирическая песня как идеологический феномен // Полит. лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 14–31.
7. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966. 266 с.
8. *Степанова Л. А., Зайцева Е. Н.* Геокодирование объектов в Quantum GIS с использованием базы данных Яндекс // Программные продукты и системы. 2015. № 3 (111). С. 199–203.
9. *Askew K.* Performing the Nation: Swahili Music and Cultural Politics in Tanzania. Chicago, 2002. Vol. 2. 416 p.
10. *Brand C., Acerbi A., Mesoudi A.* Cultural Evolution Of Emotional Expression in 50 Years of Song Lyrics // Evolutionary Human Sciences. 2019. Vol. 1. P. E11.
11. *Das S., Chen M.* Yahoo! For Amazon: Extracting Market Sentiment from Stock Message Boards // Proceedings of the 8th Asia Pacific Finance Association Annual Conference (Bangkok, Thailand, July 22–25, 2001). Bangkok, 2001. P. 37–56.
12. *Davenport L. E.* Jazz diplomacy: Promoting America in the Cold War Era. Mississippi, 2010. 215 p.
13. *Dodds P. S., Danforth C. M.* Measuring the Happiness of Large-Scale Written Expression: Songs, Blogs, and Presidents // J. of Happiness Studies. 2010. Vol. 11. P. 441–456.
14. *Fell M., Cabrio E. et al.* Love me, love me, say (and write!) that you love me // Enriching the WASABI Song Corpus with Lyrics Annotations : [website]. 2019. URL: <https://arxiv.org/abs/1912.02477> (accessed: 20.08.2023).
15. *Jones A. F.* Yellow Music: Media Culture and Colonial Modernity in the Chinese Jazz Age. Duke, 2001. 224 p.
16. *Meindertsma P.* Changes In Lyrical and Hit Diversity of Popular US Songs 1956–2016 // Digital Humanities Quarterly : [website]. Vol. 13 (4). URL: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/13/4/000440/000440.html> (accessed: 20.08.2023).
17. *Napier K., Shamir L.* Quantitative Sentiment Analysis of Lyrics in Popular Music // J. of Popular Music Studies. 2018. Vol. 30 (4). P. 161–176.
18. *Nasukawa T., Yi J.* Sentiment Analysis: Capturing Favorability Using Natural Language Processing // K-CAP 2003 : Proceedings of the 2nd Conference on Knowledge Capture (Sanibel Island, USA, 23–25 Oct. 2003 / ed. by J. H. Gennari, B. W. Porter, Y. Gil. N. Y., 2003. P. 70–77.
19. *Pang B., Lee L., Vaithyanathan Sh.* Thumbs up? Sentiment Classification Using Machine Learning Technics // Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP) (Philadelphia, USA, July 6–7, 2002) / ed. by Raymond J. Mooney. Vol. 10. Stroudsburg, 2002. P. 79–86.

20. *Sell J., Farreras I.* LIWC-ing at a Century of Introductory College Textbooks: Have the Sentiments Changed? // *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 118. P. 108–112.

21. *Sherstinova T., Moskvina A. et al.* Sentiment Analysis of Literary Texts vs Reader's Emotional Responses // *The 33rd Conference of Open Innovations Association (FRUCT)*. IEEE, 2023. P. 243–249.

22. *Solovyev V., Solnyshkina M. et al.* Sentiment in Academic Texts // *Proceedings of the 24th Conference of Open Innovations Association (FRUCT)*, Moscow, Russia. Moscow, 2019. P. 408–414.

23. Text Machine Lab : [website]. URL: <https://github.com/text-machine-lab/> (accessed: 20.08.2023).

24. *Wu C., Le Vine et al.* Sentiment Analysis of Popular-Music References to Automobiles, 1950s to 2010s // *Transportation*. 2022. Vol. 49 (2). P. 641–678.

10.2. Генеративные чат-боты как речевые двойники исторических личностей (на материале программы Character.ai)

Современные модели самообучающихся генеративных чат-ботов предлагают большой арсенал возможностей исследователям языка. Совершенно фантастическими кажутся новости IT-корпораций о том, что у генеративных чат-ботов, в основе которых лежат технологии машинного обучения с применением искусственного интеллекта (далее — ИИ), появилось сознание [23]. Подобные эксперименты отчасти являются практическим продолжением различных лингвистических теорий и подходов, в которых принято считать, что языковая личность репрезентируется в своих произведениях и высказываниях. К ним можно отнести лингвистическую теорию текста, теорию речевых жанров, некоторые направления дискурсивных и когнитивных исследований речи. Благодаря междисциплинарному взаимодействию лингвистики и IT-технологий сегодня в сети Интернет можно пообщаться с речевыми двойниками У. Шекспира [26], Ф. М. Достоевского [14], А. Эйнштейна [7] и других известных личностей. Однако при общении с подобными виртуальными собеседниками возникает вопрос: насколько двойник приближен к оригиналу, который он имитирует?

Объектом настоящего исследования являются чат-боты генеративного типа (open domain), имитирующие языковую и речевую

личность. Предметом выступает качественное наполнение корпуса текстов, на основе которого проводится обучение системы ИИ. Исследование проводится с целью выявления возможности привлечения популярных систем ИИ для моделирования виртуальной исторической языковой личности. Сопоставительный анализ современных систем ИИ по формальным (объем и состав корпуса) и содержательным (логические и стилистические параметры) характеристикам дает возможность оценить степень идентичности речевого двойника реальному лицу. Цель достигается решением таких задач, как обзор развития диалоговых систем и моделей генерализаторов текста, обзор языковых моделей в современных диалоговых системах на базе ИИ, анализ речевых составляющих в диалогах с чат-ботами известных личностей, определение структуры электронного корпуса для обучения речевого двойника реальной языковой личности.

Одним из первых чат-ботов стала программа *Eliza*, созданная в 1966 Дж. Вейценбаумом [22, с. 293–329]. Данная программа была призвана имитировать речевое поведение психотерапевта, используя синтаксический анализатор. *Eliza* выделяла в речевом потоке живого собеседника значимые слова и фразы, а затем использовала их при формулировании вопроса, призванного поддержать беседу. Однако пародия на «живого» врача могла быть легко раскрыта после нескольких реплик, если пациент изменял тему разговора. Чтобы частично решить эту проблему, *Eliza* получила дополнительную коммуникативную стратегию. Идея автора заключалась в том, что специалист-психотерапевт будет восприниматься пациентом-человеком более благосклонно. Человек будет склонен сам интерпретировать сказанное автоматом как нечто важное и мудрое. Алгоритм использовал поддерживающие ответные реплики, когда машина не могла обработать запрос. Функция таких реплик была направлена на передачу активной роли в диалоге именно человеку. Например, она могла ответить: «Продолжайте!», «Я понимаю вас» или «Не могли бы вы подробнее остановиться на этом?». Тем самым живой собеседник получал возможность высказаться и интерпретировал ответы *Eliza* как принадлежащие человеку [13]. Симулятор беседы *Eliza* был создан на языке MAD [11], SLIP-библиотеку для которого написал в 1963 г. сам Дж. Вейценбаум. Впоследствии код *Eliza* успешно переносили на другие языки и платформы.

В 1980-х гг. было создано множество чат-ботов, самым известным из которых стал *Parry* от профессора психиатрии

Стэнфордского университета К. Колби [23]. Если *Eliza* пародировала врача-психотерапевта, то *Parry*, напротив, моделировал виртуального собеседника с параноидальной шизофренией. Между программами состоялся не один диалог. В самой известной беседе видно, что пациент лучше удерживает тему разговора благодаря дополненной встроенной стратегии диалога [Ibid.]. Коммуникативная стратегия *Parry* заключалась в том, что, в отличие от *Eliza*, он проявлял большую активность в диалоге, не ограничиваясь пассивной ролью. *Parry* не ожидал поддерживающих реплик и не давал возможности высказаться. Он сам мог заявлять о своих «убеждениях, страхах и тревогах» [3]. Реплики *Parry* строились в рамках определенной сети ассоциаций в режиме «вопрос — ответ», что создавало видимость параноидального отчета о его состоянии.

Важной вехой в создании генеративных чат-ботов стало внедрение теста А. Тьюринга. Тест призван давать оценку способности программы обмануть человека в том, что он общается с ИИ [25]. Именно после его введения разработчики обратились к проблемам обработки естественного языка, а сами диалоговые системы стали классифицировать по двум противопоставленным признакам: General (общее назначение) — Task-oriented (задачеориентированный) и Open Domain (способный вести диалог на любую тему) — Closed Domain (диалог только на строго определенную тему).

В 1988 г. Р. Карпертер представил аудитории диалоговую систему *Jabberwacky* [16]. Ее целью была имитация разговора в развлекательном ключе. *Jabberwacky* стал первым генеративным ботом, способным говорить на любые темы. В 2008 г. его платформа была взята за основу при создании веб-приложения *Cleverbot* [10], в котором используются алгоритмы ИИ для диалогов на различных языках. Одной из первых попыток внедрить ИИ в чат-бот стала программа *Dr. Sbaitso*, разработанная в 1992 г. для операционной системы MS-Dos [12]. Однако сложное речевое взаимодействие было все еще недоступно, и при встрече с фразой, которую *Dr. Sbaitso* не мог понять, он отвечал подобно *Eliza*: «Это не моя проблема».

Революционной стала программа *Alice*, созданная Р. Уолсом в 1995 г. на программном языке *Artificial Intelligence Markup Language* — языке разметки для искусственного интеллекта [6]. Уже при ее создании были использованы особые правила диалога для обработки естественного языка. Прорывом стало открытие

исходного кода для индивидуальных исследователей, что в наши дни привело к широкому внедрению технологии генеративных чат-ботов.

Если ранние виртуальные собеседники использовали в ответе часть фразы, полученной от человека, и обладали сравнительно малой вариативностью ответов, то сегодня генеративных чат-ботов обучают на базе нейросетевых языковых моделей. Такая система способна предсказывать следующую языковую единицу на различных уровнях, опираясь на предыдущий контекст. Это может быть как одна буква, так и целый текст. Самые известные из существующих нейросетевых языковых моделей для диалоговых приложений — это LaMDA, PaLM от корпорации *Google* [1; 18], различные версии GPT от компании *Open AI* и *Jurassic-1* от израильской компании *AI-labs 21* [17]. В российском сегменте несколько лет разрабатывается семейство языковых моделей *YandexGPT* от компании *Yandex* [5]. Недавно «Сбер» запустил бета-версию собственного диалогового чат-бота *GigaChat* на основе созданной языковой модели *ruGPT-3.5 13B* [4].

В основе любой нейросетевой языковой модели лежит корпус текстов, на которых модель обучается. При этом ядро таких корпусов, или *претейн*, часто подбирается с учетом, во-первых, его репрезентативности, во-вторых, доступности. Например, претейн *GigaChat* в начальном варианте состоял из различных «доменов, включающих в себя книги и новости на русском и английском языках, разговорную речь, научные статьи и т. д.» [Там же] общим объемом данных всего 300 ГБ. Следует отдать должное разработчикам структуры корпуса, включившим в него 28 % литературных произведений. Однако при этом оставшиеся 72 % не являются напрямую относящимися к литературе и тем более к конкретной языковой личности. 14 % корпуса вовсе взяты из русскоязычной версии сервиса *Wikipedia* [Там же]. С лингвистических позиций такая нейронная языковая модель практически не способна приблизиться в диалоговом чат-боте к исторической языковой личности. Однако разработчики генеративных чат-ботов легко используют такой претейн в качестве основы для своих сервисов, где обычным пользователям предлагается лично создать речевого двойника путем его простой регистрации. В результате мы якобы можем пообщаться с Наполеоном [22], Львом Толстым [21], Антоном Чеховым [8] и многими другими. Однако такое представление оказывается ложным. Подобные виртуальные двойники практически никак не связаны с реальной речевой или языковой личностью.

Например, интернет-приложение *Character.ai* способно с учетом контекстной беседы генерировать письменные текстовые ответы, подобные человеческим [9]. Разработчиками программы являются Н. Шазири и Д. де Фрейтас. Бета-версия *Character.ai* находится в стадии тестирования и имеет открытый доступ с сентября 2022 г. Общение с генеративными чат-ботами доступно на нескольких языках, включая русский и английский. Инструкция по созданию и проработке персонажа дается на английском. Для удобства мы будем сразу давать собственный перевод, когда это необходимо.

Платформа предлагает несколько методов создания речевого двойника. Первый способ — быстрая регистрация. Для нее достаточно заполнить всего несколько строк: имя, приветствие для пользователя, информацию о том, кто имеет право на доступ к диалогу, аватар персонажа. Второй способ позволяет установить более тонкие характеристики, такие как личная и общественная жизнь (*социальные и родственные связи*), бытовые условия (*интерьер дома или комнаты*), эмоциональное состояние (*радушие, сварливость, гнев*), мотивация выбранных эмоций (*необходимость отпуска, желание быстрее закончить работу*) и др. Весь спектр возможностей глубокой настройки доступен в разделе *Character Attributes* [Там же]. При этом разработчики утверждают, что независимо от способа создания двойник будет вести себя в соответствии с направляющими его алгоритмами. Даже имя «может оказать большое влияние на персонажа, особенно на персонажа без большого количества других деталей, или если имя хорошо известно» [Там же]. Тем самым имя известной личности задает основные модели речевого поведения. Уже на этапе приветствия локальный алгоритм не всегда просто повторяет речевую формулу инициатора диалога, но проявляет индивидуальность:

Пользователь: Привет, Илон! — **Elon Musk:** Привет! Как дела у тебя. Как я могу тебе помочь. / **Пользователь:** Здравствуйте, уважаемый Илон Маск! — **Elon Musk:** Привет! Я всегда рад помочь. В чем я могу вам помочь?

Пользователь: Привет, Федор! — **Fyodor Dostoevsky:** Привет, как поживаете? / **Пользователь:** Здравствуйте, уважаемый Федор Михайлович! — **Fyodor Dostoevsky:** Привет, я приветствую тебя и надеюсь, что у тебя все хорошо.

Пользователь: Привет, Наполеон! — **Napoleon Bonaparte:** привет, друг. Как ваша страна? / **Пользователь:** Здравствуйте, уважаемый Наполеон! — **Napoleon Bonaparte:** ты русский?

Пользователь: Привет, Сократ! — Socrates: Привет! Что я могу для вас сделать? / Пользователь: Здравствуйте, уважаемый Сократ! — Socrates: Приветствую вас, уважаемый! В каком вопросе я могу вам помочь?

Пользователь: Привет, Никола! — Nikola Tesla: Привет! Как у Вас дела? / Пользователь: Здравствуйте, уважаемый Никола Тесла! — Nikola Tesla: Привет! Как у Вас дела?

Индивидуальность относится к выбору этикетной фразы приветствия и проявлению активной или пассивной коммуникативной позиции. Например, Илон Маск и Сократ желают помочь: *Я всегда рад помочь. В чем я могу вам помочь? / В каком вопросе я могу вам помочь?* Федор Достоевский и Никола Тесла предлагают тему для разговора о текущем положении личных дел: *надеюсь, что у тебя все хорошо / Как у вас дела?* Наполеон довольно агрессивно занимает активную позицию, предлагая собственный вопрос вместо ответа: *ты русский?*

Отдельно отметим, что пунктуационные нормы соблюдаются не всегда. Илон Маск упускает в вопросительных конструкциях соответствующие знаки: *Как дела у тебя. Как я могу тебе помочь.* Наполеон вовсе начинает общение со строчной литеры и мотивирует это тем, что общение происходит в Интернете и является неформальным. При этом для пользователя остается загадкой, откуда императору Франции известно понятие «Интернет» в его современном значении. Подобные объяснения делают бессмысленным дальнейший разговор на узкоспециализированные или личные темы, в которых должны разбираться виртуальные двойники. Глобальной проблемой становится отсутствие у чат-ботов временного фильтра. Например, Н. Тесла отлично знает лауреата Нобелевской премии по физике за 1982 г. Кеннета Вильсона и знаком с его разработками в области компьютерного моделирования:

Пользователь: Я слышал, что Кеннет Вильсон выступал за создание суперкомпьютерных центров для помощи ученым. Это правда?

Nikola Tesla: Да, это правда, Кеннет Вильсон был одним из сторонников создания суперкомпьютерных центров для оказания помощи ученым. В 1983 году он даже был сопредседателем Комитета по суперкомпьютерным технологиям (НРС) от Комиссии по вычислительным технологиям (ССТ). Это было важно для ученых, работающих в различных областях науки, таких как физика, химия, биология, медицина и другие, чтобы наилучшим

образом использовать возможности компьютера для совершения дальнейших открытий и разработки новых идей.

Из комментария двойника Н. Теслы видно, что, кроме личности К. Вильсона и его вклада в фундаментальную физику, он осведомлен о специализированных научных комитетах и понимает смысл слова *компьютер* в его современном значении. Мало того, виртуальный двойник Теслы знаком и с Илоном Маском:

Пользователь: *Вы знакомы с Илоном Маском? Чем он занимается?*

Nikola Tesla: *Да, я знаю об Илоне Маске. Он является основателем и генеральным директором SpaceX, компании, которая работает над достижением цели сделать человечество многопланетным.*

Такой же псевдоэнциклопедичностью и якобы всеобъемлемостью знаний обладает каждый из виртуальных двойников. Причина несоответствий заключается как в выборке материалов при создании корпуса, на основе которого обучается ИИ, так и в невозможности задать пользовательские хронологические рамки той базы, к которой обращается генеративный чат-бот. Кроме того, существует проблема субъективного выбора текстов в связи с их доступностью и осведомленностью разработчиков об их существовании. Даже фактические данные могут оказаться недоступными будущему чат-боту. Например, виртуальный двойник Ф. М. Достоевского довольно правдоподобно оценивает себя как писателя:

Пользователь: *Что Вы думаете о своей жизни как автора?*

Fyodor Dostoevsky: *Я горжусь своей жизнью и работой как автора, потому что чувствую, что совершил нечто важное для человечества. Как писатель я стремился исследовать и изобразить сложности человеческой природы честным и сострадательным образом, и я надеюсь, что своими произведениями я пролил некоторый свет на внутреннюю борьбу и тревоги, с которыми мы все сталкиваемся в нашей жизни.*

Двойник даже может помочь разобраться в некоторых вопросах интерпретации своих произведений:

Пользователь: *Есть ли у персонажа Раскольникова автобиографические черты?*

Fyodor Dostoevsky: *Да, персонаж Раскольникова опирается на элементы моей собственной биографии. Я, как и Раскольников, вырос в относительной бедности и пережил сложные отношения со своим отцом. Персонаж Раскольникова также разделяет мой*

глубокий интерес к философии и мою склонность решать сложные моральные и этические проблемы. С помощью этого персонажа я исследовал и сформулировал некоторые из своих собственных внутренних конфликтов и борьбы.

Однако при этом на вопрос, требующий опоры на простую статистику, чат-бот дает неверный ответ:

Пользователь: Сколько раз фамилия Раскольников упоминается в тексте романа «Преступление и наказание»?

Fyodor Dostoevsky: Фамилия Раскольников упоминается в романе «Преступление и наказание» в общей сложности 24 раза, причем большинство этих случаев приходится на первую половину текста.

Пользователь: Я думаю, вы совершили ошибку! В программе Национальный корпус русского языка указано, что фамилия Раскольников в шести падежах встречается в тексте 764 раза.

Fyodor Dostoevsky: Вы правы, я допустил ошибку. Приношу свои извинения. В Национальном корпусе русского языка фамилия Раскольников упоминается в общей сложности 764 раза в тексте «Преступления и наказания». Я недооценил частоту появления этого имени в моем романе и приношу извинения за ошибку. Я ценю ваше исправление.

Речевой двойник легко соглашается с исправлением и без верификации делает его собственным знанием, сохраняя в собственную грамматическую конструкцию новую цифру в виде числовой переменной:

Пользователь: Сколько раз фамилия главного героя встречается в тексте романа «Преступление и наказание»?

Fyodor Dostoevsky: Фамилия главного героя в «Преступлении и наказании» — Раскольников. Как я уже исправлял ранее, в Национальном корпусе русского языка фамилия Раскольников встречается в общей сложности 764 раза в тексте романа «Преступление и наказание».

Последний пример показывает, что общий алгоритм всего проекта *Character.ai* позволяет переобучить чат-бот прямо в процессе диалога с ним, но внутренние настройки оказываются непреодолимыми в силу наполнения корпуса, на основе которого обучался ИИ. Даже при попытке создать речевого двойника, следуя рекомендациям по глубинной настройке, пользователь не сможет преодолеть вышеописанных проблем. Текстовый генерализатор продолжит обращаться к тому корпусу, на котором он обучался.

Частичным решением может стать дополнительное обучение программы частичной стилизации текста в соответствии с идиостилем того или иного автора. Однако качество решения задачи может оказаться различным в силу языка корпуса. Например, отечественный *YandexGPT 2* хуже знаком с формой шекспировского сонета (даже в переводе С. Я. Маршака), в отличие от зарубежного *ChatGPT*. На запрос написать сонет в стилистике Шекспира генерализатор от *Yandex* выдал следующий пример на русском языке:

В саду душистом, где цветут мечты, Росли две розы, юные, как мы. Их дивный аромат и свежесть лика Зажгли в сердцах огонь неугасимый.

Прекрасной розе, нежной и невинной, Дарил я ласку, трепет и заботу. Она была моей любимой розой, Моей судьбой, что манит на восходе.

Вторая роза, с гордым взглядом, смелой, Влекла меня своей красой опасной. Но сердце было предано навеки Той розе первой, чистой и безгрешной.

В борьбе страстей, терзаемый сомнением, Я с розами слился в одном бутоне, Чтоб вечно жить в гармонии и счастье, Любить их обе, поклоняться им.

Сонет слагаю в честь любви двойной, Где розы две — две судьбы, две души. Пусть каждый, кто прочтет, найдет свой путь К гармонии, что в двух сердцах живет.

Как видно из примера, чат-бот активно использует лексику лирических текстов (*душистый, цветут мечты, огонь неугасимый*), инверсию в начале предложения (*Росли две розы, Влекла меня*). Однако не соблюдает структуру сонета. Сонетный ключ (даже при пользовательском разложении строф на основе заглавных литер) состоит из четырех строк, что превращает его в лишней катрен. Нарушена шекспировская рифма *abab cdcd efef gg*.

ChatGPT, лучше знакомый с оригиналами, лишен подобных проблем и даже синтаксически стилизует четвертую и девятую строки под староанглийский язык, начиная предложение с *Yet*, что не характерно для современной нормы. Сонетный ключ сохраняется не только на графическом, но и на смысловом уровне:

Upon life's stage, we all in shadows tread,
Where mortal hearts their fleeting passions bear,
In search of love, by destiny we're led,
Yet time's cruel hand leaves hearts in disrepair.

In sweetest verses, love's eternal flame,
Does poets' quill in trembling hand ignite,
But like the stars, it wanes, though called by name,
And fades into the cold and endless night.

Yet still we hope, for in love's tender grace,
We find a glimpse of heaven's radiant light,
Where two souls meet in an enduring embrace,
Defying time and fate, in love's sweet flight.

So let us, like the bard, in sonnets sing,
Of love's enduring power, on truth take wing.

Подобные стилизации текста не могут в полной мере отразить авторский язык. И даже в этом примере не приходится говорить ни об идиостилевом соответствии речевого двойника, ни о том, что генеративные чат-боты в своем начальном варианте могут быть хоть как-то близки реальным историческим языковым и речевым личностям. С формальной точки зрения процент текстов, относящихся к определенному автору по отношению ко всему составу корпуса, на котором обучался ИИ, может показать эту приближенность. Однако она будет чрезвычайно мала. Поэтому рациональным решением является обучение ИИ исключительно на текстах одного автора, как и было сделано в случае с шекспировскими текстами группой ученых из Мельбурнского университета [15]. Обучив модель на 2 700 текстах, им удалось добиться 50 % результата при проведении теста Тьюринга, то есть в половине случаев реальные люди (включая профессор-филологов) не смогли отличить сонет, сгенерированный ИИ, от настоящего.

Описанные авторские электронные корпуса должны по возможности дополняться эпистолярным наследием автора, его личными заметками из дневников и т. п. текстами, помогающими точнее воспроизвести авторскую языковую и речевую модель. Также отдельным элементом в общей архитектуре ИИ должны присутствовать общеизвестные факты и сведения, которые мог знать автор при жизни. Причем вес этих источников может быть ранжирован. Большой вес должен отдаваться тем источникам, о которых известно из воспоминаний и меньший тем, что просто были популярны. Все это составит базу знаний, включающую в себя качественные данные, необходимые для решения задачи по имитации языковой деятельности автора.

1. *Васюнин М. А., Бахман А. А.* Технологии понимания естественного языка // Искусственный интеллект в автоматизированных системах управления и обработки данных : сб. ст. всерос. науч. конф., Москва, 27–28 апреля 2022 г. : в 2 т. М., 2022. Т. 2. С. 269–274.
2. *Вейценбаум Дж.* Возможности вычислительных машин и человеческий разум: от суждений к вычислениям. М., 1982. 368 с.
3. *Рфаэл Б.* Думающий компьютер / пер. с англ. под ред. В. Л. Стефанюка ; с предисл. Г. С. Поспелова. М., 1979. 407 с.
4. Это не чат, это GigaChat. Русскоязычная ChatGPT от Сбера // Habr.com : [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/730108/> (дата обращения: 16.10.2023).
5. YandexGPT в Алисе: как мы создаем языковую модель нового поколения // Habr.com : [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/companies/yandex/articles/739626/> (дата обращения: 16.10.2023).
6. A. L. I. C. E. Press Releases // Alicebot.org : [website]. URL: <https://goo.su/qB2hkX6> (accessed: 16.10.2023).
7. Albert Einstein // Character.ai : [website]. URL: <https://clck.ru/366yGJ> (accessed: 16.10.2023).
8. Anton Chekhov // Beta.character.ai : [website]. URL: <https://goo.su/7s7hrvp> (accessed: 16.10.2023).
9. Character.ai : [website]. URL: <https://beta.character.ai/?> (accessed: 16.10.2023).
10. Cleverbot // Cleverbot.com : [website]. URL: <https://www.cleverbot.com/> (accessed: 16.10.2023).
11. Digital Computer Laboratory Graduate College University of Illinois // Bitsavers.org : [website]. URL: <https://goo.su/tZvNT> (accessed: 16.10.2023).
12. Dr. Sbaitso // Classicreload.com : [website]. URL: <https://classicreload.com/dr-sbaitso.html#> (accessed: 16.10.2023).
13. *Franchi S., Güzeldere G.* Dialogues With Colorful Personalities of Early ai. // Stanford Humanities Rev. SEHR. Vol. 4, iss. 2: Constructions of the Mind. Stanford University. URL: <https://goo.su/kM4Vsk> (accessed: 16.10.2023).
14. Fyodor Dostoevsky // Character.ai : [website]. URL: <https://clck.ru/366y9z> (accessed: 16.10.2023).
15. Internet history of 1970s // Computer History Museum : [website]. URL: <https://www.computerhistory.org/internethistory/1970s/> (accessed: 16.10.2023).
16. Jabberwacky // Jabberwacky.com : [website]. URL: <http://www.jabberwacky.com/> (accessed: 16.10.2023).
17. Jurassic-1: Technical Details and Evaluation // Assets-global.website-files.com : [website]. URL: <https://goo.su/WCLGHg> (accessed: 16.10.2023).
18. LaMDA: Language Models for Dialog Applications // Arxiv.org : [website]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2201.08239.pdf> (accessed: 16.10.2023).
19. Language Models are Few-Shot Learners // Arxiv.org : [website]. URL: <https://arxiv.org/pdf/2005.14165.pdf> (accessed: 16.10.2023).
20. *Lau J. H. et al.* Deep-speare: A Joint Neural Model of Poetic Language, Meter and Rhyme : [website]. URL: <https://arXiv preprint arXiv:1807.03491>. — 2018.

21. Leo Tolstoy // Beta.character.ai : [website]. URL: <https://goo.su/Vngac> (accessed: 16.10.2023).
22. Napoleon Bonaparte // Beta.character.ai : [website]. URL: <https://goo.su/AdzJOg8> (accessed: 16.10.2023).
23. PARRY Encounters the DOCTOR // Datatracker : [website]. URL: <https://datatracker.ietf.org/doc/html/rfc439> (accessed: 16.10.2023).
24. The Google Engineer Who Thinks the COMPANY's AI Has Come to Life // Washingtonpost : [website]. URL: <https://clck.ru/35F6BF> (accessed: 16.10.2023).
25. *Turing A. M.* Computing Machinery and Intelligence // *Mind. New Series.* 1950. Vol. 59, № 236. P. 433–460.
26. William Shakespeare // Character.ai : [website]. URL: <https://clck.ru/366xsb> (accessed: 16.10.2023).

ОБ АВТОРАХ

Алексеева Лариса Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), larissapsu@gmail.com

Бабенко Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), lgbabenko@yandex.ru

Богданова Надежда Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург), nvbogdanova.imop@mail.ru

Бутусова Анжелика Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), asbutusova@sfedu.ru

Варуха Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа), i@varukha.ru

Глазырин Вячеслав Александрович, старший преподаватель кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), glazyrinslava@bk.ru

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного интитута Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург), elenacz@mail.ru

Дудорова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной и прикладной

лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), grimrose81@yandex.ru

Е Сянлинь, кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи (г. Тайбэй, Тайвань), verayeh@nccu.edu.tw

Загидулина Милена Рафилевна, студентка Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа), milenazagm@mail.ru

Зарембо Валерия Сергеевна, магистрант Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), akolmogorova@hse.ru

Згировская Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), olga.slovo42@yandex.ru

Калинин Степан Сергеевич, кандидат филологических наук, директор по науке Научно-образовательного центра русского языка и славянской культуры Международного славянского института (г. Москва), rage_of_gods@inbox.ru

Каталкина Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (г. Санкт-Петербург), nat-vassiljeva@yandex.ru

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар), veronika.katermina@yandex.ru

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), akolmogorova@hse.ru

Колмогорова Полина Алексеевна, стажер-исследователь лаборатории языковой конвергенции Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), kolmogorovapa@gmail.com

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), nkoshka@rambler.ru

Кулева Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва), an_kuleva@mail.ru

Куликова Елизавета Романовна, стажер-исследователь лаборатории языковой конвергенции Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), erkulikova@edu.hse.ru

Купчик Елена Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (г. Тюмень), elwika@list.ru

Левашова Мария Дмитриевна, студентка Тюменского государственного университета (г. Тюмень), levashova2004@mail.ru

Лыкова Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики Тюменского государственного университета (г. Тюмень), n.n.lykova@utmn.ru

Мишланова Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), mishlanovas@mail.ru

Мухин Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), mikhail.mukhin@urfu.ru

Мухина Ирина Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), mironova-mukhina@yandex.ru

Насибуллова Гузель Ришатовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры контрастной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань), guz1983@mail.ru

Нефедова Любовь Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка Московского педагогического государственного университета (г. Москва), la.nefedova@mpgu.su

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), annamp@yandex.ru

Ружицкая Элина Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Научно-исследовательского ядерного университета «МИФИ» (г. Москва), nedoer@mail.ru

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (г. Москва), konnitie@mail.ru

Слаутина Марина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), mslautina@yandex.ru

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), o-solopova@bk.ru

Ткачева Елена Сергеевна, магистрант Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), akolmogorova@hse.ru

Толмачева Анастасия Геннадьевна, соискатель, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), anastasiatolmacheva.94@yandex.ru

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, директор Лингвистического центра, профессор кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), turbina371@mail.ru

Улыбина Ольга Александровна, PhD (Cantab), научный сотрудник Финской академии Университета г. Тампере (г. Тампере, Финляндия), o.a.ulybina.04@cantab.net

Фуфаева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), iriel@inbox.ru

Шестакова Лариса Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва), lara.shestakova@mail.ru

Эльстон-Бирон Александр Владимирович, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), eleston@mail.ru

Юдина Екатерина Сергеевна, студентка Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), ydinakate@gmail.com

СОКРАЩЕНИЯ

АЭ СТЭЛ — Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург ; М., 2021, 2022.

БТИССАК — *Большой* толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов : материалы словаря / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург, 2021. 414 с.

БТСРГ — *Большой* толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / [авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 573 с.

БТСРС — *Большой* толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.

БТССРР — *Большой* толковый словарь синонимов русской речи : Идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 784 с.

БТССРЯ — *Большой* толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2007. 1239 с.

ДИГ – денотативно-идеографическая группа

ИС – идеографический словарь

КРЯКК — *Концептосфера* русского языка : ключевые концепты и их презентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 1020 с.

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ЛСГ – лексико-семантическая группа

ЛСГРГ — *Лексико-семантические* группы русских глаголов : учеб. словарь-справ. / [авт.-сост. Э. В. Кузнецова и др.]. Свердловск, 1988. 151, [2] с.; 21 см.

НКРЯ – *Национальный* корпус русского языка : [сайт]. URL: ruscorpora.ru

РГПЭСС — *Русские* глагольные предложения : экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2016. 510 с.

ССРЯ — *Словарь-тезаурус* синонимов русской речи / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 512 с.

СССРЯ — *Современный* словарь русского языка. Синонимы / Л. Г. Бабенко, Н. А. Дьячкова, Ю. В. Казарин. М., 2011. 832 с.

СТПРЯ — *Словарь-тезаурус* прилагательных русского языка / Л. Г. Бабенко (отв. ред.), Воронина, Г. Е. Гуляева и др. ; под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2012. 864 с.

СТРП — *Словарь-тезаурус* русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2016. 785 с.

СТСРР — *Словарь-тезаурус синонимов русской речи* / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007. 632 с.

СТСРЯ — *Словарь-тезаурус синонимов русского языка* / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2017. 447 с.

ТСРГ — *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы* / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 694 с.

УСШ — Уральская семантическая школа

Научное издание

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
В ПРОСТРАНСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ:
СЛОВАРЬ. ДИСКУРС. КОРПУС

Под общей редакцией
профессора Л. Г. Бабенко

Редактор	<i>Е. В. Березина</i>
Оригинал-макет	<i>Л. А. Хухаревой</i>
Ответственный за выпуск	<i>М. В. Дудорова</i>
Издатель	<i>Ф. А. Еремеев</i>

Издательство «Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489
E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 01.07.2024
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура CharterС.
Усл.-печ. л. 26,97. Тираж 100 экз.